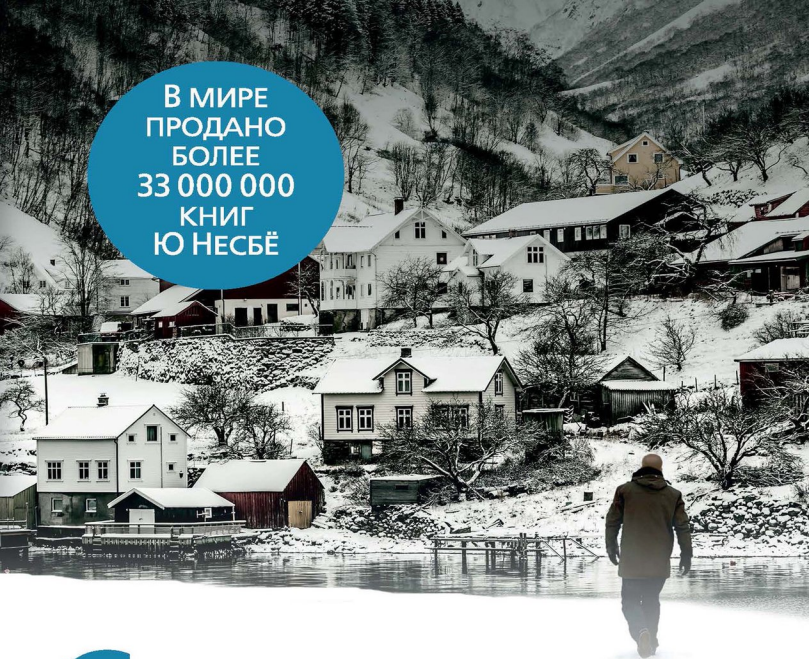

Снеговик

Ю НЕСБЁ

НА ВСЕХ МИРОВЫХ ЭКРАНАХ

Снеговик
Ю. Несбё

Аннотация
Ю Несбё. Снеговик
Часть первая
  Глава 1. Среда, 5 ноября 1980 года. Снеговик
  Глава 2. 2 ноября 2004 года. День первый. Каменные глаза
  Глава 3. День первый. Кошениль
  Глава 4. День второй. Исчезновение
  Глава 5. 4 ноября 1992 года. Тотемный столб
  Глава 6. День второй. Сотовый телефон
  Глава 7. День третий. Невыявленные данные
  Глава 8. День третий. «Лебяжья шея»
  Глава 9. День третий. Дыра
Часть вторая
  Глава 10. День четвертый. Мел
  Глава 11. День четвертый. Маска смерти
  Глава 12. День седьмой. Разговор
  Глава 13. День восьмой. Бумага
  Глава 14. День девятый. Берген
Часть третья
  Глава 15. День девятый. Восьмерка
  Глава 16. День десятый. Кёрлинг

Глава 17. День четырнадцатый. Хорошие новости
Глава 18. День пятнадцатый. Вид из окна
Глава 19. День шестнадцатый. Телевизор
Часть четвертая
Глава 20. День семнадцатый. Солнцезащитные очки
Глава 21. День восемнадцатый. Приемная
Глава 22. День восемнадцатый. Совпадение
Глава 23. День девятнадцатый. Мозаика
Глава 24. День девятнадцатый. Тувумба
Глава 25. День девятнадцатый. Дедлайн
Глава 26. День девятнадцатый. Тишина
Глава 27. День двадцатый. Начало
Глава 28. День двадцатый. Болезнь
Глава 29. День двадцатый. Слезоточивый газ
Глава 30. День двадцатый. Козел отпущения
Глава 31. День двадцать первый. Южный полюс
Глава 32. День двадцать первый. Резервуары
Часть пятая
Глава 33. Среда, 5 ноября 1980 года. Снеговик
Глава 34. День двадцать первый. Сирены
Глава 35. День двадцать первый. Чудовище
Глава 36. День двадцать первый. Башня
Глава 37. День двадцать второй. Папа

Глава 38. Декабрь 2004 года. Лебеди

Аннотация

Поистине в первом снеге есть что-то колдовское. Он не только сводит любовников, заглушает звуки, удлиняет тени, скрывает следы. Годами в Норвегии в тот день, когда выпадает первый снег, бесследно исчезают замужние женщины.

На этот раз Харри Холе сталкивается с серийным убийцей на своей родной земле, и постепенно их противостояние приобретает личный характер. Преступник, которому газеты дали прозвище Снеговик, будто дразнит старшего инспектора, шаг за шагом подбираясь к его близким…

Ю Несбё
Снеговик

Часть первая

Глава 1
Среда, 5 ноября 1980 года. Снеговик

В тот день выпал снег. В одиннадцать утра огромные хлопья неожиданно повалили с бесцветного неба — будто вражеская армада из параллельного мира без боя захватила участки, садики и газоны Румерике. В два часа на Лиллестрём уже работали снегоуборочные машины, а когда в половине третьего Сара Квинесланн медленно и осторожно вела свою «тойоту-короллу» между виллами по улице Колловейен, на окрестных холмах пуховым одеялом лежал ноябрьский снег.

При свете дня дома казались ей незнакомыми, так что она даже проехала мимо въезда в его гараж. Сара резко затормозила, машина заскользила, и с заднего сиденья раздался вскрик. В зеркале показалась недовольная физиономия сына.

— Я недолго, дружок, — сказала она.

Перед гаражом на белом снегу чернел большой прямоугольник асфальта. Она догадалась, что тут был припаркован соседский автомобиль. У нее

перехватило горло: только бы не опоздать!

— А кто здесь живет? — спросил мальчик.

— Да так, один знакомый, — ответила Сара и машинально поправила прическу, глядя в зеркало. — Меня не будет минут десять, дружок. Я оставлю ключи, если хочешь, послушай радио.

Не дожидаясь ответа, она вышла и засеменила в скользких туфлях к двери, через которую множество раз входила и выходила, но никогда вот так, средь бела дня, под любопытными взглядами из окон соседних коттеджей. Внутри дома, словно шмель в банке с вареньем, прожужжал звонок. С нарастающим отчаянием она ждала, посматривая в ближайшее окно, в котором отражались черные голые яблони, серое небо и белые, будто залитые молоком, окрестности. Услышав наконец шаги за дверью, Сара с облегчением вздохнула и в следующее мгновение бросилась к нему в объятия.

— Не уезжай, любимый, — взмолилась она, еле сдерживая рвущиеся из груди рыдания.

— Мне надо, — ответил он тоном, каким повторяют до смерти надоевший припев.

Его руки нащупывали знакомые тропы — тропы, по которым он никогда не уставал бродить.

— Нет, тебе не надо, — прошептала она ему на

ухо. — Ты сам хочешь уехать. Тебе тут скучно.

— Ну уж с тобой-то мне не бывает скучно…

Она уловила в голосе недовольство, хотя его руки, сильные и мягкие, тем временем скользили по ее коже, вниз по пояснице, забираясь под юбку, в колготки. Он и Сара были как опытная пара танцоров, чувствующих малейшее движение друг друга, дыхание, ритм. Вначале белый прекрасный пламень — любовь. Затем черный — боль.

Его руки приподняли ее пальто, потянулись под толстой тканью к соскам. Он обожал ее соски, подолгу ласкал — может, оттого, что у него их вообще не было.

— Ты припарковалась перед гаражом? — спросил он и с силой ущипнул их.

Она кивнула и почувствовала, как боль будто выпустила ей в голову стрелу желания. Ее лоно распахнулось навстречу его пальцам, которые вот-вот окажутся там.

— Да. Мальчик ждет в машине.

Его руки замерли.

— Он ничего не знает, — простонала она, почувствовав, что его руки медлят.

— А твой муж? Он где?

— Где он может быть? На работе, конечно.

Теперь уже в ее голосе звучала досада. Потому что он впутал в разговор ее мужа, а она сло́ва о нем не могла сказать не раздражаясь. А еще потому, что ее тело требовало его немедленно. Сара Квинесланн расстегнула молнию на его брюках.

— Не надо… — начал он и схватил ее за запястье. Но тут она сильно ударила его другой рукой.

Он изумленно посмотрел на нее, а на скуле уже расплывалось красное пятно. Она вцепилась в его густые черные волосы и притянула его лицо к своему.

— Тебе придется уехать, — прошептала она. — Но сначала тебе придется трахнуть меня, понятно?

Она чувствовала его дыхание на своем лице. Теперь его было не остановить. Она еще раз ударила его свободной рукой, и его член начал набухать в ее ладони.

Он все еще двигался резко и сильно, но она уже кончила. Она оцепенела, волшебство исчезло, напряжение спало, и к ней вновь подступило отчаяние. Ей его не хватало. Даже теперь, когда он был рядом, ей его не хватало. Не хватало всех этих лет, что она провела в тоске, всех слез, что выплакала, всех тех отчаянных поступков, которые он заставлял ее совершать. Не давая взамен

ничего. Ничего абсолютно.

Стоя с закрытыми глазами у края кровати, он продолжал свое дело. Сара взглянула на его грудь. Она долго не могла привыкнуть, но потом ей даже стала нравиться эта абсолютно гладкая белая кожа, обтягивавшая грудные мышцы. Она напоминала ей древние статуи, у которых, в угоду всеобщей стыдливости, тоже не было сосков.

Его стоны становились все громче. Она знала, что он вот-вот кончит с яростным рычанием. Ей нравилось, когда он так рычал. И это вечно удивленное, охваченное экстазом, почти болезненно искаженное лицо — будто оргазм каждый раз превосходил самые смелые его ожидания. Теперь она просто дожидалась его финального рыка — прощального мычания в холодной коробке его спальни, где рябило от фотографий, гардин, ковров. Скоро он оденется и уедет на другой конец страны, туда, где, по его словам, он получил деловое предложение, от которого не мог отказаться. Зато вот от этого он сможет отказаться. От этого. И все равно будет рычать от наслаждения.

Она закрыла глаза. Но рычания не последовало. Он остановился.

— Что случилось? — Сара открыла глаза.

Его лицо было перекошено. Но не от насла-

ждения.

— Рожа, — прошептал он.

Она вся сжалась:

— Где?

— Там, за окном.

Окно располагалось у изголовья кровати, прямо над ее головой. Она выгнулась и почувствовала, как он, уже опавший, выскользнул из нее. Окно было слишком высоко, так что лежа она не сумела ничего увидеть. И слишком высоко, чтобы кто-то мог заглянуть снаружи.

— Это было твое лицо, — произнесла она почти умоляющим тоном.

— Я тоже так сначала подумал, — отозвался он, продолжая смотреть в окно.

Сара встала на колени, взглянула. И там… там точно было чье-то лицо.

Она громко рассмеялась от облегчения. Лицо было белое, рот и глаза выложены черными камушками, подобранными, очевидно, на обочине дороги. А руки сделаны из яблоневых веток.

— Господи, — прошептала она, — да это же просто снеговик!

Смех перешел в слезы, она беспомощно разрыдалась и тут же почувствовала, как его руки обнимают ее.

— Мне пора, — всхлипнула она.

— Побудь еще немного, — попросил он.

И она побыла еще немного.

Подходя к гаражу, Сара бросила взгляд на часы: прошло уже почти сорок минут.

Он обещал позванивать время от времени — всегда был большой мастер по части обещаний, и теперь она была этому даже рада. Сквозь запотевшие стекла машины она разглядела смутно белевшее лицо мальчика, который уставился на нее с заднего сиденья. Она рванула дверь и, к своему удивлению, обнаружила, что та закрыта на замок. Сын открыл, только когда она постучалась.

Сара уселась за руль. Радио молчало, в салоне царил ледяной холод. Ключи лежали на пассажирском кресле. Она обернулась: ее мальчик был бледен, а нижняя губа у него дрожала.

— Случилось что-то ужасное? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Я его видел.

В его голосе звучал тоненький, царапающий кожу страх, какого она не помнила с тех самых пор, когда он был совсем маленьким и сидел между ней и мужем на диване перед телевизором, закрывая ладошками глаза. А теперь у него ломался голос, он перестал обнимать ее на ночь,

начал интересоваться автомобильными двигателями и девчонками. Однажды он сядет с одной из них в машину и тоже уедет от нее.

— Кого? — Сара вставила ключ в замок зажигания и повернула.

— Снеговика…

Двигатель молчал, и ее внезапно охватила паника. Как раз то, чего она боялась. Она повернула ключ еще раз, уставившись в лобовое стекло. Может, сел аккумулятор?

— А как он выглядел, снеговик-то? — Она выжимала до отказа газ и поворачивала ключ в замке с такой отчаянной силой, будто хотела его сломать.

Сын ответил, но его слова заглушил рев мотора — машина завелась.

Сара переключила передачу и резко сбросила сцепление, стремясь во что бы то ни стало поскорее убраться отсюда. Колеса забуксовали в свежевыпавшем мягком снегу. Она добавила газу, но машина так и стояла на месте, только задние колеса заскользили вдоль обочины. Но тут покрышки добурились наконец до асфальта, машина рванулась вперед и выехала на дорогу.

— Папа нас ждет, — сказала Сара. — Поехали быстрее.

Она включила радио и выкрутила звук на полную, чтобы салон наполнился хоть какими-то звуками, кроме ее собственного голоса. Диктор новостей в сотый раз сообщил, что этой ночью Рональд Рейган обошел в президентской гонке Джимми Картера.

Мальчик снова что-то сказал, и она взглянула в зеркало.

— Что ты говоришь? — повысила она голос.

Он повторил, но она опять не расслышала, убрала звук и повела машину к главной дороге и реке, которые двумя траурными лентами пересекали окрестности. И вдруг вздрогнула, потому что сын перегнулся к ней между передними сиденьями. Его голос сухим шепотом засвистел прямо у ее уха, как будто он боялся, что их услышат:

— Мы умрем.

Глава 2
2 ноября 2004 года. День первый. Каменные глаза

Харри Холе вздрогнул и открыл глаза. Было холодно, а из темноты доносился голос, который его и разбудил. Он сообщал, что американский народ должен сегодня решить, просидит ли Джордж Уокер Буш еще четыре года в Белом доме. Ноябрь, подумал Харри, встаешь — еще темно, приходишь со службы — уже темно. Он откинул одеяло и опустил ноги на пол. Линолеум был обжигающе холодный. Не выключив радиобудильник, Харри пошел в ванную. Посмотрел в зеркало. И тут ноябрь: смятый, бледно-серый, сумрачный. Веки, как обычно, красные, поры на носу будто большие черные кратеры. Под светло-голубыми глазами, в которых плескался алкоголь, — мешки, но они исчезнут после того, как их обладатель получит горячую ванну, массаж жестким полотенцем и завтрак. По крайней мере, он на это надеялся. Интересно, каким станет его лицо, если он бросит работу? Разгладятся ли морщины, смягчится ли затравленное выражение лица, с которым он

просыпается после ночи, полной кошмарных снов? А ведь у него чуть не каждая ночь такая! Харри довольно долго избегал зеркал, боялся в них заглядывать, но, покидая свою маленькую спартанскую квартирку на Софиес-гате (чтобы, миновав несколько улиц, превратиться в старшего инспектора отдела по расследованию убийств Полицейского управления Осло), все всматривался в лица людей, выискивая их боль, слабости, страхи, причины для самообмана. И пока рылся в нагромождениях их лжи, безуспешно старался понять, зачем он это делает. Для чего пытается разобраться в людях, которые сами даже не пробуют разобраться в себе. За острожной стеной их ненависти он слишком часто распознавал презрение.

Харри попытался рукой пригладить жесткую щетку своих коротко стриженных светлых волос, которая располагалась в ста девяноста трех сантиметрах от замерзших ступней. Ключицы, обтянутые кожей, напоминали клещи. Закончив последнее дело, он много тренировался — кое-кто считал, что чересчур много. Помимо езды на велосипеде, он начал качаться в спортивном зале, находившемся в подвальном этаже здания Полицейского управления. Ему нравилась боль в

мышцах, которая выжигала и вытесняла мысли. Но Сталлоне из него не вышло: он только худел, а мышечная масса не увеличивалась, мускулы залегли прослойкой между скелетом и кожей. Харри по-прежнему был широкоплеч — Ракель недаром называла его «атлет от природы», — но теперь все больше походил на освежеванного белого медведя (он как-то видел картинку: мускулистый, но поразительно худой хищный зверь). Так можно и вообще исчезнуть. Харри вздохнул. Ноябрь. Скоро будет еще темнее.

Он вошел в кухню, выпил стакан воды, чтобы унять головную боль, и удивленно сощурился, глядя в окно: крыша на другой стороне Софиес-гате сверкала белизной, и отраженный свет резал глаза. Ночью выпал первый снег. Харри подумал о письме. Он частенько получал похожие письма, но это было особенным, в нем упоминался Тувумба.

По радио началась программа о природе, чей-то радостный голос рассказывал о тюленях:

— Каждое лето они собираются на побережье Берингова моря и спариваются. Поскольку самцов больше, конкуренция за самок довольно жесткая. Поэтому самец, добившийся самки, остается с ней до следующего брачного периода.

Самец заботится о своей паре, пока появившиеся на свет дети не станут самостоятельными. Впрочем, дорожит самец не самкой, а своими генами и продолжением рода. В рамках теории дарвинизма это означает, что к моногамии тюленя подталкивает естественный отбор и борьба за выживание, а не мораль.

Ну надо же, подумал Харри.

Переполнившись восхищением, голос в радиоприемнике срывался на фальцет:

— Но прежде чем тюлени покинут побережье Берингова пролива и отправятся на поиски пропитания в открытое море, самец часто пытается убить самку. Почему? Да потому, что самка тюленя никогда не станет спариваться дважды с одним и тем же самцом! Она поступает так из соображений равномерного распределения рисков — точно так же, как на фондовом рынке. Промискуитет для нее биологически оправдан, и самец об этом знает. Убив свою самку, самец рассчитывает помешать молодняку других тюленей конкурировать в добыче пищи с его собственными детьми.

— Если уж речь зашла о теории Дарвина, то почему люди поступают не так, как тюлени? — спросил другой голос.

— Именно что поступают! Наше общество — и сейчас, и в прошлом — вовсе не так моногамно, как кажется на первый взгляд. Проведенное в Швеции исследование показало, что от пятнадцати до двадцати процентов детей на самом деле рождены не от того отца, которого они считают своим и который их также полагает родными. Двадцать процентов! То есть каждый пятый ребенок! Каждый пятый рожден во лжи, но при этом — в целях биологического многообразия.

Харри начал крутить рукоятку настройки в поисках сносной музыки. Он остановился на Джонни Кэше, исполнявшем старый хит группы «Eagles» «Desperado».

И тут в дверь громко постучали.

Харри пошел в спальню, натянул джинсы, вернулся в прихожую и открыл дверь.

— Харри Холе? — Человек в рабочем комбинезоне, стоявший в дверях, смотрел на Харри сквозь толстые стекла очков. Глаза у него были чистые, как у ребенка.

Харри кивнул.

— Грибок у вас есть? — серьезно спросил человек.

Наискось через лоб у него была начесана длинная прядь волос — будто приклеенная. Под

мышкой — пластиковый планшет с прикрепленным к нему густо исписанным листом бумаги.

Харри подождал хоть какого-то объяснения, но его не последовало. Человек молча, не мигая смотрел на него.

— Знаете, — сказал Харри, — это все-таки очень интимный вопрос.

Человек выдавил улыбку, ясно показывающую, как ему все это осточертело:

— Грибок в квартире. Настенный грибок.

— У меня нет никаких оснований так думать, — ответил Харри.

— С грибком так всегда. Он редко когда дает такие основания. — Человек почесал висок и покачался на каблуках.

— Но? — поощрил его Харри.

— Но он там есть.

— А почему вы так думаете?

— У ваших соседей грибок есть.

— Ах вот оно что! Вы думаете, он распространился ко мне?

— Настенный грибок не распространяется. Домовый — да.

— Ну и?..

— В вентиляции вашего дома, которая идет вдоль стен, где-то есть дефект конструкции. Из-за

этого разрастается настенный грибок. Можно мне взглянуть на вашу кухню?

Харри посторонился. Человек устремился в кухню, где немедленно приложил к стене оранжевый прибор, похожий на фен для волос. Тот два раза пискнул.

— Измеритель влажности, — пояснил человек и посмотрел на что-то вроде индикатора. — Я так и думал. Вы уверены, что не видели ничего необычного? Не улавливали никаких непривычных запахов?

Харри взглянул на него с недоумением.

— Пятна как на старом хлебе? — вопрошал человек. — Запах гнили?

Харри покачал головой.

— Может, у вас болят глаза? — настаивал человек. — Чувствуете порой усталость? Голова болит?

— Естественно, — пожал плечами Харри. — Сколько себя помню.

— То есть все время, пока тут живете?

— Ну… наверное. Послушайте…

Но человек не слушал. Он достал из-за ремня нож. Мощный удар — раздался стон: это лезвие прошло между листами гипсокартона под обоями. Человек выдернул нож, вставил обратно и

выковырял небольшой кусочек раскрошенного гипса, оставив в стене черную дырку. Потом вынул маленький, размером с авторучку, фонарик и посветил в дырку. Между толстенными стеклами его очков пролегла глубокая морщина. Человек приблизил к дырке нос и потянул воздух.

— Ну точно, — опечалился он. — Здрасте вам.

— Здрасте кому? — переспросил Харри и подошел поближе.

— Аспергиллус, — ответил человек, — семейство настенных грибков. Их триста-четыреста видов, и определить, какой именно, довольно тяжело. Они расползаются тонким слоем за этими прочными панелями. Но запах такой, что ошибки быть не может.

— И что, это плохо? — осведомился Харри и попытался вспомнить, сколько у него осталось на банковском счете, после того как он вместе с отцом оплатил поездку Сестрёныша в Испанию. (Его сестра говорила про себя, что у нее «легкий намек на синдром Дауна».)

— Ну, это не домовый грибок, так что дом, конечно, не рухнет, — по-прежнему не мигая, объяснил человек. — А вот вы можете пострадать.

— Я?

— Он на вас воздействует. Дыша одним воздухом с настенным грибком, можно и заболеть. Вы можете не обращать внимания на недомогание годами, и окружающие будут считать вас просто ипохондриком, потому что грибок обнаружить сложно, а остальные жильцы при этом абсолютно здоровы, поскольку проедает гипсокартон и обои он весьма неравномерно.

— Угу. Что вы предлагаете?

— Покончить с этой дрянью, конечно.

— И сколько мне это будет стоить?

— Расходы оплачиваются из страховки дома, так что вам это не будет стоить ни кроны. Все, что мне надо, — иметь доступ в квартиру в течение нескольких следующих дней.

Харри нашел в кухонном шкафу запасной комплект ключей и протянул их человеку.

— Он будет только у меня, — заверил тот. — Мало ли что. Всякое ведь бывает.

— Неужели? — грустно улыбнулся Харри и посмотрел в окно.

— Что?

— Да ничего, — успокоил его Харри. — Тут все равно красть нечего. Мне пора.

Низкое утреннее солнце сияло во всех окнах Полицейского управления Осло, которое вот уже

почти тридцать лет располагалось на вершине одного из холмов, тянущихся от Грёнланна до Тёйена. Отсюда полицейским — хотя вслух об этом старались не говорить — было рукой подать до самых криминогенных районов, заселенных в основном эмигрантами, да и Байерн, столичная тюрьма, находилась совсем рядом. Здание управления было окружено газоном с бурой, жухлой травой, кленами да липами, которые за ночь покрылись тонким слоем сероватого снега, словно пытавшегося замаскировать непрезентабельность полицейского пейзажа.

Харри прошел по черному асфальту тропинки к главному входу и оказался в центральном холле, где висело фарфоровое настенное панно работы Кари Кристенсена со струящейся по нему водой, которая все нашептывала кому-то о своих неизбывных тайнах. Кивнув охраннику за стойкой, он поднялся на лифте на шестой этаж, в отдел убийств. Полгода назад ему выделили в красной зоне собственный кабинет, но он продолжал заходить в тот, что делил раньше с Джеком Халворсеном, — тесный и без окон. Теперь там сидел Магнус Скарре. А Джек Халворсен лежал в сырой земле на кладбище Вестре-Акера. Родители сначала хотели похоронить его в родном городе,

на севере страны, поскольку Джек и Беата Лённ — шеф криминалистического отдела — не были женаты и даже не жили вместе. Но потом, узнав, что Беата беременна и к лету должна родить от Джека ребенка, согласились похоронить в Осло.

Харри вошел в новый кабинет, который — он точно знал — навсегда останется для него новым. Это примерно как домашний стадион футбольного клуба «Барселона», каковой уже пятьдесят лет по-каталански называется «Камп ноу» — «Новый стадион». Харри опустился в кресло и включил радио, поздоровавшись кивком с фотографиями, которые стояли на полке, прислоненные к стене, а когда-нибудь — когда он наконец не забудет купить шурупы — будут висеть на стене. И Эллен Йельтен, и Джек Халворсен, и Бьярне Мёллер. Так они и стояли — в хронологическом порядке. Dead Policemen's Society — общество мертвых полицейских.

По радио норвежские политики и политологи высказывались об американских президентских выборах. Харри узнал голос Арве Стёпа, владельца популярной газеты «Либерал», известного как самый ловкий, наглый и остроумный «властитель дум» в стране. Харри сделал погромче и взял со стола наручники фирмы «Пирлесс». Искусству

скоростного застегивания наручников, отточенному на ножке стола, здорово разлохматившейся от подобного обращения, он обучился во время стажировки на курсах ФБР в Чикаго и отшлифовал его до совершенства одинокими вечерами в паршивой комнатенке в Кабрини-Грин под вопли ссорящихся соседей и с «Джимом Бимом» в качестве единственного собеседника. Задача заключалась в том, чтобы набросить открытые наручники на запястье арестанта и мгновенно защелкнуть замок. Точность движений и правильное распределение силы позволяло одним простым движением руки крепко приковать к себе арестанта, прежде чем он опомнится. Самому Харри никогда еще не приходилось применять этот прием, и лишь однажды, когда брали серийного убийцу, им воспользовался парень, которому он его показал. Наручник защелкнулся на ножке стола, а голос по радио прожужжал:

— Как вы думаете, Арве Стёп, на чем основывается скептическое отношение норвежцев к Джорджу Бушу?

— На том, что мы — слишком избалованная страна, которая никогда, по сути, не ввязывалась ни в какие войны, предпочитая, чтобы за нас воевали другие: Англия, Советский Союз и США. Ну

а мы со времен Наполеоновских войн прячемся за спины старших братьев. Норвегия строит свою безопасность на том, что, когда приходится туго, ответственность на себя берет кто-то другой. И длится это уже так давно, что мы потеряли чувство реальности и свято верим: на земле живут только те, кто желает нам — самой богатой стране мира — исключительно добра. Норвегия ведет себя как болтливая тупая блондинка, которая вышла прогуляться на задворках Бронкса, а теперь негодует, что ее телохранители так жестоко обращаются с теми, кто на нее напал.

Харри набрал телефон Ракели, единственный, кроме номера Сестрёныша, который он знал наизусть. Когда он был молод и неопытен, то думал, что плохая память — недостаток для следователя. Теперь он точно знал: так оно и есть.

— А под телохранителем подразумеваются США и президент Буш? — спросил ведущий программы.

— Да. Линдон Джонсон сказал однажды, что у США не было выбора, становиться им или нет, учитывая, что больше никто не вызвался. Наш телохранитель — парень из новых христиан с эдиповым комплексом и проблемами с алкоголем, достаточно ограниченный интеллектуально

и морально, чтобы честно нести военную службу. Короче, тот самый парень, которого, к нашей радости, и выбрали американцы себе в президенты.

— Я так понимаю, это ирония?

— Вообще-то нет. Такому слабому президенту нужны будут советники, а в Белом доме они, поверьте, самые лучшие. Если кто-то, насмотревшись этого нелепого телесериала про Овальный кабинет, подумает, что у демократов какая-то монополия на умных людей, то при знакомстве с крайне правым крылом республиканцев он с удивлением обнаружит умы просто величайшие. Безопасность Норвегии в самых надежных руках.

— Подружка моей подружки спала с тобой, — зазвучал в трубке голос Ракели.

— Правда? — удивился Харри.

— Не с тобой, — объяснила Ракель. — Это я Стёпу говорю.

— Пардон. — Харри сделал радио потише.

— В Тронхейме после лекции он пригласил ее в свой номер. Она согласилась, но предупредила, что у нее удалена одна грудь. Он сказал, что ему надо подумать, и отправился в бар. Потом вернулся и увел-таки ее с собой.

— Хм. Надеюсь, его ожидания оправдались.

— Ожидания никогда не оправдываются.

— Точно, — ответил Харри, пытаясь понять, что она имеет в виду.

— Планы на сегодняшний вечер? — спросила Ракель.

— В восемь часов в «Палас-гриле». Но там какая-то ерунда: нельзя заказать столик заранее. Что они этим хотят сказать?

— Думаю, это особый шик.

Они договорились встретиться в баре неподалеку. Повесив трубку, Харри задумался. Судя по голосу, Ракель ему обрадовалась. Или просто была в настроении. В настроении его увидеть. Он попытался понять: а он-то сам рад за нее? Рад ли он, что женщина, которую он так любил, теперь счастлива с другим мужчиной? В свое время был шанс и у него. И он его упустил. Так отчего же не радоваться тому, как у нее все хорошо сложилось, почему бы не отбросить наконец мысль о том, что у них все могло пойти по-другому, и не начать жить своей жизнью? Харри пообещал себе приложить к этому еще больше стараний.

Утреннее совещание закончилась быстро. Гуннар Хаген — комиссар, начальник отдела убийств — говорил о текущих делах. А поскольку ника-

ких новых дел не было, то ни сотрудников, ни присутствовавших на совещании журналистов заинтересовать ему не удалось. Правда, Томас Хелле из отдела розыска пропавших без вести доложил о расследовании по делу женщины, которая год назад исчезла из собственного дома. Никаких следов насилия, никаких следов преступника, никаких следов ее самой. Она была домохозяйкой, в последний раз ее видели в детском саду, куда она привела сына и дочь. У мужа и всех знакомых было алиби, уже проверенное. Хелле получил совет проконсультироваться по делу в отделе убийств.

Магнус Скарре передал всем привет от Столе Эуне — штатного психолога, которого он вчера навещал в Уллеволской больнице. Харри ощутил укол совести. Столе Эуне был не только коллегой по работе, но и его личным секундантом в борьбе с алкоголем, а также ближайшим и верным другом. Эуне госпитализировали с неясным диагнозом уже больше недели назад, а Харри все еще не удалось победить свою неприязнь к больнице. «В среду обязательно, — пообещал себе Харри. — Или в четверг».

— У нас новый сотрудник, — сообщил Гуннар Хаген. — Катрина Братт.

В первом ряду встала молодая женщина. Смотри-ка ты, настоящая красавица! И ведь не старается понравиться, подумал Харри. Тонкие темные волосы безжизненно свисали по обеим сторонам лица. Само личико было тонким, бледным и имело выражение серьезное, почти усталое, — такое Харри видел у записных красоток, которые настолько привыкли, что их вечно разглядывают, что потеряли к этому всякий интерес. Катрина Братт была одета в синий костюм, подчеркивавший ее женственность, но толстые черные колготки и простые удобные туфли безошибочно указывали: играть на этом она не собирается. Она стояла и скользила взглядом по присутствующим, как будто специально встала, чтобы рассмотреть их, а не для того, чтобы себя показать. Харри готов был поручиться, что она тщательно продумала и костюм, и весь этот маленький спектакль, который давала в свой первый рабочий день в Полицейском управлении.

— Катрина четыре года проработала в отделе нравов Управления полиции Бергена, а также какое-то время в отделе убийств, — продолжил Хаген, посматривая в листок, который, как понял Харри, был ее резюме. — Закончила юридический факультет Бергенского университета в тысяча

девятьсот девяносто девятом году, затем полицейскую академию, ну а теперь, стало быть, будет работать здесь. Детей пока нет, зато замужем.

Катрина Братт чуть заметно приподняла тонкую бровь. То ли Хаген это увидел, то ли догадался, что последняя фраза была лишней, только он добавил:

— Если кому интересно, конечно…

Последовала напряженная и многозначительная пауза, которая убедила Хагена в том, что он наломал дров. Он запнулся, крякнул, а потом предупредил тех, кто еще не записался на рождественский обед, что они должны успеть сделать это до среды.

Когда задвигались стулья, Харри уже был в коридоре. Его остановил голос:

— А я ваша.

Харри обернулся, встретил взгляд Катрины Братт и восхитился: какой красавицей она может быть, если захочет!

— Или вы мой, — улыбнулась она, показав ряд ровных зубов, но глаза ее оставались серьезными. — Это как посмотреть.

У нее был правильный бергенский выговор с небольшим акцентом, который натолкнул Харри на мысль, что родом она из Фаны, или Калфарета,

или другого солидного места.

Он двинулся дальше, Катрина торопливо шагала рядом.

— Такое впечатление, что комиссар вас ни о чем не предупредил, — произнесла она, преувеличенно нажимая на каждый слог в звании Гуннара Хагена. — Но именно вы должны в течение следующих дней помочь мне осмотреться и ввести в курс дела. Пока я не смогу работать самостоятельно. Как думаете, справитесь?

Харри заставил себя улыбнуться. Катрина ему нравилась, но он был готов в любой момент поменять мнение. Он вообще никогда не лишал человека шанса попасть в черный список.

— Не знаю. — Харри остановился у кофейного автомата. — Давайте тогда начнем.

— Я не пью кофе.

— Не важно. Кофе — это нечто само собой разумеющееся. Как и почти все тут у нас. Что вы думаете о пропавшей женщине?

Харри нажал на кнопку с надписью «американо», которая в данном случае означала совершенно норвежский растворимый кофе.

— Что именно? — спросила Братт.

— Думаете, она жива? — Харри попытался произнести это самым обычным тоном, чтобы она не

догадалась, что он ее проверяет.

— Думаете, я дура? — ответила она вопросом на вопрос и с нескрываемым отвращением посмотрела, как автомат с хрипом выплевывает в белый пластиковый стаканчик черную жижу. — Может, вы не слышали, как комиссар сказал, что я четыре года проработала в отделе нравов?

Харри хмыкнул и уточнил:

— Значит, мертва?

— Мертвее не бывает, — подтвердила Катрина Братт.

Харри поднял стаканчик. Возможно, сегодня у него появилась коллега, которую он сможет уважать.

Вечером, когда Харри шел домой, снега на улицах уже не было, а маленькие снежинки, легко кружившиеся в воздухе, влажный асфальт слизывал, как только они его касались. Дойдя до своего любимого музыкального магазинчика, Харри вошел и быстро купил последнюю запись Нила Янга, как будто боялся, что она протухнет.

Оказавшись в квартире, он почувствовал: что-то не так. Незнакомый звук? Или, может быть, запах? На пороге кухни он застыл как вкопанный. Стены не было. Там, где еще сегодня утром светлые в цветочек обои прикрывали гипсокар-

тон, он увидел ржавого цвета кирпичную стену, серый бетон и грязно-желтый деревянный каркас с дырками от гвоздей. На полу стоял ящик с инструментами специалиста по грибкам, а на кухонном столе лежала записка, где тот сообщал, что вернется завтра утром.

Харри пошел в гостиную, вставил диск Нила Янга в проигрыватель, через четверть часа нашел его отвратительным и решил послушать Райана Адамса. Мысль о выпивке возникла ниоткуда. Харри прикрыл глаза и уставился в танцующую кроваво-черную пустоту. Он снова вспомнил о письме. Первый снег. Тувумба.

Телефонный звонок разорвал песню Райана Адамса «Shakedown On 9th Street» надвое.

Женский голос представился как Уда. Она сообщила, что звонит из редакции программы «Боссе», и поблагодарила за прошлое сотрудничество. Ее саму Харри не вспомнил, зато вспомнил передачу. Это было весной, его попросили принять участие в разговоре о серийных убийцах, поскольку он был единственным полицейским в Норвегии, который изучал эту тему не где-нибудь, а в ФБР и к тому же сам охотился за настоящим серийным убийцей. И у Харри хватило глупости согласиться. Себя он постарался убедить в том,

что согласился выступить в передаче, чтобы сказать нечто важное — все-таки он профессионал, — а вовсе не для того, чтобы увидеть свою физиономию в самом популярном ток-шоу страны. Потом-то, конечно, он уже не был до конца уверен в двигавших им мотивах. Но это еще не самое худшее. Самое худшее то, что перед съемкой Харри решил пропустить стаканчик. Он твердо помнил, что стаканчик был один, однако на экране Харри выглядел так, будто их было все пять. Артикулировал он прилично — на это он способен в любом состоянии, но взгляд его туманился, он нес какие-то банальности, а к выводам перейти так и не сумел, поэтому ведущий в конце концов пригласил в студию следующего гостя — новоиспеченного чемпиона Европы по икебане. Харри ни слова не произнес по поводу появления чемпиона, но по всему его виду было совершенно понятно, что он думает обо всех этих цветочных штучках. А когда ведущий спросил Харри, как следователи относятся к норвежской школе цветочного декора, он ответил, что венки на норвежских могилах всегда соответствуют самому высокому европейскому уровню. Вероятно, именно стиль Харри — эдакая небрежность человека слегка «под мухой» — вызвал смех

публики в студии, а после передачи — одобрительные похлопывания по плечу от съемочной группы. Он «зажигает» — так они ему сказали. После передачи с небольшой компанией телевизионщиков Харри посидел в Доме искусств, где его напоили так, что на следующий день, когда он проснулся, тело каждой клеточкой вопило и требовало добавить. Была суббота, так что он продолжил квасить до вечера воскресенья, пока не оказался в ресторане «Шрёдер», где орал, чтобы ему принесли пива. Вскоре свет в зале замигал, а Рита — официантка — подошла к нему и сказала: если он немедленно не отправится прямиком в кровать, его опять перестанут сюда пускать. Но это был последний срыв, с самого апреля у него во рту не было ни капли.

А теперь, стало быть, они снова захотели увидеть его на экране.

Женщина объяснила, что тема передачи — терроризм в арабских странах и отношение к этой машине смерти образованных представителей среднего класса.

— Нет, — отрезал Харри.

— Но мы так хотим видеть именно вас, вы такой… такой рок-н-ролльный!

В голосе девушки отчетливо слышалось вос-

хищение, так что он даже засомневался: а вдруг оно настоящее? И тут он ее вспомнил. Она была с ними там, в Доме искусств, в тот вечер. Она была красива и свежа, как родниковая вода, она и говорила, как говорят молодые и как лепечет родниковая вода. Она смотрела на него с аппетитом хищницы, как будто он был экзотическим блюдом, которое хочется попробовать, да боязно.

— Позвоните кому-нибудь другому, — отказался Харри, положил трубку и, прикрыв глаза, стал слушать, как Райан Адамс вопрошает: «Oh, baby, why do I miss you like I do?»

Сидя на кухонном диванчике, мальчик снизу вверх посмотрел на стоящего рядом отца. Отсвет белого снега, засыпавшего двор, бликовал на его лысом, туго обтянутом кожей массивном черепе. Мама говорила, что у отца такая большая голова, потому что он — большой мозг. А когда мальчик спросил, почему «он мозг», а не «у него мозг», она улыбнулась, погладила его по голове и ответила, что у профессоров физики только так и бывает. «Мозг» только что вымыл картофелины под краном и запихнул их прямиком в кастрюлю.

— Пап, а ты картошку-то почистишь? Мама обычно…

— Твоей мамы сейчас нет, Юнас. Так что посту-

пим по-моему.

Он не повысил голос, но Юнас все равно почувствовал раздражение и весь сжался. Он никогда не понимал, почему отец злится. А частенько даже не замечал, что тот *уже* разозлился. Мальчик соображал, что дело плохо, лишь когда мама по-особому поджимала губы, что раздражало отца еще сильнее. Скорее бы она пришла.

— Крайние тарелки, пап!

Отец с силой захлопнул дверцу шкафа, и Юнас тут же прикусил губу, но лицо отца уже приблизилось, и глаза сощурились за тонкими стеклами прямоугольных очков.

— Не «крайние» это называется, а «те, что стоят с краю». Сколько раз я тебе уже говорил?

— А мама…

— Мама говорит неправильно. В той части Осло и в той семье, в которой она родилась, на норвежский не обращают внимания.

Изо рта у отца пахло солеными гнилыми водорослями.

В дом кто-то вошел.

— Привет! — донеслось из прихожей.

Юнас хотел было побежать маме навстречу, но отец удержал его за плечо и показал на ненакрытый стол.

— Какие же вы молодцы!

Она стояла в дверях у него за спиной, и Юнас угадал в ее запыхавшемся голосе улыбку. Он принялся поспешно расставлять чашки и раскладывать приборы.

— А какого прекрасного огромного снеговика вы слепили!

Юнас вопросительно повернулся к матери, которая расстегивала пальто. Такая красивая. Смуглая, темноволосая, как и он сам. С нежным-нежным выражением глаз. Почти всегда. Почти. Теперь она уже не такая стройная, как на свадебных фотографиях, но когда они недавно ездили отдыхать в деревню, он видел, что мужчины на нее заглядывались.

— Никакого снеговика мы не лепили, — сказал Юнас.

— Разве? — наморщила лоб мама, разматывая длинный толстый розовый шарф, который он подарил ей на Рождество.

Отец подошел к окну:

— Наверное, соседские дети.

Юнас забрался на стул и выглянул на улицу. А там, посреди газона, прямо напротив их дома, и правда стоял большой снеговик. Глаза и рот выложены камешками, а нос сделан из морковки.

Шляпы и шарфа у него не было, да и рука была всего одна — тонкая веточка, выдернутая, как догадался Юнас, из изгороди. И еще кое-что было не так: снеговик стоял неправильно. Юнас не смог бы этого объяснить, но чувствовал: снеговика надо было ставить лицом к дороге, к открытому пространству.

— А почему… — начал он, но отец его перебил:

— Я с ними поговорю.

— Зачем? — спросила мама из прихожей. Судя по звуку, она расстегивала молнию на высоких черных кожаных сапогах. — Это ничего не даст.

— Я не хочу, чтобы по моему участку кто-то шатался. Вот вернусь и поговорю.

Мать в прихожей вздохнула:

— А когда ты вернешься, дорогой?

— Завтра.

— В котором часу?

— Это что? Допрос? — Отец произнес это с деланым спокойствием, и Юнас поежился.

— Мне бы хотелось, чтобы обед был готов к твоему возвращению, — отозвалась мать.

Она вошла в кухню, заглянула в кастрюлю и сделала огонь посильнее.

— К чему эти хлопоты? — буркнул отец, отвернувшись к стопке газет, что лежала на диванчи-

ке. — Вернусь, и приготовишь.

— Ну хорошо. — Мать подошла к отцу и обняла его со спины. — Неужели тебе действительно надо в Берген на ночь глядя?

— Лекцию я читаю в восемь утра, — объяснил отец. — Час уйдет только на то, чтобы добраться от самолета до университета, так что я даже думать не хочу о том, чтобы лететь первым утренним рейсом.

Юнас заметил, как расслабились мускулы у отца на шее — мама опять подобрала правильные слова.

— А почему снеговик смотрит на наш дом? — спросил Юнас.

— Иди-ка вымой руки, — приказала мать.

Ели в тишине, прерываемой короткими вопросами матери о делах в школе и расплывчатыми ответами Юнаса. Вот повезло, что отец не принялся за свои невыносимые расспросы о том, что они сегодня проходили — или не проходили — в «этой убогой школе»! Еще хуже было бы, если б родители учинили Юнасу быстрый допрос о том, с кем из ребят он играл, кто их родители и откуда они родом. Юнас, к раздражению отца, никогда не мог дать на такие вопросы удовлетворительных ответов.

Улегшись в кровать, Юнас слушал, как внизу отец прощается с матерью, как хлопает дверь и отъезжает машина. Они опять остались одни. Мать включила телевизор. Мальчик вспомнил, как она пыталась узнать у него, почему он больше не приглашает к себе друзей. Юнас не знал, что ответить: ему ведь не хотелось, чтобы она начала себя ненавидеть. Вместо этого он сейчас лежал и ненавидел себя самого. Юнас укусил себя за щеку, так что боль выстрелила в ухо, и уставился в потолок, на «музыку ветра» — звенящие металлические трубки. Он встал, дошаркал до окна и выглянул наружу.

Снег во дворе отражал достаточно света, чтобы он мог различить снеговика, стоящего внизу. Одинокий такой. Надо бы сообразить ему шапку и шарф. И может, даже метлу. В этот момент луна показалась из-за туч. Свет упал на темный двор. И на глаза снеговика. Юнас затаил дыхание и попятился от окна. Глаза из гравия слабо сверкнули. И смотрели они не просто на двор. Они были направлены вверх. Прямо на него. Юнас задернул шторы и забрался в кровать.

Глава 3
День первый. Кошениль

Харри сидел у стойки в «Палас-гриле» и читал составленный в любезных выражениях плакат, в котором гостей бара просили не требовать налить в долг, не стрелять в пианиста и вообще — «Be Good Or Be Gone». Вечер был ранний, посетителей мало. Две девчушки за столиком трещали каждая в свой мобильный, а двое парней играли в дартс, демонстрируя великолепную технику во всем, что касалось стойки и броска, и паршивые результаты. Долли Партон, диск которой, как понял Харри, поставил какой-то любитель старого доброго кантри, гнусавила в динамиках с присущим ей сильным южным акцентом. Харри посмотрел на часы и заключил сам с собой пари, что Ракель Фёуке появится в дверях ровно в семь минут девятого. Он узнал особое царапающее ощущение, посещавшее его каждый раз перед встречей с ней. Сам себе он сказал, что это условный рефлекс, остаточная реакция, как у собаки Павлова, которая начинала истекать слюной при звуке звонка, предвещав-

шего появление еды, даже когда самой еды не было и в помине. А сегодня вечером еды не будет, то есть будет как раз просто еда. Они поужинают и мило побеседуют о своей теперешней жизни. И об Олеге — сыне Ракели от бывшего мужа, русского, с которым она познакомилась, когда работала в норвежском посольстве в Москве. Мальчик был очень застенчив, неразговорчив, но Харри удавалось с каждой встречей подружиться с ним крепче и крепче; отношения у них были даже ближе и доверительнее, чем у самого Харри с собственным отцом. Так что, когда Ракель наконец ушла от него, он не знал, какая потеря больше. Теперь-то он ясно понял какая. Потому что было ровно семь минут девятого, и она в самом деле стояла в дверях: расправленные плечи, которые он когда-то обнимал, высокие скулы, обтянутые светящейся кожей, к которой он когда-то прижимался. Он надеялся, что она не будет выглядеть такой красивой. Такой счастливой. Она подошла к нему, и их щеки соприкоснулись. Он горько пожалел, что упустил ее.

— Что ты так смотришь? — спросила она, расстегивая пальто.

— Сама знаешь, — сипло ответил он и выругал себя за то, что позволил ей услышать, как у него

перехватило горло.

Она громко рассмеялась, и этот смех подействовал на него, как первый стакан «Джима Бима»: Харри согрелся и расслабился.

— Не надо, — сказала она.

Он отлично знал, что означает ее «не надо»: «Не начинай, не мучайся, ничего не выйдет». Она произнесла это тихо, еле слышно, но все равно его обожгло как пощечиной.

— Ты похудел, — сказала она.

— Все так говорят.

— Что со столиком?

— Метрдотель нас позовет.

Она села за стойку рядом с ним и заказала аперитив — разумеется, кампари. Харри когда-то звал ее Кошениль — так называется натуральный пигмент, придающий этому пряному сладкому напитку его особенный цвет. Она и в одежде предпочитала красные тона. Сама-то Ракель настаивала, что это отпугивающая окраска, как у зверей, которые таким образом дают человеку понять, чтобы он держался подальше.

Харри заказал еще одну колу.

— Почему ты похудел? — поинтересовалась она.

— Грибок.

— Что?

— Ну, ему же надо кормиться. Мозгами, глазами, легкими. Сознанием. Высасывает цвет лица и память. Грибок растет, я исчезаю. Он становится мной, а я им.

— Что ты несешь? — перебила она с отвращением на лице, но в глазах Харри разглядел улыбку.

Она любила, когда он что-нибудь рассказывал, даже когда он нес явную чушь. Он рассказал о грибке в квартире.

— А у тебя как дела?

— Отлично. У меня все хорошо, у Олега тоже. Вот только он по тебе скучает.

— Так и сказал?

— Ты знаешь это и без его слов, Харри. Мог бы обойтись с ним помягче.

— Я? — Харри изумленно воззрился на нее. — Это был не мой выбор.

— Да что ты! — Ракель взяла со стойки бокал. — То, что мы расстались, не означает, что вы с Олегом больше не должны встречаться. Ваша дружба важна для вас обоих. Привязанности вам даются с таким трудом, что надо бы ценить те, что уже есть.

Харри пригубил свою колу:

— А как у Олега с твоим?

— Его зовут Матиас. — Ракель вздохнула. — Они стараются наладить отношения, но они такие… разные. Матиас идет навстречу, но Олежка все усложняет.

Харри почувствовал сладкий укол умиротворения.

— К тому же Матиас много работает.

— А я-то думал, что тебе не нравится, когда мужик работает, — произнес Харри и в тот же миг пожалел о сказанном.

Но Ракель не рассердилась, она грустно вздохнула:

— Дело было не в том, что ты работал, Харри, а в твоей одержимости. Ты сам и *есть* работа, и движет тобой не любовь, не ответственность. А солидарность. Никаких личных устремлений, вот в чем дело. В твоей душе только жажда мести. А это неправильно, Харри, так быть не должно. Ты сам знаешь, что произошло.

«Да, — подумал Харри, — и в твой дом я занес заразу».

Он кашлянул и поинтересовался:

— Ну а твой… он-то хоть занимается… правильными вещами?

— Матиас теперь по ночам дежурит в отделении скорой помощи. Добровольно. А днем читает

лекции в Институте анатомии.

— А еще он, конечно, донор и член неправительственной организации «Международная амнистия»?

— Вторая группа с отрицательным резусом — это большая редкость, Харри. А «Амнистию» ты сам поддерживаешь, я же знаю.

Она помешала оранжевой соломинкой в почти полном стакане, красная жидкость заплескалась вокруг кубиков льда. Кошениль.

— Харри… — начала она.

Что-то в ее голосе заставило его напрячься.

— Мы с Матиасом хотим съехаться. После Рождества.

— Так быстро? — Харри провел языком по пересохшему нёбу, стараясь добыть хоть каплю влаги. — Вы же знакомы не больше года.

— Полтора. А к лету мы планируем пожениться.

Магнус Скарре внимательно смотрел на теплую воду, бегущую из крана ему на руки и исчезающую в стоке. Нет. Ничто не исчезает, просто переносится в другое место. Как и те люди, о которых он собирает информацию в течение последних недель. Об этом его попросил Харри. Харри сказал, что там можно что-то нарыть. И

что доклад Магнуса ему нужен до праздников. А это означало, что Магнусу придется работать сверхурочно. Сам-то он прекрасно знал, что Харри поручил ему это дело, чтобы он не расслаблялся в этот предпраздничный период. Ребята из отдела розыска пропавших без вести отказались копаться в старых делах: у них и новых по горло.

Возвращаясь к себе в кабинет по пустынному коридору, Магнус заметил, что его дверь приоткрыта. Он твердо помнил, что закрыл ее, между тем было уже позже девяти — даже охранники давно разошлись. Два года назад у них случился ряд краж из кабинетов. Магнус резко рванул дверь.

Посреди кабинета стояла Катрина Братт. Она обернулась к нему, приподняв одну бровь, как будто это был ее кабинет и ему следовало постучаться, прежде чем войти. А потом снова повернулась к нему спиной.

— Я просто хотела посмотреть, — сказала она, обводя взглядом стены.

— На что? — Скарре огляделся по сторонам. Кабинет был совершенно такой же, как и все остальные, вот только без окна.

— Это же был его кабинет. Так?

— Кого вы имеете в виду? — нахмурился Скар-

ре.

— Холе. Все эти годы это был его кабинет. В том числе и в тот период, когда он расследовал серийные убийства в Австралии. Так?

— Вроде да, — пожал плечами Скарре. — А что?

Катрина Братт провела ладонью по столу:

— А почему он переехал?

Магнус обошел стол и уселся в кресло.

— Здесь нет окна. К тому же его повысили.

— А делил он кабинет сначала с Эллен Йельтен, потом с Джеком Халворсеном, — сказала Катрина Братт. — И обоих убили.

Магнус Скарре заложил руки за голову. А эта новенькая ничего. На класс, а то и на два повыше его будет. Он готов был биться об заклад, что муженек у нее — большой начальник чего-нибудь там и деньжата имеет. Костюмчик-то у нее, пожалуй, дорогой… Но вот если к ней присмотреться как следует, видно: что-то не так. Как будто в ее красоте есть изъян, только не удается определить, в чем же он заключается.

— Как думаете, может, он слышал их голоса, потому и сменил кабинет? — спросила Братт, изучая карту Норвегии на стене. Скарре обвел на ней населенные пункты Эстланна, откуда за последние четверть века, начиная с 1980 года,

пропадали люди.

Скарре улыбнулся и не ответил. Талия у нее была тонкая, спина прямая, и он знал, что она знает, что он ее разглядывает.

— А как он вообще? — не услышав ответа, продолжила она.

— Почему вы этим интересуетесь?

— Новым шефом всегда интересуются.

Тут она была права. Вот только он сам никогда о Харри Холе не думал как о начальнике. Тот, конечно, давал им какие-то задания и возглавлял расследование, но единственное, чего он, собственно, требовал от сотрудников, — не уходить со службы раньше его.

— Вам, вероятно, известно, что у него довольно дурная слава, — осторожно начал Скарре.

Она пожала плечами:

— Если вы о пьянстве — да, я слышала. И что он писал докладные на коллег. Что все остальные начальники мечтают, чтобы его вышвырнули, но предыдущий комиссар прикрыл его своей могущественной дланью.

— Его звали Бьярне Мёллер, — заметил Скарре и посмотрел на карту, на которой кружком был обведен и Берген. Именно там в последний раз видели Мёллера. Перед самым его исчезновением.

— Еще слышала, что местным сотрудникам не очень нравится, что телевидение сделало из него чуть ли не звезду.

Скарре закусил нижнюю губу:

— Он чертовски хороший следователь. Это для меня главное.

— А вам он нравится? — Братт наконец повернулась и наградила его взглядом в упор.

Скарре усмехнулся:

— Нравится — не нравится, не могу сказать. — Он отодвинулся вместе с креслом, положил ноги на стол, потянулся, изобразил зевок. — А над чем вы работаете в столь поздний вечер?

Это была лишь попытка переменить тему. В конце концов, она ниже его по званию, к тому же еще и новенькая.

Катрина Братт в ответ только улыбнулась, как будто он сказал что-то забавное, вышла за дверь и была такова.

Ушла. Ну и отлично. Скарре выругался, сел по-нормальному и снова включил компьютер.

Харри проснулся и некоторое время лежал на спине, глядя в потолок. Сколько он спал? Он повернулся к тумбочке и взглянул на будильник. Без четверти четыре. Ужин был сплошным страданием. Он смотрел на губы Ракели, а она

болтала, пила вино, ела мясо и растравляла его рассказами о том, что они с Матиасом думают провести год или два в Ботсване, где правительство объявило войну СПИДу, но там не хватает врачей. Она спросила, встретил ли он кого-нибудь. Он сказал: да, встретил. Друзей детства: Эйстейна и Валенка. Первый был алкоголиком, таксистом и компьютерным фанатом. Второй — алкоголиком и игроком, который наверняка стал бы чемпионом мира по покеру, если бы только умел сохранять невозмутимое выражение лица так же хорошо, как умел читать лица своих соперников. Харри завел было историю о великом проигрыше Валенка в Лас-Вегасе, но вспомнил, что рассказывал ее раньше. К тому же все это было неправдой. Ни с кем он не встречался.

На соседнем столике официант разливал по бокалам какую-то выпивку, и на мгновение Харри охватило сумасшедшее желание вырвать у него бутылку и прижать ее к губам. Вместо этого, однако, он согласился сопровождать Олега на концерт, куда мальчик умолял пойти Ракель. «Slipknot». Харри решил не рассказывать ей, на какой концерт она готова отпустить сына. Группа с обязательным предсмертным хрипом в каждой песне, сатанинской символикой и уча-

щенным бас-ритмом вряд ли могла пробудить в ком-нибудь сентиментальные чувства. Ну а в остальном «Slipknot» ребята интересные, не хуже иных прочих.

Харри откинул одеяло, пошел в кухню, открыл холодную воду и напился из пригоршни. Такой вкусной воды он никогда не пробовал: она стекала с его собственной ладони, с его собственной кожи. Но тут он вдруг выплеснул воду в раковину и уставился на черную стену. Что это? Кто-то движется, что ли? Нет, никого нет, но движение точно есть. Неторопливое, плавное, словно незримая волна проходит по водорослям, над которыми струится вода. Отмершие нити грибницы, крошечные — не увидеть — отростки, споры, которые при малейшем колебании воздуха переносятся с места на место и начинают высасывать соки.

В гостиной Харри включил радио. Все было кончено: в Белом доме начал свой новый президентский срок Джордж Буш.

Харри вернулся в кровать и натянул одеяло на голову.

Юнаса разбудил какой-то звук, и он откинул с лица одеяло. Мальчику почудилось что-то вроде потрескивания — так в тишине воскресного утра

хрустит под подошвами снег между домами. Может, это ему приснилось? Он закрыл глаза, но спать расхотелось, вспомнился обрывок сна: отец молча и недвижно стоит перед ним, стекла очков сверкают так, что глаз не видно.

Юнас испугался: это был настоящий кошмар. Он снова открыл глаза и увидел, что металлические трубки «музыки ветра» под потолком шевелятся. Мальчик выпрыгнул из кровати, открыл дверь и выбежал в коридор. Он старался не смотреть вниз на темные ступени лестницы, ведущей на первый этаж, остановился только перед дверью в спальню родителей и бесконечно осторожно нажал на ручку. Тут он вспомнил, что отец уехал, а уж маму-то можно разбудить. Он вошел в спальню. На полу растянулся четырехугольник лунного света, доползавший до аккуратно заправленной большой кровати. Стрелки настенных часов показывали 01.11. Юнас на секунду застыл от удивления, а потом поспешил вернуться к темной лестнице, которая лежала перед ним как пропасть. Ни единого звука.

— Мама!

Услышав короткое эхо собственного голоса, он испугался еще больше. Потому что теперь она тоже все знала. Темнота.

Никто не отозвался.

Юнас сглотнул и стал спускаться по лестнице.

На третьей ступеньке он почувствовал под ногой что-то мокрое. И на седьмой. И на восьмой. Как будто кто-то прошелся в мокрой обуви. Или с мокрыми ногами.

В гостиной горел свет, но мамы не было. Юнас подошел к окну, чтобы посмотреть, не спят ли Бендиксены, потому что мама иногда ходила туда к Эббе. Но у них все окна были темные.

Он дошел до телефона на кухне, стараясь не думать о темноте, не пускать ее сюда, набрал номер маминого мобильного. И — о радость! — услышал ее мягкий голос. Но это было всего лишь приветствие автоответчика с пожеланием хорошего дня и просьбой оставить сообщение.

А ведь был вовсе не день, была ночь.

В прихожей мальчик сунул ноги в большие отцовские ботинки, натянул прямо на пижаму пуховичок и вышел наружу. Мама говорила, что выпавший снег растает к утру, но сейчас на улице все еще было холодно и легкий ветерок шептал и бормотал что-то в ветвях дуба, росшего у крыльца. До дома Бендиксенов было не больше ста метров, к тому же у их крыльца горели целых два фонаря. Она, должно быть, там. На

всякий случай Юнас оглянулся по сторонам. И тут его взгляд упал на снеговика. Тот стоял как и прежде, без движения, все так же повернувшись к дому, купаясь в лучах лунного света. Но все-таки кое-что изменилось, в нем появилось что-то человеческое, знакомое. Юнас посмотрел на дом Бендиксенов. Надо бежать! Однако он не мог сдвинуться с места, стоял как вкопанный, а ледяной ветер осторожно обдувал его со всех сторон. Мальчик медленно обернулся, бросил взгляд на снеговика: до него только что дошло, почему снеговик показался таким знакомым. Теперь на нем был шарф. Розовый шарф. Шарф, который Юнас подарил маме на Рождество.

Глава 4
День второй. Исчезновение

К полудню снег в центре Осло уже растаял. Но он все еще лежал пятнами на газонах района Хофф, по которому проезжали Харри Холе и Катрина Братт. По радио Майкл Стайп пел о предчувствиях, о том, что все пропало, и о мальчиках у колодца. Выехав на еще более тихую улицу, вдоль которой тянулась очередная группа коттеджей, Харри показал на белую «тойоту-короллу», припаркованную возле ограды.

— Вон машина Скарре. Давайте встанем за ней.

Большой желтый дом. Пожалуй, великоват для семьи из трех человек, подумал Харри, поднимаясь к входу по гравийной дорожке. Кругом хлюпало и капало. Во дворе стоял слегка покосившийся снеговик, чьи виды на будущее были явно далеко не радужными.

Дверь открыл сам Скарре. Харри нагнулся и хорошенько рассмотрел замок.

— Следов взлома нет, — сообщил Скарре и повел их в гостиную, где на полу спиной к ним сидел

паренек и смотрел по телевизору мультики.

С дивана встала женщина, протянула Харри руку и представилась:

— Эбба Бендиксен, соседка. Ничего подобного с Биртой раньше никогда не случалось. По крайней мере, за время нашего знакомства.

— А вы давно знакомы? — спросил Харри, оглядываясь по сторонам.

Напротив телевизора стояла массивная кожаная мебель и восьмиугольный стеклянный столик. Вокруг светлого обеденного стола были расставлены легкие и элегантные стальные стулья. Как раз такие — он-то знал — нравятся Ракели. На стене висели два портрета каких-то мужиков, с виду директоров банка, которые смотрели сверху вниз в многозначительном молчании. Рядом — абстрактное полотно из разряда модернистского искусства, успевшее выйти из моды, а затем стать еще более модным.

— Десять лет, — ответила Бендиксен. — Мы переехали в дом на той стороне дороги в тот год, когда родился Юнас. — И она кивнула на мальчика, который продолжал смотреть на каких-то водомерок: те скакали за волком, что бежал по экрану и то и дело взрывался.

— Так, значит, это вы сегодня ночью вызвали

полицию?

— Да.

— Мальчик позвонил в дверь в четверть второго, — вмешался Скарре, глядя в свои записи. — Звонок в полицию зафиксирован в час тридцать.

— Я, мальчик и мой муж сначала вернулись и поискали ее в доме, — пояснила Бендиксен.

— А где именно вы искали?

— В подвале. В ванных комнатах. В гараже. Везде. Просто странно, как это можно вот так взять и убежать.

— Убежать?

— Исчезнуть. Пропасть. Полицейский, с которым я говорила по телефону, попросил нас присмотреть за Юнасом и сказал, чтобы мы обзвонили всех знакомых Бирты, у которых она может быть. Ну и дожидаться утра, чтобы узнать, появилась ли она на работе. Он сказал, что в восьми случаях из десяти пропавший человек через несколько часов объявляется сам. Мы попытались связаться с Филипом…

— Муж, — опять вмешался Скарре. — Он был в Бергене, читал лекцию. Профессор чего-то там…

— Физики, — улыбнулась Эбба Бендиксен. — Впрочем, не важно: мобильный у него был выключен. А в каком отеле он остановился, мы

не знали.

— С ним связались рано утром, — сообщил Скарре. — Он в Бергене, но скоро будет здесь.

— Да, слава богу, — вздохнула Эбба. — Так вот, когда мы позвонили сегодня утром к Бирте на работу, оказалось, что к обычному времени она так и не появилась. И тут уж мы снова перезвонили вам, в полицию.

Скарре кивнул, подтверждая ее слова. Харри жестом показал, чтобы он продолжал обрабатывать Эббу Бендиксен, а сам подошел к телевизору и сел на пол рядом с мальчиком. На экране волк поджег динамитную шашку и принялся ее раздувать.

— Привет, Юнас, меня зовут Харри. Тебе другие полицейские уже сказали, что такие происшествия, как это, почти всегда заканчиваются хорошо? И тот, кого ищут, в конце концов объявляется сам?

Паренек отрицательно покачал головой.

— Это точно, — сказал Харри. — Как думаешь, где сейчас твоя мама?

— Я не знаю, где она, — пожал плечами мальчик.

— Понятно, что ты не знаешь, Юнас. В настоящий момент никто из нас этого не знает. Но если

ее нет ни дома, ни на работе, то где она может быть? Какое место приходит тебе на ум?

Мальчик не ответил. Он по-прежнему не отрывал глаз от волка — тот теперь пытался отшвырнуть динамитную шашку, но та накрепко прилипла к лапе.

— А есть у вас дача или что-нибудь в этом роде, куда обычно вы ездите отдохнуть?

Мальчик вновь покачал головой.

— Может, есть какое-нибудь особое место, куда мама отправляется, когда ей хочется побыть одной?

— Ей не хочется быть одной, — произнес Юнас. — Ей хочется быть вместе со мной.

— Только с тобой?

Мальчик повернулся и посмотрел на Харри. У Юнаса были карие глаза, совсем как у Олега. И в этих карих глазах Харри увидел страх, чего и следовало ожидать, а еще — вину, которой ожидать никак не следовало.

— А почему они пропадают? — спросил мальчик. — Ну, те, что потом возвращаются обратно?

Те же глаза, подумал Харри, те же вопросы. Самые важные.

— По разным причинам, — ответил он. — Кто-то устал. Всегда же найдется от чего устать. А

кто-то просто спрятался, чтобы побыть в тишине и спокойствии.

В коридоре послышались шаги, и Харри заметил, как мальчик весь сжался.

Динамит в лапе у волка взорвался, и в тот же самый миг двери гостиной позади них распахнулись.

— Добрый день, — поздоровался голос за спиной, резкий и сдержанный одновременно. — Каково положение дел?

Харри уже обернулся и успел рассмотреть одетого в костюм мужчину лет пятидесяти, который наклонился над журнальным столиком и взял пульт. Телевизор протестующе пискнул, и мультик немедленно схлопнулся в белую точку.

— Ты помнишь, что я сказал о просмотре телевизора посреди дня, Юнас? — произнес мужчина скорбным тоном, который давал понять всем присутствующим, что воспитание детей — совершенно безнадежное дело.

Харри встал, назвал себя и представил Магнуса Скарре и Катрину Братт.

— Филип Беккер, — произнес человек и поправил очки, сдвинув их на переносицу.

Харри попытался поймать его взгляд, чтобы составить первое впечатление о возможном по-

дозреваемом, но глаз за сверкающими стеклами видно не было.

— Я дал себе труд обзвонить всех, с кем она могла бы связаться, но никто ничего не знает, — заявил Филип Беккер. — А вам что-нибудь известно?

— Ничего. Но вы нам очень поможете, если скажете, все ли чемоданы и рюкзаки на месте. — Харри внимательно посмотрел на Беккера и продолжил: — Тогда мы сможем понять, было ли исчезновение спонтанным или запланированным.

Беккер выдержал оценивающий взгляд Харри, кивнул и отправился на второй этаж.

Харри присел на корточки перед Юнасом, который продолжал смотреть в погасший экран телевизора.

— Значит, ты за водомерок? — спросил он.

Мальчик покачал головой.

— Почему? — сказал Харри.

— Мне жалко волка, — ответил тот еле слышным шепотом.

Через пять минут появился Беккер и сообщил, что ничего не пропало: ни дорожные сумки, ни одежда, за исключением той, что была на ней, плюс, конечно, пальто, сапоги и шарф.

— Хм. — Харри почесал небритый подбородок и покосился на Эббу Бендиксен. — Давайте пройдем с вами в кухню, Беккер.

Беккер пошел вперед, и Харри успел отсемафорить Катрине, чтобы она двигалась за ним. Оказавшись в кухне, профессор устремился к кофеварке и принялся засыпать в нее кофе и наливать воду. Катрина остановилась у двери, а Харри прошел к окну и выглянул на улицу. Голова у снеговика совсем провалилась в плечи.

— В котором часу вы вчера выехали из дома и каким рейсом летели в Берген? — спросил Харри.

— Я выехал около половины десятого, — ответил Беккер без промедления. — Рейс был в пять минут двенадцатого.

— Вы звонили Бирте после того, как вышли из дома?

— Нет.

— Как вы думаете, что произошло?

— Понятия не имею, инспектор. Действительно не имею ни малейшего понятия.

— Хм. — Харри снова взглянул в окно. За все время, что он тут находился, мимо не проехало ни одной машины. На редкость тихое место. Причем обошлась тишина в этом районе города не мень-

ше чем в два миллиона крон. — Какие у вас были отношения с женой? — Он прислушался к возне Филипа Беккера и прибавил: — Я обязан спросить вас об этом, потому что истории со сбежавшими супругами встречаются сплошь и рядом.

Филип Беккер кашлянул:

— Могу вас заверить, инспектор, у нас с женой были замечательные отношения.

— А может так быть, что у нее есть знакомства, о которых вы не знаете?

— Это исключено.

— «Исключено» — довольно сильно сказано, Беккер. Внебрачные связи — обычное дело.

Филип Беккер слабо улыбнулся:

— Я не так наивен, инспектор. Бирта — привлекательная женщина, к тому же намного моложе меня. Причем родом из семьи довольно свободных нравов, надо отметить. Но она не такая. И у меня довольно полное представление о том, что, так сказать, хранится в ее сундуках.

Харри открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но тут кофеварка грозно зарычала. Он передумал и сменил тему:

— Вы не замечали, бывали у вашей жены резкие смены настроения?

— Бирта не склонна к депрессии, инспектор.

Она не пошла вешаться в лес и не бросилась в море. Она куда-то пропала, но она жива. Я читал, что люди то и дело пропадают, а затем возвращаются, причем этому находятся естественные и довольно банальные объяснения, не так ли?

Харри медленно кивнул:

— Вы не будете против, если мы осмотрим дом?

— Зачем?

Вопрос был задан резким, почти агрессивным тоном, позволившим Харри понять: этот человек привык командовать. И во всем контролировать своих близких. Как же получилось, что его жена исчезла из дома, не сказав, куда направляется?.. Да и какая благополучная нормальная мать бросит посреди ночи десятилетнего сына? Что-то тут определенно не так.

— Иногда мы сами не знаем, что ищем, пока не найдем, — ответил Харри. — Такая практика.

И в это мгновение ему удалось наконец поймать взгляд Беккера, прятавшийся за стеклами очков. В отличие от сына глаза у него были светло-голубые, и в них явственно читалась ложь.

— Ну тогда извольте, — разрешил Беккер.

В спальне было прохладно и чисто. Ничем не пахло. На двуспальной кровати лежало вязаное

покрывало. На одной тумбочке стояла фотография пожилой женщины. Ее сходство с Филипом Беккером подсказало Харри, что это его половина постели. На другой тумбочке стояла фотография Юнаса. В шкафу с женскими платьями витал слабый аромат духов. Харри заметил, что вешалки висят на равном расстоянии друг от друга, как будто каждая желает, чтобы ее оставили в покое. Черные юбки, тертые короткие джинсы с цветами и блестками. В низу шкафа были ящики. Харри выдвинул верхний. Белье. Черное и красное. Следующий ящик. Чулки и пояса. Третий ящик. Украшения в специальном ярко-красном фетровом держателе с прорезями. Взгляд Харри упал на большой сверкающий перстень с яркими камнями. Ящик был похож на крошечный Лас-Вегас. Ни единой пустой прорези.

Из спальни дверь вела в недавно отремонтированную ванную с душевой кабиной и стальной стойкой для раковины.

В комнате Юнаса Харри сел на маленький стул возле маленькой парты. На парте лежал калькулятор со сложными математическими функциями. Он был новенький, как будто его никто никогда не использовал. Над партой висел плакат: семь дельфинов в волнах — и календарь

на весь год. Некоторые даты были обведены кружочками и подписаны печатными буковками. Харри прочитал о днях рождения мамы, дедушки, о поездке в Данию, о зубном враче в десять часов. Две даты в июле были отмечены словом «доктор». Памяток о футбольных матчах, о премьерах фильмов или о днях рождения приятелей Харри не увидел.

Тут он боковым зрением заметил розовый шарф, лежащий на кровати. Пожалуй, это не тот цвет, которым хотел бы украсить себя паренек такого возраста. Харри взял шарф. Он был влажный, и до Харри донесся легкий запах волос, кожи и духов. Тех же самых, какими пахло в шкафу в спальне.

Он снова спустился на первый этаж. Остановился возле кухни, где Скарре продолжал задавать стандартные для расследования дела об исчезновении вопросы. Позвякивали кофейные чашки. Диван в гостиной казался огромным, возможно, из-за тщедушного существа, которое сидело там, уткнувшись в книгу. Харри подошел ближе и увидел в ней фотографию Чарли Чаплина во весь рост. Харри присел рядом.

— А ты знаешь, что Чаплин — английский дворянин? Сэр Чарльз.

Юнас кивнул:

— Но они все равно вышвырнули его в США.

Юнас перелистал книгу.

— Ты болел этим летом, Юнас?

— Нет.

— Но ты же был у доктора. Два раза.

— Мама просто хотела, чтобы меня осмотрели. Мама… — Голосок вдруг дрогнул.

— Ты скоро снова ее увидишь, — утешил мальчика Харри и положил ладонь на худенькое плечико. — Она же не взяла с собой розовый шарф. Тот, что лежит у тебя в комнате.

— Его кто-то повязал на шею снеговику, — тихо произнес Юнас. — А я забрал обратно.

— Это, наверное, мама не хотела, чтобы снеговик замерз.

— Она бы никогда не отдала свой любимый шарф снеговику.

— Ну, может быть, это сделал папа.

— Нет, это сделал кто-то другой, после того как он уже уехал. Ночью. Тот, кто украл маму.

Харри медленно кивнул:

— А кто этого снеговика скатал, Юнас?

— Не знаю.

Харри посмотрел в окно. Вот почему он приехал сюда сам, а не послал кого-нибудь из сотрудни-

ков. Ему почудилось, будто через всю комнату прошла ледяная трещина.

Харри и Катрина сели в машину и отправились вниз по улице Хиркедалсвейен по направлению к Майорстуа.

— Что вы первым делом отметили, когда мы приехали? — обратился Харри к напарнице.

— То, что там живут далеко не родственные души, — ответила Катрина, пролетая на всех парах пункт въезда на платную дорогу. — Скорее всего, у них несчастливый брак. Вдобавок заправляет в семье муж.

— Хм. А почему вы так подумали?

— Ну, это же совершенно очевидно, — улыбнулась Катрина и взглянула в зеркало заднего вида. — Разница во вкусах.

— Поясните.

— Вы видели этот безобразный диван и столик в гостиной? Типичная мебель «под девятнадцатый век», купленная человеком двадцатого века. Но обеденный стол из беленого дуба с алюминиевыми ножками выбирала она. К тому же это «Витра».

— Что за «Витра»?

— Фирма. Швейцарская. Дорогая. Такая дорогая, что, если бы она купила вполне приличные ко-

пии, а не оригинал, сэкономила бы на обстановку для всей этой чертовой гостиной.

Харри отметил про себя, что чертыхнулась Катрина не так, как это делают обычно. В ее устах ругательство звучало неким языковым контрапунктом, который лишний раз подчеркивал ее принадлежность к высшему классу.

— Ну и что?

— Понятно, что в таком крутом домище, да еще в таком районе Осло деньги — не вопрос. Но ей не позволили сменить его диван и столик. А когда человек без вкуса, но с явным интересом к вопросам интерьера настаивает на своем, это делает понятным, кто в доме хозяин.

Харри кивнул, больше своим собственным мыслям. Первое впечатление его никогда не обманывало. Катрина Братт оказалась молодцом.

— Теперь расскажите, что *вы* думаете, — попросила она. — Это же я вроде как должна у вас учиться.

Харри скользнул глазами по старой, богатой традициями, но все же абсолютно нереспектабельной забегаловке под названием «Лепсвик»:

— Я думаю, Бирта Беккер покинула дом не по своей воле.

— Но ведь никаких следов насилия нет!

— Потому что все было хорошо спланировано.

— А кто же преступник? Муж? Чаще всего так оно и бывает, правда?

— Ну да, — ответил Харри, ощущая, как мысли растекаются в разные стороны. — Виноват всегда муж.

— Только вот этот конкретный муж был в Бергене.

— Да, похоже на то.

— Причем улетел последним рейсом, так что никак не мог вернуться домой, а потом успеть на раннюю лекцию. — Катрина поддала газу и проскочила перекресток возле Майорстуа на желтый. — Если бы Филип Беккер был виновен, он бы схватил наживку, которую вы ему бросили.

— Наживку?

— Да. Когда вы спросили, бывали ли у нее смены настроения. Вы дали Беккеру понять, что подозреваете самоубийство.

— И что?

— Да ладно, Харри! — громко рассмеялась она. — Все вокруг, включая Беккера, знают, что, когда речь идет о самоубийстве, полиция привлекает к расследованию минимум сотрудников. Вы дали ему возможность подкрепить версию, которая — если бы он был виновен — была бы ему на

руку и решила большинство его проблем. Но он четко ответил вам, что его половина радовалась жизни по полной.

— Угу. То есть вы считаете, что мой вопрос был «проверкой на вшивость»?

— Вы же постоянно проверяете людей, Харри. И меня тоже.

Харри не отвечал, пока они не доехали до улицы Бугстадвейен, и лишь тогда произнес:

— Люди частенько оказываются гораздо умнее, чем о них думаешь, — и замолчал. Когда они припарковались возле Полицейского управления, он сообщил: — До конца дня я буду работать один.

А сказал он это потому, что все это время думал о розовом шарфе и наконец принял решение: взять у Скарре материалы по делам об исчезновении людей, чтобы получить подтверждение своим мучительным подозрениям. Если подозрения подтвердятся, отнести письмо комиссару Гуннару Хагену. То самое, проклятое письмо.

Глава 5
4 ноября 1992 года. Тотемный столб

Когда 19 августа 1946 года в Арканзасе, в небольшом городишке Хоуп, то бишь Надежда, на свет появился Уильям Джефферсон Блайт III, прошло уже почти три месяца с тех пор, как его отец погиб в автомобильной катастрофе. Четыре года спустя мать Уильяма опять вышла замуж, и Уильям взял фамилию нового отца. А теперь, сорок лет спустя после этих событий, стояла ноябрьская ночь 1992 года и белое конфетти снега падало с небес на улицы Надежды, празднуя победу городишкиных собственных надежд, ибо его уроженец, Уильям — или просто Билл — Клинтон, был избран сорок вторым президентом США.

А вот снег, что падал той же ночью на город Берген, не успевал даже долететь до земли и превращался в дождь, который поливал улицы, как будто стояла середина сентября. Однако, когда настало утро, вершины семи гор, что охраняют этот прекрасный город, были хорошенько присыпаны сахарной пудрой. И на самой высокой горе — Ульрикен — уже находился инспектор поли-

ции Герт Рафто. Он, дрожа, вдыхал горный воздух и втягивал в плечи большую голову; столько морщин пролегло на его лице, словно его кто-то смял, как ненужный листок бумаги.

Желтый вагончик, который доставил Рафто и троих его коллег-криминалистов из Управления криминальной полиции Бергена на высоту 642 метра над городом, висел, слегка раскачиваясь в ожидании, на прочных стальных тросах. Фуникулер закрыли, как только в полицию позвонили первые туристы, решившие побывать этим утром на известной горной вершине.

— Елки зеленые! — воскликнул один из криминалистов.

Это выражение прозвучало как пародия «понаехавших» на истинный бергенский диалект, что было особенно смешно, если учесть, что настоящие бергенцы давно так не говорят. Но в ситуациях, когда ужас и тошнота берут над человеком верх, как-то сами собой вылезают старые, родные словечки.

— Да уж, зеленые, — с сарказмом поддакнул Рафто, сверкнув глазами из-под морщинистых век.

Тело, лежавшее перед ними на снегу, было так искромсано, что его пол можно было уга-

дать только по единственной оставшейся груди. Все прочее превратилось в месиво. Страшное зрелище этих останков напомнило Рафто автомобильную аварию, что произошла год назад на Эйдсвогнесе, когда машина перескочила через алюминиевый отбойник и влетела во встречный автомобиль.

— Преступник убил и расчленил ее прямо здесь, — заметил другой криминалист.

Рафто взглянул на снег, на котором лежало тело, и дальнейших объяснений не понадобилось: он был весь залит кровью, и по длинным дорожкам брызг стало понятно, что по меньшей мере одна артерия была перерезана, пока сердце еще работало. Он отметил про себя, что надо бы точно установить, в котором часу ночи снегопад прекратился. Последний фуникулер пришел сюда в пять часов вечера. Хотя, конечно, убийца с жертвой могли подняться сюда и по тропинке, что змеилась внизу под фуникулером. Или, например, доехали до соседней горы Флёйен на поезде и оттуда уже пришли сюда. Но это слишком продолжительная прогулка, да и нутром он чувствовал, что до места они добирались в фуникулере.

На снегу виднелись следы двух человек. Ма-

ленькие, несомненно, принадлежали женщине, хотя ее обуви нигде не было видно. Ну а другие следы, очевидно, оставил убийца. И они вели к тропинке.

— Большой размер, — отметил молодой криминалист, худощавый провинциал с острова Сотра. — По меньшей мере сорок восьмой. Значит, рослый мужик.

— Необязательно, — заметил Рафто и потянул носом воздух. — Отпечатки неравномерные, это видно вот тут, на ровном месте. Значит, ботинки ему велики. Возможно, он хотел нас обмануть.

Рафто почувствовал, что все взгляды обратились к нему. И он знал, о чем они думают: стоит тут и выпендривается, звезда хренова, любимчик журналистов: квадратная челюсть, харя как кирпич и соответствующая хватка. Коп как таковой, будто специально созданный для газетных заголовков. Впрочем, может, и не думают: с тех пор, как он считался звездой, много воды утекло. В какой-то момент он внутренне перерос их всех: и прессу, и коллег. И тогда ему стали намекать, что он думает только о своем месте в лучах софитов, что из эгоизма прошелся по головам слишком многих своих товарищей по работе. Да и к работе, шептали у него за спиной, он относится,

прямо сказать… Но Рафто об этом не слишком беспокоился. Нет у них ничего против него. Ну да, бывало, исчезали кое-какие вещественные доказательства с места преступления. Украшения там или часы, принадлежавшие убитому, но такими вещами наверняка никто не захотел бы владеть. Однажды коллега Рафто искал свою ручку и случайно — так он, по крайней мере, заявил — выдвинул ящик его стола. И нашел там три колечка. Рафто вызвали к комиссару для объяснений и попросили сидеть тихо и ни во что не вмешиваться. Вот и все. Но слухи уже поползли. Даже кое-кому из журналюг доложили о случившемся. Наверное, поэтому не стоит удивляться, что, когда года два назад в управлении начались проверки на предмет полицейского произвола, нашелся только один человек, о котором немедленно была подана докладная, — человек, созданный для первой полосы газет.

Никто и не сомневался, что обвиняли Герта Рафто не напрасно. Однако все при этом знали, что инспектор стал козлом отпущения в отделе, который в течение долгих лет был заквашен на вполне определенной традиции. Вот почему в рапортах за его подписью — преимущественно о допросах наркоторговцев и насильников детей

— было сказано, что, мол, арестант навернулся со старой лестницы, ведущей вниз, в камеры предварительного заключения, отчего и получил пару синяков.

Газеты были безжалостны. Прозвище, которое ему когда-то дали — Железный Рафто, — было, конечно, не самым оригинальным, но именно поэтому встречалось не слишком часто. А теперь оно получило новое значение. Журналисты взяли интервью у множества его старинных врагов по обе стороны закона, а уж они-то, конечно, как могли раздули все обвинения. Так что, когда дочь Рафто пришла из школы в слезах и сказала, что ее дразнят «железной лестницей», жена инспектора заявила, чтобы он не ждал, что она будет сидеть и смотреть, как из-за него всю семью поливают грязью. Ну а он, как это часто бывало, несколько утратил самообладание, после чего она забрала дочь и в этот раз к нему не вернулась.

Но и в это непростое время он не забывал, кто он есть. Железный Рафто. А когда карантин кончился, он втопил на полную и работал день и ночь, чтобы вернуть утерянные позиции. И хотя успех был на его стороне, ему не удалось заставить всех — и коллег, и журналистов — забыть о том, что они так отчаянно пытались доказать. Все

отлично помнили фотографии избитых людей в наручниках. Но он им покажет. Он докажет, что Герт Рафто не тот человек, который позволит закопать себя раньше времени. Что город там внизу — его город и принадлежит ему, а не этим бабам-белоручкам, которые называются спецами по социальным проблемам и сидят по своим кабинетам, высунув языки — такие длинные, что ими они достают аж до задниц местных депутатов и партийных журналистов.

— Сфотографируйте и займитесь опознанием, — приказал Рафто криминалисту с фотоаппаратом.

— Да кто же сможет такое опознать? — показал пальцем на тело молодой человек.

Его тон Герту не понравился.

— Кто-то наверняка уже заявил или вот-вот заявит о том, что пропала женщина. Просто сопоставь. Понял, пионер?

Рафто поднялся на вершину и оттуда взглянул на то, что только из желания обозначить разницу в высоте называли «плато». Его взгляд скользнул по окрестностям и остановился на расположенном неподалеку холме, на вершине которого стояло нечто напоминающее человеческую фигуру. Фигура не двигалась. Может, пирамида из

камней? Рафто прищурился. Он тут бывал тысячи раз — гулял с дочерью и женой, — но никакой пирамиды не припомнит. Он спустился к фуникулеру, переговорил с водителем и позаимствовал у него бинокль. Через пятнадцать секунд он увидел, что это никакая не пирамида, а три больших снежных кома, которые кто-то положил один на другой.

Район Фьелльсиден Рафто никогда не нравился. Он не понимал, что уж такого «живописного» в здешних избушках — без теплоизоляции, с крошечными потайными лестницами и подвальчиками, куда никогда не проникает солнечный свет. Но избушки эти раскупались детками богачей за многие миллионы: модники гнались за аутентичным бергенским жильем, а сами все там так отштукатурили, что от исконной атмосферы не осталось и следа. Нынче тут было не слыхать шлепанья детских ножек по дощатому полу: цены выдавили молодых ребят и семьи с маленькими детьми на другую сторону горы, и в Фьелльсидене царили пустота и тишина, как в каком-нибудь торговом районе. И все-таки у Рафто было ощущение, что за ним следят. С ним он шагнул на каменную лестницу и нажал на звонок.

Дверь почти сразу открылась, и на инспектора вопросительно уставилось бледное испуганное женское лицо.

— Онни Хетланн? — спросил Рафто и протянул руку с удостоверением. — Я по поводу вашей подруги Лайлы Осен.

Квартирка оказалась крошечной и с совершенно невозможной планировкой: ванная располагалась напротив кухни, и при этом между гостиной и спальней. Узорчатые, цвета красного вина, обои в гостиной не помешали Онни Хетланн впихнуть туда диван и кресло в оранжево-зеленых тонах, а на свободных местах (которых, впрочем, осталось немного) она сложила стопки журналов, штабеля книг и дисков. Рафто миновал кота и его перевернутую миску и очутился на диване. Онни Хетланн села в кресло и принялась накручивать на палец цепочку, на которой висел зеленый камень с черными прожилками. Наверное, фальшивый. А может, так и задумывалось.

Онни Хетланн узнала о гибели подруги от гражданского мужа Лайлы, Бастиана, вчера утром, но трагическое выражение все еще не покинуло ее лица. Рафто, не обращая на это внимания, беспощадно выложил неаппетитные детали.

— Ужасно, — прошептала Онни Хетланн. — Об этом Бастиан ничего не сказал.

— Да, мы не хотим пока выносить сор из избы, — пояснил Рафто. — Бастиан говорит, вы были лучшей подругой Лайлы.

Онни кивнула.

— Вам известно, что Лайла могла делать на вершине Ульрикена? Ее муж ничего об этом не знает, он вчера вместе с детьми был у бабушки во Флорё.

Онни отрицательно покачала головой. Этот жест, казалось бы, не оставлял ни малейшего сомнения. Да вот беда: прежде чем покачать головой, она замешкалась. На сотую долю секунды. И этого Герту Рафто было достаточно.

— Фрёкен Хетланн, речь идет об убийстве. Надеюсь, вы понимаете, насколько это серьезно и как вы рискуете, если не расскажете мне все, что вам известно?

Она по-бульдожьи уставилась на полицейского. Он сменил тон:

— Если вы полагаете, что блюдете интересы ее семьи, то вы ошибаетесь. Такие вещи становятся известны несмотря ни на что.

Онни сглотнула слюну. Перепугалась, судя по виду. Причем выглядела испуганной, еще когда

открывала дверь. И тогда он дал ей последний пинок — пустил в ход пустяковую угрозу, которая, впрочем, удивительным образом действовала и на виновных, и на невиновных:

— Вы можете рассказать мне все здесь и сейчас или проехать вместе со мной в участок для допроса.

Глаза Онни Хетланн наполнились слезами, голос был едва слышен:

— Она должна была там кое с кем встретиться.

— С кем?

Женщина всхлипнула:

— Лайла сказала мне только, как его зовут и кем он работает. Но это была тайна, ее никто не должен был узнать. Особенно Бастиан.

Чтобы скрыть ярость, Рафто пришлось уткнуться в блокнот.

— Назовите имя и место работы, — выдавил он.

Он записал все, что она сказала, в блокнот. Внимательно изучил написанное. Довольно обычное имя. И работа тоже довольно обычная. Но поскольку Берген — город маленький, подумал он, этого должно быть достаточно. Он всем своим существом чуял, что взял нужный след, — под «всем существом» Герт Рафто подразумевал

тридцатилетнюю службу в полиции и глубокое знание человеческой натуры, основанное на присущей ему природной мизантропии.

— Вы должны мне кое-что пообещать, — обратился Рафто к подруге убитой. — Ни одной живой душе вы не откроете того, что только что мне рассказали. Никому из членов семьи. Ни одному журналисту. И даже другим полицейским, с которыми придется разговаривать. Вы меня поняли?

— Даже… полиции?

— Вот именно. Расследование веду я. И мне необходим полный контроль над тем, кто владеет этой информацией. Пока я не дам вам других указаний, вы ничего не знаете.

Наконец-то, подумал Рафто, спускаясь с крыльца по каменной лестнице. Окно в полуподвальчике сверкнуло, приоткрывшись, и у него вновь появилось ощущение, что за ним наблюдают. Ну и что? Реванш будет за ним. За ним одним. Герт Рафто застегнул пальто и победоносно двинулся по блестящим улицам к центру, не замечая редкого дождика.

В пять вечера небо над Бергеном прохудилось окончательно. А на столе перед Рафто уже лежал список фамилий, полученный из Департамента труда. Он принялся искать кандидатов с под-

ходящим именем. Таких оказалось всего трое. Он вернулся от Онни Хетланн два часа назад и теперь подумывал, что совсем скоро будет знать, кто убил Лайлу Осен. Дело раскрыто менее чем за двенадцать часов. Раскрыто им, и никем больше. Потому он самолично проинформирует прессу. Столичные журналисты уже перемахнули через горы и обосновались в полицейском управлении. Начальник Управления криминальной полиции сделал заявление, что детали, касающиеся убийства, официально сообщены не будут, но стервятники успели почуять кровь.

— Наверное, утечка информации, — пробормотал начальник, глядя на Рафто.

Но тот не только не проронил ни слова, он даже не сиял тем лоском, какой требуется, чтобы попасть в заголовки. А пока журналисты сидели и ждали, готовые строчить свои статьи. Скоро, скоро Герт Рафто снова станет королем полицейского управления города Бергена.

Он убавил звук радио, по которому Уитни Хьюстон во весь голос настаивала на том, что всегда будет любить его, но прежде чем он успел снять трубку, телефон зазвонил.

— Рафто! — буркнул он раздраженно и нетерпеливо.

— Я тот, кого ты ищешь.

Несчастный инспектор тотчас понял, что это не блеф и не ошибка. Понял по голосу: тот был полон ледяного спокойствия, а четкая внятная дикция исключала вариант с сумасшедшим или пьяным. К тому же в голосе было что-то еще, чего инспектор никак не мог пока ухватить.

Рафто громко кашлянул пару раз — выиграл немного времени.

— С кем я говорю? — спросил он, чтобы показать, что вывести его из себя не удалось.

— Сам знаешь.

Рафто прикрыл глаза и глухо, но с чувством выругался. Черт, черт, преступник решил проявиться! И как раз в тот момент, когда Рафто собирался арестовать причастного к делу человека! Теперь весь эффект пропадет.

— А с чего ты взял, что я ищу именно тебя? — спросил полицейский сквозь зубы.

— Знаю, и все, — ответил голос. — И если сделаем так, как я скажу, ты сможешь получить то, что хочешь.

— А что я хочу?

— Ты хочешь арестовать меня. И ты сможешь это сделать. Сам. Понимаешь теперь, Рафто?

Инспектор кивнул и только потом собрался с

силами и выдавил:

— Да.

— Встретимся у тотемного столба в парке Нурнес, — произнес голос. — Примерно через десять минут.

Рафто попытался раскинуть мозгами. Парк находится возле Аквариума, за десять минут он туда успеет. Но почему он хочет встретиться именно там, на самом краю Нурнес-парка, на мысу, выходящем в море?

— Чтобы я мог видеть, что ты пришел один, — сказал голос, отвечая на его мысли. — Если увижу других полицейских или если опоздаешь, я исчезну. Навсегда.

Мозг Рафто работал: вычислял, сопоставлял, делал выводы. Группу захвата поднять он не успеет. Причем именно это можно будет внести в рапорт как причину того, что он был вынужден провести арест самостоятельно. Идеально.

— Отлично, — сказал Рафто. — И что будет, когда я приду?

— Я расскажу тебе все, ты выслушаешь мои условия, и я сдамся.

— Какие условия?

— На суде я буду без наручников. Слушание будет закрытым для прессы. И сидеть я буду там,

где мне не придется общаться с другими заключенными.

Рафто снова прокашлялся.

— Отлично, — согласился он наконец и посмотрел на часы.

— Подожди, у меня еще условия. Телевизор в камере и любые книги, какие я захочу.

— Все получишь, — заверил Рафто.

— Как только подпишешь соглашение, где изложены все мои требования, я твой.

— Что за… — начал Рафто, но короткие гудки в трубке возвестили о конце разговора.

Рафто припарковался у верфи. Это был не самый короткий путь, но отсюда обзор был лучше. По огороженной территории большого парка были протоптаны тропинки, тут и там виднелись холмы, покрытые желтой увядшей травой. Деревья топорщили свои черные пальцы, тянулись к тяжелому небу, которое наплывало с моря позади Аскёй. Какой-то человек спешил за нервным ротвейлером на натянутом поводке. Проходя мимо купальни, Рафто нащупал «смит-вессон» в кармане пальто. Купальня была пуста — огромное белое корыто, притулившееся у кромки моря и похожее на гигантскую ванну.

За поворотом, метрах в десяти, Рафто различал

высокий тотемный столб — дар Сиэтла Бергену на девятисотлетие. Он слышал свое дыхание и чавканье мокрой листвы под подошвами. Начался дождь. Маленькие колкие капельки впивались в лицо.

Единственный человек, стоявший возле тотемного столба, смотрел именно в сторону Рафто, как будто точно знал, что тот появится с этой стороны, а не с другой.

Подходя к столбу, Рафто сжал в кармане револьвер. Человек жестом остановил его в двух метрах от себя. Дождь заливал глаза, Герт сощурился и потряс головой. Этого не может быть.

— Удивлен? — спросил голос, который ему только сейчас удалось узнать.

Рафто не ответил. Мозг заработал с новой силой.

— Ты думал, что знаешь меня, — продолжал голос. — А на самом деле это я тебя знаю. Вот почему мне было очевидно, что ты захочешь все сделать сам.

Рафто смотрел на человека не мигая.

— Это игра, — сказал человек.

— Игра? — прохрипел Рафто.

— Ну да. Ты же любишь всякие игры.

Рафто подвигал в кармане рукой с зажатым ре-

вольвером, чтобы убедиться, что он не зацепится за подкладку, когда придется рывком вытащить его оттуда.

— Почему именно я? — спросил он.

— Потому что ты лучший. Я играю только против лучших.

— Ты псих, — прошептал Рафто и тут же пожалел об этом.

— Ну, в этом я не сомневаюсь, — улыбнулся человек. — Но ты тоже псих, дорогуша. Мы все психи. Безвольные призраки, которые никак не могут найти путь в свою обитель. И так было всегда. Ты знаешь, почему индейцы ставили эти штуки?

Человек постучал костяшкой указательного пальца по деревянному столбу, на котором были вырезаны фигуры. Они сидели на корточках, одна на другой, и смотрели на залив немигающими и невидящими черными глазами.

— Чтобы удерживать души, — продолжал человек. — Чтобы они не разбредались кто куда. Но тотемные столбы гниют. И этот сгниет, вот в чем дело. И тогда душе надо искать себе новое пристанище. Может, маску. Или зеркало. Или только что родившегося ребенка.

Из Аквариума, из загона для пингвинов, донес-

ся резкий хриплый птичий крик.

— Расскажешь, почему тебе пришлось убить ее? — спросил Рафто пингвиньим хриплым голосом.

— Жаль, что игра уже окончена, Рафто. Было забавно.

— А как тебе стало известно, что я напал на твой след?

Человек поднял руку, и Рафто автоматически сделал шаг назад. На ладони у человека что-то висело. Цепочка с большим камнем в форме слезы, зеленым, с черными прожилками. Сердце Рафто глухо ударило в ребра.

— Онни Хетланн определенно следовало держать язык за зубами. Но она позволила себе… как бы это сказать… проговориться.

— Лжешь, — выдохнул Рафто.

— Она сказала, что ты запретил ей сообщать что-либо твоим коллегам. И вот тогда-то мне стало понятно, что ты наверняка примешь мое приглашение и придешь сюда один. Потому что ты подумал, что это будет новое пристанище для твоей души, новое воплощение. Разве не так?

Холодный дождь тяжелыми каплями лег на лицо Рафто как пот. Он положил палец на спусковой крючок револьвера и произнес четко и

сдержанно:

— Ты выбрал плохое место. Ты стоишь спиной к морю, а там внизу полицейские машины уже перекрыли все въезды и выезды отсюда. Проскользнуть не удастся.

Человек втянул в себя воздух:

— Чувствуешь запах, Герт?

— Какой запах?

— Страха. У адреналина довольно отчетливый запах. Ну да ты наверняка все об этом знаешь. Наверняка помнишь: так же пахло от арестованных, которых ты бил. И от Лайлы пахло так же. Особенно когда она увидела, какими инструментами я собираюсь воспользоваться. А от Онни пахло еще сильнее. Думаю, оттого, что ты рассказал ей, как умерла Лайла, и она, едва увидев меня, поняла, что ждет ее саму. Весьма возбуждающий запах, неужели ты его не чувствуешь? В какой-то книге я читал, что именно по этому запаху хищники находят свою жертву. Только представь: дрожащая жертва пытается спрятаться, но понимает, что запах собственного страха убьет ее.

Рафто смотрел на руки человека, спокойно висевшие по бокам. Оружия в них не было. Еще не стемнело, они находятся недалеко от центра города, одного из крупнейших в Норвегии… В по-

следние годы он не пил и привел себя в хорошую физическую форму. Реакция стала быстрой, да и техника ближнего боя у него на уровне. Достать револьвер — дело одной секунды. Но почему же он напуган так, что у него стучат зубы?

Глава 6
День второй. Сотовый телефон

Инспектор Магнус Скарре откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза — сразу возникла стоящая к нему спиной фигура человека в костюме. Он открыл глаза и взглянул на часы. Шесть. Ну все, теперь, весь день потратив на процедуру сбора информации о пропавшей, он заслужил небольшую паузу. Скарре обзвонил все больницы, спрашивая, не поступала ли к ним Бирта Беккер. Позвонил в службу такси — общенорвежскую и столичную — и проверил маршруты, по которым они работали прошлой ночью в районе Хофф. Переговорил с банком пропавшей, где ему подтвердили, что она не снимала крупных сумм со счета перед тем, как исчезнуть, в ночь исчезновения, а также на следующий день. Полицейские, охранявшие столичный аэропорт, просмотрели списки пассажиров за вчерашний вечер, но фамилия Беккер встречалась там единожды: это был муж пропавшей, Филип, который летел бергенским рейсом. Скарре даже побеседовал с представителями фирм, чьи паромы вчера

уходили в Англию и Данию, хотя пропавшая вряд ли могла пересечь границу: муж нашел дома ее паспорт и показал его следователям. Дотошный инспектор разослал по отелям Осло и Акерсхуса факс с описанием внешности Бирты Беккер и сообщил данные по ней всем патрульным автомобилям в столице.

Оставалось только одно — пробить мобильный.

Магнус позвонил Харри и доложил о проделанной работе. Тот тяжело дышал, в трубке слышался птичий грай. Харри задал несколько вопросов о мобильном телефоне и отключился. Скарре встал и вышел в коридор. Дверь в кабинет Катрины Братт была открыта, там горел свет, но внутри никого не было. Он поднялся на этаж выше, в столовую.

Кухня уже не работала. На сервировочном столике перед дверью стоял термос с полуостывшим кофе, сухарики и варенье. В столовой сидело всего четыре человека, зато одним из них оказалась Катрина Братт. Она устроилась за стоящим возле стены столом, углубившись в папку с документами. Перед ней стоял стакан воды, подальше лежал открытый пакет с бутербродами. Читала Катрина в очках. Тонкие линзы, тонкая оправа

— на лице их почти не было видно.

Скарре плеснул себе кофе и направился к ней.

— Плановые сверхурочные? — Он уселся рядом.

Послышалось это Магнусу Скарре или он и в самом деле услышал вздох сожаления? Катрина оторвала взгляд от документа и взглянула на него.

— Знаете, как я догадался? — улыбнулся он и кивнул на пакет с едой. — Приготовили еще дома. То есть вы знали, что столовая закроется в пять, а вам придется сидеть тут гораздо дольше. Вы извините, но я же следователь. Мы все такие.

— Да ну? — произнесла она безразлично и вернулась к своим документам.

— Ага, — подтвердил Скарре, отхлебнул кофе и принялся ее разглядывать.

Она сидела, слегка наклонясь вперед, так что он без труда видел вырез блузки и даже белое кружево лифчика.

— Взять сегодняшнее дело о пропавшей женщине. Я знаю только то, что знают все. Но я думаю, что эта женщина все еще в Хоффе. Возможно, лежит где-нибудь там, под слоем снега или старых листьев. Или в озерке каком-нибудь, или, например, в ручье — их там много.

Катрина Братт молчала.

— А знаете, почему я так думаю?

— Нет, — ответила она без всякого выражения, даже не оторвав взгляда от своей папки.

Скарре перегнулся через стол и положил перед ней мобильный. Катрина подняла на инспектора недоумевающий взгляд.

— Это мобильный телефон, — доверительно сообщил он. — Вы, вероятно, считаете, что это недавнее изобретение. А между тем отец мобильной телефонии Мартин Купер еще в апреле тысяча девятьсот семьдесят третьего года осуществил первый разговор по мобильному. Он позвонил домой своей супружнице. Тогда он, конечно, даже и не догадывался, что его изобретение станет одним из важнейших средств, с помощью которых полицейские смогут находить пропавших людей. Если хотите стать хорошим следователем, Братт, нужно прислушиваться к более опытным коллегам и впитывать полученные от них знания.

Катрина сняла очки и посмотрела на Скарре с легкой улыбкой:

— Я вся внимание, инспектор.

— Вот и хорошо, — поощрил ее Скарре. — Потому что это важно, ибо Бирта Беккер была

владелицей мобильного телефона. А мобильный телефон посылает сигнал, который принимается базовой станцией того района, в котором этот мобильный находится. И не только тогда, когда мы звоним, но и когда телефон включен. Вот почему американцы сначала называли их cellular phone — «сотовыми». Потому что сигнал покрывает некоторое пространство, район, то есть как бы соту, ячейку. И там его ловит местная станция. Я связался с телефонной компанией. Станция, относящаяся к Хоффу, по-прежнему принимает сигнал телефона Бирты. А ведь мы обыскали весь дом, и телефона там не было. И уж вряд ли она потеряла его возле дома — таких случайностей не бывает… Такие вот дела. — Скарре жестом иллюзиониста, благополучно завершившего фокус, поднял руки вверх. — Допью кофе и звякну оперативникам: пусть высылают поисковую группу.

— Удачи, — произнесла Катрина, протянула ему мобильный и вернулась к своей папке.

— Это ведь одно из старых дел Холе, да? — спросил Скарре.

— Точно.

— Он думал, что это серийный убийца.

— Я знаю.

— Правда? Ну тогда вы наверняка знаете, что

он ошибся. И не в первый раз, между прочим. Он просто двинулся на маньяках, наш Холе. Все думает, видать, что у нас тут Америка. А своего серийного убийцу все еще не поймал. В родном-то отечестве!

— В Швеции было поймано множество серийных убийц. Томас Куик, Йон Асуниус, Туре Хедин…

— Я смотрю, вы хорошо уроки учили, — улыбнулся Магнус Скарре. — Но раз уж вы не прочь научиться паре хороших приемов настоящего следователя, то предлагаю рвануть отсюда, взять по пиву…

— Спасибо, я не…

— …и чего-нибудь перекусить. Пакетик-то ваш совсем маленький.

Тут наконец Скарре удостоился ее взгляда и с честью выдержал его. Он заметил в этом взгляде удивительный отблеск — будто где-то в глубине глаз заполыхал костер. Ничего подобного видеть ему еще не доводилось. «Ага, — обрадовался он, — а ведь это моя работа! Это от моего рассказа в ее глазах вспыхнул огонек интереса. По всему видать, мне удалось попасть на самый верх ее турнирной таблицы».

— Можете смотреть на это как… — начал Скар-

ре и запнулся, подбирая слова, — как на курс повышения квалификации.

Она улыбнулась.

Скарре стало жарко, у него участился пульс. Вот-вот он обнимет ее, почувствует ее тело, ее затянутое в чулок колено, услышит звук, с которым его ладонь двинется выше.

— Чего ты, Скарре, хочешь? Пощупать новую дамочку, появившуюся в отделе? — Она улыбнулась еще шире, и огонь в глазах стал еще ярче. — Хочешь успеть ее трахнуть, да? Ты как мальчишка на дне рождения: бросаешься на самый большой кусок торта, чтобы другим досталось поменьше?

У Магнуса Скарре челюсть так и отвисла.

— Дам-ка я тебе пару добрых советов, Скарре. Держись подальше от женщин, с которыми работаешь. Не трать время на то, чтобы слоняться по столовой и пить кофе, если — как ты утверждаешь — ты только что напал на след. И даже не пытайся убедить меня в том, что это ты звонил оперативникам. Потому что им звонил старший инспектор Холе. И это он начал поиски. Говорят, что он связался со спасателями, но они никого не прислали, решили, что для спасательной операции время уже вышло.

Катрина смяла пакет из-под бутербродов и бро-

сила в мусорку за спиной Скарре. Не оглядываясь, он понял, что она не промахнулась. Она захлопнула папку и встала, но к тому времени Скарре уже успел собраться:

— Не знаю, что вы там себе нафантазировали, Братт. Вы замужняя женщина, хотя, может, вы чего-то там и недополучаете дома, раз решили, что такой мужчина, как я, станет… — Он не мог подобрать слова. Черт возьми, он не мог подобрать слова! — Да я только хотел кое-что тебе объяснить!

С лицом Катрины что-то произошло: будто распахнулась дверца топки и на него полыхнуло бушующим пламенем. Скарре был уверен: вот сейчас она его ударит. Но нет… не ударила. Впрочем, до него это дошло, только когда она снова заговорила, причем голос у нее был совершенно спокойный.

— Я приношу извинения, если неправильно вас поняла, — произнесла она с выражением лица, никоим образом не свидетельствующим об искреннем раскаянии. — Кстати, Мартин Купер звонил тогда не «супружнице», а своему конкуренту, Джоэлу Энджелу из «Лабораторий Белла». Как вы думаете, Скарре, зачем он это сделал? Чтобы кое-что ему объяснить? Или просто

похвастаться?

Скарре смотрел ей вслед. Когда Катрина поворачивала к выходу из столовой, костюмчик так обтянул ее задницу, что Скарре потянуло встать и отправиться следом. Черт, сумасшедшая баба!.. Но нет, встречаться с ней пока не стоит. К тому же все равно придется посидеть здесь еще немного: зачем ему привлекать внимание к своей вздыбившейся ширинке?

Харри чувствовал, что легкие вот-вот упрутся в ребра. Но дыхание постепенно успокаивалось. А вот сердце нет, оно все еще загнанным зайцем билось в груди. Он стоял на опушке леса возле ресторанчика «Экеберг». Тренировочный костюм отяжелел от пота. Этот ресторанчик, сохранившийся с межвоенных времен, когда-то был гордостью столицы, над которой он царственно возвышался на крутом восточном склоне. Но путь из центра сюда, в лес, получался неблизкий, и людям постепенно это надоело. Ресторанчик стал нерентабельным, пришел в упадок, сюда забредали теперь только постаревшие любители танцев, пьяницы средних лет да неприкаянные одиночки в поисках других неприкаянных одиночек. В конце концов ресторанчик закрыли. Харри нравилось приезжать на Экеберг, под-

ниматься над городом, окутанным желтыми клубами выхлопных газов, а потом по одной из многочисленных тропинок добегать до ровной площадки, чувствуя, как в мышцах горит молочная кислота. Ему нравилось останавливаться у полуразрушенного ресторанчика, сохранившего особую красоту обломков кораблекрушения. Он садился на волглой от дождя проржавевшей террасе и смотрел на город, который когда-то был ему родным, но теперь обанкротился и развалился. Смотрел с тем чувством, с каким глядят на встреченную случайно бывшую возлюбленную…

Город лежал в чаше гор, ее крутые края высоко вздымались почти по окружности, и только в сторону фьорда оставались какие-то — слабые, впрочем — позиции для отступательного маневра. Геологи утверждают, что Осло построен в кратере потухшего вулкана. И в такие вечера, как сегодня, Харри представлял себе, что огни города — это дырки в земной коре, сквозь которые просвечивает бурлящая лава. Глядя на район Хольменколлен, белой точкой светящийся на дальнем склоне напротив города, он пытался угадать, где находится дом Ракели.

Он подумал о письме. И о телефонном разговоре со Скарре, сообщившем о сигнале сотового Бирты

Беккер. Сердце стучало уже медленнее, качало себе кровушку и посылало мозгу успокаивающие сигналы: жизнь продолжается. Прямо как мобильный телефон посылает сигналы станции. Мозг, подумал Харри, сигнал, письмо. Глупая мысль. Какого рожна он не выкинет это все из головы? Какого рожна он тут сидит и думает, сколько времени у него уйдет, чтобы добежать до машины, а потом добраться до Хоффа и проверить, кто из них на самом деле глуп?

Ракель стояла в кухне у окна и смотрела во двор, на деревья, которые загораживали соседские окна. Она как-то выступила в местном совете с предложением срубить два-три дерева, чтобы стало хоть чуть-чуть побольше света, но натолкнулась на молчаливое несогласие, впрочем, такое отчетливое, что она больше никогда об этом не заговаривала. Еловые ветви скрывали все и всех, и именно это ценилось жителями района Хольменколлен. Снег все падал и падал на город, на холм, по которому осторожно крались друг за другом «вольво» и «БМВ», возвращаясь домой, к гаражным воротам с электроприводом, горячему ужину, приготовленному подтянутыми женами (тренажерный зал, годичный академический отпуск, редкие консультации практикантов).

Даже сквозь солидные этажные перекрытия виллы, унаследованной ею от отца, Ракель слышала музыку, звучавшую у Олега в комнате. «Led Zeppelin» и «The Who». Вот когда ей самой было двенадцать, среди ее сверстников считалось немыслимым слушать такую старую музыку: эту музыку любили еще их родители. Но Олег-то получил пластинки от Харри и сделался преданным поклонником рок-идолов семидесятых.

Ракель вспомнила, до чего же исхудал Харри. Просто усох. Совсем как память о нем. Что-то почти пугающее чудилось ей в том, как память о человеке, с которым она была настолько близка, блекнет и исчезает. А может, это оттого, что, когда роман заканчивается, все его перипетии начинают казаться сном. А сон… Сон — не более чем порождение нашей фантазии, его почти мгновенно забываешь. Вот, наверное, почему встреча с Харри так потрясла Ракель. Обнять, вдохнуть его запах, услышать его голос не из телефонной трубки, а из его губ, таких мягких при всей твердости его лица, на котором проступили новые морщины… Взглянуть в его голубые глаза, которые то блестят, то потухают, когда он говорит… Все как раньше.

Но в то же время ей было радостно, что она

уже перевернула эту страницу. Что не с этим мужчиной ей суждено разделить свое будущее, что он уже никогда не сможет вторгнуться своей ужасной жизнью в их с Олегом жизнь.

Теперь все у нее идет хорошо. Намного лучше, чем раньше. Она взглянула на часы. В отличие от Харри этот не опаздывал.

Матиас возник однажды летом, совершенно неожиданно. На собрании руководства местного самоуправления. Он ведь даже не жил в их районе — его пригласил приятель. Они с Ракелью сидели рядом и мило проболтали целый вечер. В основном о ней, если честно. Он слушал внимательно, с каким-то, как ей показалось, врачебным интересом. А через несколько дней позвонил и спросил, не хочет ли она пойти с ним на выставку в Центре Хени — Унстада, в Хёвикоддене. Сказал: и Олег, мол, тоже пусть приходит, потому что там есть программа и для детей. Погода была плохая, живопись так себе, а Олег — просто невыносим. Но Матиасу удалось поднять всем настроение шутками и особенно язвительными замечаниями о художниках и их способностях. А потом он отвез их домой, попросил прощения за неудачную идею и с улыбкой пообещал, что никогда и никуда их с собой не возьмет. Если, конечно, они

сами не попросят. После чего Матиас на две недели улетел в Ботсвану. И позвонил ей, как только вернулся, в тот же вечер. Попросил встретиться с ним снова.

Ракель услышала звук машины, газовавшей, чтобы заехать на крутой подъем, ведущий к дому. У него была старенькая «хонда-аккорд». Ей, непонятно почему, это нравилось. Он всегда парковался возле гаража и никогда внутри. И это ей тоже нравилось. Нравилось, что у него всегда с собой смена белья и несессер — они лежали в рюкзаке, который он обязательно уносил с собой утром; что он спрашивает, когда они смогут увидеться снова, и никогда ничего не принимает как должное. Все это теперь, конечно, может измениться, но Ракель была к этому готова.

Матиас вышел из машины. Высокий — почти как Харри. Приехав, он всегда улыбался ей, подняв к кухонному окну свое по-мальчишески открытое лицо. Даже если был смертельно уставшим после бесчеловечно долгого дежурства. Да, она была готова. Потому что этот мужчина подходил ей, он любил ее и ставил их маленький тройственный союз превыше всего остального. Ракель услышала, как в замке поворачивается ключ. Ключ, который она сама вручила ему на

прошлой неделе. Как он тогда удивился! Как ребенок, получивший входной билет на шоколадную фабрику.

Дверь открылась, Матиас стоял на пороге, и она уже была в его объятиях. Ей нравился даже запах его пальто. Щекой она прижалась к вкусно пахнущей, холодной ткани, а по телу побежало привычное тепло.

— Что такое? — улыбнулся он ей в волосы.

— Я так тебя ждала! — прошептала Ракель.

Он закрыл глаза, и так они постояли еще мгновение.

Она выпустила его из объятий и взглянула в улыбающееся лицо. Красавец. Красивее Харри.

Освободившись, Матиас расстегнул пальто, повесил его и пошел мыть руки. Он всегда первым делом мыл руки, когда возвращался из анатомического театра, где во время лекции проводил манипуляции с трупами. Харри тоже всегда мыл руки, если возвращался с расследования убийства.

Матиас открыл нижний шкафчик, высыпал в раковину картошку из ведерка и включил воду.

— Как прошел день у тебя, любовь моя?

Ракель подумала, что многие мужчины не захотели бы знать, как прошел вчерашний вечер,

потому что она встречалась с Харри, и Матиасу об этом было известно. И это ей тоже в нем нравилось. Она принялась рассказывать, глядя в окно. Ее взгляд скользнул по елям и устремился туда, где только-только начали загораться огни города. Харри сейчас где-то там. В безнадежной погоне за тем, кого так и не удавалось — и никогда не удастся — схватить. Ей стало его жалко. Осталось только сочувствие. Хотя вчера вечером мелькнуло что-то между ними: тогда они сцепились взглядами и никак не могли отпустить друг друга. Это было как удар тока, но так же быстро и закончилось. Совсем. Волшебство исчезло. И это произошло по ее воле.

Она встала позади Матиаса, обняла, прижалась к его широкой спине.

Она чувствовала, как под рубашкой ходят его мускулы — он чистил картошку и бросал ее в кастрюлю.

— Пожалуй, сюда влезет еще парочка, — предположил он.

Ракель заметила какое-то движение возле кухонной двери и оглянулась. Там стоял Олег и смотрел на них.

— Принеси, пожалуйста, из подвала еще картошки, — попросила она.

Темные глаза Олега потемнели еще больше. Он стоял не шевелясь.

Матиас повернулся к нему:

— Я сам могу сходить. — Он взял опустевшее ведерко для картошки.

— Нет, — произнес Олег и сделал шажок вперед. — Я схожу.

Взял у Матиаса ведерко и вышел за дверь.

— Что с ним? — спросил Матиас.

— Он просто немного боится темноты, — вздохнула Ракель.

— Это я понял, но почему он все-таки пошел туда?

— Потому что Харри говорил, что нужно суметь победить страх. — Она покачала головой. — Когда Харри жил здесь, он всякий раз посылал в подвал Олега.

Матиас наморщил лоб.

— Харри вовсе не детский психолог, — грустно улыбнулась Ракель. — А Олег слушался только Харри, не меня. С другой стороны, в подвале же нет никаких чудовищ.

Матиас повернул рукоятку под конфоркой и тихо сказал:

— А вот в этом мы не можем быть уверены.

— Ты? — улыбнулась Ракель. — Ты тоже боялся

темноты?

— Прошедшее время здесь не вполне уместно, — криво усмехнулся Матиас.

Да, он ей нравится. Он лучше Харри. И жить с ним лучше. Он ей нравится, нравится.

Харри остановил автомобиль возле дома Беккеров. Посидел немного в машине, глядя на желтый свет, льющийся из окон во двор. Снеговик уменьшился до размеров карлика. Но его тень все еще лежала меж деревьев, дотягиваясь до самого забора.

Харри вышел из машины. Дверца скрипнула, и от этого лицо его скривилось. Он понимал, что поздно, что надо было бы позвонить, что двор — такая же частная собственность, как и сам дом… Однако твердое желание побеседовать с профессором Беккером, а также необходимые для такой беседы запасы терпения созрели у него именно сейчас.

Промокшая почва слегка пружинила под ногами. Он присел на корточки. Свет отражался в снеговике, как будто тот был сделан из матового стекла. Днем он подтаял, из снега образовались крошечные кристаллики, а теперь, когда температура упала, влага конденсировалась и застыла кристаллами покрупнее. В результате чистый,

белый и легкий снег, из которого вчера скатали снеговика, сегодня сделался сероватым, крупнозернистым, слежавшимся.

Харри поднял правую руку. Сжал кулак. И ударил.

Голова снеговика слетела с плеч и упала на бурый газон.

Харри ударил еще раз, теперь сверху вниз, пальцы напряглись, скрючились, как звериные когти, пронизали снег и наконец ухватили то, что он искал.

Он выдернул руку обратно и триумфальным жестом протянул находку снеговику — так Брюс Ли держит перед поверженным врагом вырванное у него сердце.

Это был красно-черный телефон «Нокия». Его кнопки все еще светились. Но победное чувство в душе Харри уже погасло. Он понимал, что это вовсе не прорыв в следствии, а просто антракт в кукольном спектакле, где действующих лиц дергают за невидимые ниточки. Слишком легко все получилось. Телефон им просто-напросто подбросили.

Харри дошел до входной двери и позвонил. Открыл ему Филип Беккер. Волосы взъерошены, галстук съехал на сторону, глазами хлопает, буд-

то только что проснулся.

Филип вопросительно посмотрел на Харри, заметил в его руке телефон и быстро кивнул:

— У Бирты был именно такой телефон.

— Могу я вас попросить набрать ее номер?

Беккер исчез в глубине дома, а Харри остался ждать. Вдруг в дверном проеме появилось лицо Юнаса. Харри хотел поздороваться, но тут заиграл мобильный. Это была песенка «Мой любимый козлик». В голову Харри немедленно пришли последние слова припева — он знал песенку еще со школы: «Вспомни про своего хозяина».

Харри увидел, как на мгновение осветилось лицо Юнаса. Мозг мальчика подсознательно среагировал на рингтон матери, но радостное выражение почти сразу сменила гримаса неприкрытого ужаса. И этот ужас был Харри хорошо знаком.

Войдя в квартиру, Харри почувствовал запах гипса и опилок. Панели, закрывавшие стену, были сняты и штабелями сложены на полу. На открывшейся стене виднелись какие-то светлые пятна. Харри провел пальцем по белому налету, тот осыпался на паркет. Он лизнул кончик пальца — привкус солоноватый. Грибок? Или это просто проступила соль, пот дома? Харри

чиркнул зажигалкой и приблизил лицо к стене. Ничего не видно, да и запаха никакого нет.

Улегшись в постель и уставившись в непроглядную темноту спальни, Харри думал только о Юнасе. И о матери. О запахе лекарств и ее лице, которое медленно растворялось в белизне подушки. Он целыми днями и неделями играл с Сестрёнышем, а отец все молчал, и все делали вид, что ничего не произошло… Харри почудилось, что до него доносится слабый звук. Это невидимые нити росли, натягивались, наматывались на темноту и пожирали ее, оставляя слабый, дрожащий косыми лучами свет.

Глава 7
День третий. Невыявленные данные

Слабый утренний свет проник сквозь жалюзи и серой вуалью скользнул по лицам двух сидящих в кабинете людей. Комиссар полиции Хаген слушал Харри Холе, наморщив лоб над черными бровями, густыми, кустистыми, сросшимися в одну длинную линию. На его шикарном столе, на маленькой подставке, лежал мизинец, который, судя по прилагавшемуся документу, принадлежал японскому командиру батальона Ёсито Ясуде. Когда Хаген учился в Академии сухопутных войск, он прочитал где-то, что Ясуда отрубил себе мизинец, впав в отчаяние во время отступления 1944 года в Бирме. Владельцем этой реликвии Хаген стал за год до того, как вернулся к своему первоначальному роду деятельности — в полицию — и возглавил отдел по борьбе с насилием. И поскольку с того времени утекло немало воды, теперь он довольно терпеливо выслушивал все, что докладывал ему старший инспектор о расследовании исчезновения людей.

— В одном только Осло ежегодно пропадает

шестьсот человек. Однако через несколько часов после того, как их заявят в розыск, ненайденными остается всего лишь горстка. Это известно, как и то, что, если поиски длятся больше двух дней, человека почти наверняка не найдут.

Хаген задумчиво провел пальцем по своим знаменитым сходившимся над переносицей бровям. Ему надо было подготовить совещание по бюджету, которое пройдет в кабинете начальника Полицейского управления. Тема — принятое властями решение о снижении налоговых поступлений.

— Большинство пропавших — клиенты психушек или старики, впавшие в маразм, — продолжал Харри. — Но встречаются также и относительно нормальные люди, которые срываются в Копенгаген или кончают с собой. Этих находят или в списках пассажиров, или по выпискам со счетов, когда они снимают деньги в банкомате; иногда их тела выбрасывает на берег.

— Ну и к чему ты все это?.. — перебил Гуннар Хаген и взглянул на часы.

— Вот к чему. — Харри вытащил желтую папку, которая с пластмассовым клацаньем приземлилась на комиссаров стол.

Хаген подался вперед и стал листать подшитые

бумаги.

— Я обязательно ознакомлюсь, Харри, ведь ты у нас не из тех, кто строчит рапорты.

— Это произведение Скарре, — уточнил Харри. — Но вывод мой, и его вы должны выслушать здесь и сейчас.

— Пожалуйста, покороче.

Харри сложил руки и опустил на них взгляд. Длинные ноги он вытянул вперед. Задержал дыхание. Сейчас он скажет то, что собирался, и назад пути не будет.

— Слишком многие исчезли без следа.

Правая половина Хагеновой бровищи поползла вверх.

— Поясни.

— Здесь данные о шестерых. Женщины от двадцати пяти до пятидесяти, пропавшие за период начиная с тысяча девятьсот девяносто пятого года. Этих женщин так и не нашли. Я тут побеседовал с ребятами из отдела розыска пропавших, и они со мной согласны: получается слишком много.

— Слишком много по сравнению с чем?

— С тем, что было раньше. С тем, что происходит в Дании и Швеции. И по сравнению с другими демографическими группами. Почти все эти

женщины состояли в браке — официальном или гражданском.

— Ну, нынче дамы пошли гораздо более самостоятельные, — усмехнулся Хаген. — Уезжают, рвут отношения, может, находят себе мужиков за границей. Так что твоя статистика малоубедительна.

— В Швеции и Дании женщины также стали более самостоятельными. Но там всех пропавших рано или поздно находят.

Хаген вздохнул:

— Ну, раз эти данные так резко отличаются от нормы, то почему же раньше-то никто не спохватился?

— Потому что цифры Скарре касаются всей страны, а полиция обычно имеет дело со своим округом. У вас, конечно, есть данные из Главного управления полиции Норвегии. В сводке тысяча восемьсот имен пропавших без вести, но это данные за последние пятьдесят лет. К тому же туда входят жертвы кораблекрушений и крупных катастроф, вроде той, что произошла на нефтяной платформе «Александр Хьелланн». Штука в том, что никто не пытался увидеть тут закономерность, характерную для всей территории страны. До этого самого момента.

— Может, и верно, но мы-то отвечаем не за всю территорию, Харри. Здесь у нас Полицейское управление города Осло. — И Хаген положил ладони на стол, намекая, что аудиенция окончена.

— Да ведь я о чем толкую? — Харри почесал подбородок. — Это добралось и до Осло.

— Что «это»?

— Вчера я обнаружил в снеговике мобильный телефон пропавшей Бирты Беккер. Я сам не знаю, что это, шеф. Но, думаю, надо в нем хорошенько разобраться и вытащить на свет. Причем быстро.

— Статистика — вещь интересная. — Хаген взял мизинец батальонного командира Ясуды и принялся поглаживать его большим пальцем. — И я, конечно, понимаю, что последний случай с пропавшей женщиной дает повод для беспокойства. Но этого недостаточно. Так что давай выкладывай причину, по которой ты вздумал озадачить Скарре этим рапортом.

Харри задержал взгляд на Хагене, достал из внутреннего кармана мятый конверт и протянул шефу.

— Его положили мне в почтовый ящик сразу после того ток-шоу, в котором я участвовал в начале сентября. До сих пор я считал, что это выходка какого-то психа.

Хаген достал из конверта листок бумаги, прочитал девять предложений, составлявших текст, и снова воззрился на Харри, качая головой:

— Снеговик? А что такое Мурри?

Харри коротко объяснил и закончил:

— Вот почему я боюсь, что речь идет об *этом*.

Комиссар глядел на него непонимающе.

— Хотелось бы мне ошибаться, — произнес Харри, — но думаю, нас ждут чертовски тяжелые времена.

Хаген вздохнул:

— Чего ты хочешь, Холе?

— Я хочу следственную группу.

Хаген посмотрел на Харри. Как и все остальные сотрудники Полицейского управления, он считал Харри упрямым, высокомерным, склочным и непредсказуемым алкоголиком. С другой стороны, Хаген был рад, что он с Харри находится по одну сторону баррикад и что тот никогда не вцепится ему в горло.

— Сколько? — спросил он. — И на какой срок?

— Десять человек. На два месяца.

— Две недели? — воскликнул Магнус Скарре. — Четверо? Всего-то? И это на расследование убийства!

Он возмущенно посмотрел на остальных кол-

лег, которые набились в кабинет Харри Холе. Их было трое: Катрина Братт, сам Харри и Бьёрн Хольм из криминалистического отдела.

— Больше Хаген не дал. — Харри откинулся на спинку кресла. — И это не расследование убийства. Пока.

— Что же это тогда такое? — спросила Катрина Братт. — Пока?

— Дело об исчезновении человека, — ответил Харри. — Но не забывайте, что в нем много общего с другими подобными случаями, имевшими место в последние годы.

— Речь идет о семейных женщинах, которые внезапно исчезли поздней осенью? — спросил Бьёрн Хольм, демонстрируя остатки говора, который он вывез из родного Тотена вместе с коллекцией виниловых пластинок Элвиса, «Sex Pistols» и «Jason And The Scorchers», тремя костюмами работы нэшвиллского портного, американской Библией, немного коротковатым диваном-кроватью и столовым гарнитуром, пережившим уже три поколения Хольмов.

Все это он запихал в прицеп и притащил в столицу на стареньком «амазоне» — модели, в последний раз сошедшей с конвейера «Вольво» еще в 1970 году. Бьёрн Хольм выложил за него двена-

дцать тысяч, но каков у «амазона» пробег, никто так и не смог разобраться, потому что показания спидометра только приближались к сотне тысяч километров. Тем не менее этот автомобильчик был выражением всего, чем являлся и во что верил сам Бьёрн Хольм. К тому же он пах лучше всех машин на свете: смесью запахов дерматина, жестянки, моторного масла, выцветшей под солнцем полки для шляп, завода «Вольво» и человеческого пота, которым лоснилось водительское сиденье. Для Бьёрна Хольма то был не просто пот, но благородный глянец, квинтэссенция всех предыдущих владельцев: их души, кармы, всего, что они проглотили на своем веку, и вообще — того, как они жили в целом. С зеркала заднего вида свисали игральные кубики — настоящие плюшевые кубики фирмы «Фаззи-дайс». Нелепая игрушка как нельзя лучше символизировала искреннюю любовь и ироничное отстранение, испытываемое к американской культуре и эстетике сыном норвежских крестьян, которому в одно ухо пел Джим Ривз, в другое — «Ramones», а сам он в равной степени обожал и то и это.

Теперь Бьёрн Хольм сидел в кабинете Харри в своей растаманской шапочке, из-за которой был больше похож на наркодилера, чем на экс-

перта-криминалиста. Из-под шапочки торчали огромные огненно-рыжие котлетообразные бакенбарды, обрамлявшие круглое приятное лицо с широковато посаженными круглыми же глазами, делавшими его похожим на вечно удивленную рыбину. Это был единственный человек, которого Харри специально попросил включить в следственную группу.

— И вот еще что. — Харри протянул руку и хлопнул по проектору, что стоял между стопками документов у него на столе.

Магнус Скарре выругался и прикрыл ладонью глаза: резкий луч света, в котором различались размытые буквы, уперся ему прямо в лицо. Он передвинулся на другое место, а Харри тем временем вещал из-за проектора:

— Это письмо оказалось в моем почтовом ящике примерно два месяца назад. Адреса и имени отправителя нет, почтовый штемпель поставлен в Осло. Отпечатано на стандартном струйном принтере.

Прежде чем Харри успел попросить, Катрина Братт нажала на выключатель возле двери, кабинет погрузился в темноту и на белой стене четко вырисовался четырехугольник света.

Читали в полной тишине.

Скоро выпадет первый снег. И тогда он снова появится. Снеговик. А когда снег растает, он снова кого-то заберет с собой. Ты должен спросить себя вот о чем. Кто сделал снеговика? Кто делает снеговика? Кто породил Мурри? Потому что сам снеговик об этом не знает.

— Поэтично, — пробормотал Бьёрн Хольм.

— Что такое Мурри? — спросил Скарре.

Ответом ему было монотонное стрекотание проектора.

— Интереснее всего, кто такой Снеговик, — вставила Катрина Братт.

— Явно тот, кому не мешало бы подкрутить мóзги, — решительно произнес Хольм.

Засмеялся только Скарре и осекся, потому что Харри из темноты объяснил:

— Мурри — так называли одного давно умершего человека. Вообще мурри — это австралийские аборигены, живут в штате Квинсленд. Но этот конкретный мурри, пока был жив, убивал женщин по всей Австралии. До сих пор никто не знает точно, сколько именно. Его настоящее имя было Робин Тувумба.

Зашелестел шепот.

— Маньяк! — выдохнул Бьёрн Хольм. — Тот самый, которого ты убил!

Харри кивнул.

— Значит, ты думаешь, что у нас клиент такого рода?

— Учитывая это письмо — не исключено.

— Эй, эй, попридержите лошадей! — поднял руки Скарре. — Сколько раз ты уже кричал «волки!», когда тебе чудилось что-то похожее на то австралийское дело, Харри?

— Трижды, — ответил Харри. — Как минимум.

— А ведь в Норвегии серийных убийц до сих пор не бывало. — Скарре бросил быстрый взгляд на Братт — убедился, что она его внимательно слушает. — Может, это все из-за тех курсов по «маньяковедению», которые ты прошел в ФБР? Может, потому ты их видишь везде и всюду?

— Не исключено, — подтвердил Харри.

— Тогда позволь напомнить тебе, что за исключением парня, что бегал со шприцем за стариками, которые все равно вскорости должны были умереть, в Норвегии серийных убийц не было никогда. Эти ребята водятся только в США, да и то в основном в кино.

— Неправда! — бросила Катрина Братт. Все разом повернулись к ней, и она подавила нервный зевок. — Они водятся и в Швеции, и во Франции, Бельгии, Германии, Англии, Дании, России и Фин-

ляндии. При этом известны только раскрытые преступления. О невыявленных данных предпочитают вслух не говорить.

В темноте Харри не было видно, как покраснело лицо Скарре, зато он заметил, как тот агрессивно выпятил подбородок в сторону Катрины Братт.

— У нас даже трупа нет, а таких писем я вам могу показать целый шкаф! — негодующе заявил Скарре. — Причем от людей, куда более свихнувшихся, чем этот… этот… Снеговик.

— Штука в том, — сказал Харри, встав и подойдя к окну, — что наш псих проделал основательную работенку. Имя Мурри в газетах даже не упоминалось. Это был псевдоним Робина Тувумбы, который тот использовал, когда был борцом в передвижном цирке.

Последний луч дневного света пробился сквозь облака. Харри посмотрел на часы. Олег очень просил выйти пораньше, чтобы успеть и на «Slayer».

— С чего же на́чать? — спросил Бьёрн Хольм.

— Что? — переспросил Скарре.

— С чего начнем? — исправился Хольм, вспомнив про свой говор.

Харри подошел к столу.

— Хольм еще раз осмотрит дом и двор Беккеров — как если бы это было место убийства. Мобиль-

ный и шарф проверить особо. Скарре, составь список осужденных ранее за убийство, насилие, подозреваемых…

— …в подобных преступлениях и всякого остального сброда, который сейчас на свободе, — закончил за него Скарре.

— Братт, садись за документацию по пропавшим женщинам и ищи общий рисунок.

Харри ожидал неизбежного вопроса: «Какой рисунок?», но Катрина Братт только коротко кивнула в ответ.

— О'кей, — закруглился Харри, — приступайте.

— А вы? — спросила Братт.

— А я пойду на концерт, — ответил Харри.

Когда все вышли из кабинета, Харри уткнулся в свой блокнот, глядя на единственную сделанную им запись: «невыявленные данные».

Сильвия бежала изо всех сил. Она бежала по направлению к деревьям, туда, где они росли гуще всего, грозно темнея на фоне сумерек. Бежала, чтобы спастись.

Она не зашнуровала ботинки, и теперь они были полны снега. В руке Сильвия сжимала маленький топорик. Его лезвие покраснело от крови.

Вчерашний снег, наверное, почти весь растаял,

но это в городе, а здесь, в горах, в Соллихёгде, всего в получасе езды оттуда, он может лежать и до весны. Как же она жалела, что они переехали сюда, в это богом забытое место, на эти пустоши за поселком! Бежала бы она сейчас по асфальту, на котором не остается следов, по городу, чей шум заглушает шаги беглеца! В городе можно затеряться в огромной тесной людской толпе. А тут она совсем одна.

Хотя нет.

Не совсем.

Глава 8
День третий. «Лебяжья шея»

Сильвия бежала к лесу. Становилось темно. Вообще-то она ненавидела ранние ноябрьские сумерки, но на этот раз ей все казалось, что темнеет недостаточно быстро. Темнота спрячет следы, укроет ее. Местность она знала как свои пять пальцев и была в состоянии сориентироваться, чтобы случайно не повернуть обратно к дому, прямо в лапы к… этому. Но вот незадача: за ночь снег изменил все вокруг, прикрыл камни — так хорошо ей знакомые камни — и сгладил все очертания. Да и сумерки стирали привычные приметы ландшафта. Где она? Сильвия постаралась подавить охвативший ее приступ паники.

Она остановилась и прислушалась. Никого. Только ее захлебывающееся дыхание рвет тишину с таким звуком, с каким рвется бумага, в которую она заворачивает завтрак для ребятишек, собирая их в школу. Сильвия попыталась дышать ровнее. Кровь по-прежнему шумела в ушах, но она расслышала тихое журчание ручья. Ручей! Они всегда шли вдоль него, когда

собирали ягоды, ставили ловушки или искали заблудившихся кур, которых — они это отлично понимали — на самом деле унесла лиса. Ручей бежал вниз, к грунтовой дороге, а по дороге рано или поздно проедет какая-нибудь машина.

Шагов Сильвия больше не слышала. Ни звука ломающегося сучка, ни хруста снега под ногами. Может, ей удалось оторваться?

Ручей тек словно по белой простыне, которой было выстлано дно лесного оврага. Сильвия прыгнула в воду. Ручей был мелкий — вода дошла до середины лодыжек и залилась в обувь. Стало так холодно, что даже мышцы свело, но она устремилась вниз по течению, высоко поднимая ноги, делая огромные шаги, сопровождавшиеся громким всплеском. Никаких следов! — победно думала она. И пульс успокаивался, несмотря на то что она продолжала бежать.

Недаром в последние годы Сильвия проводила долгие часы в тренажерном зале местного торгового центра. Там она сбросила шесть кило, тело подтянулось, стало гибким — ей ни за что не дашь ее тридцати пяти лет! Об этом каждый раз говорил Ингве, с которым она познакомилась в прошлом году на психологическом тренинге по вдохновению. Где ее, собственно, и вдохновили

на все остальное. Господи, если бы только она могла прокрутить часы назад! На восемь лет вспять. Она бы все сделала по-другому! Не вышла бы за Ролфа. И сделала бы аборт. Конечно, теперь, когда близнецы уже появились на свет, об этом невозможно даже помыслить. Но до того как она опросталась малышками — Эммой и Ольгой, — все было возможно, и тогда она не оказалась бы в этой тюрьме, которую так старательно выстроила вокруг себя.

Сильвия наткнулась на ветку, свисающую над ручьем, и тут сквозь прижмуренные глаза увидела, как что-то мелькнуло, вероятно, какой-нибудь зверь выскочил к ручью и тут же скрылся в темноте леса.

Надо бы ей быть поосторожней, не то покалечит ноги… Всего несколько минут прошло с того момента, когда она стояла в хлеву с окровавленным топором, а ей они показались вечностью. Она отрубила головы двум курам и собиралась взяться за третью, как вдруг за спиной раздался скрип двери. Сильвия невольно вздрогнула: все-таки она была дома одна, к тому же ни шагов, ни шума машины не слышала. Первое, что приковало ее внимание, был странный инструмент — металлическая петля на ручке. Похожа на пет-

лю, которой ловят лис. Но когда тот, в чьей руке был этот инструмент, заговорил, Сильвия поняла, что охота идет за ней и умереть должна она.

Причем ей даже объяснили почему.

Она прислушивалась к этой сумасшедшей, но четкой логике, а кровь билась в ее жилах, будто уже готовясь свернуться. И тут ей объяснили, как она умрет. В деталях. А петля начала нагреваться: сначала она была красной, потом стала белой. И тогда Сильвия в панике протянула руку, нащупала рукоятку топорика прямо под поднятой рукой этого ненормального, ударила, увидела, как пиджак и джинсы разъехались в стороны, как будто она рванула молнию, а на обнажившейся коже появилась красная полоса. Он отшатнулся и сделал несколько шагов по залитому куриной кровью полу, а Сильвия не мешкая метнулась к задней двери сарая, что смотрела на лес. В темноту.

Колени словно парализовало, одежда промокла насквозь. Но Сильвия знала, что грунтовая дорога совсем недалеко. А оттуда до соседней усадьбы — минут пятнадцать бегом. Ручей сделал петлю. Левая нога наткнулась на что-то под водой, раздался звук удара, она почувствовала, что кто-то схватил ее за ногу, и в следующее мгновение

Сильвия Оттерсен приземлилась плашмя на живот, нахлебалась воды, отдававшей землей и гнилой листвой, и, помогая себе руками, встала на четвереньки. Она убедилась, что рядом по-прежнему никого нет, и волна паники отступила; оказалось, что нога прочно застряла. Она принялась щупать рукой, ожидая наткнуться на опутавшие ногу корни, но под водой оказалось что-то гладкое и прочное. Металл. Металлическая дужка. Сильвия пригляделась и увидела рядом глаза, перья и побледневший красный гребешок. Куриная голова. Не из тех, что она недавно отрубила. Эту принес сюда Ролф в качестве приманки. После того как в коммуне узнали, что за прошлый год лиса унесла у них шестнадцать кур, им разрешили расставить вокруг хутора — только не на тропинках, по которым людям могло прийти в голову прогуляться, — определенное количество лисьих капканов системы «лебяжья шея». Лучшее место для капкана — ручей, надо только умудриться установить его под водой так, чтобы снаружи торчала лишь приманка. Как только лиса примется за куриную голову, капкан захлопнется у нее на шее — зверь погибнет моментально.

Рука продолжала щупать.

В магазине «Все для охоты», где они покупали капканы, им сказали, пружина такая сильная, что запросто может сломать ногу взрослого человека. Правда, ее замерзшая нога не чувствовала никакой боли. Зато пальцы нащупали тонкую стальную проволоку, прикрепленную к «лебяжьей шее». Без инструментов, которые лежат в сарае, нечего и думать о том, чтобы раскрыть капкан. К тому же они обыкновенно приматывали его к дереву с помощью стальной проволоки, чтобы полумертвая лиса, или кто там в него попадется, не уковыляла вместе с капканом, который стоит денег. Рука скользила под водой вдоль проволоки, пока не наткнулась на металлическую табличку с фамилией владельца — их фамилией. Так положено по правилам.

Сильвия вздрогнула. Что это хрустнуло вдалеке? Сердце опять заколотилось как сумасшедшее, а она все вглядывалась в сгущающуюся темноту.

Окоченевшие пальцы нащупывали проволоку, разрывая снег на берегу ручья. Сильвия медленно выползла из ручья, волоча ногу с капканом. Проволока была примотана к стволу молодой, крепкой березы. Она пошарила под снегом и нашла петлю. Металл смерзся в прочный, неподдающийся узел. Ей надо распутать его и

двинуться дальше.

Снова треснула ветка. На этот раз ближе.

Сильвия села, укрывшись за стволом березы. Попыталась убедить себя, что паниковать не надо, что узел распутается, как только она потянет за конец проволоки, что перелома у нее нет, а в лесу шумит какой-нибудь зверь. Она попробовала подцепить конец проволоки и даже не почувствовала боли, когда ноготь сломался почти посередине. Ничего не получается. Она наклонилась, и зубы хрустнули, когда она попыталась перекусить проволоку. Черт! Теперь она четко услышала неторопливые шаги по снегу и затаила дыхание. Шаги затихли где-то за стволом ее березы. Возможно, все дело в воображении, но ей показалось, что она слышит его дыхание, чувствует запах. Сильвия сидела не шевелясь. И тогда он двинулся дальше. Звук стал тише. Он удалялся. Она всхлипнула. Теперь ей надо освободиться. Одежда промокла, так что, если ее не найдут, за ночь она точно замерзнет насмерть. И тут ее осенило: топор! Она совсем забыла про топор. Проволока ведь тонкая. Положить ее на камень, пару раз хорошенько ударить — и она свободна. Топорик наверняка где-то в ручье. Она повернулась, опустила руки в черную воду и

стала ощупывать каменистое дно.

Ничего.

В отчаянии Сильвия встала на колени, внимательно оглядывая снег, и наконец заметила лезвие топорика, мерцавшее в воде в двух метрах от нее. Почувствовав, как натянулась проволока, она легла плашмя прямо в ручей, так что талая вода забурлила вокруг, и рванулась как загнанный зверь. Не получается! Топорик слишком далеко. Ее пальцы хватали воздух в пятидесяти сантиметрах от него. Подступили слезы, но она загнала их обратно: еще успеет наплакаться.

— Тебе *это* нужно?

Она и не заметила, как перед ней посреди ручья очутилось сидящее на корточках существо. *Оно*. Сильвия отползла назад, но существо последовало за ней, протягивая топор:

— На, возьми.

Сильвия встала на четвереньки и взяла топор.

— А что ты хочешь с ним сделать?

Сильвия почувствовала подступающую ярость, которая часто следует за ужасом. На сей раз волна ярости была совершенно дикой. Сильвия прицелилась и взмахнула поднятой рукой с зажатым топориком, но проволока дернула ее назад, топорик чиркнул по темноте, а сама Сильвия снова

оказалась в воде.

Сзади тихо засмеялись.

Сильвия обернулась.

— Уходи, — простонала она, отплевываясь от крошек гравия.

— Я хочу, чтобы ты ела снег, — произнес голос.

Существо встало и на мгновение задержало взгляд на том месте, где ткань пиджака была разрублена.

— Что? — выдавила из себя Сильвия.

— Хочу, чтобы ты ела снег, пока не начнешь мочиться под себя. — Существо стояло за пределами круга, по которому могла двигаться Сильвия на своей проволоке, и рассматривало ее, наклонив голову. — Пока чрево твое не наполнится и не заледенеет так, что на нем уже не будет таять снег. Пока внутри тебя не будет сплошной лед. Пока ты не станешь самой собой. Настоящей. Той, которая ничего не будет чувствовать.

Сильвия слышала каждое слово, но смысл сказанного ускользал от нее.

— Никогда! — крикнула она.

Существо сделало шаг в ее сторону, не выходя из журчащего ручья:

— Кричи теперь, милая Сильвия. Потому что больше тебя никто не услышит. Никогда.

Сильвия увидела в его руке все тот же странный инструмент. В темноте красной каплей светилась раскаленная петля. Когда она коснулась воды, раздалось шипение и вверх поднялся пар.

— Ты будешь есть снег. Поверь.

До парализованного сознания Сильвии медленно доходило, что ее часы сочтены. Оставалось только одно. Темнота быстро сгущалась, но Сильвия, сжимая рукоять топорика, все же попыталась сфокусировать взгляд на существе, которое стояло между деревьев. Она поднялась, пальцы кололо: к ним снова прилила кровь, как будто она тоже поняла, что это их с Сильвией последний шанс. Они с близнецами часто упражнялись в бросках: Сильвия швыряла топор в стену сеновала, где пятно краски изображало лису. И каждый раз, когда она попадала и кто-нибудь из детей вынимал топор и приносил обратно, близнецы победно кричали: «Ты убила зверя, ма! Убила зверя!»

Сильвия осторожно выставила ногу вперед. Одного быстрого шага будет достаточно для оптимальной силы и точности удара.

— Ты псих, — прошептала она.

— А вот именно в этом, — сказало оно, как показалось Сильвии, с легкой улыбкой, — нет

никаких сомнений.

Топор запел низким голосом и пронзил густую, почти осязаемую темноту. Сильвия осталась стоять, отлично держа равновесие, ее правая рука была устремлена вслед смертоносному оружию. А оно просвистело между деревьями, срубило на лету тонкую веточку и исчезло в темноте, оставив лишь глухой звук, с которым топорик вонзился в снег.

Она прижалась спиной к стволу березы и осела на берег ручья. На этот раз она и не пыталась задушить подступающие рыдания. Потому что теперь она точно знала. Больше ничего не будет.

— Ну что, начнем? — мягко спросил голос.

Глава 9
День третий. Дыра

— Правда, круто?

Восхищенный голос Олега перекрыл шипение масла в «Кебабном дворе», который был еще полон народу: после концерта в «Спектруме» часть зрителей подалась именно сюда. Харри кивнул Олегу, а тот, все еще мокрый от пота в своей куртке с капюшоном, не переставал мелко подпрыгивать и все говорил, говорил, упоминая настоящие имена ребят из «Slipknot». Харри никогда о них раньше не слышал: на сцене они выступают в масках, информации на обложках альбомов мало, а нормальные музыкальные журналы про такие коллективы никогда не пишут. Харри заказал по гамбургеру и посмотрел на часы. Ракель обещала, что подъедет сюда ровно в десять. Олег продолжал болтать. Когда это произошло? Как двенадцатилетний мальчишка мог полюбить песни, в которых говорится о разных стадиях умирания, об отчуждении, холоде и всеобщем отчаянии? Возможно, Харри следовало бы озаботиться этим, но он не стал. Это

была такая начальная ступень, одежда, которую парень должен примерить, чтобы посмотреть, подходит она ему или не подходит. Любопытство когда-то утихнет, и в его жизни появятся другие увлечения. Лучшие. И худшие.

— А тебе тоже понравилось, да, Харри?

Харри кивнул. У него не хватило смелости сказать, что ему концерт впрок не пошел: как только они смешались с толпой, наводнившей «Спектрум», у Харри началась паранойя, которая регулярно посещает выпивающих людей. А его она в последние годы не забывала и по трезвости. Так что, вместо того чтобы прийти в приподнятое расположение духа, он озирался, вглядываясь в сплошную массу лиц, четко чувствуя, что за ним наблюдают.

— «Slipknot» рулят! — захлебывался Олег. — А маски ваще обалденные! Особенно тот, с длинным тонким носом. Похож на… на этого…

Харри слушал вполуха, надеясь, что Ракель вот-вот появится. Воздух в забегаловке был густой и липкий, он ложился на лицо и губы тонкой пленкой жира. Харри попытался отбросить следующую мысль, но она уже была тут как тут, за углом: а хорошо бы сейчас выпить…

— Это индейская маска смерти, — раздался

женский голос позади них. — И вообще, «Slayer» был лучше «Slipknot».

Харри изумленно повернулся.

— Ребята из «Slipknot» уж больно выпендриваются, разве нет? — продолжала она. — Идеи у них вторичны, а сами они пустышки.

На ней было черное облегающее блестящее пальто до пят, застегнутое до самого горла. Из-под пальто виднелись лишь черные ботинки. Бледное лицо, подведенные глаза.

— Никогда бы не поверил, — пробормотал потрясенный Харри, — что ты любишь такую музыку!

Катрина Братт улыбнулась:

— Зато я зрю прямо в корень противоречий.

В дальнейшие разъяснения она вдаваться не стала, а только жестом заказала минералку.

— «Slayer» — отстой, — еле слышно промямлил Олег.

Катрина обернулась к нему:

— А ты, должно быть, Олег.

— Да, — тихо ответил парень, подтягивая свои камуфляжные штаны. Внимание со стороны взрослой женщины ему и нравилось, и не нравилось. — А откуда вы знаити?

— «Знаити»? — не переставая улыбаться, пере-

спросила Катрина. — Ты же из Хольменколлена, ты должен произносить «знаете». Это Харри научил тебя говорить как на восточном побережье?

У Олега кровь прилила к щекам.

Катрина громко засмеялась и легко дотронулась до его плеча:

— Извини, я просто любопытная.

Мальчик покраснел так густо, что белки глаз засверкали на лице, как у негра.

— Я тоже любопытный, — сказал Харри, протягивая Олегу кебаб. — И вот мне интересно, неужели ты уже отыскала общий рисунок, как я тебя просил, Братт? Если уж у тебя достало времени сходить на концерт. А?

Харри посмотрел на нее так, что она тотчас поняла: задирать паренька не следовало.

— Кое-что нашла, — сказала Катрина, открывая бутылку «Фарриса», — но ты сейчас занят, так что давай перенесем разговор на завтра.

— Я не настолько занят, — нахмурился Харри и тут же позабыл о пленке жира и духоте.

— Вообще-то это конфиденциальная информация, а тут народ повсюду, — оглянулась Катрина. — Но пожалуй, я могу прошептать тебе на ухо пару ключевых слов.

Она наклонилась ближе, и сквозь запах кипящего масла он уловил аромат духов, почти мужских, и ее жаркое дыхание:

— Прямо у входа стоит черный «фольксваген-пассат». За рулем сидит женщина, которая давно пытается привлечь твое внимание. Я так понимаю, это мать Олега…

Харри резко выпрямился и посмотрел в окно. Ракель вывернула руль и подняла на него глаза.

— Не испачкай тут ничего, — проворчала Ракель, когда Олег с кебабом в руке прыгнул на заднее сиденье.

Харри стоял у открытого окна. На ней были простые светло-голубые джинсы. Он их хорошо знал. Знал, как они пахнут и как по ним скользит ладонь или щека.

— Как концерт? — обратилась она к Харри.

— Спроси Олега.

— А что это за группа-то? — Ракель посмотрела на Олега в зеркало заднего вида. — Мне показалось, народ немножко странновато одет.

— Красивые песни про любовь и все такое, — ответил Олег и быстро подмигнул Харри, как только мать отвернулась от зеркала.

— Спасибо, Харри, — поблагодарила Ракель.

— Не за что. Езжай аккуратнее.

— А кто та женщина?

— Коллега. Новенькая у нас.

— Да? А такое впечатление, что вы уже хорошо знакомы.

— Почему?

— Вы… — Она осеклась. Потом медленно покачала головой и засмеялась. Это был низкий грудной смех, идущий, казалось, прямо от сердца. Уверенный и растерянный одновременно. Смех, в который Харри однажды и влюбился. — Прости, Харри. Спокойной ночи.

Стекло поползло вверх, черный автомобиль соскользнул с тротуара и уехал.

Харри неспешно двинулся по Бругата. На каждом шагу здесь были забегаловки, кафе и бары, сквозь открытые двери которых лилась музыка. Он решил было выпить кофе в «Теддис софтбаре», но потом счел идею неважной и прошел мимо.

— Кофе? — удивленно переспросил парень за стойкой.

Из музыкального автомата лилась песня Джонни Кэша, и Харри поднес палец к губам.

— А что, есть предложение получше? — услышал Харри собственный голос, знакомый и незнакомый одновременно.

— А то! — ответил парень и откинул сальные

волосы назад. — Свежесваренного кофе нет, так что как насчет свеженалитого пивка?

Джонни Кэш пел о Боге, крещении и новых высотах.

— Отличная мысль, — согласился Харри.

Парень просиял.

Тут Харри почувствовал, что в кармане завибрировал мобильный. Он схватил его так резко и жадно, будто этого звонка как раз и ждал.

Это был Скарре.

— Мы только что получили заявление о пропаже человека. Вроде подходит: женщина, замужняя, двое детей. Несколько часов назад муж и дети вернулись домой, а ее уже не было. Живут в лесах, в Соллихёгде. Никто из соседей ее не видел, а на машине она уехать оттуда не могла, потому что машина была у мужа. Да и на дороге никаких следов не обнаружено.

— И следов пешехода?

— Нет. Там в горах до сих пор лежит снег.

На стол перед Харри с характерным звуком встал полулитровый бокал.

— Харри? Ты слушаешь?

— Да-да. Я просто думаю.

— О чем?

— Есть там снеговик?

— Что?

— Снеговик!

— Мне-то откуда знать?

— Так поедем сейчас и выясним. Садись в машину, подберешь меня на Стургата.

— А завтра мы этим не сможем заняться, Харри? Я тут на вечер раздобыл себе телку и собираюсь потрахаться, а ту бабу только заявили в поиск, так что пока не горит.

Харри взглянул на каплю пивной пены, которая змеей поползла по стенке бокала.

— Вообще-то, — пробормотал Харри, — горит, причем дьявольски.

Бармен изумленно смотрел на нетронутые пол-литра пива, пятидесятикроновую купюру, лежащую на стойке, и на широкую спину, которая уже исчезала в дверях, откуда лился голос Джонни Кэша.

— Сильвия не собиралась никуда уходить, — твердо сказал Ролф.

Ролф Оттерсен был худ до костлявости. Фланелевая рубашка застегнута на все пуговицы, а из воротника торчит голова на тощей шее. Похож на какую-то болотную птицу, решил Харри. Из рукавов рубашки высовывались небольшие руки с длинными тонкими пальцами, находившимися

в беспрестанном движении. Ногти на правой руке были длинные и острые, как когти. Глаза казались большими за толстыми стеклами круглых очков в простой стальной оправе — такие были популярны у радикально настроенной молодежи в шестидесятые годы. Плакат на горчичного цвета стене изображал индейцев, несущих анаконду. Харри узнал обложку альбома Джони Митчелл, который вышел еще в каменный век хиппи. Рядом с плакатом висела репродукция известного автопортрета Фриды Кало. Женщина-лидер, подумал Харри. Картину-то наверняка выбрала жена. Пол был из нестроганых сосновых досок, а освещалась комната целым собранием древних парафиновых ламп и светильников из коричневой глины, сделанных, похоже, руками обитателей этого дома. В углу у стены стояла гитара с нейлоновыми струнами. Вот, оказывается, почему у Ролфа Оттерсена такие ногти.

— Вы уверены, что она не собиралась никуда уходить? — переспросил Харри.

На журнальном столике перед ним лежала фотография жены Ролфа, снятой с детьми, десятилетними близнецами Эммой и Ольгой. Сильвия Оттерсен смотрела на мир большими сонными глазами, какие бывают у людей, которые всю

жизнь носили очки, а потом перешли на линзы или сделали лазерную коррекцию зрения. У девочек глаза были точь-в-точь как у матери.

— Да. Она бы предупредила, — ответил Ролф Оттерсен. — Оставила бы записку. С ней что-то случилось.

Несмотря на отчаяние, голос его был тих и мягок. Ролф Оттерсен вынул из кармана брюк носовой платок и поднес к лицу. На бледном худом лице нос казался невероятно огромным. Он по-простому, трубно высморкался.

В дверь просунул голову Скарре:

— Приехали кинологи, привезли пса-трупонюха.

— Начинайте, — приказал Харри. — Со всеми соседями поговорили?

— Угу. По-прежнему ничего.

Скарре закрыл дверь, и тут Харри заметил, что глаза Ролфа Оттерсена за стеклами очков стали еще больше.

— Трупонюха? — прошептал он.

— Это просто выражение такое, — ответил Харри и отметил про себя, что надо бы сделать выволочку Скарре, пусть поработает над формулировками.

— То есть вы эту собаку используете и когда

ищете живых людей? — умоляющим голосом спросил несчастный муж.

— Ну конечно, — подтвердил Харри, вместо того чтобы признаться, что пес-трупонюх специально натренирован находить тела убитых; он вряд ли справится с поиском наркотиков, утерянных вещей и людей, которые еще живы. Что он работает только с мертвыми. И точка.

— Итак, последний раз вы видели жену вчера в четыре часа? Так? — спросил Харри, уткнувшись в свои записи. — Перед тем как с дочерьми отправились в город. Что вы там делали?

— Я занимался лавкой, а у девочек был скрипичный урок.

— Лавкой?

— У нас маленькая лавка в районе Майорстуа. Продаем изделия ручной работы: африканские сувениры, предметы искусства, мебель, одежду — все такое. Закупаем непосредственно у изготовителей за хорошую плату. Чаще там работает Сильвия, но в четверг мы открыты допоздна, так что она приезжает сюда на машине, и мы меняемся: я с девочками еду в город, торгую в лавке, а они играют на скрипке с пяти до семи. Потом я их забираю, и мы возвращаемся домой. Обычно к половине восьмого, может быть, немного позже.

— Хм. А кто еще работает в лавке?

— Никто.

— Значит, по четвергам вы закрываете лавку посреди рабочего дня? Примерно на час, так?

Ролф Оттерсен криво усмехнулся:

— Это же крошечный магазинчик. Покупателей у нас совсем немного. Честно говоря, до рождественской распродажи их вообще не бывает.

— А как же тогда…

— Нам помогает НОРАД — норвежская организация по поддержке стран третьего мира. Выплачивает пособие нам и нашим поставщикам. Тут ведь важны не кроны, эре и прочая прибыль, а принцип. Согласны?

Харри кивнул, хотя сам-то он думал не об экономической поддержке африканской торговли сувенирами, а о том, как долго они будут добираться обратно в Осло.

Из кухни, где близнецы сидели за поздней трапезой, доносились звуки радио. Телевизора в доме, кажется, не было.

— Ну что ж, спасибо. — Харри встал и вышел на улицу.

Во дворе приткнулись три автомобиля, среди них «вольво-амазон» Бьёрна Хольма, перекрашенный в черный цвет и отлакированный, с

раллийными полосками, идущими через всю крышу и багажник. Харри взглянул на чистое звездное небо, бархатным пологом нависшее над двором, потянул носом воздух. Пахло ельником и печным дымом. С лесной опушки до него доносилось поскуливание пса и голоса полицейских. К сараю Харри пошел в обход — так они договорились, чтобы не затоптать следы, которые могут, если повезет, обнаружить. Сквозь открытую дверь доносились голоса. Он присел на корточки и при свете лампы, падавшем из дверного проема, принялся изучать отпечатки ног, оставленные на снегу. Потом встал, прислонился к косяку и достал пачку сигарет.

— Похоже на место убийства, — произнес он. — Кровь, трупы и перевернутая мебель.

Бьёрн Хольм и Магнус Скарре притихли, обернулись и уставились туда, куда смотрел Харри. Большое открытое помещение освещалось двумя самодельными лампами, свисавшими с толстой балки. В одном углу сарая стоял токарный станок, а над ним висела доска, на которой расположились различные инструменты: молотки, пассатижи, клещи, сверла. Ни одной электрической штуковины. В другом углу — вольер из сетки, где на насестах сидели куры. Раздавалось

стаккато кудахтанья. Посреди сарая на голом сером полу, залитом кровью, лежали три обезглавленные тушки. На специальном верстаке, где забивали кур, валялись три головы. Харри зажал в губах сигарету, но зажигать не стал. Он обошел лужу крови, сел на корточки перед верстаком и, прищурившись, стал разглядывать куриные головы. Матовый свет его карманного фонарика отражался в почерневших глазах. Он поднял перышко — белое с черным кантом, как будто оно обгорело, — затем внимательно рассмотрел ровный срез на куриных шеях. Кровь уже свернулась и почернела.

— Нашел что-нибудь интересное? — поинтересовался Бьёрн Хольм.

— Мой мозг, Хольм, повредился в результате профессиональной деятельности. В настоящий момент он анализирует куриную тушку.

Скарре громко хохотнул и произнес, размахивая рукой, будто писал в воздухе газетный заголовок:

— Жестокое тройное убийство. Погибли три курицы. Под подозрением — члены секты вуду. Харри Холе начал расследование.

— Но самое интересное — это то, чего я тут не нашел, — задумчиво сказал Харри.

Бьёрн Хольм поднял бровь, скользнул взглядом по сторонам и медленно кивнул. Скарре непонимающе посмотрел на них:

— Чего?

— Орудия убийства, — ответил Харри.

— Топора, — подхватил Хольм. — Единственный разумный способ забить курицу — рубануть топором.

— Ну, поскольку кур забивала дама, — сказал Скарре, фыркнув, — она наверняка положила топор на место. Крестьяне же любят порядок.

— С последним утверждением согласен. — Харри прислушался к куриному кудахтанью, которое, казалось, доносится со всех четырех сторон. — Тем более интересно, почему доска, на которой хозяева рубят кур, слетела с верстака, а тушки валяются на полу. К тому же на месте топора нет.

— Нет на месте? — Скарре посмотрел на Хольма и закатил глаза.

— Скарре, пожалуйста, дай себе труд осмотреться по сторонам, — посоветовал Харри, не поднимая глаз.

Скарре продолжал смотреть на Хольма, который тайком кивнул в сторону токарного станка и доски с висящими на ней инструментами.

— О, черт! — выругался Скарре.

На пустом месте между молотком и ржавой пилой был виден четкий контур недостающего топорика.

Харри потер подбородок:

— Что ж, сарай мы осмотрели, и пока все выглядит так: по всей вероятности, Сильвия Оттерсен покинула помещение, так и не закончив с курами, причем инструмент прихватила с собой. Хольм, сможешь по температуре тушек определить, когда это произошло?

— Угу.

— О чем это вы? — встрял Скарре.

— Мне надо узнать, в котором часу она сорвалась отсюда, — объяснил Харри. — Хольм, есть у тебя что-нибудь по следам вокруг дома и сарая?

— Затоптали уж все, — покачал головой криминалист. — Да и темновато мне. Я нашел много следов Ролфа Оттерсена и два-три чьих-то других следа, которые ведут в сарай, но тут и пропадают. Следов, ведущих из сарая, нет. Может, отсюда ее вынесли?

— Хм. Тогда следы того, кто ее нес, были бы глубже. Жаль, конечно, что никто не наступил в кровь.

Харри, прищурившись, посмотрел на темные

стены сарая, на которые не падал свет ламп. Со двора донеслось поскуливание пса и яростная ругань полицейского.

— Скарре, сходи узнай, что там у них, — попросил Харри.

Скарре испарился, а Харри снова включил фонарик и направился к стене, протянув руку к некрашеным доскам.

— Это что же… — начал Хольм, но осекся, услышав глухой звук, с которым ботинок Харри ударил в стену.

Показался кусок звездного неба.

— Задняя дверь, — ответил Харри на незаконченный вопрос и посмотрел на чернеющий лес и силуэты елей, виднеющиеся на фоне грязно-желтого пятна, в которое слились вдали городские огни.

Он направил луч фонарика вниз и тотчас увидел следы.

— Двое, — сказал Харри.

— Псина чертова, — послышался голос вернувшегося в сарай Скарре. — Не хочет работать.

— Не хочет? — Харри провел лучом фонарика по цепочке следов, но они исчезли там, где лесные деревья сторожили ночную тьму.

— Кинолог сам ничего не понимает. Говорит,

пес словно страшно чем-то напуган. В лес заходить отказывается наотрез.

— Может, лису учуял, — предположил Хольм. — В здешних лесах их полно.

— Лису? — фыркнул Скарре. — Ты на пса-то погляди. Такая здоровенная псина лисы не испугается.

— Ну, может, он и лисы-то никогда в жизни не видел, — заступился Харри. — Просто учуял дикого зверя. Ведь это нормально — бояться чего-то неизвестного. А кто не боится — склеивает ласты раньше, чем положено. — Харри почувствовал, что сердце забилось сильнее. И он знал отчего. Лес. Тьма. Типичный иррациональный страх. И его нужно преодолевать. — Так, дальше работайте как по обычному месту преступления. А я проверю, куда ведут следы.

— О'кей.

Харри сглотнул слюну и вышел из задней двери сарая. Все это уже было с ним — двадцать пять лет назад. Тогда тело точно так же сопротивлялось его воле.

Во время осенних каникул он приехал к деду в гости, в Ондалснес. Хутор лежал на склоне горы, а над ним возвышалась величественная вершина кряжа Ромсдалсфьеллен. Харри было десять лет.

Он пошел в лес поискать дедову корову, которая не вернулась домой. Хотел найти ее первым — до деда, до всех остальных. Так что он торопился: бежал как ненормальный по кочкам и скалам, покрытым мягким черничником, из которого торчали смешные кривенькие карликовые березки. Скалы появлялись и исчезали, он несся мимо них на коровье «му!», раздававшееся где-то за деревьями. Мычание послышалось снова — теперь немного дальше и правее. Харри перепрыгнул через ручей, пролез под деревом, и его резиновые сапоги зачавкали по болоту. Он заметил, что на него движется ливень, и даже увидел стену воды, низвергавшуюся с неба на отвесную скалу.

И все это было так здорово, что он даже не заметил, как наступила темнота, как выросла она из болотной воды, прокралась меж деревьев, растеклась черной тушью по тенистым сторонам скал и собралась по оврагам. Харри было не до того: он смотрел вверх, где кругами летала большая птица, так высоко, что, задрав голову, он краем глаза поймал вершины гор, оставшихся позади. И тут он споткнулся, сапог слетел с ноги, и Харри упал. Упал лицом вниз, не успев сгруппироваться. И тут же сделалось темно, а во рту появился привкус болота, смерти, тлена и тьмы. В те корот-

кие секунды, пока он лежал, он будто *попробовал* тьму на вкус. А когда встал, вдруг увидел, что свет уже погас. Исчез за горами, которые теперь тяжело нависали над ним в молчаливом величии и шептали: «Где ты? Ты не знаешь, где ты теперь». Даже не заметив потерю сапога, Харри вскочил и побежал. Скоро появятся знакомые места… Должны появиться. Но все вокруг было как заколдованное. Скалы превратились в головы великанов, которые поднимались из земли, чиркая пальцами ему по ногам. А карликовые березки стали скрюченными горбунами, указывающими дорогу: «Туда! Нет, сюда». Куда они показывали? Туда, где дом? Или туда, где заблудишься и пропадешь? Дорогу к дедушкиному хутору? Или в Дыру? О Дыре он слышал от взрослых. Это место, где болото было бездонным, где коровы, люди и целые повозки исчезали на веки вечные…

Спустилась ночь, когда Харри наконец вполз в кухню. Бабушка обняла его и сказала, что отец, дед и все взрослые с соседних хуторов вышли на его поиски.

— Где же ты был?

— В лесу.

— Так ты что же, не слышал, как мы тебя звали? Все это время мы кричали: «Харри! Харри!»

Сам он этого не помнил, но ему много раз рассказывали, как он ответил, сидя на дровяном ящике возле печи, дрожа от холода и уставив невидящий взгляд куда-то вбок:

— Я думал, это не наши меня зовут.

— Не наши? А кто же тогда?

— Те, другие. Бабушка, а ты знаешь, что у тьмы есть вкус?

Харри успел лишь на несколько метров углубиться в лес, как глубокая, почти неестественная тишина окружила его. Он опустил фонарик вниз, на склон, по которому шел, потому что луч света, скользнув по деревьям, всякий раз превращал их тени в неведомые существа, испуганно скачущие в густой темноте. Правда, отрезав себя от тьмы кругом света, Харри не чувствовал себя в безопасности. Наоборот, он чувствовал себя выставленным напоказ в витрине манекеном: нет сейчас в лесу никого, кто был бы так же на виду. И это делало его совершенно беззащитным, голым. Ветки царапали ему лицо, как будто деревья были слепыми и хотели на ощупь познакомиться с пришедшим чужаком.

Следы вели к ручью, журчание которого заглушало его тяжелое дыхание. Там-то первые следы и пропали, а вот вторые двинулись вдоль ручья к

плоской низинке.

Он пошел дальше. Ручей петлял, но Харри не боялся сбиться с пути: если что, он вернется по следам.

Где-то невдалеке раздалось угрожающее уханье совы. На руке загорелся зеленым дисплей часов — он шел около четверти часа. Самое время вернуться и послать в лес людей в более подходящей одежде и обуви, с собакой, которая не боится темноты.

Сердце Харри остановилось.

Что-то мелькнуло прямо перед ним. Беззвучно и так быстро, что он не успел ничего разглядеть. Но воздух пришел в движение и коснулся его лица. Харри услышал далеко в снегу тоненькое попискивание какого-то мелкого грызуна.

Он медленно выпустил воздух из легких. В последний раз провел по лесу лучом фонарика и повернулся: пора возвращаться. Сделал шаг — и остановился. Собирался сделать второй и третий… но сделал то, что должен был, — опять направил луч света в глубь леса. И вот оно, снова. Отражение, отблеск, которому тут неоткуда взяться. Он подошел ближе. Посмотрел назад, пытаясь запомнить место: метрах в пятнадцати от ручья.

Харри присел на корточки и увидел лезвие. Еще не успев смести с него снег, он догадался, что это: топор. Маленький топорик. Кровь от забитой курицы, если и была раньше на лезвии, теперь исчезла. Следов вокруг топора не было. Харри пригляделся и увидел в нескольких метрах срубленную ветку. Видимо, кто-то с большой силой швырнул топор в эту сторону.

В это мгновение Харри вновь посетило пережитое в концертном зале «Спектрум» чувство: показалось, что за ним кто-то наблюдает. Он инстинктивно зажмурился, и тьма черным ковром набросилась на него. Он затаил дыхание и прислушался. Не надо, подумал он. Не трусь. Зло не материально, его нельзя потрогать. Зло — это не сущность. Наоборот, это отсутствие сущности. Отсутствие добра. Если уж здесь кого и можно бояться, так это тебя самого.

Но неприятное чувство не проходило. Кто-то смотрел на него. Что-то. Иное. Тут в низину у ручья заглянул лунный свет, и Харри увидел *нечто*. Какое-то существо.

И он зажег фонарик и направил луч в низину.

Это была она. Она стояла между деревьев во весь рост и смотрела на него своими большими сонными — точно как на фотографии — глазами.

Сначала Харри показалось что она одета в белое подвенечное платье и стоит посреди леса как перед алтарем. И сияет в луче фонаря.

Харри, дрожа, вздохнул и нащупал в кармане пальто свой мобильный. На другом конце ответил Бьёрн Хольм.

— Бросайте все, — еле выговорил Харри. В горле у него пересохло и першило. — Давайте сюда.

— А что?

— Тут снеговик.

— И что?

Харри пояснил.

— Не понял я, что ты последнее сказал, — раздался голос Хольма в трубке. — Плохо слыхать…

— Голова, — повторил Харри. — Вместо головы у снеговика — голова Сильвии Оттерсен.

На другом конце воцарилась тишина.

Харри велел Хольму идти по его следам.

Сел на корточки, прислонившись спиной к дереву, застегнул пальто до самого горла, выключил фонарик, чтобы не села батарейка, и принялся ждать. И подумал, что он уже почти забыл, какова тьма на вкус.

Часть вторая

Глава 10
День четвертый. Мел

Когда Харри, полумертвый от усталости, вошел в свою квартиру, на часах было полчетвертого утра.

Он разделся и отправился прямиком в душ. Там, пока струи обжигающе горячей воды, стекая с головы, массировали одеревенелые мускулы и согревали промерзшее до костей тело, он попытался ни о чем не думать. С Ролфом Оттерсеном он коротко переговорил, а допрос решил отложить на утро. Опрос соседей они успели закончить: в Соллихёгде живет не так много народу. А вот криминалисты и кинологи всю ночь продолжали работу, у них-то как раз время поджимало: следы вот-вот растают или их завалит снегом.

Он выключил душ. Воздух в ванной посерел от пара, а когда Харри протер зеркало, оно тотчас запотело вновь. Лица уже было не разглядеть, контуры тела расплылись.

Зазвонил мобильный, и Харри сжал зубы.

— Холе.

— Стурманн. Спец по грибку.

— Поздновато звоните, — удивленно проговорил Харри.

— Так вы же были на службе. В вечерних новостях сообщили. Дама из Соллихёгды. Вы там промелькнули на втором плане. Я получил результаты анализов.

— Ну и?

— Грибок у вас есть. И чертовски прожорливый. Мультицветный.

— Это что значит?

— Что он может быть разных цветов. Это когда его видно. Короче говоря, мне надо еще отщипнуть от вашей стены.

— Хм. — Харри укорил себя: очевидно, он должен проявить больший интерес к теме грибка, больше беспокоиться или, по крайней мере, задать больше вопросов. Но он не может. Только не сегодня. — Приходите.

Харри положил трубку и прикрыл глаза. Подождал, пока не появится призрак, а это было неизбежно, с тех самых пор как он перестал принимать единственное известное ему лекарство против привидений. Может быть, сегодня вечером ему предстоит новое знакомство. Он ждал, когда она выйдет из леса, переваливаясь всем своим мощным безногим белым телом, — эдакая

кегля-переросток с черными глазными провалами, откуда вороны уже выклевали все без остатка, с зубами, обнаженными в вечном оскале, с тех пор как лисица полакомилась ее губами. Ужасно — для сознания, для подсознания, для всего, но — неизбежно. Когда Харри заснул, приснилось ему, что он лежит в ванне, погрузившись с головой в воду, и слышит журчание пузырьков и женский смех. А на белой эмали вырастают водоросли, которые тянутся к нему, как зеленые пальцы на белой, ищущей его руке.

Утренний свет треугольником упал на газету, лежащую на столе комиссара полиции Гуннара Хагена, осветив улыбку Сильвии Оттерсен на первой странице и заголовки: «Убита и обезглавлена», «Обезглавлена в лесу» и — самый короткий и в принципе лучший — «Без головы».

А вот у Харри голова болела с самого утра. Он бережно обнял ее ладонями и подумал, что вчера мог бы со спокойной душой надраться: хуже бы не было. Ему хотелось прикрыть глаза, но Хаген смотрел на него в упор. Тут Харри заметил, что рот Хагена открывается и закрывается — он что-то говорил, но до Харри речь начальника доносилась какими-то обрывками.

— В итоге… — сказал Хаген, и Харри понял, что

пора напрячься и послушать. — Это дело теперь имеет для нас высший приоритет. А значит, мы, само собой, расширяем вашу следственную группу и…

— Не согласен, — возразил Харри и почувствовал, что даже от одной этой короткой фразы череп будто взорвался. — Мы можем подключать людей по мере надобности, но в настоящий момент я хочу, чтобы при обсуждении расследования нас было четверо, не больше.

У Гуннара Хагена разочарованно вытянулось лицо: в делах об убийстве, даже самых простых, следственная группа обычно состоит как минимум из десяти человек.

— Нам нужна свобода мышления, а этого легче добиться в маленькой группе, — прибавил Харри.

— Мышления? — перебил Хаген. — А как насчет рутинной полицейской работы? Сбор информации, криминалистическая экспертиза, допросы, проверки версий? И как быть с обменом информацией? Единая группа…

Харри выставил вперед руку, останавливая словесный поток:

— Вот-вот, и я про то же. Не хочу барахтаться во всем этом.

— «Барахтаться»? — Хаген уставился на Харри, не веря своим глазам. — В таком случае мне придется передать это дело другому сотруднику. Из тех, что умеют плавать.

Харри потер виски. Для чего Хаген сотрясает воздух? Ведь ему прекрасно известно: в убойном отделе сейчас не найдется ни одного сотрудника, который смог бы вести это дело. Кроме Харри Холе. А передача этого дела в Главное управление полиции станет таким ударом по престижу только что назначенного комиссара, что он скорее даст отрубить свою изрядно волосатую правую руку, чем пойдет на такое.

— Это обычные следственные группы бьются за то, чтобы почаще сидеть в кабинете с компьютерами, — вздохнул Харри. — При *обычном* расследовании. А группа, на которой висит обезглавленный труп… — Харри покачал головой. — Народ как с цепи сорвался. К нам десятки звонков поступили только после вечерних новостей. Ну, знаешь, все эти гнусавые уроды, знакомые психи плюс парочка только что прозревших, которые рассказывают, что это убийство описано еще в Откровении Иоанна и все такое. На сегодняшний день у нас сотни две таких версий. А что начнется, если появятся еще трупаки!.. На одни звонки

придется посадить человек двадцать. С нас начнут требовать отчеты и докладные записки. А в таком случае руководитель расследования должен будет ежедневно тратить не меньше двух часов только на то, чтобы прочитать входящую информацию, еще два — чтобы сопоставить ее с имеющимися данными, и еще два на то, чтобы собрать остальных членов группы, проинформировать их, ответить на вопросы каждого. Плюс полчаса, чтобы решить, с какой информацией идти на пресс-конференцию. Которая продлится еще минут сорок пять. А хуже всего… — Тут Харри сжал пальцами ноющие виски и скорчил гримасу. — При расследовании обычного дела в нашем распоряжении традиционные ресурсы: всегда найдется кто-нибудь, кто что-то видел, слышал или знает. Мы получаем кусочки мозаики, с восторгом складываем их и так потихоньку раскрываем дело.

— Именно, — перебил Хаген. — Поэтому…

— Проблема в том, — продолжил Харри, — что нынешнее дело совсем не такое. Не типичное убийство. Этот человек ни дружку ни о чем не рассказал, ни возле места преступления не засветился. Никто ничего не знает, так что телефонные звонки нам не помогут, а только утопят. Следов

там, конечно, много, но он запросто мог продумать это заранее, чтобы нас запутать. Короче говоря, это совсем другая игра.

Хаген откинулся на спинку кресла, соединил кончики пальцев и теперь внимательно смотрел на Харри. Прищурился, как ящерица на солнце, а потом спросил:

— Так, говоришь, это игра?

Харри медленно кивнул, размышляя о том, что Хаген имеет в виду.

— А что за игра? Шахматы?

— Может быть. Вслепую.

Хаген кивнул:

— Значит, по-твоему, мы имеем дело с классическим маньяком, хладнокровным убийцей с развитым интеллектом и склонностью к игре и ультиматумам?

Теперь Харри понял, к чему клонит Хаген.

— Человек, охоте на которого учат на тех курсах ФБР, что ты закончил? Вроде того, что ты поймал тогда в Австралии? Такой человек, который, попросту говоря… — Комиссар почмокал, будто пробовал слова на вкус, и закончил: — Является полной твоей противоположностью?

— Я не так на это смотрю, шеф, — вздохнул Харри.

— Разве? Если ты помнишь, Харри, я преподавал в Академии сухопутных войск. Как ты думаешь, о чем мечтали те недогенералы, что сидели на моих лекциях, пока я им рассказывал о военачальниках, которые личным усилием изменили ход истории? О том, чтобы просидеть всю жизнь в кресле, а потом рассказывать внукам, что они принимали участие в каком-нибудь конфликте? Нет, Харри, на самом деле они мечтают совсем о другом. Речь идет о сильнейшем желании человека быть востребованным. Вот почему американские генералы, взорвись где хлопушка, тут же начинают по всему Пентагону малевать черта. Я думаю, Харри, ты хочешь, чтобы это дело было таким особенным. Так сильно хочешь, что сам видишь черта.

— А снеговик, шеф? Помните, я письмо вам показывал?

— Я помню письмо сумасшедшего, Харри, — вздохнул Хаген.

Харри понял, что пора сдаваться. И у него уже был готов компромисс, на который он мог пойти: сдать Хагену это маленькое сражение. Однако он набычился и заявил:

— Я хочу оставить группу в прежнем составе.

Лицо Хагена приобрело жесткое выражение.

— Я не могу этого позволить, Харри.

— Не можете?

Хаген выдержал взгляд Харри, но тут что-то произошло. Прорвалось, проскользнуло. Всего на долю секунды — но ее было достаточно.

— Это привлечет столько внимания… — сказал Хаген.

— Какого внимания, шеф? — не теряя невинного выражения, повернул нож в ране Харри.

Хаген смотрел себе на руки.

— А ты как думаешь? Начальство, пресса, политики. Прошло уже три дня, а убийцу все еще не поймали. Кто, по-твоему, должен будет объяснять борзописцам, что мы посадили на это дело только четверых, потому что так лучше для свободы мышления и для… — Хаген запнулся, но потом выплюнул слово, как протухшую креветку: — Шахмат? Ты об этом подумал, Харри?

— Нет, — ответил Харри и скрестил руки на груди. — Я думал о том, как поймать этого типа, а не о том, как объяснять, почему мы его еще не взяли.

Харри знал, что это дешевый прием, но слова сами сорвались с языка. Хаген несколько раз моргнул, открыл было рот и сразу закрыл его. И Харри тут же стало стыдно. Ну почему он

всякий раз затевает эту детскую игру «поставь начальство на место»? Ничего, кроме мелочного удовлетворения, она не дает.

— В Главном управлении полиции Норвегии есть мужик, зовут Эспен Лепсвик, — заторопился Харри. — Он отлично справляется с крупными расследованиями. Могу с ним переговорить, пусть возглавит группу сбора информации. Работать будем параллельно и независимо друг от друга. А вы с шефом Главного управления переложите на нас пресс-конференции. Как вам такой вариант?

Харри не нужно было слышать ответ: он увидел, как в глазах Хагена блеснула благодарность. Очередной кон игры Харри все же выиграл, это было понятно.

Вернувшись к себе в кабинет, Харри первым делом позвонил Бьёрну Хольму:

— Хаген согласился: будет по-моему. Встречаемся у меня через полчаса. Позвонишь Братт и Скарре?

Он положил трубку. Вспомнил слова Хагена о генералах из Пентагона, которые жаждут настоящей войны, и выдернул ящик стола в тщетных поисках обезболивающего.

— За исключением отпечатков ног, никаких

других следов преступника на указанном месте обнаружено не было, — доложил Магнус Скарре. — И что странно, мы не нашли никаких следов тела. А ведь он отрезал женщине голову — одной крови должно было вылиться море разливанное. Но там ничего нет. И собаки никак не отреагировали — вот где загадка!

— Он убил и отрезал ей голову в ручье, — сказала Катрина. — Ее следы исчезли в ручье еще до места убийства. Она бежала по воде, чтобы не оставлять следов на снегу, но он все равно ее настиг.

— Чем же он голову отделял? — спросил Харри.

— Топором или пилой, чем же еще.

— А что за ожоги на шее?

Катрина взглянула на Скарре, и оба пожали плечами.

— О'кей, Хольм, проверь это, — приказал Харри. — Давайте дальше.

— Дальше он, возможно, сплавил по ручью тело до дороги, — предположил Скарре. Он спал всего два часа, свитер на нем был надет задом наперед, но ни у кого не хватило смелости ему об этом сказать. — Думаю, потому-то мы там ни хрена не нашли. А должны бы. Брызги крови на стволе дерева, кусок мяса на ветке или клочок

одежды. Там, где ручей проходит под дорогой, мы обнаружили его следы: рядом с дорогой в снегу лежало что-то тяжелое, может быть, тело, но, бог знает почему, собаки на это место не обратили никакого внимания. Ни разу не затявкали, трупонюхи хреновы! Это прямо чистая…

— Загадка, — подхватил Харри и потер подбородок. — Однако ведь это страшно неудобно: отреза́ть голову, стоя в ручье, а? Русло там довольно узкое, не развернешься. Почему же он остановился именно там?

— Ну, это совершенно очевидно, — сказал Скаррe. — Вода все смывает.

— Нет, не очевидно, — возразил Харри. — Пока он пристраивал ее голову, он не особенно заботился, чтобы не оставить следов. Но почему после переноски тела не осталось ни одной капли крови на протяжении всего пути до дороги…

— Бодибэг! — вмешалась Катрина. — Я как раз сейчас сидела и думала, как ему удалось оттащить ее на такое большое расстояние. В Ираке солдаты используют такие мешки на лямках — бодибэги — для переноски тел, они надеваются как рюкзаки.

Харри хмыкнул:

— Это объясняет, почему собаки не обратили

внимания на дорогу.

— И то, что он спокойно положил на дороге тело, — сказала Катрина.

— Положил? — спросил Скарре.

— Я имею в виду вмятину на снегу, там, на обочине. Он, очевидно, положил ее там, а сам пошел за машиной, которую, скорее всего, припарковал где-то недалеко от хутора Оттерсенов. У него это должно было занять полчаса, так?

— Вроде того, — нехотя пробормотал Скарре.

— Бодибэги черные, если кто-то и проезжал мимо, запросто мог принять его за обычный мешок для мусора.

— Мимо никто не проезжал, — кисло сказал Скарре и подавил зевок. — Мы поговорили с каждым, кто живет в этом чертовом лесу.

Харри кивнул:

— А что мы думаем об истории Ролфа Оттерсена, который якобы между пятью и семью вечера работал в лавке?

— Его алиби ни хрена не подтверждается, потому что ни одного покупателя у него не было, — заметил Скарре.

— И пока близняшки играли на скрипке, он мог успеть съездить туда и обратно, — согласилась Катрина.

— Непохоже: не тот он человек, — вздохнул Скарре, откинулся на спинку стула и кивнул в подтверждение собственным словам.

Харри собирался было сказать несколько общих слов о том, что настоящий полицейский не должен лишать себя возможности заподозрить в любом человеке убийцу, но не захотел прерывать ребят: они только начали высказываться, и мешать было нельзя. Опыт показывает, что лучшие решения как раз и рождаются из нагромождения мыслей, не слишком обоснованных догадок и даже явно неверных выводов.

Дверь открылась.

— Хауди-ху! — пропел Бьёрн Хольм. — Я ужасно опоздал, зато знаю, что послу́жило орудием убийства.

Он снял пальто из «мокрой» кожи и повесил его на вешалку Харри — она премерзко хрустнула. А Бьёрн предстал перед собравшимися в рубашонке, расшитой желтыми нитками, с надписью на спине, которая сообщала всем заинтересованным лицам, что Хэнк Уильямс (на самом деле почивший зимой 1953 года) жив. Хольм опустился на единственный свободный стул и посмотрел на коллег; те все это время не спускали с него глаз.

— Что это с вами? — улыбнулся он, и Харри уже

знал, что сейчас последует Хольмова любимая хохма. И она последовала: — Помер кто?

— Орудие убийства, — напомнил Харри. — Выкладывай.

Хольм просиял и потер ладони.

— Я, само собой, заинтересовался, откуда могли взяться ожоги на шее Сильвии Оттерсен. Патологоанатомша ни бе ни ме. Сказала только, что все мелкие сосуды прижгло, как при ампутации, — так делают, чтобы избежать кровотечения. А потом уж пилят. И вот когда она про пилу начала, тут я кое-что припомнил. Я ж на хуторе вырос. — Бьёрн Хольм подался вперед, глаза его сияли, и Харри подумал, что так должен выглядеть папаша, который собирается открыть рождественский подарок — супернавороченный паровозик, купленный для новорожденного сынишки. — Короче, как-то корове пришло время родить, а теленок уже был мертвый. И тут мы видим, никак она сама его вытолкнуть не может: слишком большой. Мы прям чуть голову не сломали, а помочь, вытащить его, да чтоб ее не поранить, — никак не можем! И тогда приехал ветеринар с пилой.

Скарре перекосило.

— Это такая хрень, лезвиё у ней гибкое и тон-

кое, как шило, его в корову пихают так, чтобы оно вокруг теленка загнулось. Зацепил — и пили туда-сюда, покуда не перепилишь. — И Хольм продемонстрировал процесс с помощью жестов. — А тогда уж его можно вынимать. На этом обычно все заканчивается… Ну, конечно, бывает и так, что лезвиё, пока елозит туда-сюда, задевает и корову. Тогда и она от кровоте́ченья дохнет. Так вот, несколько лет назад во Франции крестьяне для таких дел начали использовать одну штуковину, которая все проблемы разре́шила. Устроена как нить накала, но петлей. Состоит из простой пластиковой рукоятки и тонкой суперпрочной металлической проволоки, у ней оба конца к этой рукоятке прикреплёны. Получается петля, которую надеваешь на то, что тебе надо отпилить. А потом включаешь нагрев. Пятнадцать секунд — и она накаляется до́бела, тогда раскаленная нить без труда режет, например, труп. Никаких «туда-сюда», то есть шанс задеть корову минимальный. И если это та самая хрень, то…

— Ты что, продать нам ее собираешься? — усмехнулся Скарре, ища глазами поддержки у Харри.

— Благодаря высокой температуре металл становится совершенно стерильным, — не обращая

на Скарре внимания, продолжил Хольм. — Ни бактерий, ни зараженной трупным ядом крови. К тому ж мелкие сосуды прижигаются, то есть предотвращается кровоте́ченье.

— О'кей, — сказал Харри. — Так ты уверен, что был использован именно этот инструмент?

— Нет, — ответил Хольм. — Но смогу проверить, как только такой инструмент окажется у меня. Правда, я тут говорил с одним ветеринаром, так он сказал, в Министерстве сельского хозяйства о петле-коагуляторе слыхом не слыхивали. — И он посмотрел на Харри с выражением глубокого и искреннего сожаления.

— Ясно, — вздохнул Харри. — Даже если эта штуковина и не является собственно орудием убийства, по крайней мере, становится понятно, как он смог отрезать голову, стоя в ручье. Что скажете?

— Франция… — протянула Катрина Братт. — Родина гильотины.

Скарре поджал губы и покачал головой:

— Слишком необычно. И потом, где он смог достать эту петлю? Насколько я понял, штуковина-то редкая.

— Вот с этого и начнем, — оживился Харри. — Займешься, Скарре?

— Я же сказал: не верю я в эту фигню.

— Извини, я неточно выразился, — поправился Харри. — Я имел в виду: «Этим займешься ты, Скарре». Хольм, есть что-нибудь еще?

— Не-а. На месте преступления должно было быть море крови, но единственное, что мы обнаружили, — кровь забитых кур. Кстати, насчет кур: судя по температуре тушек, забили их около половины седьмого. Но это неточно, потому что одна тушка была теплее, чем две остальные.

— Это была простуженная курица, — хохотнул Скарре.

— А снеговик? — спросил Харри.

— Тут отпечатков пальцев, конечно, не найдешь: мелкие кристаллы льда все время то подтаивают, то подмерзают. Зато, поскольку они острые, обычно можно отыскать кусочки кожи с пальцев. Ну, или волокна перчаток, если на нем они были. Но мы ничего не обнаружили.

— Резиновые перчатки, — предположила Катрина.

— Ну что ж. — Харри хмыкнул — У нас есть еще голова. Надо проверить зубы и…

Хольм перебил его с выражением горького упрека на лице:

— Ну как же вы можете? Я вам стока жирных

кусков принес, а вы так мелочитесь! Чего еще, по-вашему, надо проверять? Волосы? Отпечатки пальцев на шее? Неужто криминалисты сами не додумаются?

Харри кивком извинился и посмотрел на часы:

— Скарре, хоть ты и считаешь, что Ролф Оттерсен не тот человек, проверь, где он был и что делал, когда исчезла Бирта Беккер. Я побеседую с Филипом Беккером. Катрина, садись за все дела о пропавших без вести, включая эти два, и ищи сходство.

— О'кей, — отозвалась она.

— Проверяй все, — продолжил Харри. — Время совершения убийства, фазу луны, что шло по телевизору, цвет волос жертв, сумму цифр их телефонных номеров, может, они те же книжки брали в библиотеке или вместе в семинарах участвовали. Мы должны знать, по какому принципу он их выбирает.

— Подождите-ка, — прервал его Скарре. — Мы что, уже решили, что все случаи связаны между собой? А другие возможности не принимаем в расчет?

— Можешь принимать в расчет все, что хочешь, пока… — Харри встал и похлопал себя по карманам в поисках ключей от машины. — Пока

точно выполняешь распоряжения начальства. Последний выключает свет.

Харри ждал лифта и тут услышал сзади шаги. Они затихли прямо у него за спиной.

— Я говорила с одной из близнецов. Вчера в школе, на перемене.

— Ну и? — Харри повернулся и посмотрел на Катрину Братт.

— Спросила, что они делали позавчера.

— Позавчера?

— Да. В тот день, когда пропала Бирта Беккер.

Точно.

— Они с сестрой и матерью весь день были в городе. Она точно запомнила, потому что после приема у врача они пошли в Музей «Кон-Тики». Девочки ночевали у тетки, а мать была у подружки. Отец остался дома, на хозяйстве. Один.

Она стояла так близко, что до Харри доносился запах ее духов. Он никогда не встречал такого женского парфюма: запах был сильный, пряный, без единой сладкой нотки.

— Хм. А с кем из близняшек ты говорила?

Катрина Братт не сводила с него глаз:

— Понятия не имею. А что, это важно?

Лифт звякнул, сообщив Харри, что пора ехать.

Юнас рисовал снеговика. По его задумке тот

должен был улыбаться и петь: пусть это будет веселый снеговик. Но ничего не получалось, он только таращился с большого белого листа бумаги без всякого выражения. В большой аудитории было почти совсем тихо, лишь поскрипывал мел в руке у отца, стоявшего у доски, и ручки студентов шуршали по бумаге. Юнасу ручки не нравились. Ручку не сотрешь, ничего не исправишь, какой рисунок получится, такой и останется навсегда. Утром Юнас проснулся и подумал, что мама, наверное, уже вернулась, и помчался к ней в спальню. Но там был только отец. Он одевался и велел Юнасу тоже одеваться, потому что сегодня они пойдут в университет вместе.

Аудитория ступенями спускалась далеко вниз, туда, где стоял отец, и была похожа на театр. С тех пор как они с Юнасом вошли, отец не сказал студентам ни слова. Только кивнул, показал Юнасу, куда сесть, а сам пошел к доске и принялся писать. А студенты, видимо, к этому привыкли, потому что сразу же начали записывать. На доске было полно цифр, буковок и каких-то странных закорючек. Что они означают, Юнас не знал. Отец как-то раз объяснил ему, что это такой специальный язык, называется «физика», и сам отец все объяснял студентам только на этом языке. А

когда Юнас спросил, можно ли на нем рассказать сказку, отец ответил, что физика рассказывает только правду и для всяких дурацких баек не подойдет, как ни старайся.

Некоторые закорючки были смешные. И даже симпатичные.

Мел сыпался отцу на рукав. На ткань пиджака как будто выпал белый ровный слой снега. Юнас попробовал нарисовать отца, глядя ему в спину. Но и тут никакого веселого снеговика не вышло. И вдруг в аудитории стало совсем тихо. Ручки перестали шуршать. Потому что перестал поскрипывать мел. Он застыл на самом верху доски — отцу даже пришлось поднять руку высоко над головой. Казалось, будто мел застрял в доске, а отец висит, ухватившись за него, — прямо как мультяшный волк, когда тот повис над пропастью, уцепившись за веточку, а до земли очень-очень далеко. И тут плечо у отца затряслось, и Юнас подумал, что тот пытается выдернуть мелок из доски, чтобы продолжить писать, а тот не поддается. В аудитории раздался всхлип, будто все разом открыли рты и выдохнули. И тут отец вытащил наконец мелок, дошел до двери и, не оборачиваясь, исчез за ней. За новым мелом пошел, подумал Юнас. Студенты

вокруг него шептались все громче и громче. Он расслышал слова «жена» и «пропала». Посмотрел на почти целиком исписанную доску. Отец пытался написать, что она умерла, но мел мог писать только правду и поэтому застрял. Юнас попробовал стереть снеговика. А вокруг него щелкали замки, студенты собирали свои сумки, вставали и выходили из аудитории.

На неудавшегося снеговика упала чья-то тень. Юнас посмотрел наверх.

Это был дяденька из полиции, тот высокий, с некрасивым лицом и добрыми глазами.

— Пошли-ка поищем твоего папу, — предложил он.

Харри деликатно постучал в кабинет, который, судя по табличке, принадлежал профессору Филипу Беккеру.

Ответа не последовало, и он открыл дверь.

Человек за столом поднял опущенную на руки голову:

— Разве я разрешил кому-то…

Он осекся, увидев Холе, и перевел взгляд на мальчика, стоящего рядом.

— Юнас! — с раздражением обратился к сыну Филип Беккер. — Ведь я сказал тебе, чтобы ты никуда не уходил! — Глаза его были красными.

— Это я взял его с собой, — заступился Харри.

— Да? — Беккер взглянул на часы и встал.

— Ваши студенты ушли, — сказал Харри.

— Ушли? — Беккер снова опустился на стул. — Я… я хотел дать им немного отдохнуть.

— Я понял, — отозвался Харри. — Всем нам иногда полезно немного отдохнуть. Мы можем с вами поговорить?

Беккер отослал Юнаса в кафетерий, наказав ждать там, а сам объяснил:

— Решил не водить его сегодня в школу. Все эти вопросы, слухи… не хочу всего этого. Я уверен, вы понимаете.

— Ясно. — Харри достал сигареты, но, увидев, как решительно замотал головой Беккер, убрал пачку в карман. — Уж это-то понять куда проще, чем то, что вы написали на доске.

— Это квантовая физика.

— Звучит туманно.

— Мир атомов вообще туманная вещь.

— Как это?

— Они ломают все известные нам законы физики. Как, например, предмет может находиться сразу в двух местах? Нильс Бор как-то сказал: если тебя квантовая физика не испугала, значит, ты ничего в ней не понял.

— Но вы-то понимаете?

— Нет, конечно! Вы в своем уме? Это же чистый хаос. Но я предпочитаю тот хаос этому.

— Какому?

Беккер вздохнул:

— Мы, то есть наше поколение, стали менеджерами и секретарями наших детей. И Бирта — больше остальных. Все эти дни рождения друзей, внеклассные занятия и футбольные тренировки… Их столько, что я схожу с ума. Вчера мне позвонили из какой-то клиники, потому что Юнас пропустил прием у врача. Вечером у него тренировка по футболу, причем я даже не знаю где. А он, как и все нынешние дети, поди и не знает, как на автобусе-то ездить!

— У Юнаса проблемы со здоровьем? — спросил Харри и достал блокнот, в котором никогда ничего не писал, но вид которого производил бодрящее действие на свидетелей.

— Ничего особенного. — Беккер раздраженно махнул рукой. — Насколько я понимаю, вы пришли по другому поводу?

— Да, — ответил Харри. — Я хотел бы знать, что вы делали вчера после обеда и до самого вечера.

— Что?

— Это моя работа, Беккер.

— Это имеет какое-то отношение к… к… — Беккер кивнул в сторону сегодняшней газеты, которая лежала на неровной стопке бумаг.

— Нам пока ничего не известно. Пожалуйста, ответьте на мой вопрос.

— Скажите, вы меня подозреваете?

Харри промолчал и только посмотрел на часы.

Беккер громко простонал:

— Ладно, бросьте! Я же действительно хочу помочь. Вчера я весь вечер сидел здесь, работал над статьей, которую надеюсь вскоре опубликовать.

— Кто-нибудь из коллег сможет это подтвердить?

— Знаете, почему норвежские исследователи занимают в мировой науке положение маргиналов? Потому что их самолюбование значительно превышает их знания. Я был, как обычно, один-одинешенек.

— А Юнас?

— Он приготовил себе поесть и сидел перед телевизором, когда я пришел.

— В котором часу это было?

— Думаю, сразу после девяти.

— Ага. — Харри сделал вид, что записывает. — Вы просмотрели вещи Бирты?

— Да.

— Нашли что-нибудь?

Филип Беккер провел пальцем по губам и покачал головой. Харри смотрел на него не отрывая глаз. Но Беккер выдержал его взгляд.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил Харри, сунул блокнот в карман и встал. — Пойду скажу Юнасу, чтобы он возвращался.

— Пожалуйста, пока не надо.

Харри нашел кафетерий, где сидел Юнас и рисовал, высунув кончик языка. Он встал рядом с мальчиком и взглянул на лист бумаги, на котором пока не было ничего, кроме двух кривых кругов.

— Снеговик.

— Да, — кивнул Юнас. — Откуда вы знаете?

— Зачем мама возила тебя к врачу, Юнас?

— Не знаю. — Юнас принялся за голову снеговика.

— А что это за врач?

— Не знаю.

— А где находится его кабинет?

— Я не должен никому говорить. Даже папе.

Юнас склонился над лицом и стал пририсовывать снеговику волосы. Длинные волосы.

— Я же полицейский, Юнас. Я стараюсь найти твою маму.

Карандаш нажимал сильнее и сильнее, волосы становились чернее и чернее.

— Не знаю, как называется то место.

— А что там было рядом, может быть, помнишь?

— Королевские коровы.

— Коровы?

Юнас кивнул:

— А тетеньку за окном зовут Боргхильд. Она взяла таким специальным шприцем немного крови.

— А кого ты рисуешь?

— Никого.

Филип Беккер стоял у окна и смотрел, как Харри пересекает парковку. В задумчивости он держал на ладони маленькую черную записную книжку. Интересно, поверил ли старший инспектор, что он не заметил его в аудитории? И в то, что вчера вечером он работал над статьей. И в то, что в вещах Бирты он ничего не нашел. Между тем черная записная книжечка лежала в ящике ее письменного стола, она даже и не пыталась ее спрятать. А в книжечке…

Он чуть было не улыбнулся. Глупая баба, неужели она думала, что может его обмануть.

Глава 11
День четвертый. Маска смерти

Харри просунул голову в дверь. Катрина Братт сидела за компьютером.

— Ну что? Есть сходство?

— Кое-какое есть, — ответила Катрина. — У всех женщин были голубые глаза, но в остальном внешность у них абсолютно разная. Все были замужем, у всех были дети.

— Я знаю, с чего начать, — сказал Харри. — Бирта Беккер возила Юнаса к врачу. Он сказал — рядом с королевскими коровами. Должно быть, недалеко от королевского парка на Бюгдёй. А ты говорила, что близняшки после посещения врача были в Музее «Кон-Тики». Это тоже на Бюгдёй. Филип Беккер ничего о враче не знает, но, может, знает Ролф Оттерсен.

— Я позвоню.

— И сразу давай ко мне.

В кабинете Харри включил автоответчик, сам же взял наручники, надел один браслет себе на запястье, а второй принялся набрасывать на ножку стола. Ракель сообщила, что на соревнования

по конькобежному спорту, куда Харри давно обещал пойти, Олег решил взять с собой товарища. Харри сразу понял, что это всего лишь закамуфлированная попытка напомнить ему об этой самой поездке на случай, если он о ней забыл. Харри ни на день не забывал о разговоре с Олегом, потому мог бы воспринять это напоминаньице как проявление недоверия. Однако он не обиделся, более того, ему это даже понравилось. Потому что это многое говорило о Ракели как о матери. И потому что она ни разу не назвала его по имени.

Катрина вошла без стука.

— Жестко, — кивнула она на ножку стола, к которой приковал себя Харри. — Но мне нравится.

— Скоростное набрасывание наручников, — улыбнулся он. — Один из фокусов, которые я вывез из Штатов.

— Тебе надо попробовать новые скоростные наручники фирмы «Хайетс». Не придется следить за тем, справа ты набрасываешь или слева: браслет защелкнется по-любому. А потом можно повысить планку и попробовать набрасывать с двух рук, так что шансы каждой попытки удвоятся.

— Хм. — Харри отпер наручники. — Ну так что там?

— Ролф Оттерсен ни о каком визите к врачу на

Бюгдёй не слышал. Удивился: они ходят в клинику в Бэруме. Я могу поговорить с кем-нибудь из близнецов, может быть, они вспомнят что-нибудь про врача, к которому ходили. Или можем сами обзвонить все клиники Бюгдёй и проверить. Там их всего четыре. Вот. — Она положила ему на стол желтую бумажку.

— Им запрещено сообщать имена пациентов, — сказал он.

— Тогда после уроков поговорю с близнецами.

— Погоди, — бросил Харри, поднял телефонную трубку и набрал первый номер.

Ответил гнусавый голос и тут же сообщил название клиники.

— Боргхильд на месте? — спросил Харри.

Никакой Боргхильд там не было.

По другому номеру такой же гнусавый автоответчик дал понять, что по всем вопросам нужно обращаться в определенное время, в течение всего двух часов, и сегодня они уже опоздали.

По четвертому номеру щебечущий, почти смеющийся голосок ответил то, на что Харри и надеялся:

— Да. Это я.

— Добрый день, это старший инспектор Харри Холе, Полицейское управление Осло.

— Дата рождения?

— Родился я вроде весной, но не о рождении речь. Скорее об убийстве. Вы, вероятно, уже читали сегодняшние газеты. Меня интересует, приходила ли к вам Сильвия Оттерсен в течение последней недели.

На том конце провода стало тихо.

— Секундочку, — ответила она.

Харри услышал, как она встала, а снова взяв трубку, ответила:

— Сожалею, господин Холе. Сведения о пациентах не подлежат разглашению. И я думаю, что полиции это известно.

— Нам это известно. Но если не ошибаюсь, пациентами являются ее дочери, а не сама Сильвия.

— Все равно. Информация, которую вы запрашиваете, опосредованно может раскрыть имя пациента нашей клиники.

— Речь идет об убийстве, напоминаю.

— А я напоминаю вам, что полиция может приехать к нам с ордером. Возможно, в нашей клинике излишне тщательно подходят к сохранению конфиденциальной информации о пациентах, но это в порядке вещей.

— В порядке вещей?

— Да. Это объясняется спецификой клиники.

— Что за специфика?

— Пластическая хирургия. Посмотрите наш сайт.

— Спасибо, я думаю, что уже узнал достаточно.

— Как угодно. — И она положила трубку.

— Ну и? — спросила Катрина.

— Юнас и двойняшки были у одного и того же врача, — сказал Харри, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. — А значит, мы напали на след.

Харри ощутил особое воодушевление, оно настигало его каждый раз, когда он начинал чувствовать, что зверь близко. А после воодушевления приходило Великое Наваждение. Чувство, вбиравшее в себя все: влюбленность и наркотический угар, слепоту и зоркость, здравомыслие и сумасшествие. От коллег он время от времени слышал выражение «нервы натянуты как струна», но Наваждение — это нечто совсем другое, нечто большее. Он никогда никому о нем не рассказывал и даже не делал попыток проанализировать это состояние. Не осмеливался. Все, что он знал о нем, — оно помогало ему, вело его, было топливом для той работы, которой он занимался.

— И что дальше? — задала вопрос Катрина.

Харри открыл глаза и проехался на своем крес-

ле:

— А теперь мы займемся шопингом.

Лавка «Taste of Africa» — «Вкус Африки» — находилась на самой оживленной торговой улице района Майорстуа, на Бугстадвейен. Но из-за того, что вход в нее прятался в переулке, казалось, что ты где-то на окраине.

Харри с Катриной вошли в лавку под звон дверного колокольчика. Приглушенное, точнее, недостаточное освещение, пестрые, грубой работы ковры, свободные яркие одеяния, узорчатые подушки, журнальные столики, будто только что срубленные прямо в джунглях, и высокие тонкие фигуры людей и животных, вырезанные из дерева. Все это было расставлено и развешано без особого порядка: ценников не видно, товары стоят парами, как звери в Ноевом ковчеге. Короче говоря, помещение больше походило на выставку, а не на магазин. На слегка запылившуюся выставку. И это впечатление только подчеркнула неестественная тишина, воцарившаяся, когда дверь наконец захлопнулась и колокольчик смолк.

— Что вам угодно? — раздался голос из угла лавки.

Харри пошел на звук. В глубине лавки было

темно. За огромным деревянным жирафом он со спины увидел женщину: она стояла на стуле, освещенная единственной голой лампочкой, и вешала на стену страшную черную маску из дерева.

— В чем дело? — спросила женщина, не оборачиваясь.

Судя по интонации, она догадалась, что в лавку пришел отнюдь не покупатель.

— Мы из полиции.

— Ах вот как.

Женщина повернулась, луч света упал ей на лицо, и сердце у Харри остановилось, а сам он попятился назад. Это была Сильвия Оттерсен.

— Что-то не так? — спросила она, и между стеклами очков прорезалась морщинка.

— Вы… кто?

— Ане Педерсен, — ответила она и только тут заметила ошеломленное лицо Харри. — Я сестра Сильвии Оттерсен. Двойняшка.

Харри закашлялся.

— Это старший инспектор Харри Холе, — услышал он голос Катрины за своей спиной. — А я — Катрина Братт. Мы надеялись найти тут Ролфа.

— Он в похоронном бюро.

Ане замялась, и в тот же миг каждый из них понял, что все одновременно подумали об одном: как можно похоронить одну голову?

— И на пост заступили вы? — пришла на выручку Катрина.

— Да, — улыбнулась Ане Педерсен и осторожно спустилась со стула, все еще держа маску в руке.

— Праздничная маска или изображение духа? — спросила Катрина.

— Праздничная, — ответила та. — Хуту. Восточное Конго.

Харри взглянул на часы:

— Когда он вернется?

— Не знаю.

— А есть предположения?

— Я же сказала, я не…

— Прекрасная маска, — перебила Катрина. — Вы сами ездили в Конго и купили ее там, ведь так?

— Как вы догадались? — удивленно посмотрела на нее Ане.

— Я заметила, что вы держите ее так, чтобы не закрывать ни глаз, ни рта. Вы уважаете духов.

— А вы интересуетесь масками?

— Немного, — ответила Катрина и показала на черную маску получеловека-полузверя с приде-

ланными маленькими ручками и ножками. — А это, наверное, маска кпели?

— Да. С Берега Слоновой Кости. Сенуфская.

— Маска судьи? — На этот раз Катрина протянула руку к грязной шерсти какого-то животного, которая свисала по сторонам лысины из кокосового ореха, прикрепленного к верхней части маски.

— О, да вы много знаете, — улыбнулась Ане.

— Так это судейская маска? — спросил Харри.

— Судейская и есть, — ответила Ане. — В Африке такие маски не просто пустой символ. В племени лу человек, который носит такую маску, автоматически получает власть судить и наказывать. И никто его авторитет сомнению не подвергнет: маска дает ему эту власть.

— А вон там, у двери, я видела две маски смерти, — сказала Катрина. — Просто роскошные.

— У меня их несколько, — улыбнулась в ответ Ане. — Из Лесото.

— Можно посмотреть?

— Конечно. Обождите тут.

Она исчезла, а Харри посмотрел на Катрину.

— Я подумала, что так будет проще найти с ней контакт, — ответила она на его вопрошающий взгляд. — Проверить, нет ли у них семейных

тайн, понимаешь?

— Понимаю. И лучше всего тебе это сделать в одиночку.

— Хорошо. Тебе надо многое успеть.

— Я буду у себя. Если появится Ролф Оттерсен, быстренько вытряси из него все, что касается врачебной тайны.

Харри бросил взгляд на висевшие у двери вроде как кожаные человеческие лица — сморщенные или кричащие — и вышел. Для себя он решил, что он на них похож.

Эли Квале катила тележку для покупок мимо полок супермаркета, что возле Уллеволского стадиона. Магазин большой, немного дороже, чем остальные, зато выбор тут гораздо богаче. Ходила она сюда не каждый день, а только когда собиралась приготовить что-нибудь особенно вкусное. А сегодня вечером из США возвращался домой их старшенький — Трюгве. Он учился на третьем курсе экономического факультета в Университете Монтаны, но этой осенью у него не было никаких экзаменов, так что аж до зимы он сможет учиться дома. Андреас собирался из церкви сразу отправиться за ним в аэропорт Гардермуэн. Когда они войдут в дом, подумала Эли, их дискуссия о гребле и о клеве на различную

наживку будет в самом разгаре.

Она наклонилась над мороженными продуктами и почувствовала, как на нее повеяло холодом. Но не от холодильника, а сзади, из-за спины, — там опять промелькнула чья-то тень. Та же самая, что мелькнула, когда она стояла в отделе свежего мяса, а до этого на парковке, когда она закрывала машину. Пугаться нечего. Это прошлое снова дает о себе знать. Эли уже свыклась с тем, что страх никогда не ослабит своей хватки, даже теперь, спустя полжизни. Она выбрала самую длинную очередь к кассам: опыт подсказывал, что эта пройдет быстрее остальных. Андреас считал, что она ошибается. Кто-то встал за ней. Значит, не я одна ошибаюсь, подумала Эли. Она не стала оборачиваться, а только сказала себе, что у человека позади нее, наверное, масса замороженных продуктов — так ей холодило спину.

Но когда Эли все-таки обернулась, сзади никого не было. Она пошарила глазами по остальным очередям. Только не начинай, сказала она себе. Не начинай.

Выйдя из магазина, она заставила себя медленно дойти до машины. Не озирайся по сторонам, спокойно открывай дверцу, клади продукты, садись и заводи. И только когда ее «тойота» уже

карабкалась по склону к двухквартирным домам на горе Нурберг, она снова стала думать о Трюгве, Андреасе и об ужине, который должен быть готов к их приходу.

Харри слушал голос Эспена Лепсвика в телефонной трубке, а сам щурился на фотографии погибших коллег. Лепсвик настаивал на допуске ко всем материалам дела.

— Когда получишь пароль от базы данных нашего шефа, — сказал Харри, — зайдешь в папку «Снеговик» в разделе «Преступления, совершенные с применением насилия».

— «Снеговик»?

— Ну вот так назвали.

— О'кей. Спасибо, Холе. Как часто тебе нужны доклады от меня?

— Только когда у тебя что-то появится. И еще, Лепсвик…

— Да?

— На мою грядку не лезь. Копайся вокруг, ладно? Займись анонимками, свидетелями, людьми, чьи личные дела заставляют тебя сомневаться в их непричастности к серийным убийцам. Вот будет твоя основная работа.

Харри знал, что подумал Лепсвик, опытный следователь Главного управления полиции. Он

подумал: говенная работенка.

Лепсвик крякнул:

— Так мы сходимся во мнении, что между пропавшими без вести есть какая-то связь?

— Мы не обязаны сходиться во мнениях. Поступай, как считаешь нужным.

— Отлично.

Харри положил трубку и уставился на монитор. Он зашел на сайт, о котором говорила Боргхильд, и теперь разглядывал фотографии красавиц-фотомоделей, чьи лица и тела были испещрены пунктирными линиями. Пунктир демонстрировал, где их безупречную внешность все-таки можно подкорректировать. А над улыбками красоток улыбался с фотографии Идар Ветлесен собственной персоной, привлекательный, как фотомодель.

Под снимком Идара Ветлесена помещалось резюме, состоящее из длинных — французских и английских — названий дипломов и курсов. Харри знал: часть подобных курсов можно пройти за какие-нибудь два-три месяца, и все же они дают право прибавить к своему докторскому титулу несколько латинских сокращений. Он вбил Идара Ветлесена в Google и в списке результатов поиска увидел таблицу соревнований по кёрлингу, а

также сайт одного из предыдущих мест работы Ветлесена — клиники «Мариенлюст». Правду люди говорят, подумал Харри, Норвегия и впрямь такая крошечная страна, что между любыми двумя жителями — максимум два рукопожатия.

Вошла Катрина Братт и с глубоким вздохом опустилась на стул перед Харри. Положила ногу на ногу.

— Как думаешь, — спросил Харри, — правда, что красивые люди больше заняты вопросами собственной внешности, чем страшные?

— Не знаю, — ответила Катрина. — Но какая-то логика в этом есть. Ведь индивидуумы с высоким ай-кью так с ним носятся, что организовали клуб для себе подобных. Людям свойственно фокусироваться на том, что у них есть. Например, ты, на мой взгляд, чертовски гордишься твоим талантом следователя.

— То есть генами крысолова, что ли? Полученной с рождения способностью сажать в тюрьму ненормальных, алкашей, людей, давно вышедших из подросткового возраста, но с интеллектом намного ниже среднего?

— Так, значит, мы всего лишь крысоловы?

— Ага. Вот отчего мы радуемся, когда хоть изредка нам попадает такое дело, как это. Возможность

поохотиться за крупной дичью, подстрелить льва или слона, динозавра, мать его.

Катрина не улыбнулась, напротив, кивнула с серьезным видом.

— Ну, так что тебе рассказала близняшка Сильвии?

— Я чуть ли не в подруги к ней набилась, — вздохнула Катрина и провела ладонью по затянутому в чулок колену.

— Послушаем.

— Ане рассказала, что и Ролф, и Сильвия были уверены, что Ролфу с ней несказанно повезло. Но все остальные думали наоборот. Когда они встретились, Ролф только-только получил диплом инженера Бергенской высшей технической школы и переехал в Осло, чтобы начать работу в компании «Квернер». А Сильвия — она из тех людей, что каждое утро просыпаются с новой идеей, как им жить дальше. У нее было добрых полдюжины специальностей, но ни на одной работе она не задерживалась дольше чем полгода. Упрямая, вспыльчивая и избалованная. Убежденная социалистка с радикальными замашками. Немногочисленными подругами она пыталась манипулировать, мужчины, с которыми она завязывала отношения, быстро ее бросали: не

выдерживали. Ее сестра считает, что Ролф так сильно влюбился в Сильвию, потому что она была его полной противоположностью. Сам-то он собирался пойти по отцовским стопам и стать инженером. Родился в семье, которая свято верит в непогрешимую и благодать дарующую руку капитализма и в буржуазные ценности. А Сильвия считала, что все мы — жертвы западной цивилизации, материалисты, коррумпированные потреблением, забывшие о собственном предназначении, для которых свет клином сошелся на успешности. А еще она верила, что какой-то из эфиопских царьков — новый мессия.

— Хайле Селассие, — сказал Харри. — Джа растафари!

— Все-то ты знаешь.

— Только из песен Боба Марли. Что ж, это объясняет их связь с Африкой.

— Возможно. — Катрина поменяла позу: теперь левая нога лежала на правой. Харри отвел глаза. — Ролф и Сильвия уволились отовсюду и примерно на год уехали в Западную Африку. Для обоих поездка вышла довольно познавательной. Ролф обнаружил, что его призвание — помочь Африке встать на ноги. А Сильвия, которая вытатуировала на спине флаг Эфиопии, поняла, что

люди только в Африке могут быть самими собой. И они открыли этот магазинчик, «Вкус Африки». Ролф — чтобы помочь беднейшему континенту, Сильвия — привлеченная комбинацией идеи дешевого импорта и государственной поддержки, что обещало легкие деньги. Как раз тогда ее взяли на таможне в Форнебу с рюкзаком, полным марихуаны. Она летела из Лагоса.

— Смотри-ка!

— На суде она заявила, будто понятия не имела, что находится в рюкзаке, так как по дружбе взялась перевезти эту посылку одному проживающему в Норвегии нигерийцу от его семьи.

— Хм… Что еще?

— Ане нравится Ролф. Он вежливый, рассудительный и безгранично рад своему отцовству. Но при этом совершенно слеп во всем, что касается Сильвии. Она дважды бросала его и детей и уходила к другому мужчине. Но когда эти мужчины сами бросали ее, она возвращалась, и Ролф радостно принимал ее обратно.

— Чем это она его зацепила, интересно…

В ответ Катрина Братт улыбнулась почти грустной улыбкой и посмотрела куда-то в сторону, теребя край юбки:

— Обычное дело, насколько я понимаю. Разве

можно уйти от человека, с которым у тебя отличный секс? Можно пробовать сколько угодно, но потом все равно возвращаешься. Мы так примитивно устроены, да?

Харри медленно кивнул и осведомился:

— А что у нее были за мужчины?

— Разные. Чаще — неуверенные в себе.

Харри глянул на нее искоса, решил не развивать эту тему и спросил:

— Ты виделась с Ролфом Оттерсеном?

— Да, он пришел через десять минут после того, как ты уехал, — ответила Катрина. — И выглядел гораздо лучше, чем в прошлый раз. О хирургической клинике на Бюгдёй он никогда ничего не слышал, но разрешение на разглашение врачебной тайны подписал. — И она положила сложенный листок ему на стол.

На низких трибунах стадиона гулял ледяной ветер. Харри смотрел на конькобежцев, скользивших по дорожкам. Техника у Олега за последние годы стала намного лучше. Каждый раз, когда соперник ускорялся и готов был его обойти, Олег сгибался пониже, слегка налегал и стремительно выходил вперед.

Харри позвонил Эспену Лепсвику, чтобы обменяться информацией, и узнал, что в тот вечер,

когда пропала Бирта, в ее районе был замечен темный седан. Время было позднее, никто его толком не разглядел. Больше он там не появлялся.

— Темный седан, — кисло пробормотал Харри, — темным вечером.

— Да, — вздохнул в ответ Лепсвик, — я понимаю, что толку от этого мало.

Харри уже засовывал телефон в карман, когда чья-то тень заслонила ему свет.

— Простите, я опоздал.

Он взглянул в улыбающееся над ним жизнерадостное лицо Матиаса Лунн-Хельгесена.

— А вы, Харри, занимаетесь зимними видами спорта? — спросил посланец Ракели.

У этого Матиаса такой прямой взгляд и искреннее лицо, решил Харри, как будто он, когда говорит, сам к себе прислушивается.

— Да не особенно. Немного на коньках бегаю. А вы?

Матиас отрицательно покачал головой:

— Но я решил, что когда мой жизненный путь подойдет к концу и я стану таким немощным, что не захочу больше жить, то отправлюсь на подъемнике на вершину вон той горы. — Он показал пальцем куда-то за спину Харри, и тот, не оборачиваясь, понял, что он имеет в виду.

Трамплин в Хольменколлене — самое красивое место во всем Осло, но и опаснейшее. Он виден из любой точки города. — И прыгну. Но не на лыжах, а просто так.

— Драматический финал! — отозвался Харри.

— Сорок метров свободного падения, — улыбнулся Матиас. — Всего несколько секунд.

— Однако, насколько я представляю, это случится не так скоро.

— С моим уровнем анти-эсцеэл-семьдесят в крови — в любой момент, — просиял Матиас.

— Анти-эсцеэл?..

— Ну да. Пока, конечно, антитела в порядке, но ухудшение может произойти когда угодно, и на этот счет не стоит обольщаться.

— Хм. А я считал, когда врач думает о самоубийстве, — это ересь.

— Врач лучше всех представляет, чего ждать от болезни. Я опираюсь на стоика Зенона, который рассматривал самоубийство как достойный поступок в том случае, когда недуг делает смерть более привлекательной, чем жизнь. По преданию, в возрасте девяноста лет суставы пальцев на ногах начали причинять ему такие мучения, что он пошел и повесился.

— Так почему бы не повеситься, вместо того

чтобы тащиться на вершину трамплина?

— Да потому, что смерть должна стать как бы одой жизни, ее восхвалением. К тому же мне, надо признаться, греет душу слава, которая за этим последует. Потому что, боюсь, моя исследовательская деятельность снискала мало внимания. — Добродушный смех Матиаса был прерван звуком резко затормозивших коньков. — Кстати, простите за то, что я купил Олегу новые беговые коньки. Ракель потом сказала мне, что вы собирались подарить их ему на день рождения.

— Ничего страшного.

— А знаете, он-то хотел их получить именно от вас.

Харри промолчал.

— Я вам завидую, Харри. Вы сидите тут, читаете газету, говорите по мобильному с другими людьми, и Олегу достаточно просто того, что вы здесь. А когда я подбадриваю его, кричу и вообще делаю все, что, как написано в книжках, должен делать заботливый отец, его это только раздражает. Вы знаете, что он точит коньки каждый день, поскольку ему известно, что у вас есть такая привычка? А пока Ракель не настояла, чтобы он оставлял коньки в прихожей, он держал их на

лестнице, потому что вы сказали, коньки нужно хранить в холоде. Вы — его ролевая модель, Харри.

Харри погрузился в размышления. Но где-то глубоко — впрочем, нет, не так уж глубоко — в душе ему было приятно все это слышать. К стыду Харри, его даже пронзила мгновенная низменная зависть и неприязнь к Матиасу, пытавшемуся завоевать расположение Олега.

Матиас теребил пуговицу пальто.

— Дети этого возраста удивительны: они четко представляют себе, где их корни. Новый отец никогда не сможет заменить настоящего.

— Настоящий отец Олега живет в России.

— На бумаге — да. Но реальность, Харри, совсем другое дело.

Олег, проезжая мимо, помахал им обоим. Матиас тут же помахал в ответ.

— Вы работали вместе с врачом по имени Идар Ветлесен? — переменил тему Харри.

Матиас удивленно посмотрел на него:

— С Идаром? Да, в клинике «Мариенлюст». Господи, вы знаете Идара?

— Нет, я просто прогуглил его имя и нашел старый сайт, где были указаны все, кто когда-либо там работал. Там было и ваше имя.

— С тех пор прошло уже много лет, но тогда, в «Мариенлюсте», мы здорово веселились! Нас переполняли надежды. Клинику открыли в то время, когда все думали, что частное здравоохранение просто создано для того, чтобы зашибать много денег. А когда увидели, что это не так, быстро прикрыли.

— Пустили с молотка?

— По-моему, было использовано слово «ликвидация». А вы — пациент Идара?

— Нет, его имя всплыло у нас в связи с одним делом. Вы можете рассказать, что он за фрукт?

— Идар Ветлесен-то? — рассмеялся Матиас. — Да уж, об этом я знаю довольно много. Мы вместе учились и много лет тусовались в одной компании.

— То есть теперь вы контактов не поддерживаете?

Матиас пожал плечами:

— Мы с Идаром всегда были очень разные. Большинство ребят в нашей компании были студентами медицинского факультета и рассматривали профессию медика как… Ну да, как призвание. Кроме Идара. Он открыто говорил, что изучает медицину, потому что это самая респектабельная профессия. И я каждый раз по-

ражался его честности.

— Получается, Идара Ветлесена занимает только респектабельность?

— Деньги, разумеется, тоже. Так что никто не удивился, когда Идар ушел в пластическую хирургию и в конце концов открыл клинику для избранных. Среди его клиентов сплошь богатые и знаменитые — Идара всегда привлекали такие люди. Он хотел быть как они, вращаться в их кругу. К сожалению, Идар, как обычно, слегка перестарался. Не удивлюсь, если эти ребята улыбаются ему в лицо, а за глаза называют навязчивым претенциозным болваном.

— А можно о нем сказать, что он далеко готов зайти, лишь бы добиться своей цели?

Матиас задумался:

— Идар всегда искал путь, который сможет привести его к славе. И хотя он человек далеко не бездарный, ему все же так и не удалось нащупать настоящее, большое дело. Когда я разговаривал с ним в последний раз, он казался подавленным, чуть ли не… ну да, чуть ли не в депрессии.

— А как вы думаете, способен он найти другой путь, который приведет его к славе? Не имеющий отношения к медицине?

— Об этом я как-то не думал, но, наверное, спо-

собен. Ведь, строго говоря, он не прирожденный медик.

— В каком смысле?

— А в том, что насколько Идар восхищается благополучными людьми, настолько же он презирает слабых и больных. Он не единственный врач, который так относится к людям, но он один говорит об этом открыто. — Матиас улыбнулся. — Остальные члены нашей компании были восторженными идеалистами, которые, впрочем, однажды поняли, что есть важные вещи и за пределами медицины: выплаты за новый гараж, например, и тарифы за сверхурочные. Идар, по крайней мере, не предавал идеалов: у него их с самого начала не было.

— Что, Матиас прямо так и сказал? — со смехом спросил Идар Ветлесен. — Что я не предавал идеалов?

У него было красивое, почти женственное лицо, брови такие изящные, что их можно было по ошибке принять за выщипанные, а белые и ровные зубы — за искусственные. Короче говоря, он выглядел намного моложе своих тридцати семи.

— Не знаю уж, что он имел в виду, — улыбнулся Харри.

Они сидели в глубоких креслах в библиотеке

большого белого особняка на Бюгдёй, с виду старинного и благородного. «Дом, где я провел детство», — поведал Идар Ветлесен, сопровождая Харри через большие темные залы в комнату, где стены были заставлены книгами. Классика: Микхьель Фёнхус, Хьелль Аукруст, «Доверенное лицо» Эйнара Герхардсена. Широкий выбор. Не хуже чем у людей. Плюс биографии политиков. Целая полка с золотым тиснением «Избранное». Харри не увидел ни одной книжки, изданной позднее 1970 года.

— Ну я-то отлично понимаю, что он имел в виду, — покатывался со смеху Идар.

Вот почему, мрачно подумал Харри, Матиас говорил, что они «здорово веселились» в клинике «Мариенлюст»: не иначе как соревновались, кто громче смеется.

— Матиас, гад вонючий… Я хотел сказать «везучий». Черт, я и то и другое хотел сказать! — И снова загрохотал смех Идара Ветлесена. — Они говорят, что не верят в Бога, все эти мои тюфяки-коллеги, но на самом-то деле они аж взмокли от страха. Карьеристы, отягощенные моральными принципами! Все коллекционируют добрые дела, потому что в глубине души страшно боятся гореть в аду.

— А вы — нет?

Идар поднял одну из своих изящно прорисованных бровей и с интересом посмотрел на Харри. Ветлесен был одет в мягкие светло-голубые домашние туфли с незавязанными шнурками, простые брюки и рубашку с фигуркой игрока в поло слева на груди. Что это за фирма, Харри так и не вспомнил, но по какой-то причине решил, что ее носят лишь скучные дядьки.

— Мои родители, инспектор, были люди практичные. Отец был таксистом. Мы верим только в себя самих.

— А. Отличный дом для таксиста.

— У отца было несколько машин и лицензия на перевозки. Но тут, среди обитателей Бюгдёй, он навсегда остался извозчиком, слугой, плебеем.

Харри смотрел на врача и пытался определить, не сидит ли тот на амфетамине или других таблетках. Ветлесен откинулся на спинку кресла в нарочито расслабленной позе, пытаясь, очевидно, скрыть беспокойство и лихорадочное возбуждение. Харри подумал о наркотиках, еще когда позвонил и сообщил, что полиция хочет задать Ветлесену несколько вопросов, а тот с места в карьер пригласил его к себе домой.

— Но вы водить такси не захотели, — поддер-

жал разговор Харри. — Вы захотели… делать людей более красивыми?

Ветлесен улыбнулся:

— Вы можете сказать, что я предлагаю свои услуги на ярмарке тщеславия. Или что я привожу в порядок внешность человека, чтобы утолить боль, которая терзает его душу. Можете выбирать, что вам больше нравится. Мне абсолютно наплевать. — И Ветлесен вновь рассмеялся, ожидая, что Харри будет шокирован. А когда этого не случилось, его лицо посерьезнело. — Сам я себя считаю скорее скульптором. Высокого призвания у меня нет, но мне нравится менять внешность, формировать человеку новое лицо. И всегда нравилось. Мне это хорошо удается, люди платят за мою работу. Вот и все.

— Хм.

— Но это не означает, что у меня нет совсем никаких принципов. Есть. И врачебная тайна — один из них.

Харри молча ждал продолжения.

— Я говорил с Боргхильд, — пояснил Ветлесен. — Я знаю, что вы ищете, инспектор. И понимаю, что это серьезное дело. Но помочь вам ничем не могу. Я связан врачебной тайной.

— Уже нет. — Харри достал из внутреннего

кармана сложенный лист бумаги и положил на стол. — Это заявление, подписанное отцом близнецов, которых вы ведете.

Идар покачал головой:

— Это не поможет.

Харри удивленно наморщил лоб:

— Почему же?

— Я не могу вам открыть, кто приходит ко мне в клинику и по какому поводу. Люди, которые привели ко мне в клинику своих детей, тоже защищены врачебной тайной и имеют право скрывать цель своих визитов от супругов, если того пожелают.

— Почему Сильвия Оттерсен не говорила мужу, что она была с детьми у вас?

— Наши принципы могут показаться вам простым упрямством. Но это не так: вспомните, сколько среди наших пациентов известных людей, которым постоянно моют кости и распускают о них нежелательные слухи. Сходите в Дом искусств и взгляните на присутствующих. Вы не поверите, сколько из этих людей подправляли детали своей внешности у меня в клинике. И они падают в обморок от одной мысли, что об их визите ко мне станет известно. Наша репутация основана на умении хранить тайну. Если

узнают, что у нас произошла утечка информации о пациентах, последствия для клиники будут катастрофическими. И я уверен, что вы это понимаете.

— У нас два убийства, — напомнил Харри. — И пока единственная связь между ними, которую мы выявили, — обе жертвы побывали в вашей клинике.

— Я не могу и не хочу подтверждать эти данные. Но давайте просто представим себе, что это, — взмахнул рукой Ветлесен, — совпадение. А что? Норвегия — маленькая страна, народу тут живет мало, а врачей еще меньше. Знаете, сколько рукопожатий между любыми двумя жителями страны?.. Вероятность того, что два человека побывали у одного врача, не меньше, чем вероятность оказаться в одно и то же время в одном трамвае. Вы ведь встречаете друзей в трамвае?

Харри не мог вспомнить ни одного случая — он и на трамвае-то почти не ездил.

— Я проделал долгий путь, чтобы приехать к вам и услышать, что вы не хотите нам помочь, — расстроился Харри.

— Извините. Я пригласил вас сюда, потому что понимал: иначе мы встретились бы в полиции, где как раз сейчас пресса днюет и ночует, внима-

тельно следя за всеми, кто там появляется. Нет уж, спасибо, я этих людишек навидался!..

— Я могу получить ордер или постановление, предписывающее вам нарушить врачебную тайну.

— Отлично! — обрадовался Ветлесен. — Ордер прикроет репутацию клиники. Но до тех пор… — И он сделал жест, будто застегнул рот на молнию.

Харри поерзал в кресле. Идар наверняка понимает: для получения ордера — даже в деле об убийстве — необходимо представить четкие доказательства того, что медицинское заключение и прочая информация будут иметь важное значение для расследования. А у них что? Убитые посетили одну и ту же клинику. Прав Ветлесен: и в трамвае можно встретиться… Харри почувствовал, что ему необходимо что-то предпринять. Выпить. Или покачать железо. Тяжелого и много. Он вздохнул:

— Несмотря ни на что, я должен задать вам вопрос: где вы были вечером третьего и пятого ноября?

— Я был готов к этому, — улыбнулся Ветлесен, — и успел вспомнить. Я был вдвоем с… А вот, собственно, и она.

В комнату мышиными шажками вошла пожилая женщина с мышиного же цвета волосами, которые шторками свисали вокруг ее лица. В руках она держала поднос с угрожающе брякающими кофейными чашками. Лицо у нее было такое, будто она несет церковный венец или крест. Женщина искоса глянула на сына, который тут же встал и взял у нее поднос:

— Спасибо, мама.

— Завяжи шнурки. — Она перевела глаза на Харри. — Мне кажется, я имею право знать, что за люди пришли в мой дом?

— Это старший инспектор Холе, мама. Он интересуется, что я делал вчера вечером и третьего дня.

Харри встал и протянул ей руку.

— Прекрасно помню, что мы делали, — сказала фру Ветлесен, наградив Харри удивленным взглядом и костлявым рукопожатием. Руку густо покрывали старческие пятна. — Вчера мы смотрели ток-шоу, где выступал твой кудрявый друг. И мне не понравилось, что он сказал о королевском дворце. Как бишь его зовут?

— Арве Стёп, — вздохнул Идар.

Старуха наклонилась к Харри:

— Он сказал, мы должны снести королевский

дворец. Представляете? Сказать такую мерзость! Да что бы с нами сталось, если бы во время войны с нами не было королевской семьи!

— Абсолютно то же самое, что и теперь, — отрезал Идар. — Редко какому главе государства удавалось во время войны или до нее сделать так мало для своего народа… А еще Арве сказал, что широкая поддержка монархии означает, что норвежцы в большинстве своем продолжают верить в троллей и эльфов.

— Разве это не ужасно?

— Без сомнения, мама, — усмехнулся Идар, положив руку ей на плечо, и при этом бросил взгляд на массивные швейцарские часы фирмы «Брайтлинг», слишком тяжелые для его тонкого запястья. — О господи! Мне пора бежать, Холе. Наслаждайтесь кофе.

Но Харри покачал головой и улыбнулся фру Ветлесен:

— Он наверняка хорош, но я его не заслужил.

Женщина тяжело вздохнула, что-то неслышно пробормотала, взяла поднос и уковыляла прочь.

Когда они вышли в прихожую, Харри неожиданно обратился к Идару:

— А что вы имели в виду под словом «везучий»?

— Простите?

— Вы сказали, что Матиас Лунн-Хельгесен не только «вонючий», но и «везучий гад».

— Вон вы о чем! Да его бабенку, с которой он живет. Сам-то Матиас довольно неумелый малый по этой части, но ей, видимо, по жизни попадались не те мужики. Так что ей такой увалень и был нужен. Только, пожалуйста, не выдавайте меня Матиасу.

— Кстати, вы знаете, что такое анти-эсцеэл-семьдесят?

— Это такие антитела в крови. Указывают на склеродермию. А что, у кого-нибудь из ваших знакомых они есть?

Харри не знал, что такое склеродермия, да и на языке у него сейчас вертелся совсем другой вопрос, который он ни за что не должен был задавать. Но не удержался и спросил:

— Так, значит, Матиас сказал, что ей не везло с мужчинами?

— Нет, это моя интерпретация. Святой Матиас ни единого плохого слова о человеке не скажет, в его глазах люди могут изменяться только к лучшему. — И смех Идара Ветлесена эхом прокатился по темным комнатам.

Одевшись и натянув ботинки, Харри вышел

на лестницу. Обернулся и через незакрытую дверь увидел, как Идар, нагнувшись, завязывает шнурки.

На обратном пути Харри позвонил Скарре, попросил распечатать фотографию Ветлесена с сайта клиники и показать в отделе по борьбе с наркотиками — узнать, не был ли тот замечен при покупке амфетаминов.

— На улице? — спросил Скарре. — У врачей же полные шкафы этого дерьма, разве нет?

— Правильно, но в наши дни действует настолько скрупулезная система отчетности по наркотическим препаратам, что врачи и те лучше пойдут за амфетаминами на улицу Шиппергата.

На этом разговор закончился, и Харри позвонил Катрине на работу.

— Пока ничего, — ответила она. — Я уже ухожу. Ты тоже домой?

— Да. — Харри помедлил. — Как думаешь, удастся раздобыть ордер, снимающий с Ветлесена обязательство хранить врачебную тайну?

— А что у нас есть? Я, конечно, могу надеть совсем короткую юбку, отправиться в суд и найти там судью подходящего возраста. Но честно предупреждаю: по-моему, ничего не получится.

— Согласен.

Харри посмотрел на огни бара «Бишлет». Вспомнил свою пустую полуразрушенную квартиру, взглянул на часы, передумал и повернул вниз по проспекту Пилестредет к зданию Полицейского управления.

В два часа ночи он набрал номер и снова услышал в трубке голос Катрины — на этот раз сонный:

— Что случилось?

— Я в управлении, только что посмотрел твои материалы. Ты говорила, все пропавшие женщины были замужем и имели детей. Думаю, надо копнуть в этом направлении.

— Что именно копать?

— Понятия не имею. Мне просто надо было сказать это кому-нибудь вслух, чтобы проверить, не звучит ли это по-идиотски.

— Ну и как это звучит?

— По-идиотски. Спокойной ночи.

Эли Квале лежала в постели с широко раскрытыми глазами. Рядом с ней безмятежно сопел Андреас. Луч лунного света пробивался между штор и падал на стену, где висело распятие, купленное ею в Риме во время свадебного путешествия. Что же ее разбудило? Может быть, Трюгве зашумел у себя наверху? Ужин и остаток вечера

прошли именно так, как она себе и представляла. Она смотрела на сияющие от радости лица, озаренные светом свечей, и все они говорили хором, то и дело перебивая друг друга: каждому хотелось о многом рассказать. Особенно Трюгве. И пока он рассказывал о Монтане, об учебе и друзьях, она молчала и все смотрела на этого юношу, почти мальчика; он только-только начал превращаться во взрослого мужчину, который сам выбирает свой жизненный путь. Вот чему она была больше всего рада: он имеет возможность выбирать. Свободно и открыто. А не как она — тайком.

Эли слышала, как в доме что-то заскрипело, будто стены заговорили друг с другом. Она встала с постели, подошла к окну и заглянула в щелку между занавесками. Шел снег. Он укутал ветки яблонь, и луна отражалась в тонком белом снежном покрывале, укрывшем склон, так что каждый предмет во дворе был отчетливо виден. Ее взгляд скользил по двору от входной двери до гаража, как будто она искала что-то, сама не зная, что именно. И вдруг взгляд остановился. Пораженная, Эли приглушенно вскрикнула. Прекрати, приказала она себе. Наверняка это Трюгве. У него смена часовых поясов, он не мог уснуть и вышел во двор. Следы шли от двери прямо к окну,

у которого она стояла. Как черный пунктир на белом тонком слое снега. Отточие перед текстом.

Но обратных следов не было.

Глава 12
День седьмой. Разговор

— Один парень из отдела по наркотикам признал его, — доложил Скарре. — Когда я показал ему фотографию Ветлесена, он сразу вспомнил, что несколько раз видел его на перекрестке Шиппергата и Толлбугата.

— А что там, на этом перекрестке? — спросил Гуннар Хаген, настоявший на своем присутствии на понедельничных утренних совещаниях у Харри в кабинете.

Скарре недоверчиво воззрился на Хагена, будто решил, что ослышался.

— Барыги, девки и их клиенты, — пояснил он лаконично. — Это у них новое место, с тех пор как мы прогнали их с Платы.

— И они перебрались туда все? — не поверил Харри и почесал подбородок. — Мне говорили, они вроде по разным местам разбежались.

— Ну, это у них типа центра, — ответил Скарре. — Они, ясное дело, тусуются и возле здания Биржи, и напротив Норвежского банка, вокруг Музея Аструпа — Фернли, концертного зала «Ста-

рая ложа» и кафе «Бюмишонен»…

Тут Харри громко зевнул, и Скарре вынужден был остановиться.

— Сорри, — сказал Харри без тени сожаления. — Выходные выдались тяжелые. Продолжай.

— Однако сотрудник из наркоотдела не помнит, чтобы видел его покупающим наркоту. Сказал, что тот как-то заходил в «Леон».

В этот момент дверь распахнулась — появилась Катрина Братт, лохматая, бледная, с припухшими глазами, однако «доброе утро» она пропела весьма довольным голосом и вполне четко, после чего стала озираться в поисках стула. Бьёрн Хольм вскочил со своего, приглашающе махнул в его сторону, а сам пошел за новым стулом.

— «Леон» на Шиппергата? — произнес Хаген. — Это что, место, где продают наркотики?

— Вполне возможно, — отозвался Скарре. — Но сам я видел, как туда заходят чернокожие проститутки, так что, скорее всего, это так называемый «массажный салон».

— Точно, — произнесла Катрина Братт, все еще стоя спиной к собравшимся и пристраивая пальто на вешалку. — Массажные салоны — большой сегмент рынка, его прибрали к рукам вьетнамцы. Как правило, они открывают их в спальных

районах, ближе к окраине города, и предлагают услуги азиаток, а от африканцев, которые контролируют уличную проституцию, стараются держаться подальше.

— По-моему, я там видел объявление у входа — «Сдаются дешевые комнаты», — вспомнил Харри. — Четыреста крон за ночь.

— Точно, — поддакнула Катрина. — У них там есть комнатушки, которые согласно документам они сдают на сутки, но на практике получается почасовая оплата. Причем это черный нал, потому что клиенты, как правило, чеков не требуют. Черный нал и черные девки. И сутенер у них черный. А вот хозяин гостиницы белый.

— Мадам бьет не в бровь, а в глаз. — Скарре подмигнул Харри Холе. — Забавно: сотрудница полиции нравов Бергена вдруг так много знает о проституции в Осло.

— Да везде примерно одно и то же, — пожала плечами Катрина. — Спорим, что все именно так, как я сказала?

— Спорим, — согласился Скарре. — Ставлю две сотни на то, что владелец — пакистанец.

— Идет.

— Ну… — Харри потер руки. — Так и будем сидеть?

Владельца гостиницы «Леон» звали Бёрре Хансен. Он был родом из Сулёра, и лицо у него было такого же сероватого оттенка, что и грязный снег, который так называемые «постояльцы» приносили на своих ботинках и оставляли на паркете перед стойкой. Над ней висела табличка с надписью «Адменестратор». Поскольку ни сам Бёрре, ни его клиенты особенно не заботились о правописании, табличка провисела здесь все четыре года, что Бёрре владел гостиницей. Перед тем он изъездил вдоль и поперек всю Швецию, продавая Библии, затем пробовал торговать бракованными порнофильмами в городе Свинесунде, откуда и вывез особый говорок, интонациями напоминавший смесь танцевальной музычки и проповеди. Там, в Свинесунде, он встретил Наташу, русскую стриптизершу, которую с грехом пополам вызволил из лап ее менеджера. Наташа сменила имя и переехала к Бёрре в Осло. «Леон» он выкупил у трех сербов, которые по разным причинам не могли больше находиться на территории Норвегии, и продолжил начатое ими дело, потому что не видел никакого смысла менять главную концепцию. А она была такова: сдача номеров на короткий — часто очень короткий — срок. Доходы поступали в основном наличны-

ми, а клиенты были не слишком требовательны. И дело шло неплохо. Так что потерять его Бёрре совсем не хотел. Оттого-то ему сразу не понравились те двое, что стояли теперь перед ним, а больше всего не понравились их удостоверения.

Один из них — высокий мужик — шлепнул по стойке фотографией:

— Видел этого парня?

И хотя Бёрре Хансен догадался, что они пришли не по его душу, на всякий случай отрицательно замотал головой.

— Точно? — переспросил мужик, уперся локтями в стойку и наклонился к нему.

Бёрре еще разок взглянул на фотографию, а сам подумал, что надо бы повнимательней рассмотреть их удостоверения, потому что мужик, например, больше походил на наркодилера, которых тут немало ошивается, чем на полицейского. Да и девка, что стояла с ним рядом, тоже сотрудника полиции не сильно напоминала. У нее был взгляд много повидавшей проститутки, тяжелый такой взгляд, но в остальном она выглядела как леди. Стопроцентная леди. Если бы она завела себе сутенера, который не стал бы грабить ее по-черному, то быстро б начала зарабатывать раз в пять больше, чем теперь. А может, и в десять.

— Нам известно, что ты держишь тут притон, — сказал полицейский.

— Я держу гостиницу, все абсолютно легально, и все документы у меня в порядке. Желаете взглянуть? — Бёрре показал пальцем на крошечный кабинетик позади стойки.

Полицейский покачал головой:

— Ты сдаешь комнаты проституткам и их клиентам. Это запрещено законом.

— Послушайте… — Бёрре сглотнул слюну. — Что там делают постояльцы моей гостиницы в своих номерах, меня совершенно не касается.

— Зато меня касается, — повысил голос полицейский. — Посмотри-ка на фотографию еще раз.

Бёрре посмотрел. Снимок, видимо, был сделан несколько лет назад, потому что на нем «этот парень» выглядел значительно моложе. Молодой, беззаботный, глаза веселые.

— Насколько мне известно, — осторожно напомнил Бёрре Хансен, — проституция в Норвегии не запрещена.

— Точно, — ответила женщина. — Зато держать бордель запрещено.

Бёрре Хансен сделал все возможное, чтобы придать лицу выражение оскорбленной невинности.

— Сотрудники полиции, — скучающе забубнил полицейский, глядя мимо Бёрре, — регулярно обязаны проверять, как выполняются правила по ведению гостиничного бизнеса. Из всех ли номеров есть запасный выход на случай пожара…

— Надлежащим ли образом ведется регистрация клиентов, не являющихся гражданами Норвегии, — подхватила женщина.

— Имеется ли специальный факс для приема информации из Полицейского управления…

— Как заполняются бумаги для налогового управления…

Ага, горячо. И тут полицейский нанес решающий удар:

— Мы собираемся послать запрос в Управление по экономическим преступлениям, чтобы они проверили вашу бухгалтерию, особенно в отношении тех лиц, которых наши агенты видели здесь за последние недели.

Бёрре Хансен задрожал. Наташа. Аренда за квартиру. А при воспоминании о ледяных темных зимних вечерах, проведенных на чужих лестничных клетках с Библией под мышкой, у него прямо сердце зашлось.

— Или можем ничего не посылать, — раздался голос полицейского. — Учитывая, в каких стес-

ненных обстоятельствах приходится работать полиции: людей у нас не так-то много. Верно, Братт?

Женщина кивнула.

— Он снимает тут комнату два раза в неделю, — выдавил Бёрре Хансен. — Всегда один и тот же номер. Проводит там весь вечер.

— Весь вечер?

— К нему приходит много гостей.

— Чернокожих или белых? — спросила женщина.

— Чернокожие. Только чернокожие.

— Сколько?

— Не знаю. По-разному. Восемь. Двенадцать.

— Одновременно? — удивилась женщина.

— Нет, по отдельности. Иногда парами. Но они и по улицам ходят чаще парочками.

— Ну ни фига себе! — вырвалось у мужика.

Бёрре Хансен кивнул.

— Под каким именем он у вас записывается?

— Не помню.

— В книге регистрации-то мы его наверняка найдем, не так ли? И в бухгалтерских документах.

У Бёрре Хансена рубашка под белым пиджаком взмокла на спине от пота.

— Они называют его «доктор Уайт». В смысле, те дамочки, которые его тут ищут.

— А он врач?

— Не знаю. Он… — Бёрре помедлил: не хотел ляпнуть лишнего. Но с другой стороны, надо было продемонстрировать готовность к сотрудничеству. К тому же клиента этого он наверняка уже потерял. — У него с собой всегда такой большой докторский чемоданчик. И он просит… дополнительные полотенца.

— Ого! — воскликнула женщина. — А вот это уже интересно. Кровь на полотенцах не замечали?

Бёрре не ответил.

— При уборке номера, — уточнил полицейский. — А?

Бёрре вздохнул:

— Ну, не много. Не больше, чем…

— Обычно? — с издевкой спросила женщина.

— Я не думаю, что он их там режет, — огрызнулся Бёрре Хансен, но тут же пожалел о сказанном.

— Почему не думаете? — Полицейский спросил, как выстрелил.

Бёрре пожал плечами:

— Тогда бы они к нему больше не приходили.

— Так. А приходят к нему только женщины?

Бёрре кивнул. Но полицейский успел заметить, как напряглись мускулы шеи Бёрре, как дрогнул слезящийся покрасневший глаз.

— Мужчины? — продолжал он допрос.

Бёрре покачал головой.

— Мальчики? — вмешалась женщина, ни в чем не отставшая от коллеги.

Бёрре Хансен снова покачал головой, но в позе его больше не чувствовалось уверенности.

— Дети, — догадался мужик и нагнул голову, как будто собирался забодать Бёрре. — Дети к нему ходили?

— Нет! — вскричал Бёрре, почувствовав, как пот струйками пополз по всему телу. — Никогда! Такого я никогда не позволю. Дети приходили, да… Всего пару раз, но к нему они так и не зашли: я вышвырнул их на улицу!

— Африканцы? — спросил мужик.

— Да.

— Мальчики или девочки?

— И те и другие.

— Они приходили сами? — спросила Катрина.

— Нет, вместе с женщинами. Мамашами, как я понял. Но я ж сказал: не пустил я их к нему в номер.

— Говоришь, он бывает тут по вечерам дважды

в неделю. В одно и то же время?

— По вторникам и четвергам. С восьми до одиннадцати. Никогда не опаздывает.

— Ну что ж, — неторопливо проговорил полицейский. — Спасибо за помощь.

Бёрре выдохнул и почувствовал в ногах такую боль, словно он все это время стоял на цыпочках.

— Не за что. — Он попытался улыбнуться, но вышла у него гримаса.

Полицейские направились к выходу. Бёрре понимал, что язык сейчас лучше бы попридержать, но знал и то, что, не спроси он их о самом важном, спать спокойно уже не сможет.

— Так мы договорились?.. — дрогнувшим голосом обратился он к их спинам.

Полицейский обернулся, и его бровь удивленно поползла вверх:

— О чем?

— Ну… об этой… — сглотнул Бёрре, — проверке.

Полицейский потер подбородок:

— А что, разве вы что-то утаиваете от органов?

Бёрре захлопал глазами, услышал собственный громкий и нервный смех и залепетал:

— Нет-нет, разумеется, нет! Ха-ха! Тут все в полнейшем порядке.

— Вот и славно. Значит, если проверка и нагрянет, вам бояться нечего. А вообще-то инспекция — не моя епархия.

Они вышли, оставив Бёрре с открытым ртом: он, видно, хотел сказать что-то протестующее, да так ничего и не придумал.

Харри вошел в свой кабинет под приветственный звон телефона. Звонила Ракель: хотела вернуть ему старый диск.

— «Правила секса»? — ошеломленно повторил он название. — Ты его смотрела?

— Ты сам говорил, что он в твоем списке самых недооцененных фильмов всех времен и народов.

— Да, но тебе-то такие фильмы никогда не нравились.

— Неправда.

— Ты же ругала «Звездный десант»!

— Потому что это фильм для насмешливых мачо.

— Это сатира, — сказал Харри.

— На что же?

— На фашизм, прижившийся в американском обществе. Парни Харди — это такой современный гитлерюгенд.

— Да ладно тебе придумывать, Харри! Где ты разглядел сатиру? В эпизоде битвы с гигантскими

инопланетными насекомыми?

— Тут имеется в виду боязнь чужаков…

— И ты не прав, говоря, будто мне не нравятся те фильмы, что нравятся тебе. Тот фильм семидесятых годов, ну про спеца по прослушивающим устройствам…

— «Разговор». Лучший фильм Копполы.

— Точно. Вот про него я согласна, что он недооцененный.

— Этот как раз оценен по достоинству, — вздохнул Харри. — Просто подзабылся уже. А так он Оскара взял как лучший фильм.

— Я сегодня ужинаю с подружками. На обратном пути могу заехать к тебе и завезти фильм. Ты будешь у себя около двенадцати?

— Может быть. А почему ты не хочешь заехать до ресторана?

— Не так удобно, я буду торопиться. Но в принципе, конечно, могу и так.

Ракель ответила быстро. Но все же не настолько быстро, чтобы Харри не отметил эту заминку.

— Хм… Я последнее время плохо сплю. У меня грибок завелся в стене, вот он меня и травит.

— Знаешь что? Я могу оставить диск в твоем почтовом ящике. Тогда тебе не надо будет вставать и открывать дверь. О’кей?

— О’кей.

И они положили трубки.

Харри заметил, что рука у него слегка дрожит. Наверняка от недостатка никотина, подумал он и отправился к лифтам.

Из дверей своего кабинета выглянула Катрина, как будто узнала звук его шагов.

— Я поговорила с Эспеном Лепсвиком. На сегодняшний вечер он одолжит тебе одного из своих людей.

— Класс!

— Что, хорошие новости?

— С чего ты взяла?

— Ты так улыбаешься…

— Я-то? Радуюсь вот.

— Чему?

— Да сигарете, — сказал он, хлопая себя по карману.

Эли Квале сидела с чашкой чая за кухонным столом и смотрела в окно, прислушиваясь к успокоительному урчанию посудомоечной машины. На диванчике рядом с ней стоял черный телефон, трубку она так сильно сжимала в руке, что та нагрелась. Но оказалось, звонили по ошибке. Трюгве нравилась рыбная запеканка, он сам говорил, что это его любимое блюдо. Но он о многих вещах

так говорит. Хороший парень. За окном темнела мертвая бурая трава, а от снега, выпавшего этой ночью, не осталось и следа. Кто знает, может, он ей просто приснился?

Эли машинально перелистала журнал. На первые дни после приезда Трюгве она взяла отпуск, чтобы у них было больше времени побыть друг с другом, поболтать вдвоем всласть. А в результате Трюгве сидит в гостиной с Андреасом, они оживленно разговаривают, то есть занимаются тем, ради чего она брала отпуск. Ну и хорошо: у них всегда было больше общих тем для разговоров. Они же так похожи друг на друга. И кроме того… Эли нравилась эта мысль — «поболтать всласть», но стоило начать воплощать ее в жизнь, как беседа неизбежно натыкалась на непреодолимую стену.

Она конечно же согласилась назвать мальчика в честь отца Андреаса. Несмотря ни на что дать ему имя той семьи. Она даже — перед самыми родами — почти совсем решилась рассказать, что произошло: о пустой парковке, темноте, черных следах на снегу. О лезвии ножа возле горла и безликом дыхании, касавшемся щеки. О том, как она бежала домой, чувствуя, как трусики намокли от спермы, а сама просила Господа, чтобы сперма

эта вытекла из нее вся без остатка. Но молитвы ее услышаны не были.

Потом она часто думала: а как бы все вышло, не будь Андреас священником, бескомпромиссно отрицающим даже мысль об аборте? Или если б она сама не оказалась такой трусихой? Тогда Трюгве бы не родился и… Но к тому времени все уже произошло и стена была возведена. Нерушимая стена молчания.

А то, что Трюгве с Андреасом оказались так похожи, стало для нее единственным благословением. В ней даже зажегся слабый огонек надежды, она пошла в клинику, где ее никто не знал, и отнесла туда по нескольку волосков, вынутых из их расчесок. Эли хотела, чтобы там сделали анализ на ДНК, она читала, это что-то вроде генетических отпечатков пальцев. Из клиники волосы послали дальше — в Институт судебной медицины при Королевской больнице, где этот новый метод часто использовали в делах по установлению отцовства. А через два месяца сообщили результаты. Увы, парковка, черные следы, прерывистое дыхание, боль — все это было не просто страшным сном.

Эли снова взглянула на телефон. Ну конечно, ошиблись номером. А дышал в трубку — она-то

сразу поняла — человек, который, услышав чужой голос, никак не мог решить, что ему делать, положить трубку или что-то сказать. Так бывает.

Харри вышел в прихожую и поднял трубку домофона.

— Алло! — перекричал он «Франца Фердинанда», гремевшего из динамиков в гостиной.

Никто не ответил. Он услышал только сигналы машин с Софиес-гате.

— Алло?

— Привет! Это Ракель. Ты уже лег?

По ее голосу он моментально догадался, что она выпила. Немного, но достаточно для того, чтобы голос сделался на полтона выше, а сквозь слова прорывался этот ее чудесный, глубокий смех.

— Нет, — ответил он. — Вечер удался?

— Почти. Сейчас только одиннадцать. Девчонки рано разошлись по домам. Завтра на работу и все такое.

— А-а.

Харри будто увидел ее перед собой: дразнящий взгляд, хмельной блеск в глазах.

— Я принесла диск, — сказала она. — Открой, я положу его в почтовый ящик.

— Конечно.

Харри поднял руку, чтобы нажать на кнопку

домофона. Помедлил. Это были две секунды до атаки. Две секунды на отступление. Он отлично понимал, что не хочет ее впускать, потому что проходить через все это еще раз будет слишком больно. Вот почему в груди громыхало так, будто у него было два сердца, вот почему он никак не нажимал кнопку, которая должна впустить Ракель в его дом и в его мысли.

Пора, подумал он и прикоснулся к твердому пластику кнопки.

— А может, мне подняться?

Харри заговорил, стараясь, чтобы голос звучал не слишком странно:

— Не нужно. На почтовом ящике есть мое имя. Доброй ночи. — И он нажал на кнопку.

Вернулся в гостиную, сделал музыку погромче и попытался выдохнуть прочь все мысли, превозмочь ненужное, идиотское возбуждение и утонуть в звуке гитар, а те стонали и ревели. Злые, острые и кое-как сыгранные. «Франц Фердинанд», шотландцы. Но к дрожащему аккорду примешался еще какой-то звук.

Харри убрал музыку. Черт. Ему нужно было еще прибавить громкости, как только он услышал этот посторонний звук. Как наждаком по дереву. Или ботинком по полу. Он вышел в прихожую

и увидел, что за матовым стеклом двери кто-то стоит.

Он открыл дверь.

— А я звонила, — сказала Ракель, с невинным видом заглядывая ему в глаза. Она помахала коробкой с диском. — Он не влезал в щель.

Харри должен был что-то сказать. Хотел сказать, но вместо этого протянул руки, схватил ее, прижал к себе, услышал, как она всхлипнула, когда он слишком сильно стиснул ее, увидел ее раскрытые губы, розовый жадный язык. Да и говорить тут было не о чем.

Она лежала рядом, горячая и мягкая.

— Боже мой, — прошептала она.

Он поцеловал ее в лоб.

Пот покрывал их тела, одновременно разъединяя и склеивая воедино.

Все произошло в точности так, как он предполагал. Как в первый раз, но без нервов и невысказанных вопросов. Как в последний раз, только без печали и без ее рыданий. Катрина была права: от человека, с которым был прекрасный секс, можно уйти, но обязательно вернешься обратно. Правда, Харри чувствовал: все не так просто. Их встреча была для Ракели последним и необходимым свиданием с прошлым, прощанием с тем,

что они оба когда-то называли своей самой большой в жизни любовью. Потому что она начинает новую жизнь. С меньшей любовью? Возможно. Но любовью более надежной.

Она тихонько мурлыкала и гладила его по животу, однако Харри ощущал, как она напряжена. От него сейчас зависело, что выбрать: сделать эти последние совместные минуты еще тяжелее для нее или протянуть ей руку помощи. Он выбрал последнее.

— Что, совесть мучает? — спросил он и почувствовал, как она кивнула.

— Не хочу об этом говорить, — шепнула она.

Он тоже не хотел об этом говорить. Он хотел тихо лежать, слушать ее дыхание и чувствовать ее руку на своем животе. Но понимал: ей нужно уходить — и не желал отсрочек.

— Он ждет тебя, Ракель.

— Нет, — ответила она. — Он в Институте анатомии. Готовит с другими препараторами труп к завтрашнему занятию. Я ему сказала, чтобы он ко мне сразу после трупов не приходил. В эти дни он ночует у себя.

— Ну а я? — улыбнулся Харри в темноту. Так она все это спланировала и заранее знала, что произойдет! — Может, я тоже возился с трупами?

— А ты возился?

— Нет, — ответил Харри и подумал о сигаретах, которые ждали его на тумбочке возле кровати. — У нас сегодня без трупов обошлось.

Они помолчали. Ее рука выводила круги по его животу, все шире и шире.

— У меня такое чувство, что ко мне кто-то подобрался, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Я сам толком не понимаю, просто чувствую, что за мной кто-то все время наблюдает. Даже сейчас. И что у него насчет меня есть какой-то план. Понимаешь?

— Нет. — Она прижалась к нему сильнее.

— Это все из-за дела, над которым я работаю. Я будто вмешался… Ай!

Она укусила его за ухо.

— Ты все время во что-то вмешиваешься, Харри. Вот в чем проблема. Расслабься.

Ее ладонь легла на его обмякший член, он закрыл глаза, прислушался к ее стонам и почувствовал приближающуюся эрекцию.

В три часа утра она встала с кровати. Он посмотрел на ее спину — свет уличных фонарей падал сквозь оконное стекло. И тут вспомнил, что Катрина говорила: у Сильвии Оттерсен на спине был

вытатуирован эфиопский флаг, надо не забыть проверить кое-что. И виновато вздохнул: Ракель права, он никогда не перестает думать о деле.

Харри проводил ее до дверей. Она чмокнула его в губы и исчезла на лестнице. Говорить было не о чем. Вдруг он замер: возле двери он заметил мокрые следы. Наверное, это Ракель оставила, когда поднималась сюда. И тут ему припомнилась передача про тюленей. Тюленья самка никогда не спаривается дважды с одним и тем же самцом на протяжении одного брачного периода. Потому что это биологически не рационально. До чего же умные твари эти тюлени!

Глава 13
День восьмой. Бумага

Солнечное утро, половина десятого утра. Харри повернул на Бюгдёйвейен, ведущую к идиллического вида полуострову, что располагается всего в пяти минутах езды от площади Родкусплас. Вокруг было тихо, машин почти не видно, на дорожках Королевского парка ни всадников, ни колясок, а тропинки, по которым летом толпы народа идут на пляж, сейчас обезлюдели.

Харри как раз поворачивал на огороженную площадку, когда увидел Катрину.

— Снег, — сказала она, усаживаясь в машину.

— О чем ты?

— Я сделала, как ты сказал. Взяла дела только тех пропавших без вести женщин, у которых были муж и ребенок. И сравнила даты. Большинство исчезли в ноябре и декабре. Я выделила их в отдельную группу и рассмотрела с точки зрения географии. Большинство пропали в Осло, некоторые — в других районах страны. И тогда меня осенило: я вспомнила полученное тобой письмо. О том, что Снеговик снова объявится

вместе с первым снегом. В день, когда мы ездили на Хоффсвейен, в Осло выпал первый снег.

— Да?

— Я обратилась в Институт метеорологии, попросила, чтобы они дали мне точные сведения по датам. И знаешь что?

Харри знал. И знал, что он должен был давно об этом догадаться:

— Он похищает их в тот самый день, когда идет первый снег.

— Точно.

Харри ударил ладонями по рулю:

— Черт, у нас все было перед глазами. О скольких случаях мы сейчас ведем речь?

— Об одиннадцати. По одному в год.

— И два в этом году. Он меняет рисунок.

— В девяносто втором в день, когда в Бергене выпал первый снег, произошло два убийства. Думаю, как раз отсюда нам и надо плясать.

— Почему?

— Потому что одна из жертв — женщина, у которой был ребенок. А вторая — ее подруга. И ко всему прочему у нас два трупа, место преступления и полицейские отчеты. А еще — подозреваемый, который исчез и с тех пор так и не найден.

— И кто же он?

— Полицейский. Герт Рафто.

— А, помню. Это он таскал улики с места преступления?

— Ходили такие слухи… Свидетели видели, как Рафто входил в квартиру к одной из женщин, Онни Хетланн, за несколько часов до того, как она была найдена там убитой. А когда его стали искать, он бесследно исчез.

Харри не отрываясь смотрел на дорогу, на рябившие в глазах по обочинам Хук-авеню деревья. Улица вела к морю и к памятникам самым, по мнению норвежцев, великим подвигам: к музею тростниковой лодки, пересекшей Тихий океан, и второму музею, прославлявшему неудачную попытку открыть Северный полюс.

— То есть ты хочешь сказать, что он пропал не так уж бесследно? — спросил он. — Что он объявляется каждый год, как только выпадет первый снег?

Катрина пожала плечами:

— Я хочу сказать, что нужно приложить все силы и выяснить, что же там в действительности произошло.

— Хм… Надо запросить Берген о содействии.

— Я бы не стала этого делать, — быстро отклик-

нулась она.

— Вот как…

— Дело Рафто — до сих пор больное место для всего бергенского управления полиции. Работая над делом, они старались больше закопать, чем раскопать. Они до смерти боялись того, что могли найти. А как только парень исчез… — Она нарисовала пальцем в воздухе большой крест.

— Ясно. И что ты предлагаешь?

— Предлагаю нам с тобой съездить в Берген и слегка поразнюхать, что к чему, своими силами. Ведь теперь это часть дела об убийстве, которое ведется в Осло.

Харри припарковал машину возле четырехэтажного кирпичного дома, стоявшего возле воды и окруженного мостками. Он выключил двигатель, но остался в машине, не сводя взгляда с залива Фрогнерхилен.

— А как дело Рафто попало в твой список? — Он обернулся и посмотрел на Катрину. — Во-первых, оно относится к гораздо более раннему периоду, чем я просил тебя смотреть. А во-вторых, там убийство, а не пропавшие без вести.

Она не мигая встретила его взгляд:

— Дело Рафто в Бергене известно всем. И к тому же в деле был один снимок…

— Снимок?

— Да. Его показывали всем практикантам, попадавшим в бергенское управление. Что-то вроде боевого крещения. Фотография была сделана на месте убийства — на вершине горы Ульрикен. Думаю, почти всех настолько поражали детали переднего плана, что на второй внимания никто не обращал. Или просто они никогда не бывали на вершине горы. А мне удалось разглядеть на втором плане кое-что интересное: некое возвышение позади площадки, где было совершено убийство. При увеличении этой части снимка становится отчетливо видно, что это такое.

— Ну и что же это?

— Снеговик.

Харри медленно кивнул.

— Кстати, о снимках. — Катрина достала из сумки большой коричневый конверт и протянула его Харри.

Клиника располагалась на третьем этаже, приемная была шикарной, с чертовски дорогой мебелью. Повсюду стояли стеклянные скульптуры Франса Видерберга, а на стене висел подлинник Роя Лихтенштейна — рука с пистолетом.

Вместо обычной для любой клиники регистратуры со стеклянной перегородкой посреди

комнаты возвышался красивый старинный письменный стол. За ним сидела женщина в расстегнутом белом халате поверх голубого костюма и приветливо улыбалась. Улыбка ее не потухла, когда Харри представился и объяснил цель своего визита, а также сообщил, что знает ее имя — Боргхильд.

— Будьте любезны подождать, — сказала она и указала на диван с изяществом стюардессы, демонстрирующей, где находятся запасные выходы. Харри поблагодарил, отказался от кофе, чая и воды, и они расселись.

Харри заметил выложенные на журнальном столике свежие газеты, открыл «Либерал» и успел просмотреть редакционную статью, где Арве Стёп утверждал, что стремление политиков воплотить в жизнь программу поддержки местного самоуправления «Город сам за себя» можно считать окончательной победой народовластия: народ на троне, политики в роли придворных.

Через несколько минут дверь, на которой сияла табличка «Доктор Идар Ветлесен» открылась, оттуда вынырнула женщина, быстро прошла через приемную, коротко кивнула Боргхильд и вышла, ни разу не взглянув по сторонам.

Катрина пристально посмотрела ей вслед:

— Это не та девица из новостей на втором канале?

Но в этот миг Боргхильд объявила, что Ветлесен готов их принять, подошла к двери и распахнула ее перед полицейскими.

Кабинет Идара Ветлесена был поистине директорских размеров, а окно выходило на Осло-фьорд. На стене за письменным столом были развешаны дипломы в рамочках.

— Секунду, — попросил Ветлесен и забарабанил по клавиатуре компьютера, не отрывая глаз от монитора. Откинувшись на спинку кресла, театральным жестом поставил точку и тотчас повернулся к ним, снимая одновременно очки. — Подтяжка лица, Холе? Удлинение пениса? Липосакция?

— Спасибо за предложение, — ответил Харри. — Это инспектор Братт. Мы пришли еще раз попросить вас о содействии в расследовании дела Оттерсен и Беккер.

Идар Ветлесен вздохнул и принялся протирать очки носовым платком:

— Как мне объяснить, чтобы вы наконец поняли, Холе? Сам-то я, может, и имею жгучее желание помочь полиции, наплевав на принципы, но это мало что меняет. — Он поднял указательный

палец. — За все годы работы врачом я никогда, никогда… — начал постукивать он пальцем в такт словам, — не нарушал врачебную тайну, как и положено настоящему медику. Не собираюсь делать этого и теперь.

Повисла длинная пауза. Ветлесен смотрел на посетителей, явно довольный произведенным эффектом.

Харри кашлянул:

— Возможно, нам все же удастся укрепить ваше жгучее желание помочь полиции, Ветлесен. Мы расследуем дело о детской проституции, в том числе инциденты, имевшие место в гостинице под названием «Леон» здесь, в Осло. Вчера двое наших людей целый вечер просидели в машине неподалеку от гостиницы и сфотографировали всех входящих и выходящих. — Харри открыл коричневый конверт, который ему дала Катрина, наклонился над столом и выложил снимки перед доктором. — Это вы, не так ли?

Ветлесен выглядел так, будто у него застряло что-то в пищеводе: глаза выпучены, вены на шее вздулись.

— Я… — выдавил он. — Я не делал ничего дурного или незаконного.

— Конечно нет, — закивал Харри. — Мы хотим

вызвать вас как свидетеля. Свидетеля, который смог бы рассказать, что происходит там внутри. Всем известно, что проститутки издавна водят в «Леон» клиентов, но вот детей туда стали водить лишь недавно. А в отличие от обычной проституции детская проституция, как вы изволили выразиться, незаконна. Теперь представьте себе, что будет, когда мы сообщим об этом прессе.

Ветлесен уставился на снимок и яростно потер лицо.

— Мы, кстати, видели, как от вас выходила дамочка из новостей второго канала, — добил его Харри. — Как биш ее зовут?..

Ветлесен не ответил. Казалось, его потрясающая моложавость линяет прямо у них на глазах: лицо Идара Ветлесена становилось старше с каждой секундой.

— Позвоните нам, если все же найдете маленькую щелочку в ваших нерушимых принципах относительно врачебной тайны.

Харри с Катриной даже не успели дойти до двери, как их остановил голос Ветлесена:

— Детей приводят ко мне на обследование. А вовсе не…

— По поводу чего? — перебил Харри.

— По поводу болезни.

— Одной и той же? Какой?

— Это неважно.

Харри двинулся к двери:

— Значит, для вас будет не важно и то, что мы вызовем вас для дачи свидетельских показаний. Мы же ничего незаконного не нашли.

— Подождите!

Харри обернулся. Ветлесен поставил локти на стол и закрыл лицо ладонями:

— Болезнь Фара.

— Фара?

— Да, Фара. Редкое, серьезное заболевание, похожее на болезнь Альцгеймера. Человек утрачивает способности на когнитивном… то есть познавательном уровне, затем возникают проблемы с двигательным аппаратом. Обычно первые симптомы проявляются после тридцати, но бывает, что и в детском возрасте.

— Хм. Значит, Бирта и Сильвия знали, что у их детей эта болезнь?

— Они пришли ко мне, потому что подозревали это. Болезнь Фара трудно диагностировать. Бирта Беккер и Сильвия Оттерсен побывали у многих врачей, и никто не мог поставить их детям диагноз. Думаю, обе они искали через Интернет, вводили в поисковики симптомы, вышли на

болезнь Фара и, конечно, здорово напугались.

— И тогда они обратились к вам? К пластическому хирургу?

— Я специализировался на болезни Фара. Случайно.

— Что значит «случайно»?

— В Норвегии всего около восемнадцати тысяч врачей. А знаете, сколько болезней существует на свете? — Ветлесен кивнул на свои дипломы на стене. — Болезнь Фара случайно оказалась в программе курсов по заболеваниям нервной системы, которые я посещал в Швейцарии. У нас в Норвегии болезнью Фара не занимается никто. Вот так я и стал специалистом по этой болезни, хотя, разумеется, не успел изучить ее достаточно глубоко.

— Расскажите все, что знаете о Бирте Беккер и Сильвии Оттерсен.

Ветлесен пожал плечами.

— Раз в год они приходили сюда со своими детьми. Я их осматривал. Никаких ухудшений не находил. Кроме этого я ничего об их жизни не знаю. Ни о жизни… — Он запнулся и тихо добавил: — Ни о смерти.

— Ты ему веришь? — спросил Харри. Они ехали мимо пустыря.

— Не совсем, — ответила Катрина.

— И я тоже. Думаю, нам надо сосредоточиться на нем, а Берген оставим на потом.

— Не согласна, — возразила Катрина. — Тут явно есть связь.

— Да? И какая же?

— Пока не знаю. Звучит дико, но, мне кажется, есть какая-то связь между Рафто и Ветлесеном.

— Что ты имеешь в виду?

— Рафто мог изменить внешность с помощью пластической операции.

— У Ветлесена?

— У него самого. Это объясняет выбор жертв: и у Сильвии, и у Бирты дети наблюдались у одного и того же врача. Может, именно в клинике Рафто их и увидел.

— Ты рано выходишь на прямую, Катрина.

— Ты так считаешь?..

— Такие расследования похожи на головоломку, пазл. Вначале мы собираем разные кусочки и вертим их так и сяк, прикидывая, куда каждый из них встанет. А ты слишком рано пытаешься эти разрозненные кусочки соединить.

— Да мне просто захотелось озвучить свою мысль. Чтобы самой услышать, насколько идиотски это звучит.

— А звучит по-идиотски.

— Мы разве не к управлению? — с удивлением спросила она.

Харри услышал в ее голосе едва заметную дрожь и скосил на нее глаза, но лицо Катрины было непроницаемо.

— Я хочу проверить то, что сказал Ветлесен, кое у кого из моих знакомых. Который, кстати, его знает.

Матиас вышел навстречу Харри и Катрине в белом халате и желтых резиновых перчатках. Он встретил их в гараже одного из корпусов больницы «Гёустад», того, что выходит окнами на третью кольцевую дорогу.

Матиас помог им поставить машину на место — похоже, оно было закреплено за ним, но пустовало.

— Стараюсь больше ездить на велосипеде, — объяснил Матиас и открыл при помощи пластиковой карты дверь, ведущую из гаража в подвальный этаж Института анатомии. — Этот выход очень удобен, когда приходится заносить или выносить трупы. Я бы с удовольствием предложил вам кофе, но мы только что закончили с одной группой студентов, и вторая уже на подходе.

— Извини за беспокойство. Ты и впрямь выглядишь усталым.

Матиас вопросительно посмотрел на Харри.

— Мне вчера звонила Ракель и сказала, что ты работал допоздна, — объяснил Харри, мысленно проклиная себя и стараясь, чтобы выражение лица его не выдало.

— Ах, ну да, — кивнул Матиас. — Ракель и сама задержалась. Ужинала с подружками и сегодня даже взяла отгул. Когда я звонил недавно, она была занята генеральной уборкой. Женщины… Кто их поймет?

Харри улыбнулся и спросил себя, существует ли на этот стандартный вопрос адекватный ответ.

Человек в зеленой униформе больничного санитара провез к двери в гараж металлическую каталку.

— В университет Тромсё отправляем? — спросил его Матиас.

— Попрощайся с Хьелльсеном, — улыбнулся тот в ответ. В его ухо был вдет целый ряд колечек, тесно прижатых друг к другу, как у женщин племени масаи. Только те носят свои кольца на шее, а эти придавали лицу санитара какую-то раздражающую асимметричность.

— Хьелльсен? Правда, что ли? — Матиас оста-

новился.

— Тринадцать лет на службе. Теперь очередь Тромсё копаться у него внутри.

Матиас приподнял простыню. Харри увидел лицо. Кости черепа проступали сквозь кожу, разглаживая старческие морщины на бесполом, белом, как гипсовая маска, лице. Харри знал: это потому, что труп забальзамирован, все кровеносные сосуды заполнены смесью формалина, глицерина и спирта. Эта смесь противостоит разложению тканей. К уху была прикреплена металлическая пластинка с трехзначным числом. Матиас стоял и смотрел, как санитар катит Хьелльсена к гаражной двери. А потом — словно стряхнул оцепенение и пришел в себя.

— Простите. Все оттого, что Хьелльсен пробыл у нас очень долго. Он был здесь профессором анатомии, когда институт только создали. Фантастическое строение… Такие ярко прорисованные мускулы. Нам его будет не хватать.

— Мы тебя надолго не задержим, — сказал Харри. — Хотели попросить, чтобы ты рассказал, как Идар относится к пациентам-женщинам. И их детям.

— Ты имеешь в виду то же, что и я?

Харри кивнул.

Матиас отпер перед ними следующую дверь. Они вошли в помещение с металлическими столами и висящей на одной из стен доской. Столы были оборудованы лампами и раковинами. На каждом из них лежала пачка одноразовых перчаток. Скорее всего, вопросы Харри займут место в голове Матиаса между чьей-то плюсной и большой бедренной костью. Слегка попахивало хлоркой, совсем как в отделе судебной медицины, подумал Харри. Матиас сел на стул, Харри на вентиляционный короб, а Катрина подошла к одному из столов и уставилась на три выложенных в ряд мозга, гадая: муляжи это или?..

Матиас довольно долго размышлял, а потом сказал:

— Я никогда не замечал сам и не слышал от других, чтобы между Идаром и его пациентками или их детьми происходило что-то сомнительное.

Он так нажал на слово «пациентки», что Харри спросил:

— А с непациентками?

— Я не так хорошо знаком с Идаром, чтобы судить об этом. — Матиас нерешительно улыбнулся. — Надеюсь, это поможет?

— Конечно, — ответил Харри. — Я вот еще о чем хотел спросить. Что ты знаешь о болезни Фара?

— Очень немного. Быстроразвивающаяся патология. И очень серьезная.

— А ты знаешь кого-нибудь из норвежских специалистов по этой болезни?

Матиас задумался:

— Да что-то никого не припомню.

Харри поскреб подбородок:

— Ну ладно, спасибо за помощь, Матиас.

— В том-то и дело, что не за что. Если захочешь узнать поподробнее о болезни Фара, позвони вечером. Дома у меня под рукой будут кое-какие книжки.

Харри встал и подошел к Катрине. Та что-то рассматривала под крышкой одного из больших металлических резервуаров у стены. Он заглянул ей через плечо, и язык его тут же закололо как иголками. И вовсе не от вида кусков человеческой плоти, которые лежали в ящике. Нет, от запаха спирта. Девяносто градусов ровно, подумал он.

— Здесь хранится то, — пояснил Матиас, — что остается после ампутаций.

Харри взглянул на Катрину. Ее лицо ничего не выражало. Дверь позади них открылась, стали заходить первые студенты и принялись натягивать голубые халаты и белые резиновые перчатки.

Матиас проводил полицейских обратно в га-

раж. Возле последней двери он тихонько взял Харри за локоть:

— Я хотел бы тебе кое-что сказать, Харри. Не знаю, как начать…

— Давай, — сказал Харри и подумал: вот и приехали, сейчас-то и всплывет их встреча с Ракелью.

— Мне очень неловко, но… Речь об Идаре.

— И что же? — спросил Харри и, странное дело, почувствовал скорее разочарование, чем облегчение.

— Понимаешь, это может ничего не значить… возможно, мне и разговор-то заводить не следовало. Но я подумал, что в таком важном деле лояльность — не главное. Осенью, когда я еще работал на «скорой», мы вдвоем с коллегой пошли после ночной смены перекусить и выпить кофе в «Посткафе». Кафе рано открывается, и там наливают пиво, так что с утра туда тянутся все забулдыги с бодуна. Ну и другие бедолаги.

— Я знаю это место, — сказал Харри.

— И там, к своему удивлению, мы заметили Идара. Он сидел за одним столом с каким-то потрепанным парнишкой, который уплетал суп. Увидев нас, Идар вскочил из-за стола и был ужасно смущен, что его застали в таком месте. Я про

этот случай забыл, то есть думал, что забыл. Но вот ты спросил, и эта история сразу всплыла. Я тогда… ну, ты сам понимаешь, что я тогда подумал.

— Понимаю, — ответил Харри. И добавил, заметив страдальческое выражение лица Матиаса: — Ты правильно сделал.

— Спасибо. — Матиас натянуто улыбнулся. — Но чувствую себя Иудой.

Харри попытался найти какие-нибудь правильные слова, но все, на что его хватило, — это протянуть руку и пробурчать «спасибо за помощь». Прикоснувшись к холодной резине перчаток Матиаса, Харри вздрогнул.

Иуда. Поцелуй Иуды. Они ехали вниз по Слемдалсвейен, а Харри все вспоминал, как язык Ракели оказался у него во рту, как она мягко мурлыкала и громко стонала, ее вопли и его испуг — он даже резко остановился, так ему хотелось, чтобы это подольше не кончалось. Но Ракель пришла к нему не для того, чтобы это не кончалось. Она пришла, чтобы изгнать демонов, очистить тело, чтобы, вернувшись домой, очистить и душу. И сделать генеральную уборку. Ну да, ну да.

— Набери клинику, — попросил Харри.

Он услышал, как быстро бегает по кнопкам телефона пальчик Катрины. Она протянула ему

мобильный.

Боргхильд ответила сразу. В коротком «слушаю вас» в равных долях присутствовали и услужливость, и энтузиазм.

— Говорит Харри Холе. Скажите, к кому мне обратиться по поводу болезни Фара?

Пауза.

— Это зависит от…

— От чего?

— От того, чем болен господин Фар.

— Действительно. А Идар Ветлесен на месте?

— Он уже ушел.

— Уже?

— Он играет в кёрлинг. Попробуйте позвонить в другой день.

Ее голос звучал неумолимо, и Харри сообразил, что она и сама уже собирается уходить.

— В бюгдёйском кёрлинг-клубе?

— Нет, в частном клубе. Недалеко от «Гимле».

— Спасибо. Удачных выходных.

Харри вернул Катрине телефон.

— Там-то мы его и прижмем.

— Кого?

— Доктора, ассистент которого ничего не знает о болезни, на которой шеф специализируется.

Поспрашивав у прохожих, они наконец нашли

«Вилла Гранде» — частное владение, которое в годы Второй мировой принадлежало норвежцу, чье имя, в отличие от мореплавателей на тростниковых лодках и искателей Северного полюса, было известно всем, в том числе и за рубежом: министру-президенту Норвегии, нацисту Квислингу, расстрелянному в 1945 году.

В дальнем углу участка у подножия невысокого холма стоял длинный деревянный дом, похожий на старинную солдатскую казарму. Миновав первую дверь, полицейские сразу ощутили, как холодно внутри. За следующей дверью холод еще усилился. Там, на ледяной дорожке, находилось четверо мужчин. Их возгласы эхом отражались от деревянных стен. Никто из мужчин не заметил появления Харри и Катрины. Они кричали вслед гладко отполированному камню, который скользил по дорожке. Двадцати килограммам гранита с шотландского острова Эйлса-Крейг преградила путь шеренга из таких же камней, выстроившаяся возле внешнего из двух нарисованных в конце ледяной дорожки кругов. Мужчины выскочили на лед, балансируя на одной ноге и отталкиваясь другой, спорили, опершись на свои щетки, и решали, куда направлять следующий камень.

— Спорт для снобов, — буркнула Катрина. — Ты

только посмотри на них.

Харри не ответил. Ему кёрлинг нравился. Что-то было медитативное, успокаивающее в том, как медленно скользил по дорожке камень, словно плыл во Вселенной, где нет трения. Ни дать ни взять космический корабль у Кубрика, только не под аккомпанемент Иоганна Штрауса, а под тихое шуршание камня и яростный скрип щеток.

И тут мужчины их заметили. Харри узнал двоих журналистов: один был Арве Стёп.

Идар Ветлесен отделился от них и двинулся к Харри.

— Пришли поиграть, Холе?

Он крикнул это издалека, как будто обращался к кому-то из своих, а не к Харри, даже выдал взрыв добродушного хохота. Но мускулы, напрягшиеся вокруг челюсти, выдали врача с головой. Он остановился возле Харри, дыхание паром вырывалось у него изо рта.

— Игра закончена, — произнес Харри.

— Не думаю, — улыбнулся в ответ Идар.

Харри чувствовал, что холод уже проник сквозь подошвы ботинок и медленно двинулся вверх по ногам.

— Мы бы хотели, чтобы вы проехали с нами в Полицейское управление, — сказал Харри. — Не-

медленно.

— Зачем? — удивленно улыбнулся Идар.

— Потому что вы сжульничали: никакой вы не специалист по болезни Фара.

— Это кто вам сказал? — спросил Ветлесен и бросил короткий взгляд на остальных кёрлингистов, желая убедиться, что они стоят достаточно далеко и ничего не слышат.

— Ваш ассистент. Она — видимо, по чистой случайности — и слыхом не слыхивала о такой болезни.

— Послушайте… — Голос у Идара дрогнул, и в нем зазвучали нотки смятения. — Вы не имеете права врываться сюда и тащить меня в Полицейское управление. Только не здесь, не при…

— Ваших клиентах? — подхватил Харри и прищурился на Идара через плечо, повернувшись к Арве Стёпу, который выметал ледяное крошево из-под одного из камней, а сам в это время разглядывал Катрину.

— Я не знаю, что вы ищете, — понизил голос Идар, — и я готов сотрудничать. Но не в том случае, когда вы унижаете и уничтожаете меня перед моими лучшими друзьями.

— Ну что, Ветлесен, продолжим? — окликнул Идара Арве Стёп.

Харри посмотрел на несчастного хирурга. Интересно, что он имеет в виду, называя этих людей «лучшими друзьями»? Черт, если и был у них крошечный шанс вытащить из Ветлесена хоть что-нибудь, то именно здесь и сейчас.

— Хорошо, — вздохнул Харри. — Мы уходим, но вы должны прибыть в управление не позже чем через час. Если не хотите, чтобы мы явились за вами с сиренами и мегафонами. А уж эти звуки весь Бюгдёй услышит.

Ветлесен кивнул, и Харри даже показалось, что тот пытается по старой привычке одарить его широкой улыбкой.

Олег с грохотом захлопнул дверь, скинул обувь, наступая на задник второй ногой, и помчался по лестнице на второй этаж. По всему дому разливался свежий лимонный запах политуры для мебели. Он ворвался в свою комнату, и трубочки «музыки ветра», закрепленные на потолке, в ужасе звенели, пока он срывал с себя джинсы и натягивал тренировочные штаны. Выскочил обратно и уже приготовился одолеть лестницу двумя прыжками, как из спальни матери раздался ее голос. Он вошел туда и увидел Ракель на коленях перед кроватью, под которой она шуровала длинной шваброй.

— Я думал, ты убиралась в выходные.

— Да, но не так тщательно, — ответила мать, встала и провела рукой по лбу. — Ты куда?

— На «Грёссбанен». Покатаемся на коньках. Карстен меня ждет. К обеду вернусь.

Он оттолкнулся от порога комнаты и в носках проехался по паркету, удерживая центр тяжести внизу, как его учил Эрик В., местный ветеран конькобежного спорта.

— Подождите-ка, молодой человек. Кстати, о коньках…

Олег остановился. Только не это, подумал он. Она нашла коньки!

Ракель застыла в дверях и, склонив голову набок, пристально смотрела на него:

— Уроки сделал?

— Да сегодня мало задали. Сяду после обеда.

Он видел, что она колеблется, и добавил:

— Ма, ты такая шикарная в этом платье.

Она опустила взгляд на свое старое голубое в белый цветочек платье, и хотя глаза оставались суровыми, в углу рта притаилась усмешка.

— Ты говоришь прямо как твой папаша.

— Да? А я думал, он только по-русски балакает.

Он не хотел сказать ничего такого, но что-то с матерью произошло: ее как будто дернуло то-

ком.

— Мне можно идти? — И он загарцевал на месте.

— «Да, вы можете идти»? — Голос Катрины Братт раскатился по всему тренировочному залу в подвальном этаже Полицейского управления. — Ты что, так и сказал Идару Ветлесену? «Можете идти»?

Харри посмотрел на ее лицо, склонившееся над гимнастической скамейкой, на которой он лежал. Свет потолочных ламп обволакивал ее голову сверкающим золотым нимбом. Он тяжело выдохнул: у него на груди покоилась штанга. Он собирался отжать девяносто пять кило и как раз снял штангу со штатива, когда в зал парадным шагом вошла Катрина и испоганила ему всю тренировку.

— Пришлось, — выдавил Харри и подтянул штангу чуть ближе к ключицам. — С ним был его адвокат, Юхан Крон.

— И что?

— Ну, Крон начал с того, что мы применяем к его клиенту недозволенные методы давления, что купля-продажа секса в Норвегии вполне законна и что наши попытки заставить уважаемого хирурга нарушить закон о врачебной тайне тоже

могут заинтересовать прессу.

— Да господи боже ты мой! — воскликнула Катрина, и голос ее задрожал от ярости. — Речь идет об убийстве!

Харри никогда еще не видел ее в таком состоянии, поэтому ответил наимягчайшим тоном:

— Послушай, у нас не получится напрямую привязать убийство двух женщин к диагнозу их детей. Тут может быть простое совпадение. И Крону это отлично известно. Так что никак не мог я этого Идара задержать.

— Да уж. Все, что ты можешь, — лежать здесь и ничего не делать!

Харри почувствовал боль в ключицах и понял, что Катрина, как ни печально, совершенно права.

Она закрыла лицо руками:

— Прости… Я просто… Сумасшедший денек выдался.

— Ох, — простонал Харри из-под штанги, — помоги, пожалуйста…

— Но с другой стороны! — Она отняла руки от лица. — Мы можем зайти с другой стороны. Из Бергена!

— Нет, — просипел Харри, выдохнув последние молекулы воздуха, остававшиеся в его

легких. — Берген нельзя рассматривать как самостоятельную версию. Ты бы не могла…

Он посмотрел на нее снизу вверх. Ее темные глаза наполнились слезами.

— Помоги себе сам, — прошептала она и улыбнулась. Это было так неожиданно: перед ним как будто стояла совершенно другая женщина — с удивительным светом во взгляде и абсолютно ледяным голосом. — Хоть ты сдохни!

Он в отчаянии услышал, как ее шаги удаляются и замирают где-то за пределами зала и как хрустят его кости, и тут же красные точки заплясали у него перед глазами. Он выругался, взялся за штангу покрепче и попытался ее отжать. Она не пошевелилась.

Катрина была права — он мог тут запросто сдохнуть. Это единственное, что было в его власти. Смешно, но правда.

Он изловчился, наклонил штангу и услышал, как оглушительно загремели блины, упав на пол. Сама штанга приземлилась с другой стороны скамейки. Он сел и бессмысленно уставился на гантели, разложенные на стойках вдоль стен.

Харри принял душ, переоделся и по лестнице поднялся на шестой этаж. Плюхнувшись в кресло, почувствовал, как болят мышцы, — сладчайшее

ощущение, которое означало, что завтра он будет совершенно разбит.

Он прослушал автоответчик, где помимо прочего было и сообщение от Бьёрна Хольма с просьбой перезвонить.

Когда Хольм поднял трубку, в ней раздавался душераздирающий рык, сопровождаемый ревом электрогитары.

— Что? — спросил Харри.

— Дуайт Йоакам, — ответил Хольм и сделал музыку потише. — Дьявольски сексуальный малый, да?

— Я имею в виду, что случилось?

— Готовы результаты экспертизы по письму Снеговика.

— Выкладывай.

— Ничего особенного в смысле текста — обычный лазерный принтер.

Харри молчал, он знал, что у Бьёрна что-то есть.

— А вот бумага, которую он использовал, — не простая. Никому в нашей лаборатории такая раньше не попадалась, поэтому, собственно, нам и потребовалось немного больше времени. Короче, это васи — японская бумага ручного изготовления, что-то вроде папируса. Ее обычно

определяют по запаху, потому что при изготовлении используют кору кустарника мицумата. К тому же наша бумага — вообще особенного типа, называется коно.

— Коно?

— Купить такую можно только в специальных магазинах, знаешь, такие есть лавки, где продаются старинного образца перья для письма по тысяче крон, специальные чернила и кожаные блокноты… Знаешь наверняка…

— Откуда? Не знаю я.

— Вот и я не знаю, — признался Хольм. — Но мы выяснили, что в Осло есть только один магазин, где продается бумага коно. Называется «Ворсе», находится на Гамле-Драмменсвейен. Я побеседовал с продавцом и выяснил: теперь такие вещи у них покупают редко, потому они больше и не заказывают. Перестал народ разбираться в качестве и прочих вещах, — так он говорит.

— То есть…

— То есть продавец даже и припомнить не мог, когда в последний раз продавал бумагу коно.

— Ага… И это, стало быть, единственный такой магазинчик?

— Да, — ответил Хольм. — Был еще один в Бергене, но они давно отказались от подобного

ассортимента.

Хольм замолчал в ожидании следующего вопроса. Дуайт Йоакам продолжал во весь голос хоронить свою любовь. Харри молчал.

— Харри?

— Я думаю.

— Да быть не может! — усмехнулся Хольм.

Это был уже исчезающий образчик провинциального юмора, над которым Харри потом будет долго хмыкать, даже и не понимая, что тут, собственно, смешного. Но теперь было не до смеха. Харри кашлянул:

— Что-то мне кажется, неспроста это: вряд ли убийца не подумавши пошлет следователю, который работает над его делом, такую редкую бумажку. Он же наверняка знает, что мы все это проверим, тут даже не надо слишком много детективов по ящику смотреть.

— Может, он не знал, что она редкая? — предположил Хольм. — Может, бумагу вообще не он покупал?

— Тоже возможно. Но что-то говорит мне, что Снеговик не из тех, кто допустит такой дурацкий промах.

— Но допустил же.

— Нет, это не промах, это умысел. Он рассчиты-

вал на то, что мы выясним, что это за бумага.

— Чтобы что?

— Ну, это классическая схема. Нарциссического плана серийный убийца разыгрывает пьесу с собой в главной роли — в роли непобедимого, могущественного героя, который в конце концов одержит верх.

— Над кем?

— Ну… — Тут Харри впервые произнес это вслух. — Над тем, кто ему под стать, так же опасен и такой же Нарцисс. Надо мной.

— Почему он выбрал тебя?

— Не знаю. Может, он знает, что я единственный в Норвегии полицейский, который поймал серийного убийцу. Он считает, что я бросил ему вызов. На это указывается и в письме, он же там вспоминает про Тувумбу. Не знаю, Хольм. А как называется магазинчик в Бергене?

— Флеск! — представился старичок с сильным бергенским выговором: «л» он выстрелил коротко и остро, протянул «е-э-э», повысив тон в самой середине, а «с» сильно приглушил. Петер Флеск, так забавно произносивший собственную фамилию, оказался пыхтящим, громкоголосым и открытым человеком. Он охотно рассказал, что занимается антиквариатом с младых ногтей

и специализируется как раз на бумаге, перьях, кожаных бюварах и прочих письменных принадлежностях. Большинство его покупателей были постоянными клиентами, как правило, пожилыми, как и он сам.

На вопрос Харри о писчей бумаге коно Флеск с сожалением в голосе ответил, что ее уже много лет нет в магазине.

— Это, конечно, дела давно минувших дней, — сказал Харри, — но, может быть, раз уж ваши покупатели сплошь постоянные клиенты, вы вспомните, кому продавали коно?

— Ноккену вроде, Мёллеру. И Киккусену из Мёлларена. Записей у нас нет, но у старухи моей память — капкан.

— Составьте, пожалуйста, список: полное имя, адрес и примерный возраст. И пришлите мне на имейл…

— Имейлов не держим, — перебил его пыхтящий старик. — И не предвидится. Факсом могу отправить, давайте номер.

И тут Харри осенило. Правда, если человека осеняет, для этого всегда есть причина.

— Конечно, за давностью лет всего не упомнишь… Но не было ли среди ваших покупателей Герта Рафто?

— Железного Рафто? — улыбнулся Петер Флеск.

— Вы что, о нем слышали?

— Да тут о нем все слышали. Нет, он у меня ничего не покупал.

Комиссар полиции Бьярне Мёллер часто повторял: для того чтобы выявить единственную возможность, надо исключить все остальные возможности. Поэтому следователь должен не огорчаться, а радоваться, когда очередная версия срывается. К тому же Харри всего лишь «осенило».

— Ну что ж, и на этом спасибо, — поблагодарил он. — Будьте здоровы.

— Рафто ничего не покупал у меня, — вдруг раздался голос Петера Флеска, — зато я у него покупал.

— Что?

— Так, всякую мелочишку. Бэушные серебряные зажигалки, перья золотые. Такие вещи. Иногда я это покупал. Хотя и знал, откуда они.

— И откуда же они?

— А вы что, ничего не слыхали? Ходили разговоры, что он прихватывает такие штучки с мест преступления.

— А покупать, значит, не покупал…

— Рафто не интересовался нашим товаром.

— И бумагой? Бумагой тоже не интересовался?

— Минутку, там старуха моя что-то говорит…

Флеск прикрыл трубку ладонью, Харри слышал только отдельные звуки: сначала оклик, потом тихий разговор. А потом Флеск убрал руку и сообщил с тем же занятным бергенским выговором:

— Она мне напомнила, Герт Рафто и впрямь получил остатки бумаги. В обмен на голландскую серебряную подставку для ручки. Я ж говорю: у старухи память будь здоров.

Харри положил трубку и понял, что поездки в Берген ему не избежать.

Все-таки в Берген.

Было уже девять вечера, а на столичной Брюнссалле, в доме номер шесть, на втором этаже все еще горел свет. Со стороны это шестиэтажное здание казалось обычным учреждением: модный фасад, красный кирпич, серая сталь. Впрочем, изнутри тут тоже все напоминало учреждение, поскольку работа почти всех здешних сотрудников — а их насчитывалось около четырехсот — была по-инженерному будничной: компьютерщики, лаборанты, исследователи, фотографы и так далее. Однако на самом-то деле в здании располагался Национальный департамент по борьбе с организованной преступностью, как

его называли теперь, а раньше — Главное управление криминальной полиции Норвегии, или сокращенно КРИПОС.

Итак, было уже девять вечера, и Эспен Лепсвик к этому времени успел отпустить всех своих людей, занимавшихся расследованием убийств, так что в ярко освещенной комнате перед ним сидел только один человек.

— Да. Пока немного, — сказал Харри Холе.

— Это такой приличный синоним к «ни хрена», правильно? — Эспен Лепсвик потер пальцами глаза. — Ну что, может, пропустим по пивку, и ты мне расскажешь, что вы там накопали?

Харри рассказывал, пока Эспен Лепсвик вел машину вниз к центру города, к Министерству юстиции, чьи здания высились по обеим сторонам улицы. Когда Харри закончил, они сели за столик в популярном заведении, где было полно жаждущих пива студентов, еще более жаждущих адвокатов и полицейских.

— Я хочу взять с собой в Берген не Скарре, а Катрину Братт, — поделился Харри. — Перед тем как двинуть к тебе, я просмотрел ее бумаги. Она еще, конечно, довольно зеленая, но, судя по документам, уже поработала над двумя делами об убийствах там, в Бергене. И насколько я пони-

маю, рулил расследованием тогда ты.

— Братт, ну конечно, помню! — Эспен Лепсвик просиял и поднял палец, заказывая бармену еще пива.

— Ну и как, доволен ты ею?

— Чертовски доволен, чертовски… способная девка. — Лепсвик подмигнул Харри, и тот поймал его взгляд — взгляд усталого человека с тремя пустыми пивными кружками на столе. — Если бы мы оба были свободны, я, черт возьми, занялся бы ею вплотную. — И он допил оставшееся пиво.

— Я имел в виду… Ты думаешь, она нормальная?

— Нормальная?

— Ну да. В ней есть что-то такое… не знаю, как сказать. Что-то экстремальное.

— А, я понимаю, что ты имеешь в виду. — Эспен Лепсвик медленно кивнул и попытался сфокусировать взгляд на лице Харри. — Послужной список у нее, конечно, идеальный. Но, между нами говоря, слышал я от одного мужика кое-что о ней и ее супружнике.

Лепсвик поискал на лице Харри хотя бы немного одобрения, не нашел, но все равно продолжил:

— Ну, понимаешь… Плетки и наручники, са-

до-мазо… И конечно, они ходили в такие клубы специальные.

— Это не мое дело, — сказал Харри.

— Нет-нет, конечно, и не мое! — перебил Лепсвик и поднял обе ладони, как бы защищаясь. — Это всего лишь слухи. Только знаешь что? — Лепсвик хохотнул и перегнулся через стол, чтобы Харри не пропустил его признание. — Я бы дал ей надеть на себя какой-нибудь ошейник.

Харри, очевидно, не смог сохранить равнодушно-каменное выражение лица, потому что Лепсвик дернулся, будто внезапно пожалел о своей откровенности, сел прямо и продолжил в нейтрально-информационном тоне:

— Профессиональная дама. Умна. Настойчива и энергична. Довольно сильно нажимала на меня, чтобы я помог ей с кое-какими закрытыми делами. Но абсолютно нормальная, даже слишком: такая, знаешь, закрытая, сдержанная. Думаю, что вы составите идеальный тандем.

Харри улыбнулся в ответ на это саркастическое замечание и встал:

— Спасибо за совет, Лепсвик.

— А как насчет ответного совета? Вы с ней… а?

— Мой совет, — сказал Харри, выкладывая на стол сотенную купюру, — оставь машину здесь.

Глава 14
День девятый. Берген

Ровно в 8.26 шасси самолета, следовавшего рейсом DY604 из Осло, коснулось мокрого асфальта аэродрома Флесланн. Да так резко, что Харри выскочил из сна, как пробка из воды.

— Выспался? — спросила Катрина.

Харри кивнул, потер глаза и посмотрел в иллюминатор: дождливо и серо.

— Ты говорил во сне, — улыбнулась она.

— Хм. — Харри не хотел спрашивать, о чем он говорил. Зато он вспомнил, что ему снилось. Не Ракель, нет. Она теперь не снилась ему даже по ночам. Он оторвал ее от себя. Они оба оторвались друг от друга. А снился ему Бьярне Мёллер, его шеф и учитель, который ушел однажды в бергенские горы, а потом, через две недели, его нашли в озере Ревур. Поступок этот Мёллер совершил, потому что он — как и Зенон с его больными суставами — не видел больше в жизни смысла. Пришел ли Герт Рафто к тому же выводу? Или он все еще где-то здесь, в городе?

— Я позвонила бывшей жене Рафто, — сооб-

щила Катрина, пока они шли через зал прилетов. — Ни она, ни дочь не желают разговаривать с представителями полиции. Не хотят, чтобы им опять сыпали соль на рану. Ну и хорошо: рапортов нам будет более чем достаточно.

Возле терминала они сели в такси.

— Ну что, приятно вернуться домой? — спросил Харри, перекрывая голосом ритмичный стук дождя по стеклу.

Катрина равнодушно пожала плечами:

— Я терпеть не могу дождь. И терпеть не могу, когда бергенцы утверждают, что дождь здесь идет не так часто, как хотелось бы столичным жителям.

Проезжая мимо Данмаркспласс, Харри посмотрел на вершину горы Ульрикен. Она была покрыта снегом, вверх поднималась кабинка фуникулера. Они проехали мимо змеиного гнезда дорожных развязок у озера Стуре-Лунгегорсванн и оказались — о радостный сюрприз! — в центре города.

Харри и Катрина зарегистрировались в гостинице сети «Рэдиссон САС», что стояла на Брюггене. Харри спросил, не хочет ли Катрина переночевать дома у родителей, но та ответила, что из этого вышло бы только лишнее беспокой-

ство, да и вообще она никому не сказала о своем приезде.

Они получили пластиковые карточки — ключи от номеров — и молча поднялись на лифте. Катрина при этом смотрела на Харри и улыбалась, как будто тишина в лифте была само собой разумеющейся шуткой. Харри уставился в пол и надеялся, что его тело не посылает Катрине ложных сигналов. Или не ложных.

Двери лифта наконец разъехались, и вскоре ее бедра завиляли перед ним по коридору.

— Ну что, каков план? — спросил он получасом позже.

Оба успели разложить вещи и встретились в холле гостиницы.

Катрина растянулась в длинном кресле и перелистывала свой обтянутый кожей ежедневник. Она переоделась в элегантный серый костюм, отчего сразу слилась с толпой остальных постояльцев гостиницы, в основном коммерсантов.

— Ты встречаешься с Кнутом Мюллером-Нильсеном, начальником убойного отдела, — сказала Катрин.

— А ты пойдешь к нему?

— Тогда мне придется здороваться и болтать со всеми подряд — и весь день насмарку. Кстати, бу-

дет славно, если ты вообще про меня не станешь упоминать, а не то они обидятся, что я не зашла поздороваться. А я поеду на улицу Оййурдсвейен, побеседую со свидетелем, который последним видел Рафто.

— Хм. А где это было? — спросил Харри.

— У верфи. Свидетель видел, как тот припарковал машину и вошел в Нурнес. Машину он так и не забрал. Округу прочесали, но никого не нашли.

— Так, а потом что мы делаем?

Харри потер подбородок. Если им предстоят официальные встречи, то надо бы побриться.

— Ты пробежишься по полицейским рапортам вместе с человеком, который тогда участвовал в расследовании и, между прочим, до сих пор работает в управлении. Он освежит дело в памяти. А ты попытаешься взглянуть на историю под новым углом.

— Нет, так не пойдет, — возразил Харри.

Катрина оторвала взгляд от ежедневника.

— Тот следователь, — продолжил Харри, — даст мне только ту информацию, которая подтверждает его старые выводы. А с рапортами я предпочитаю ознакомиться тихо-спокойно у себя в Осло. Сейчас же я хочу потратить время на то, чтобы

поближе познакомиться с Гертом Рафто. Скажи, сохранились ли где-нибудь его личные вещи?

Катрина покачала головой:

— Родные передали все его имущество в Армию спасения. Кстати, вещей было совсем немного: какая-то мебель да одежда.

— А его квартира?

— После развода он жил один в квартире в районе Саннвикен, но она давно уже продана.

— И что, у семьи не осталось никакой дачи, летнего домика, родового гнезда?

Катрина помедлила:

— В полицейских рапортах значится летний домик где-то на острове Финнёй в Федье. В таких случаях дачи переходят по наследству. Возможно, домик остался. Я позвоню жене Рафто и выясню.

— Думаю, она не захочет говорить с представителем полиции.

Катрина в ответ только хитро подмигнула.

У стойки портье Харри взял зонт, но не успел он дойти до Рыбного рынка, как тот вывернулся под порывами ветра, а когда Харри, пригнувшись, добежал до здания Управления полиции Бергена, зонтик превратился в живописные лохмотья.

Пока Харри стоял внизу возле охранников и ждал комиссара Кнута Мюллера-Нильсена, ему

позвонила Катрина и сообщила, что семья Рафто по-прежнему владеет летним домом на острове Финнёй.

— Но жена с тех пор там ни разу не была. Дочь, как она считает, тоже.

— Поедем туда, — сказал Харри. — Я освобожусь примерно к часу.

— О'кей, я достану катер. Давай встретимся на Сакариасбрюгген.

Кнут Мюллер-Нильсен оказался добродушным с виду увальнем с вечной усмешкой во взоре и кулаками размером с теннисную ракетку. Горы бумаг на столе были такими огромными, что казалось, его занесло снегом. Он сидел, заложив свои кулачищи-ракетки за голову.

— Значит, Рафто, — сказал Мюллер-Нильсен, предварительно поведав, что в Бергене дождь бывает не так часто, как хотелось бы столичным жителям.

— Похоже, полицейские в Бергене имеют привычку время от времени бесследно исчезать. — Харри ткнул пальцем в фотографию Рафто, которая была у него среди остальных документов.

— Почему это вы так считаете? — спросил Мюллер-Нильсен у Харри, а тот тем временем

нашел себе в не занятом бумагами углу кабинета простой жесткий стул.

— Еще Бьярне Мёллер, — напомнил Харри.

— Точно, — согласился Мюллер-Нильсен, но нерешительность в голосе его выдала.

— Тот, что исчез на горе Флёйен.

— Ну конечно! — Мюллер-Нильсен стукнул себя по лбу. — Трагическая история. Он тут пробыл так недолго, что я попросту не успел… Считается, что он свел счеты с жизнью, разве не так?

— Так, — ответил Харри, глядя в окно и думая о том пути, который прошел Бьярне от идеализма до коррупции. И все из добрых побуждений. И из-за трагических ошибок, о которых никто никогда не узнает. — Что вы можете рассказать про Герта Рафто?

«Ну просто мой кармический двойник», — думал Харри, слушая, как Мюллер-Нильсен описывает Рафто: тайное пристрастие к алкоголю, тяжелый характер, одиночество, отсутствие политкорректности, моральная неустойчивость и изрядно запятнанная репутация.

— Но у него, — добавил Мюллер-Нильсен, — были замечательные аналитические способности и интуиция. И сильная воля. Как будто им двигало что-то… Не знаю, какое слово подобрать… Желез-

ный Рафто был сторонник крайних мер. Да и все, что с ним произошло, говорит само за себя.

— А что произошло? — поинтересовался Харри, косясь на пепельницу, запрятавшуюся среди бумаг.

— Рафто был склонен к насилию. И мы знаем, что он был в квартире Онни Хетланн в тот промежуток времени, когда она была убита. А Хетланн, возможно, знала, кто убил ее подругу, Лайлу Осен. В довершение ко всему он исчез. Скорее всего, утопился. Во всяком случае, мы не видим повода для дополнительного расследования.

— А мог он удрать за границу?

Мюллер-Нильсен отрицательно качнул головой.

— Почему нет?

— Даже если у него и была такая возможность, он не из тех людей, кто так поступает. Вот такой простой ответ.

— И никто из родственников или друзей так и не заявил о том, что он жив?

Мюллер-Нильсен вновь покачал головой:

— Родителей его уже нет в живых. А что касается друзей, так у Рафто их не было. С бывшей женой у него сложились настолько напряженные отношения, что она вообще не желала с ним

знаться.

— А дочь?

— Вот с ней Рафто продолжал общаться. Славная, хорошая девушка, особенно как подумаешь, через что ей пришлось пройти.

Харри отметил про себя эту оговорку «особенно как подумаешь…» Такое часто можно услышать в местных полицейских отделах, где все всё друг о друге знают.

— У Рафто была дача на острове Финнёй, так?

— Да, и там преотличненько можно было скрыться. — Мюллер-Нильсен вытащил из-за головы свои кулачищи и сложил на столе. — Мы искали там, облазали с собаками все близлежащие острова. Ничего.

— Вы не против, если я поеду и взгляну?

— Да нечего там смотреть. У нас дача как раз напротив домика Железного Рафто. Так вот, его домишко совсем развалился. Глупо, что его жена не хочет продать дом, она-то никогда там не бывает.

Мюллер-Нильсен посмотрел на часы:

— Мне пора на встречу, но один из наших сотрудников, который тогда участвовал в расследовании, готов показать вам все рапорты и отчеты.

— Не надо, — отказался Харри и посмотрел на фотографию Рафто, которую по-прежнему держал в руке.

Внезапно лицо со снимка показалось ему смутно знакомым, как будто они недавно встречались. Может, видел его из машины? Может, он притворился простым парнем, таким, мимо которого пройдешь и не заметишь? Охранник на стоянке? Или продавец в винном магазине?.. Харри помотал головой, сдаваясь.

— А почему не Герт?

— То есть? — переспросил Мюллер-Нильсен.

— Вы все время называете его Железным Рафто. Его никогда не называли по имени?

Мюллер-Нильсен как-то странно посмотрел на Харри, попытался рассмеяться, но ограничился кривой ухмылкой:

— Ну уж нет… Думаю, никто и не пытался.

— Что ж. Спасибо за помощь.

Выходя из отделения, Харри услышал, как Мюллер-Нильсен его окликнул. Комиссар стоял в дверях своего кабинета, и слова, вырываясь из его рта, эхом отскакивали от стен коридора:

— Думаю, что самому Рафто это тоже бы не понравилось.

Оказавшись на улице, Харри остановился и

долго смотрел на прохожих, которые, согнувшись под ветром и дождем, быстро шагали по тротуару. То странное ощущение его так и не покинуло. Ощущение, что кто-то — или что-то — все время находится рядом, следит за ним, и стоит только ему посмотреть вокруг под правильным углом и при правильном освещении, как он тотчас увидит соглядатая.

Катрина встретила Харри в условленном месте.

— Вот, позаимствовала у приятеля, — сказала она, пока они выруливали на катере от переполненной пристани.

Когда они обогнули Нурнес, Харри вдруг услышал вопль и обернулся. Его взгляд наткнулся на тотемный столб. Деревянные лица яростно кричали ему вслед, разевая рты. В каюте повеяло холодом.

— Это в Аквариуме морские львы кричат, — объяснила Катрина.

Харри поплотнее закутался в пальто.

Финнёй оказался совсем маленьким островком. Кроме вереска, обсыпанного каплями дождя, никакой другой растительности тут не было. Зато была пристань, к которой Катрина умело пришвартовала катер. Дачный поселок состоял

из шести десятков низеньких домишек, напомнивших Харри дом в рабочем пригороде, который он видел в Соуэто.

Катрина подвела Харри по грунтовой дорожке к одному из домиков. Он выделялся среди других: краска со стен облупилась, одно окно было разбито. Катрина встала на цыпочки и отвернула плафон над дверью. Раздался неприятный звук, из плафона высыпались дохлые насекомые и ключ, который Катрина поймала в воздухе.

— Я понравилась его бывшей жене, — объяснила она и вставила ключ в замочную скважину.

Внутри пахло плесенью и мокрыми досками. Харри сощурился в темноте, услышал щелчок выключателя, и в комнате зажегся свет.

— Дом она не использует, а электричество есть, — удивился Харри.

— Тут коммунальная сеть. За электричество платит государство, — ответила Катрина, осматриваясь по сторонам.

Домишко площадью в двадцать пять квадратных метров состоял из комбинированной кухни-гостиной и спальни. На столе в гостиной и на кухонных лавках полно пустых пивных бутылок. Стены голые, на подоконнике пусто, на книжных полках тоже.

— Тут еще подвал есть, — сказала Катрина, показывая на люк в полу. — Ну, что будем делать?

— Искать.

— Что именно?

— А вот найдем и узнаем.

— Это как?

— Важные вещи легче найти, если ищешь что-то другое. Выкинь все мысли из головы, нам нужен пустой мозг. Ты поймешь, что искала, как только увидишь это собственными глазами.

— О'кей, — задумчиво произнесла Катрина.

— Ищи наверху, — сказал Харри, подошел к люку и дернул за железное кольцо.

Вниз, в темноту, вела дощатая лесенка. Он надеялся, что Катрина не заметила, что он приостановился.

К лицу липла паутина, но он шаг за шагом спускался в пахнущую сыростью, землей и ржавчиной темноту. Нащупал под лестницей выключатель, повернул, но безрезультатно. Единственным источником света в подвале был красный глазок холодильника, стоявшего у стены. Харри зажег карманный фонарик и обнаружил две двери. Кладовки.

Под визг петель он открыл одну дверь. Это была мастерская, повсюду лежали инструменты. Ну да,

ведь мужик с амбициями должен делать что-то полезное, подумал Харри. А не только убийц искать.

Но инструментами явно пользовались не часто, так что, может, Рафто думал, что он создан для чего-то иного. Что он не из тех, кто строит, а из тех, кто разрушает. Резкий звук за спиной заставил Харри быстро обернуться, но он тотчас понял, что застучал термостат холодильника. Харри пошел в другую кладовку и увидел бесформенную кучу, прикрытую толстым одеялом. Он откинул его, и в нос ему ударил запах земли и сырости. Луч фонарика выхватил сгнивший зонтик от солнца, выцветший пластиковый стол и стулья, а также набор для крокета. Больше в подвале ничего не было. Харри услышал над головой шаги Катрины и решил выбираться наверх. Но когда он откидывал одеяло, один из стульев отодвинулся и ножкой попал в щель между дверью и косяком. Харри задвинул его обратно ногой, и вдруг его взгляд упал вниз. На стуле в луче света виднелась надпись «Электролюкс». Харри вернулся к холодильнику, в котором все еще стучал термостат. На нем тоже стояло: «Электролюкс». Он взялся за ручку и дернул, но дверца не открылась: рядом с ручкой он заметил замок. Холодильник был

заперт. Харри пошел в кладовку с инструментами и принес ломик. Вернувшись, он увидел, как по лестнице спускается Катрина.

— Наверху ничего нет, — сказала она. — Думаю, нам пора уходить. Ты что делаешь?

— Нарушаю закон в интересах следствия, — ответил Харри, который уже успел подсунуть ломик под дверцу аккурат над замком и навалился всем весом на рукоять.

Ничего. Он предпринял еще одну попытку, упираясь ногой в лестницу.

— Черт побери!..

Дверца открылась с сухим щелчком, и Харри потерял равновесие. Фонарик со стуком упал на пол, из холодильника потянуло холодом. Он схватил фонарик, откатившийся за спину, и тут закричала Катрина. Вопль проникал до мозга костей, низкий, хриплый, переходивший в сдавленную икоту, похожую на смех. Потом на секунду-другую наступила тишина, и она закричала снова: так упорно кричат женщины во время родов. Харри заставил себя отвернуться от нее и наконец разглядел то, что Катрина увидела первой. Все двенадцать лет холодильник исправно работал, потому, когда дверца открылась, внутри зажегся свет. Там стояло на коленях нечто

скрюченное, руки скрещены на груди, голова упирается в стенку холодильника. Тело покрывала изморозь, ее белый слой был похож на грибок, который окутал его и питался им. Вот почему так кричала Катрина. Но у Харри сердце сжалось по другой причине: когда дверца отворилась, тело наклонилось вперед, голова стукнулась о край и кристаллы снега осыпались с лица на пол. И Харри увидел, что перед ним — улыбающийся Герт Рафто. Улыбка зигзагом от уха до уха была старательно вышита черными нитками. Однако прежде всего бросался в глаза нос. Носовую кость и хрящ, видимо, вырезали. Из раны торчала морковка. Снеговик был закончен.

Часть третья

Глава 15
День девятый. Восьмерка

Часы показывали восемь вечера, а на шестом этаже Полицейского управления Осло, что на Грёнланнслейрет, все еще горел свет. В кабинете Харри собрались Хольм, Скарре, Эспен Лепсвик и начальник отдела по расследованию убийств, комиссар Гуннар Хаген. Со времени обнаружения тела Герта Рафто прошло шесть с половиной часов, и четыре часа — с момента, когда Харри позвонил из Бергена, назначил экстренное совещание, а сам отправился в аэропорт.

Харри уже подготовил отчет о страшной находке, так что даже комиссар заерзал на стуле, взглянув на фотографии, которые бергенские полицейские успели передать по электронной почте.

— Протокол вскрытия пока не готов, — доложил Харри, — но причина смерти сомнений не оставляет: выстрел из огнестрельного оружия, произведенный в ротовую полость. Пуля прошла через глотку и затылок. Все произошло там же, где было обнаружено тело: ребята из Бергена

нашли пулю в стене подвала.

— Следы крови, мозгового вещества? Обнаружили? — спросил Скарре.

— Нет, — ответил Харри.

— Столько лет прошло, — сказал Лепсвик. — Бактерии, насекомые…

— Ну, кое-что могло бы сохраниться, — заявил Харри. — Но я говорил с медиками, и мы пришли к единому мнению: Рафто, скорее всего, сам поспособствовал тому, чтобы место убийства не выглядело совсем уж по-свински.

— Ты о чем? — буркнул Скарре.

— О-ой, — медленно протянул Лепсвик.

Похоже, до Скарре тоже дошло, и его лицо скривилось от отвращения:

— Вот черт!..

— Виноват, — вставил Хаген. — Может, мне кто-нибудь объяснит, о чем вы тут говорите?

— При самоубийстве, — объяснил Харри, — человек, как правило, выдыхает воздух. Внутри образуется вакуум. Поэтому вокруг получается меньше… — он помолчал, подыскивая слово, и закончил: — мусора. Рафто абсолютно точно заставили выдохнуть воздух, а потом выстрелили.

— А ведь такой сыщик, как Рафто, — покачал головой Лепсвик, — наверняка отлично понимал

зачем.

— Ради всего святого! — Хаген побледнел. — Как можно заставить человека?..

— Возможно, ему пришлось выбирать, — сказал Харри. — Ведь есть масса способов умереть — не только от пули.

Наступила мертвая тишина. Харри выдержал паузу, а потом продолжил:

— До сих пор тела жертв мы не находили. Рафто тоже был спрятан, но его бы нашли гораздо раньше, если б у хозяев дачи она не вызывала такого страха и отвращения. Все это приводит нас к выводу: Рафто не был частью плана.

— Плана серийного убийцы? — Судя по интонации, комиссар полиции смирился с мыслью о существовании этакого чудовища в не запятнанной серийными убийствами Норвегии.

Харри кивнул.

— Раз это не часть плана, то каков же мотив?

— Этого мы не знаем, но когда следователя убойного отдела лишают жизни, то вполне естественно предположить, что он представлял для убийцы опасность.

Эспен Лепсвик кашлянул:

— Может быть, то, что убийца проделал с телом, подскажет нам мотив? Зачем, например, он

воткнул ему вместо носа морковь? Длинный нос, понимаете?

— Он что, сказку нам рассказывает? — спросил Хаген.

— Может, намек на ищейку? — осторожно вставил Хольм.

— Точно! — подхватил Хаген. — Знак, чтобы остальные сыщики держались от него подальше, не вынюхивали. — Искоса поглядывая на Харри, он обратился ко всем: — А как вы объясните зашитый рот?

— Намек на то, что надо держать рот на замке, — неуверенно предположил Скарре.

— В точку! — согласился Хаген. — Поскольку Рафто был, так сказать, с гнильцой, вполне может быть, что он состоял с убийцей в сговоре и в определенный момент захотел его припугнуть.

Все посмотрели на Харри, который выслушал их гипотезы, не проронив ни слова.

— Ну? — пробурчал комиссар Хаген.

— Вы, конечно, может быть, и правы, — ответил Харри, — но я думаю, что послание, оставленное нам убийцей, совсем простое: тут был Снеговик. А он любит лепить снеговиков. Точка.

Полицейские переглянулись, никто возражать не стал.

— У нас другая проблема, — продолжил Харри. — Управление полиции Бергена выступило с официальным заявлением, что на острове Финнёй найдено тело человека. И все. Я просил их придержать информацию о деталях, чтобы мы располагали хотя бы двумя-тремя днями для поиска оставшихся следов, пока Снеговик не знает, кого мы нашли. Но думаю, что и двух дней у нас не будет, потому что вряд ли полицейские сумеют скрывать информацию *достаточно* долго.

— Имя Рафто будет у журналистов завтра утром. Я бергенских знаю, — сказал Эспен Лепсвик.

— Нет, — раздался голос от двери, — имя они получат сегодня, еще до последнего выпуска вечерних новостей. И не только имя, но и подробности: описание места преступления и нашу версию, что дело касается Снеговика.

Все обернулись. В дверях стояла Катрина Братт. Она все еще была бледна. Правда, с тех пор как Харри проводил ее на катер и она уехала с острова, а он остался дожидаться полиции, Катрина слегка пришла в себя.

— Так вы знаете людей со второго канала? — спросил ее Эспен Лепсвик с кривой усмешкой.

— Нет, — ответила Катрина Братт, садясь на стул. — Я знаю людей из бергенского Полицей-

ского управления.

— Где вы были, Братт? — спросил Хаген. — Вы отсутствовали несколько часов.

Катрина покосилась на Харри, он кивнул ей и объяснил:

— Катрина выполняла мои поручения.

— Это, должно быть, важно. Расскажите, Братт.

— Сейчас в этом нет необходимости, — произнес Харри.

— А я просто любопытный такой, — настаивал Хаген.

Чертов солдафон, подумал Харри. Педант, человек-рапорт, ты что, не видишь, что девчонка до сих пор не отошла от шока? Ты сам побледнел, когда тебе снимки показали. Ну сбежала она домой от всего этого, ну и что? Вернулась же. Хлопни ее по плечу, подбодри, а не унижай перед коллегами. Произнося про себя эту речь, он пытался поймать взгляд Хагена, чтобы остановить его.

— Рассказывайте, Братт, — поторопил нечуткий Хаген.

— Я проверяла кое-какие детали, имеющие отношение к нашему расследованию, — ответила Катрина, задрав вверх подбородок.

— Какие?

— Например: где находился Идар Ветлесен,

когда были убиты Лайла Осен и Онни Хетланн. Оказалось, он изучал медицину в Бергенском университете.

— И это все, что вы выяснили? — удивился начальник отдела убийств.

— Все, — отрезала Катрина.

Возникла неловкая пауза.

— Студент-медик, значит? — Комиссар посмотрел на Харри.

— Да, — ответил Харри. — Позднее стал пластическим хирургом. Говорит, что любит изменять внешность людей.

— Я проверила адреса, по которым он жил и работал, — добавила Катрина. — Совпадений с адресами женщин, предполагаемых жертв Снеговика, нет. Но молодые врачи часто бывают в разъездах: курсы повышения квалификации, конференции…

— Жаль, что этот чертов адвокат Крон не даст нам потрясти парня, — расстроился Скарре.

— Плевать, — вступил Харри. — Мы все равно арестуем Ветлесена.

— За что? — поинтересовался Хаген. — За то, что он учился в Бергене?

— За попытку растления малолетних.

— На каком основании?

— На основании свидетельских показаний хозяина гостиницы «Леон». К тому же у нас есть снимки Ветлесена, входящего в гостиницу.

— Не хочется вас расстраивать, — начал Эспен Лепсвик, — но я того парня из «Леона» знаю. Он никогда не дает свидетельских показаний. Дело развалится, и вам придется выпустить Ветлесена через двадцать четыре часа. Это я вам гарантирую.

— Не беда, — ответил Харри и посмотрел на часы, прикидывая, сколько времени ему понадобится, чтобы добраться до Бюгдёй. — Вы и представить себе не можете, чего только народ не напридумывает за такое короткое время.

Харри второй раз позвонил в дверь и подумал, как эта ситуация похожа на ту, в детстве, когда все разъезжались на летние каникулы, а он оставался один-одинешенек во всем Уппсале. Он так же стоял и звонил в дверь Эйстейна или другого приятеля, надеясь, что, может быть, каким-то чудом они окажутся дома, а не у бабушки в Халдене, на даче в Суне или в туристическом походе по Дании. Он жал и жал на звонок, пока не понимал, что остается по-прежнему только один вариант — Валенок. Валенок, с которым ни у него, ни у Эйстейна никогда не было особой охоты играть,

но который тем не менее всегда тенью следовал за ними по пятам, надеясь, что когда-нибудь они передумают и хотя бы ненадолго примут его в свою компанию. Он, правда, выбрал Харри и Эйстейна лишь потому, что они и сами-то особой популярностью в школе не пользовались, вот он и подумал, что это такой клуб, куда у него все-таки есть шанс получить доступ. И вот шанс появлялся, потому что Харри знал: Валенок всегда бывает дома. Его семья не могла себе позволить уехать куда-нибудь на каникулы. Больше Харри играть было не с кем.

Харри услышал внутри шаркающие шаги, и дверь распахнулась. Выглянула женщина и, совсем как мать Валенка, просияла, увидев Харри. Та никогда не приглашала его в дом, а просто окликала Валенка, натягивала на него поношенную куртку и выталкивала на лестницу, где он молча стоял и смотрел на Харри. Харри чувствовал, Валенок все понимает, оттого смутная ненависть поднималась в его душе, пока они спускались по лестнице и шли к магазину. Все равно это было здорово: время-то шло.

— К сожалению, Идара нет дома, — сообщила фру Ветлесен. — Проходите, подождите его. Он сказал, что съездит куда-то ненадолго и вер-

нется.

Харри покачал головой. Интересно, заметила ли она голубые мигалки, сиявшие на всю округу: позади него на темной дороге стояли полицейские автомобили. Маячки приказал включить этот идиот Скарре.

— Когда он уехал?

— Около пяти.

— Значит, прошло уже несколько часов. А он сказал, куда собирается?

Женщина покачала головой:

— Ничего он мне не говорит. Как вам это нравится? Родную мать не ставит в известность.

Харри поблагодарил, сказал, что заедет позже, и направился по гравийной дорожке, ведущей к калитке. Идара Ветлесена не обнаружили ни на работе, ни в «Леоне», да и здание кёрлинг-клуба было закрыто. Харри затворил за собой калитку и пошел к машине. Автомобиль во всей своей полицейской красе стоял с опущенными стеклами.

— Выключи мигалку, — приказал он шоферу и обратился к сидевшему сзади Скарре: — Она говорит, его дома нет, и, похоже, это правда. Оставайтесь здесь, следите, может, вернется. Позвони в отдел, скажи, чтобы организовали поиски. Только не по рации, ладно?

На обратном пути Харри позвонил из машины на телефонную станцию и узнал, что Туркильсен, его приятель, работающий в центральной диспетчерской «Теленор-Осло», уже ушел домой, а значит, определить местонахождение мобильного телефона Идара Ветлесена можно будет только по официальным каналам, то есть не раньше завтрашнего утра. Он положил трубку и прибавил громкость: «Slipknot» играли «Vermilion». Нет, сейчас, пожалуй, не то настроение. Харри нажал на кнопку, чтобы поменять диск на сольник Джила Эванса, который недавно обнаружил у себя в бардачке. Пока он ковырялся с коробкой диска, приемник настроился на выпуск новостей.

— В связи с делом о серийном убийце, так называемом Снеговике, полиция разыскивает мужчину, врача по профессии, прописанного в районе Бюгдёй.

— Твою мать! — рявкнул Харри и так швырнул коробку, что та треснула, а диск покатился под сиденье.

Харри в припадке ярости выжал газ до упора и обогнал бензозаправщик, ехавший по левой полосе. Двадцать минут. Им потребовалось двадцать минут. Почему бы им не понатыкать в управлении микрофонов и не давать в эфир пря-

мую трансляцию?

Столовая в управлении была уже закрыта, свет выключен, но именно там Харри ее и нашел. Она сидела со своим пакетом с бутербродами за пустым столиком на двоих. Харри сел на второй стул.

— Спасибо, что не рассказал, как я сорвалась на Финнёе.

Харри кивнул.

— Куда ты пропала?

— Я сразу выписалась из гостиницы и рванула на трехчасовой рейс в Осло. Мне необходимо было уехать. — Она уткнулась в чашку. — Извини.

— Не переживай, — успокоил ее Харри, глядя на хрупкую склоненную шею и тонкую руку, лежащую на столе. Сейчас он смотрел на нее другими глазами. — Крутые ребята если уж срываются, то по-настоящему.

— Почему?

— Наверное, потому что не так часто теряют контроль. Мало опыта.

Катрина кивнула, по-прежнему выискивая что-то взглядом на дне чашки с логотипом Полицейского управления.

— А ты, Харри? Ты никогда не теряешь контроль?

Она подняла глаза, и Харри показалось, что ее зрачки полыхнули ярким светом. Он полез за сигаретами.

— Я из тех, у кого огромный опыт в потере контроля. Я, собственно, больше ничему и не учился. Зато в потере контроля у меня черный пояс.

Вместо ответа она слабо улыбнулась.

— У боксеров однажды сняли показатели работы головного мозга, — сказал он. — Ты знаешь, что на протяжении схватки они часто теряют сознание? Ненадолго, на секунду, но теряют. И все же им каким-то образом удается устоять на ногах. Как будто тело знает, что это временно, и берет управление на себя, держится в вертикальном положении, пока сознание не вернется. — Харри выцарапал из пачки сигарету. — Я тоже там, в доме Рафто, потерял контроль. Разница между нами только в том, что мое тело после стольких лет работы знает, что контроль вернется.

— А что ты делаешь, чтобы не уйти в нокаут? — спросила Катрина, убирая со лба прядь волос.

— А я, как боксеры, двигаюсь в направлении удара. Когда на тебя наваливается ужас или смертельная усталость, выпускай пар понемногу, как паровоз. Ты все равно не сможешь вечно сдерживаться, не жди, когда твоя защита разлетится

на куски. — Он сунул в рот сигарету. — Да тебе небось все это рассказывали на курсе психологии в полицейской академии. Но я вот к чему. Даже выпуская пар, в этой тяжкой жизни надо прислушиваться к тому, что с тобой происходит, потому что, если тебя все это начнет убивать… — Он на секунду прикрыл глаза. — Ищи себе другую работу.

Она посмотрела на него долгим взглядом:

— А ты сам, Харри? Что ты сделал, когда почувствовал, что тебя это убивает?

Харри прикусил фильтр, сухой и мягкий, ощутил, как он хрустит меж зубов, и подумал, что она могла бы быть его сестрой или дочерью: ведь они явно сделаны из одного и того же материала. С явными изъянами внутри.

— Я забыл поискать другую работу, — ответил он.

Катрина широко улыбнулась и тихо сказала:

— Знаешь что?

— Нет.

Она протянула руку, выдернула у него изо рта незажженную сигарету и перегнулась через стол:

— Мне кажется…

Дверь в столовую распахнулась — на пороге

стоял Хольм.

— Второй канал, — сказал он. — Оба в новостях: и Ветлесен, и Рафто. Имена и фотографии.

И тогда начался хаос. Хотя было одиннадцать вечера, в холле управления уже через полчаса стало тесно от журналистов и фотографов. Они ждали руководителя группы Эспена Лепсвика, или шефа убойного отдела, или начальника полиции, или вообще кого угодно — лишь бы вышел к ним и рассказал, в чем дело. Между собой они бубнили, что полиция должна сознавать ответственность перед общественностью и обязана информировать ее о таком серьезном, таком потрясающем, таком смачном дельце, способном поднять рейтинги телеканалов и газетные продажи прямо до небес.

Харри стоял у балюстрады и смотрел вниз. Журналисты как акулы без устали нарезали круги, разговаривали друг с другом, выспрашивали, вынюхивали, помогали, мешали, обманывали, выуживали сведения. Кто-нибудь что-нибудь слышал? Будет вечером пресс-конференция или нет? Ну хотя бы импровизированный брифинг? А что, Ветлесен уже на пути в Таиланд? Ну должно же хоть что-нибудь случиться: ведь дедлайн уже близко!

Харри читал, что слово «дедлайн» появилось в Америке во время Гражданской войны: когда людей для охраны пленных не хватало, на земле рисовали круг и загоняли их туда. Всех, кто выходил из круга, расстреливали. Так и эти воины пера там, внизу, в холле: пленные сидят за линией смерти — дедлайном.

Харри возвращался в кабинет, где его ждали все остальные, как вдруг зазвонил мобильный. Матиас:

— Ты слышал мое сообщение на автоответчике?

— Не успел еще. У нас тут сущее пекло. Можно я тебе перезвоню позже?

— Конечно, — ответил Матиас. — Но видишь ли… это касается Идара. Я тут увидел в новостях, что вы его ищете.

Харри переложил трубку в другую руку:

— Выкладывай.

— Идар позвонил мне сегодня днем. Спрашивал о карнадриоксиде. Он иногда звонит, консультируется насчет медикаментов: Идар никогда не был силен в фармацевтике. Так что я поначалу даже внимания не обратил. Я, собственно, звоню, потому что карнадриоксид опасен для жизни. Подумал, вдруг вам это пригодится.

— Конечно, конечно… — Харри рылся в кармане, где у него завалялись огрызок карандаша и трамвайный билетик. — Карна?..

— Карнадриоксид. Он содержит особый яд и используется в качестве обезболивающего у раковых и ВИЧ-больных. В тысячи раз сильнее морфина, и даже небольшая передозировка мгновенно приводит к параличу мышц. Органы дыхания и сердце останавливаются, и человек умирает моментально.

— Ну и дела, — пробормотал Харри, записывая. — О чем еще вы говорили?

— Больше ни о чем. Судя по всему, он куда-то торопился. Просто поблагодарил, и мы распрощались.

— Есть у тебя предположение, откуда он мог звонить?

— Нет. Но точно не из кабинета: акустика была какая-то странная. Такое впечатление, что говорят из церкви или пещеры, понимаешь?

— Понимаю. Спасибо большое, Матиас. В случае чего мы тебе перезвоним.

— Рад помочь, чем могу…

Окончания Харри не услышал, поторопившись нажать «отбой».

В кабинете собралась вся их небольшая след-

ственная группа, на столе стояли чашки с кофе, очередная порция воды закипала в чайнике, пиджаки свисали со спинок стульев. Скарре только что вернулся с Бюгдёй и доложил о беседе с матерью Идара Ветлесена. Та сказала, что она понятия ни о чем не имеет и вообще все это наверняка чудовищная ошибка.

Катрина позвонила ассистентке Ветлесена, Боргхильд Муэн, которая сказала примерно то же самое.

— Утром допросим их, если понадобится, — решил Харри. — А теперь у нас более серьезная проблема.

Все трое посмотрели на него. Харри рассказал о своем разговоре с Матиасом и прочитал на обороте трамвайного билетика: «Карнадриоксид».

— Думаешь, он именно так совершал убийства? — спросил Хольм. — С помощью парализующего препарата?

— Точно. Вот почему он прячет тела, — вмешался Скарре. — Чтобы мы не обнаружили вещество при вскрытии, иначе след приведет к нему.

— Нам известно только одно, — сказал Харри. — У Идара Ветлесена нервный срыв. Если он и есть Снеговик, он сменит модель поведения.

— Вопрос в том, за кем он охотится в настоящий

момент. — Катрина нервно передернула плечами. — Кто-то скоро умрет от этого вещества.

Харри потер подбородок:

— Катрина, у тебя уже есть распечатка телефонных звонков Ветлесена?

— Да, есть номера телефонов и имена. Мы с Боргхильд все проверили. В основном это пациенты. Было еще два разговора с адвокатом Корном и разговор с Матиасом Лунн-Хельгесеном, о котором ты уже говорил. И еще один номер, зарегистрированный на издательство «Поппер».

— Работы сейчас у нас нет, — сказал Харри. — Можем, конечно, сидеть тут, пить кофе и чесать пустые наши головы, а можем разойтись по домам и вернуться утром с такими же пустыми, но отдохнувшими головами.

Остальные молча смотрели на него.

— Я не шучу, — заверил он. — Давайте по домам, черт с ним со всем!

Харри вызвался подвезти Катрину в район Грюнерлёкка, бывший рабочий квартал. Там она попросила высадить ее у старинного четырехэтажного дома на улице Сейльдуксгата.

— Где твоя квартира? — спросил он и наклонился к окну.

— Третий этаж, слева.

Он посмотрел на третий этаж. Все окна были темны. Занавесок он тоже не увидел.

— Похоже, твоего мужа нет дома. Или, может, он уже лег спать.

— Может, и лег. — Катрина будто и не собиралась выходить из машины. — Харри!

Он посмотрел на нее.

— Ты понимаешь, что я имела в виду, когда сказала, что вопрос в том, на кого сейчас Снеговик охотится?

— Думаю, да, — ответил он.

— То, что мы видели на Финнёе, — это не просто убийство случайного человека, который, как показалось убийце, слишком много знал. Оно было давно спланировано.

— С чего ты взяла?

— Если даже Рафто и вышел на его след, это тоже было спланировано.

— Катрина…

— Подожди. Рафто был лучшим следователем убойного отдела во всем Бергене. Ты — лучший в Осло. Он мог предвидеть, что расследование убийств будешь вести именно ты, Харри. Вот почему ты получил то письмо. Я только хочу сказать, чтобы ты был осторожнее.

— Ты что, пытаешься меня напугать?

Она пожала плечами:

— Если ты напугался, знаешь, что тебе надо делать?

— Нет.

Катрина распахнула дверцу:

— Тебе надо найти другую работу.

Закрыв за собой дверь в квартиру, Харри стал на пороге гостиной. Комната выглядела как после бомбежки. Лунный свет падал на какое-то белое пятно на темной голой стене. Он подошел ближе. Это была восьмерка, написанная мелом. Он поднял руку и потрогал ее. Должно быть, дело рук специалиста по грибку, но что она означает? Может быть, какой-то код, допустим, вещества, которым он должен обработать стену.

Остаток ночи Харри метался на кровати, одолеваемый кошмарами. Ему снилось, что он крепко сжимает зубами какую-то твердую штуковину и, чтобы не задохнуться, вынужден дышать через дырку в ней. На языке он чувствовал вкус смазки, металла и пороха. А потом в легких совсем не осталось воздуха, и тогда он выплюнул штуковину и обнаружил, что дышал он вовсе не через дуло пистолета, как ему показалось, а через дырку в восьмерке. Обычная восьмерка: большой кружок внизу, маленький сверху. Большой вни-

зу, маленький сверху. Мало-помалу у восьмерки на макушке вырос третий, крохотный кружок. Голова. Голова Сильвии Оттерсен. Она пыталась рассказать ему, что произошло, но не могла. У нее был зашит рот.

Когда Харри проснулся, глаза у него не хотели открываться, голова раскалывалась, а на губах был привкус извести и желчи.

Глава 16
День десятый. Кёрлинг

На Бюгдёй стояло зябкое утро. Аста Юханнессен, как обычно, ровно в восемь вошла в здание кёрлинг-клуба. Почтенная семидесятилетняя вдова два раза в неделю наводила тут порядок, особо себя не утруждая, потому что в маленький частный клуб ходила лишь горстка людей, к тому же душевых тут не было. Она зажгла свет. На стене висели трофеи: дипломы, вымпелы с надписями на латыни и старые черно-белые фотографии усатых мужчин с важными лицами, одетых в твидовые костюмы. Асте они казались ужас какими смешными: они походили на охотников на лис из британских телесериалов о жизни аристократов. Она вошла в игровой зал и почувствовала, что там не так холодно, как обычно: очевидно, забыли включить термостат ледовой дорожки. Все электричество экономят. Аста Юханнессен нажала на выключатель и, пока лампы дневного света мигали, решая, начать им работу или нет, нацепила на нос очки, чтобы разглядеть показатели. Так и есть, термостат на довольно высокой

отметке. Она сделала похолоднее.

Свет ламп отражался в сероватом льду. Очки у нее были для чтения, и когда она заметила неясных очертаний предмет на другом конце зала, очки пришлось снять. Глаза медленно перестроились. Человек? Она не спешила двинуться по ледовой дорожке. Аста Юханнессен была не из трусливых, но ее одолевала навязчивая идея: она боялась, что упадет на этом проклятом льду и сломает шейку бедра. А тогда уж придется лежать на холоде, пока ее не найдут. Она взяла одну из игровых щеток, стоявших у стены, и, опираясь на нее, как на посох, маленькими шажками засеменила по льду.

В конце дорожки лежал мертвый человек. Голова его приходилась как раз на центр игрового круга. Бело-голубой свет ламп падал на застывшее в гримасе лицо. А лицо было какое-то знакомое. Может, она с ним раньше встречалась? Застывший взгляд искал что-то у нее за спиной. В правой руке мертвец сжимал шприц, сквозь прозрачный пластик виднелись остатки красного вещества.

Аста Юханнессен быстренько сообразила, что помочь ему уже ничем не сможет, и, повернувшись, сосредоточилась на опасностях обратного

пути до ближайшего телефона.

После того как она вызвала полицию и те приехали, она вернулась домой и села за утренний кофе. Развернула свежий номер газеты «Афтенпостен», и тут до нее дошло, кого она сегодня обнаружила.

Харри, сидя на корточках, разглядывал ботинки Идара Ветлесена.

— Что медик говорит о времени смерти? — спросил он Бьёрна Хольма, который стоял рядом в своей джинсовой куртке на рыбьем меху, чуть слышно отбивая чечетку сапогами из змеиной кожи. Прошло не больше часа со времени звонка Асты Юханнессен, а у кёрлинг-клуба за лентой полицейского заграждения уже толпились репортеры.

— Сказал, определить трудновато, — ответил Хольм. — Он может только предполагать, потому что тело лежало на льду, а температура в помещении намного выше.

— Ну и что он предположил?

— Что смерть наступила между пятью и семью вчерашнего вечера.

— Ага. Стало быть, все же до выпуска новостей про его розыск. Ты видел замок?

— Обычный замок, — кивнул Хольм. — Когда

уборщица пришла, он был закрыт. Я смотрю, ты любуешься на его ботинки. Так я ж уже проверил отпечатки. Сто пудов даю, они идентичны тем, что мы нашли в Соллихёгде.

Харри вгляделся в рисунок на подошве:

— То есть ты думаешь, что это наш парень и есть?

— По-моему, ага, он.

Харри задумчиво кивнул:

— А что, Ветлесен был левша?

— Вроде нет. Вон у него, видишь, шприц-то в правой руке.

— Точно, — кивнул Харри. — Но ты все равно проверь.

Харри ни разу не удалось ощутить радость, когда дело, которое он вел, вдруг оказывалось раскрыто, закончено, сдано в архив. Пока шло следствие, он, разумеется, считал раскрытие дела своей целью. Однако стоило ему этой цели достигнуть, как он понимал, что это ошибка: то ли он хотел попасть вовсе не сюда, то ли цель ускользнула, то ли он сам переменился… черт его знает! Короче, он чувствовал себя опустошенным, и успех на вкус был совсем не таким, как ожидалось. А главное, за поимкой преступника всегда следовал вопрос: «И что?..»

К семи вечера свидетели были допрошены, улики и следы зафиксированы, пресс-конференция проведена и коридор убойного отдела наполнился праздничным шумом. Хаген заказал пива и торт, позвал к себе в кабинет и группу Лепсвика, и группу Харри, чтобы отметить успешное завершение дела.

Харри сидел на стуле и смотрел на могучий кусок торта на тарелке, которую кто-то сунул ему в руки. Он слышал, как Хаген произносил речь, как ему аплодировали, смеялись. Кто-то мимоходом хлопал его по спине, вокруг кипела дискуссия.

— Жалкий неудачник, этот чертов Ветлесен. Взял и смылся, как только почувствовал, что мы вот-вот его возьмем.

— Да, обставил нас…

— Нас? Да ведь это же группа Лепсвика должна была…

— А если б мы его взяли живьем, суд признал бы его невменяемым и…

— …у нас же никаких прямых улик, одни косвенные.

Из другого угла кабинета донесся голос Эспена Лепсвика:

— А ну, заткнитесь, ребята! Тут вот какое предложение: снимаемся отсюда и встречаемся в

восемь в баре «Фенрис», чтобы напиться как следует. Можете расценивать это как приказ, ясно?

Всеобщее ликование было ему ответом.

Харри отставил в сторону тарелку с тортом и уже собирался встать, как вдруг почувствовал чью-то руку на плече. Это был Хольм.

— Я проверил. Как я и предполагал, Ветлесен был правша, — сообщил он.

Из только что открытой Хольмом бутылки с пивом повеяло кислым холодком, и тут же нарисовался слегка подвыпивший Скарре, взял Хольма под руку:

— А еще говорят, что правши живут дольше левшей. По Ветлесену-то и не скажешь! Ха-ха!

Скарре помчался делиться своей остроумной находкой с остальными, а Хольм вопросительно посмотрел на Харри:

— Уже уходишь?

— Ага. Прогуляюсь. Может, встретимся в «Фенрисе».

Харри почти дошел до двери, как вдруг в него крепко вцепился Хаген.

— Хорошо бы никто пока не уходил, — тихо сказал он. — Начальник полиции сказал, что хочет зайти и сказать несколько слов.

Харри так глянул на Хагена, что тот немедлен-

но отдернул руку, будто обжегся.

— Только схожу отлить, — вежливо пояснил Харри.

Хаген улыбнулся и кивнул.

Харри зашел к себе в кабинет, взял пиджак и побрел вниз по лестнице, вон из здания управления, а потом вниз к Грёнланнслейрет. С неба сыпала редкая снежная крупа, на склоне холмов Экеберг мерцали огни, мимо промчалась и китовой песней затихла вдали пожарная сирена. Два пакистанца громко переругивались, стоя у своей лавчонки, а снег все падал на их апельсины, да еще где-то у Грёнланнс-торг пьянчужка затянул пиратскую песню. Харри услышал эти звуки ночной жизни и понял, что правильно сделал, что вышел на улицу. Боже, как он любил этот город!

— Ты тут?

Эли Квале изумленно смотрела на своего сына, который сидел за кухонным столом и листал газету. Сзади него мурлыкало радио.

Она хотела было спросить, почему Трюгве не в гостиной с отцом, но тут подумала: да ведь это совершенно нормально, что он захотел зайти сюда и поболтать с ней. Она налила себе чаю, села рядом и молча посмотрела на сына. Такой красивый! Она думала, ей всегда будет казаться,

что он урод, но ошиблась.

Проблема вовлечения норвежских женщин в коридоры власти замешана вовсе не на мужском шовинизме, вещал голос по радио. Общество ведет борьбу за положенное по закону долевое участие женщин в управлении страной, потому что сами женщины, кажется, упорно стараются избегать должностей, на которых их могут подвергнуть критике, усомниться в их компетентности.

— Они ведут себя как малыш, который пытается открыть фисташку, но, как только она оказывается у него во рту, выплевывает ее, — сказал голос. — И это страшно раздражает. В настоящий момент необходимо, чтобы дамы взяли на себя ответственность за ситуацию и приложили хотя бы немного старания.

Точно, подумала Эли, необходимо.

— Ко мне тут вчера приходили в институт, — сказал Трюгве.

— Да? — ответила Эли и почувствовала, как сердце забилось где-то в горле.

— Спрашивали, правда ли, что я ваш сын — твой и папин.

— Да ну? — попыталась со всей возможной легкостью произнести Эли. Ей показалось, что

она сейчас потеряет сознание. — И что же ты ответил?

— То есть как это — что я ответил? — Трюгве оторвался от газеты. — Ответил, разумеется, да.

— А кто тебя спрашивал?

— Что это с тобой, мам?

— В смысле?

— Ты такая бледная…

— Ничего, мой дорогой. А кто он такой?

— А я разве сказал, что это был мужчина? — И Трюгве вернулся к газете.

Эли встала, прикрутила радио, где женский голос благодарил Арве Стёпа и господина министра за интересную беседу. Она посмотрела в темноту за окном, где беспорядочно метались снежные хлопья, не подвластные ни силе земного притяжения, ни собственной воле. Все, чего они хотели, — это где-нибудь приземлиться и затихнуть, а потом растаять и исчезнуть с лица земли. В этом и было утешение.

Она кашлянула.

— Что? — спросил Трюгве.

— Ничего, — ответила Эли. — Я, кажется, простудилась.

Харри бесцельно брел по улицам города куда глаза глядят. И только очутившись возле гости-

ницы «Леон», понял, что сюда-то он и шел.

Вокруг толпились шлюхи и наркодилеры. У них был час пик — люди предпочитают вести куплю-продажу секса и дури до полуночи.

Харри подошел к стойке портье и по насмерть перепуганному лицу Бёрре Хансена понял, что тот его узнал.

— Мы же договорились, — пискнул Бёрре со своим шведским акцентом и вытер пот со лба.

Харри частенько удивлялся, почему люди, которые наживаются на нуждах и слабостях других, всегда отмечены этой тонкой блестящей пленкой пота, будто их бессовестные души покрыты лакировкой поддельного стыда.

— Дай ключи от номера доктора, — попросил Харри. — Он сегодня не придет.

Три стены номера были оклеены обоями родом из семидесятых, с психоделическим коричнево-оранжевым узором. Зато четвертая, несущая, между комнатой и ванной, была выкрашена в черный цвет и пестрела трещинами и пятнами облупившейся штукатурки. Двуспальная кровать с выгнутой спинкой. Тяжелое колкое покрывало. Водо- и спермоотталкивающее, решил Харри. Он убрал со стула в изножье кровати истершееся полотенце и сел. Улица шумела, поджидая его, и

он почувствовал, что вся свора его псов уже на месте: они гавкали, скулили, грызли решетку и просили только одного — выпивки. Одну маленькую рюмку, одну рюмашечку — и мы оставим тебя в покое, послушно ляжем и замолкнем. Улыбаться у Харри желания не было, но он все равно улыбнулся. Демонов до́лжно укрощать, а боль — унимать. Он прикурил сигарету. Дым заструился вверх, к плетеному абажуру.

С какими демонами сражался Идар Ветлесен? Приводил ли он их сюда и бился с ними здесь, или, напротив, тут было его убежище? Какие-то ответы он и его коллеги, конечно, получили, но не все. Ответы на все вопросы, думал Харри, мы не получим никогда. Скажем, на такой: есть ли на самом деле разница между злодейством и сумасшествием? Или мы просто решили: вот с этой точки распад личности называется болезнью. Мы в состоянии понять, как можно сбросить атомную бомбу на город с мирными гражданами, но недоумеваем, как это может быть, когда в лондонских трущобах кто-то вырезает проституток, распространяющих болезни. Поэтому первое мы называем необходимостью, а второе — сумасшествием.

Господи, как же ему надо было выпить! Одну

рюмку, которая могла бы слепить острые края боли, слепить этот день и эту ночь.

В дверь постучали.

— Да, — прохрипел Харри и не узнал собственного голоса.

Дверь открылась, вошла негритянка. Харри посмотрел на нее снизу вверх: красивое сильное лицо, короткий жакетик — такой короткий, что были видны валики жира, вылезшие поверх брюк.

— Doctor? — спросила она. Ударение на последнем слоге, по-французски.

Харри покачал головой. Она посмотрела на него. А потом дверь закрылась, и она исчезла.

Через секунду-другую Харри поднялся со стула и шагнул к двери. Женщина уже дошла до конца коридора.

— Please! — крикнул Харри. — Please, come back!

Она остановилась, нерешительно глядя на него.

— Two hundred kroner, — сказала она с ударениями на последнем слоге.

Харри кивнул.

Она сидела на кровати и молча слушала его вопросы. О докторе, об этом злодее. Об оргиях с

участием нескольких женщин. О детях, которых он просил приводить с собой. При каждом новом вопросе она непонимающе качала головой. В конце концов она спросила, не из police ли он.

Харри кивнул.

Ее брови сдвинулись.

— Why you ask these questions? Where is Doctor?

— Doctor killed people, — сказал Харри.

Она взглянула недоверчиво и ответила:

— Not true.

— Why not?

— Because Doctor is a nice man. He helps us[1].

Харри спросил, как же доктор помогал им. И тут настал его черед сидеть и с удивлением слушать: чернокожая женщина рассказывала, как каждые вторник и четверг доктор появлялся в этой комнате со своей сумкой, разговаривал с ними, отправлял их в туалет, чтобы собрать мочу на анализ, брал кровь, проверял их на венерические заболевания, которых они боялись. Давал им пилюли, если было что-то по женской части, и направления в клинику, если Чума. И платы никогда не брал, надо было только пообещать

---

[1] Примечания: 1

Пожалуйста, вернитесь!.. Двести крон… Зачем вы задаете эти вопросы? Где доктор? — Доктор убивал людей… Неправда. — Почему? — Потому что доктор хороший человек. Он помогает нам *(искаж. англ.).*

никогда никому о нем не рассказывать, кроме своих же уличных товарок. Иногда девочки приводили своих детишек, когда те болели, но портье их не пускал.

Харри слушал и дымил сигаретой. Зачем Ветлесен это делал? Ради сохранения необходимого равновесия? Жаждал отпущения грехов? Противостоял злу? А может, эти крупицы добра усиливали наслаждение от содеянного? Говорили же, что доктор Менгеле обожал детей.

Язык во рту вспух, и если сейчас не выпить, он его совсем задушит.

Женщина закончила болтать и жестом напомнила об обещанных деньгах.

— Doctor come back?[2] — спросила она.

Харри открыл было рот, но язык запаздывал, и тут раздался звонок мобильного.

— Холе.

— Харри? Это Уда Паулсен, — представился молодой голос. — Вы помните меня?

Харри не помнил.

— Я с телеканала НРК, — сказала она. — Это я вас приглашала на ток-шоу «Боссе».

А, та самая дамочка! Хитрая мышь.

---

[2] Примечания: 2
Доктор вернется? *(искаж. англ.)*

— Вы не сможете прийти к нам еще раз, в эту пятницу? Естественно, речь пойдет о вашем потрясающем успехе, я имею в виду дело Снеговика. Хотя он уже мертв, публике все равно интересно, что на самом деле происходит в голове у таких людей и можно ли его назвать…

— Нет, — отрезал Харри.

— Что?

— Я не приду.

— Это «Боссе», — многозначительно произнесла Уда Паулсен. — Канал НРК — Норвежское государственное телевидение.

— Нет.

— Но послушайте, Харри, разве вам самому не интересно побеседовать о…

Харри размахнулся и запустил телефон прямо в черную стену. Посыпалась штукатурка.

Он положил голову на руки и попытался взять себя в руки. Господи, хоть капельку! Чего угодно. Когда он снова поднял глаза, в номере никого не было.

Вероятно, все могло сложиться по-другому, если бы в баре «Фенрис» не продавали выпивку. Если бы там не было «Джима Бима», который стоял на полке аккурат за барменом и кричал во весь свой хриплый солодовый голос о желанной анестезии:

«Харри! Двигай сюда, давай поболтаем о старых временах. О жутких призраках, за которыми мы с тобой гонялись, о ночах, когда мы впадали-таки в забытье».

А может, другого пути у Харри не было.

Он едва взглянул на коллег, а они на него вообще не обратили внимания, когда он вошел в гудящий бар, обитый красным плюшем, как каюта датского корабля: все уже были хороши. Стояли, положив руки друг другу на плечи, и, дыша перегаром, орали вместе со Стиви Уандером, что позвонили, только чтобы сказать «Я тебя люблю». Короче говоря, ни дать ни взять футбольные фанаты после победы в Кубке кубков. А когда Уандер утомился доказывать, что чувство любви поднимается у него прямо-таки из глубины самого сердца, перед Харри на стойку бара приземлился третий стакан.

От первого его скрутило так, что он не мог вздохнуть и подумал: вот так, наверное, от карнадриоксида и помирают. После второго его чуть не вывернуло, но организм уже начинал приходить в себя от первого шока и смекнул, что наконец добрался до того, о чем так долго мечтал, и теперь отвечал Харри довольным урчанием. Настоящая музыка души! По телу растекалось тепло.

— Пьешь? — Внезапно рядом с ним материализовалась Катрина.

— Это последний стаканчик, — пообещал Харри, чувствуя, что язык во рту уменьшился и сделался мягким и послушным. Обычно выпивка только улучшала его артикуляцию. Вот почему его трудно было уличить в пьянстве. Собственно, поэтому его до сих пор не вышвырнули с работы.

— Это не последний, — ответила Катрина. — Это только начало.

— Садись, пять. — Харри взглянул на нее. Синие глазищи, тонкие ноздри, алые губы. Господи, до чего хороша. — Откуда такие познания? Вы алкоголик, Катрина Братт?

— У меня отец алкоголик.

— Хм. Так вот почему ты не захотела сходить к нему в гости, когда мы были в Бергене.

— А что, разве отказываются идти в гости только потому, что человек болен?

— Не знаю. Может, он виноват в твоем несчастном детстве или вроде того.

— Он слишком поздно возвращался домой, чтобы успеть сделать меня несчастной. Я такой родилась.

— Несчастной?

— Возможно.

Катрина пригубила свой стакан. Чистая водка, не джин, догадался он.

— А что стало причиной твоего несчастья, Харри?

И он, не успев сдержаться, не подумав, ответил:

— Взаимная любовь.

— Бедняга, — улыбнулась Катрина. — То есть ты родился с душою настолько гармоничной, что даже любовь ее нарушала?

Харри уставился на золотистую жидкость в своем стакане:

— Я стараюсь не думать об этом. Думаю о другом.

— О чем, например?

— О другом.

— А обо мне ты думаешь?

Кто-то протискивался у нее за спиной, и она шагнула ближе. Он чувствовал, как ее запах мешается с запахом «Джима Бима».

— Никогда, — ответил он, схватил стакан, сделал глоток и уставился в зеркало позади бутылок, в котором увидел Харри Холе и Катрину Братт, стоящих совсем рядом.

Катрина подалась вперед:

— Ты лжешь, Харри.

Он взглянул ей в глаза. Они отсвечивали желтым, как у волка, ноздри ее расширились, она часто дышала. Ага, в водку добавляет лайм.

— Ну-ка расскажи мне немедленно и подробно, Харри, чем бы ты хотел сейчас заняться. — Голос ее был тверд как сталь. — Говори все без утайки. И не лги на этот раз.

Он вспомнил о слухах про странные склонности Катрины и ее муженька, о которых рассказывал Эспен Лепсвик. Впрочем, не стоит кривить душой: вспоминать не понадобилось. Все это так и лежало в самом дальнем уголке его мозга. Он вздохнул:

— О'кей, Катрина. Я простой человек, и запросы у меня простые.

Она откинула голову — так делают некоторые животные, чтобы показать превосходство. Он поднял стакан:

— Желание у меня одно — выпить.

И тут кто-то, пробиравшийся за спиной Катрины вдоль бара, так сильно толкнул ее, что она повалилась на Харри. Харри удержал ее от падения, ухватив свободной рукой. Ее лицо перекосилось от боли.

— Прости, — сказал он. — Больно?

Она отпрянула:

— Ничего страшного. Извини.

Повернулась к Харри спиной и начала протискиваться к туалету. Он заметил, что несколько парней смотрят ей вслед. Харри обвел глазами бар. Он больше не мог тут находиться. Есть на свете и другие места, где они с «Джимом Бимом» отлично сумеют побеседовать. Он заплатил и собрался уходить. В его стакане по-прежнему болталась пара глотков вискаря. Лепсвик и команда наверняка смотрят на него с другого конца бара. Его хваленое самообладание — одни разговоры. Он не мог сдвинуться с места, казалось, ноги приклеены к полу у стойки. Харри взял стакан и осушил его одним махом.

На улице морозный воздух прошелся холодком по его горящей коже. Он готов был расцеловать этот город.

Дома он попытался помастурбировать над кухонной мойкой, но в результате только проблевался. Наверху, на колонке висел календарь. Ракель подарила на Рождество два года назад. Там были фотографии всех троих. По одному снимку пришлось на каждый месяц того года, что они были вместе. Ноябрь. Ракель и Олег улыбались ему на фоне листопада и бледного голубого неба. Такого же голубого, как платье, которое было на

Ракели, — то, в мелкий белый цветочек. Оно было на ней в самый первый раз. И тут он пообещал себе, что сегодня ночью ему приснится это небо. Харри поднял сиденье кухонного диванчика, пошуровал в куче пустых бутылок из-под колы, и там — на самом дне — была она, непочатая бутылка «Джима Бима». Было у Харри такое обыкновение — держать в доме алкоголь даже в самые трезвые моменты жизни. Потому что он знал, на какие подвиги готов, чтобы добыть выпивку, если уж пошел вразнос. Словно чтобы оттянуть неизбежное, Харри провел рукой по этикетке. Потом открыл бутылку. Сколько ему нужно? На шприце, зажатом в руке мертвого Ветлесена, остались следы, показывавшие, что тот был полон. Красные отметины. Красные, как кошениль. Кошениль, любимая моя.

Он задержал дыхание и поднял бутылку. Приложил к губам, почувствовал, как напряглось все тело в ожидании первого глотка, и начал пить. Методично и отчаянно, будто желая поскорей с этим покончить. Звук, вырывавшийся из горла между глотками, был похож на рыдания.

Глава 17
День четырнадцатый. Хорошие новости

В понедельник утром Гуннар Хаген быстрыми шагами шел по коридору. Со времени раскрытия дела Снеговика прошло четыре дня. Приятнейшие четыре дня, ничего не скажешь: было много поздравлений, начальственных улыбок, положительных откликов прессы, в том числе, кстати, и иностранной — в управление звонили из-за границы и просили прислать историю расследования от начала и до конца. Вот тут-то и начинались проблемы: единственный человек, который мог предоставить все детали истории их ошеломительного успеха, отсутствовал. На протяжении этих самых четырех дней о Харри Холе никто ничего не слышал. Причина была яснее ясного. Коллеги видели, как он пил в баре «Фенрис». Сам Хаген об этом не распространялся, но слухи все же поползли и достигли ушей начальника Полицейского управления Осло. И сегодня утром Хаген был вызван на ковер.

— Гуннар, так дальше продолжаться не может.

Гуннар Хаген пустился в объяснения: и раньше бывало так, говорил он, что Харри надолго исчезал, работая не у себя в кабинете; что к делу Снеговика отнесли еще несколько побочных расследований — ими, вполне возможно, Харри и занимается…

Но начальник полиции был настроен решительно:

— Нет, Гуннар, чаша моего терпения переполнилась.

— Он лучший следователь управления, — оправдывался Гуннар.

— И худший его представитель. Ты хочешь, чтобы такой пример находился перед глазами наших молодых следователей, Гуннар? Он алкоголик. Все знают, что он напился в «Фенрисе» и после этого на работе не появлялся. Если мы с этим примиримся, значит, понизим планку требований до непоправимо низкого уровня.

— Но огласка! Мы же не можем…

— Ресурс предупреждений мы исчерпали. Правила, касающиеся пребывания на официальной службе человека с алкогольной зависимостью, совершенно четкие.

Этот разговор все еще звучал в ушах Хагена, когда он снова стоял у кабинета начальника

управления и стучал в дверь.

— Он на месте, — сказал Хаген, заглядывая в кабинет шефа.

— Кто?

— Харри Холе. Мне позвонила Ли. Она видела, как он заходил к себе в кабинет.

— Ах вот как! — отозвался начальник, вставая с места. — Давай-ка тогда сразу пойдем и поговорим с ним.

Они прошагали через коридор красной секции отдела убийств на шестом этаже Полицейского управления. А народ — поскольку всем было известно, что сейчас произойдет, — высунул головы из своих кабинетиков и смотрел вслед двум суровым дядькам, что шли плечом к плечу.

Подойдя к двери кабинета номер шестьсот шестнадцать, оба остановились, и Хаген набрал воздуха в легкие.

— Шеф… — начал он, но тот уже взялся за ручку и рванул на себя дверь.

Они стояли в дверном проеме и смотрели, не веря своим глазам.

— Боже милосердный! — прошептал начальник полиции.

За столом сидел Харри Холе в футболке, с резиновым жгутом на бицепсе. Из вены прямо под

жгутом торчал шприц. Содержимое его было прозрачным, а на молочно-белой руке Харри они даже от двери увидели несколько красных точек от уколов.

— Ты, твою мать, чем тут занимаешься, парень? — просипел начальник управления, втолкнул Хагена в кабинет и закрыл дверь.

Харри поднял голову и посмотрел на них отсутствующим взглядом. Потом вытащил шприц, посмотрел, сколько жидкости там осталось, отбросил его в сторону и что-то пометил на листе бумаги.

— Что ж, это, пожалуй, даже к лучшему, Холе, — угрожающе произнес начальник управления, — потому что у нас плохие новости.

— Это у меня плохие новости, господа, — ответил Харри, оторвал клочок ваты из лежащей рядом упаковки и приложил к руке. — Идар Ветлесен не мог самостоятельно лишить себя жизни. А это означает… впрочем, вы сами понимаете, что это означает.

Гуннар Хаген еле сдержался, чтобы не расплыться в улыбке. Вся ситуация выглядела настолько абсурдной, что мозг просто-напросто не сумел по-другому отреагировать. По лицу шефа он видел, что тот тоже не знает, как поступить.

Харри посмотрел на часы и встал:

— Встречаемся примерно через час, тогда всё узнаете, а пока мне надо заняться еще кое-чем. — И старший инспектор, оставив двух онемевших от удивления начальников, открыл дверь и удалился широкими победоносными шагами.

Один час и четыре минуты спустя Гуннар Хаген, начальник отдела убийств, начальник Полицейского управления Осло и Турлейф, начальник Главного управления полиции Норвегии, вошли в кабинет № 1, полный притихшего как мыши народа. Собрались все члены групп и Лепсвика, и Холе, но слышался только голос Харри. Начальство встало позади всех и уставилось на экран проектора, на котором менялись снимки тела Идара Ветлесена, сделанные в кёрлинг-клубе.

— Как видите, — говорил Харри, — шприц находится у Ветлесена в правой руке. Ничего необычного, поскольку он был правша. Но! Я обратил внимание на его ботинки. Смотрите.

Новый снимок — ботинки крупным планом.

— Эти ботинки — наша единственная улика, но ее достаточно, потому что именно их отпечатки мы нашли на месте преступления в Соллихёгде. А теперь — внимание на шнурки. — Холе ткнул указкой. — Я вчера экспериментировал на

собственных ботинках. Так вот, чтобы узел располагался именно так, я должен быть левшой или ботинки мне должен зашнуровать кто-то другой.

По кабинету прокатился неясный гул голосов.

— Я правша, — раздался голос Эспена Лепсвика, — а шнурки завязываю именно так.

— Что ж, может, ты и прав и это ерунда. Но это заставило меня… — Харри помолчал, подбирая слово, и закончил: — Насторожиться. И тогда возник новый вопрос. Действительно ли это ботинки Идара Ветлесена? Ботинки дешевой марки. Вчера я был у матери Ветлесена и попросил показать его обувь; вся без исключения — дорогая. К тому же мне известно, что он, как и многие из нас, не завязывал шнурки узлом. Вот поэтому-то я и уверен, — еще раз ткнул указкой Харри, — что Идар Ветлесен не сам завязал себе шнурки.

Хаген покосился на начальника управления: у того на лбу залегла глубокая складка.

— Отсюда вытекает следующий вопрос, — продолжал Харри. — А не надел ли на Ветлесена эти ботинки кто-то другой? Ту самую пару, которая была на преступнике в Соллихёгде. Мотив понятен — заставить нас поверить, что Ветлесен и есть Снеговик.

— Шнурки?! Дешевые ботинки?! — воскликнул

инспектор из группы Лепсвика. — У нас псих, который снимает детей-проституток, который оставил следы на месте преступления и знал обеих жертв, живших в Осло. А то, что ты тут нам наплел, — лишь фантазии.

Харри повернул к нему коротко стриженную голову:

— Не спорю. Но вот сейчас я подхожу к веским фактам. Идар Ветлесен покончил с собой с помощью внутривенной инъекции карнадриоксида. Согласно результатам вскрытия, уровень карнадриоксида в организме чрезвычайно высок, то есть Ветлесен должен был вколоть себе как минимум двадцать миллилитров. Это сходится с результатами осмотра шприца: тот был почти полон. Карнадриоксид, как теперь нам всем известно, вызывает паралич, и даже маленькие его дозы смертельны, поскольку при попадании лекарства в кровь немедленно отказывают сердце и органы дыхания. По данным наших медицинских экспертов, смерть наступает спустя три секунды после инъекции. Нестыковочка получается!

Харри помахал в воздухе листом с пометками, тем самым, что Хаген в процессе визита в шестьсот шестнадцатый кабинет заметил на столе.

— Я проверил на себе: взял того же объема

шприц с такой же тонкой иглой, заметил время и начал вводить в вену физраствор. По консистенции он не отличается от карнадриоксида: в обеих жидкостях девяносто пять процентов воды. Так вот: независимо от того, с какой силой нажимаешь на поршень, вогнать в вену двадцать миллилитров удается не меньше чем за восемь секунд — из-за маленького диаметра иглы. Значит… — Холе помолчал, чтобы неизбежный вывод самостоятельно сформировался в головах его слушателей, а потом продолжил: — Ветлесен отрубился бы уже после первой трети своих двадцати миллилитров. Короче, он никак не мог сделать себе эту инъекцию. Ему помогли.

Хаген сглотнул. День, похоже, будет еще хреновее, чем он предполагал.

Когда совещание закончилось, начальник Полицейского управления повернулся к Хагену:

— Попроси Холе и его группу немедленно зайти ко мне в кабинет. А на Лепсвика и его людей надень намордник. Ни одно слово, которое здесь произнесено, не должно стать достоянием… общественности. Ясно?

Еще бы не ясно! Через пять минут Хаген и члены команды Харри сидели в огромном неуютном кабинете начальника.

Катрина Братт вошла последней и закрыла за собой дверь. Харри развалился на стуле, и его вытянутые ноги оказались почти под столом начальника.

— Буду краток. — Начальник Полицейского управления провел рукой по лицу, будто хотел стереть то, что ему нужно было произнести: следственная группа вновь оказалась в самом начале расследования. — Есть у вас хорошие новости, Холе? Чтобы, так сказать, подсластить тот горький факт, что мы во время вашего таинственного отсутствия выложили прессе, будто Снеговик в результате нашей неустанной работы оказался мертв.

— Ну, мы ведь можем заявить, что Идар Ветлесен узнал что-то, что ему знать не полагалось, и когда убийца понял, что мы вышли на след Ветлесена, он решил спутать нам карты. В этом смысле Ветлесен действительно погиб в результате нашей неустанной работы.

У начальника Полицейского управления яркими розами заалели щеки.

— Я не это имел в виду под «хорошими новостями», Холе.

— Хорошая новость, что теперь уже пора кричать «горячо!». Будь это не так, Снеговик не стал

бы подставлять нам Ветлесена вместо себя. Он хотел, чтобы мы закрыли дело и прекратили расследование. Короче: мы поджарили ему пятки. А в этих случаях убийцы вроде Снеговика начинают делать ошибки. К тому же он, вероятно, теперь не осмелится продолжать резню.

Начальник Полицейского управления в задумчивости пожевал губами:

— Вы пришли к такому выводу, Холе? Или делитесь с нами своими надеждами?

— Ну, — ответил Харри, почесывая колено сквозь дырку в джинсах, — вы же сами просили хороших новостей, шеф.

Хаген застонал и отвернулся к окну. Набегали тучи. Сегодня обещали снег.

Филип Беккер с высоты своего роста посмотрел на Юнаса, который сидел на полу в гостиной и не отрывал глаз от телеэкрана. С тех пор как Бирта исчезла, парень каждый день после обеда сидит тут часами. Как будто телевизор — окно в другой, лучший мир, где, если очень постараться, он сможет ее найти.

— Юнас.

Мальчик послушно, но без всякого интереса посмотрел на него. Однако его личико застыло от страха, когда он увидел нож.

— Ты что, будешь меня резать? — спросил мальчик.

Выражение лица и голосок были такими смешными, что Филип Беккер еле удержался от улыбки:

— Только чуть-чуть, Юнас. Только чуть-чуть.

Глава 18
День пятнадцатый. Вид из окна

В два часа Камилла Лоссиус возвращалась на машине домой после тренировки. Сегодня она, как обычно, проехала через весь город, к западной окраине, где находился фитнес-центр «Колизей». И не потому, что в спортклубе, находившемся ближе к их дому в районе Твейта, были другие тренажеры. А потому, что в «Колизее» были другие люди. Жители западного Осло. Переезд в Твейту был одним из пунктов их с Эриком брачного договора, и ей пришлось решать. Она повернула на их улицу. Увидела свет в окнах у соседей, с которыми всегда здоровалась и никогда не общалась. Эти люди — из жизни Эрика, к ней они не имеют ровно никакого отношения. Камилла притормозила. Гаражи на две машины здесь есть возле каждого дома, но только у них — с дистанционным управлением. Эрик обожает такие штучки, а ей самой наплевать. Камилла нажала на кнопку, ворота открылись, она газанула и заехала внутрь. Конечно, машины Эрика еще нет, он на работе. Она обернулась к пасса-

жирскому сиденью, чтобы захватить сумку со спортивным костюмом и пакеты с продуктами из супермаркета «ИСА», привычно бросила на себя взгляд в зеркало заднего вида. Подруги говорили, что она отлично выглядит. Тебе еще нет тридцати, а уже и вилла, и машина, и дача недалеко от Ниццы, говорили они. И не без ехидства спрашивали: каково это — жить в восточной части города, в этих рабочих кварталах? И как теперь, после распродажи имущества, чувствуют себя ее родители? Удивительно, как это у них в мозгу автоматически совмещались эти два вопроса.

Камилла смотрела в зеркало. Подруги правы, она выглядит потрясающе. Ей вдруг показалось: что-то мелькнуло позади машины… да нет, наверное, это просто электроворота закрылись автоматически. Она вылезла из машины и стала шарить по карманам в поисках ключей от дома, но тут вспомнила, что мобильный так и остался в держателе на панели.

Камилла обернулась к дверце. Позади нее стоял мужчина. Она испуганно вскрикнула и прикрыла рот рукой. Хотела было даже извиниться, хотя за что? Выглядел он совсем неопасно, но в этот момент она увидела у него в руке пистолет. Первая мысль была — пистолет игрушечный.

— Меня зовут Филип Беккер, — сказал он. — Я звонил, но дома никого не оказалось.

— Что вы хотите? — спросила она, пытаясь сдержать дрожь в голосе, потому что инстинкт подсказывал ей, что она не должна показывать страх. — Зачем вы тут?

— Из-за распутства, — улыбнулся он.

Харри молча смотрел на Хагена. Тот прервал совещание следственной группы, чтобы донести до народа ценные указания, полученные от начальника управления: ни одно слово, относящееся к «теории» убийства Ветлесена, не должно прозвучать нигде: ни дома, ни… Тут Хаген поймал взгляд Харри.

— Мда. Словом, вы поняли… — неуверенно закончил Хаген и покинул кабинет.

— Продолжай, — обратился Харри к Хольму, который как раз делал сообщение о следах, найденных на месте преступления в кёрлинг-клубе. Точнее — о ненайденных.

— Мы тогда, как приехали, шибко уцепилися за самоубийство, а потому никаких следов толком не сняли, ну а теперь все там, ясное дело, загадили, как обычно. Я ездил, смотрел вчера и много, боюсь, не насмотрел.

Харри хмыкнул и попросил следующего:

— Катрина?

Катрина глянула в свои записи:

— Так. Ты предположил, что Ветлесен и убийца встретились в кёрлинг-клубе, а насчет этой встречи договорились заранее. Скорее всего — по телефону. Ты велел мне проверить список телефонных разговоров Ветлесена.

— Ага, — поддакнул Харри, подавив зевок.

Она перелистнула страницы блокнота:

— В телефонной компании мне дали распечатки входящих и исходящих мобильного и рабочего телефонов Ветлесена. Я отвезла их домой к Боргхильд.

— Домой? — переспросил Харри.

— Разумеется. Она же теперь безработная. Боргхильд сказала, что в последние два дня Идар Ветлесен с пациентами не встречался. Вот список пациентов. — Катрина вытащила из папки лист бумаги и положила на стол. — Как я поняла, Боргхильд известны все, с кем контактировал шеф: и деловые знакомые, и друзья-приятели. Она помогла мне идентифицировать практически каждого, кто значится в распечатке. Мы разбили их на две категории: вот его разговоры по работе, а это — со знакомыми. И тут и там указаны номера телефонов, время и дата разговора, входящий

или исходящий был звонок и его длительность.

Трое остальных склонили головы над списками. Рука Катрины легла рядом с рукой Харри. Он не увидел на ее лице ни тени смущения. Может быть, их разговор в баре «Фенрис» ему приснился? Может. Только вот когда Харри напивался, сны ему не снились вообще. В этом, собственно, и состоял смысл запоя. Он проснулся таким же пьяным, каким был накануне, а в голове присутствовала лишь одна мысль, которая, видимо, родилась между методичным опорожнением бутылок виски и бесцельными пробуждениями. Именно эта мысль и сорвала его с маршрута «дом — винный магазин на Тересес-гате» и бросила опять в самую гущу работы. Клин клином.

— Чей это номер? — спросил Харри.

— Какой? — наклонилась вперед Катрина.

Харри ткнул пальцем в список знакомых.

— А почему ты интересуешься именно этим номером? — Катрина с любопытством взглянула на него.

— Потому что это знакомый, который позвонил Ветлесену, а не наоборот. Мы же считаем, что наш убийца тут всем заправлял, значит, логично предположить, что он сам звонил Ветлесену.

Катрина просмотрела распечатки:

— Этот номер значится и в списке пациентов.

— Кто это? Женщина или мужчина?

— О, это без сомнения мужчина.

— Что ты имеешь в виду?

— Мужчина, да еще какой. Мачо. Арве Стёп.

— Арве Стёп? — удивился Хольм. — Тот самый?

— Он — первый, с кем нам нужно побеседовать, — сказал Харри.

Вскоре они знали имена семерых собеседников Ветлесена в день убийства. Не удалось установить лишь одного: звонок был сделан утром с телефона-автомата в «Стуру-центре».

— У нас есть точное время звонка, — подытожил Харри. — Интересно, есть ли рядом с автоматом камера слежения?

— Не думаю, — ответил Скарре. — Но я точно знаю, что камеры стоят над всеми входами-выходами. Могу поехать в тамошнюю охрану и проверить.

— Смотри на лица всех, кто входил-выходил во время звонка плюс-минус полчаса.

— Тяжеленько придется, — наморщил лоб Скарре.

— Угадай, кого ты должен будешь попросить о помощи? — усмехнулся Харри.

— Беату Лённ, — подсказал Хольм.

— Молодец!

Хольм кивнул, а Харри ощутил укол совести.

Мобильный Скарре заиграл «There She Goes», он схватил трубку и нажал кнопку ответа:

— Розыск пропавших.

Пока он разговаривал, Харри думал, что давно не звонил Беате и не заходил к ней. В последний раз был у нее летом, сразу после родов. Знал, что она не винит его в смерти Халворсена: тот погиб при исполнении служебных обязанностей, но все равно Харри было больно смотреть на ребенка Халворсена, которого тот так и не увидел, и в глубине души сознавать, что Беата ошибается. Он мог, он должен был спасти Халворсена.

Скарре закончил разговор и сообщил:

— Поступило заявление о пропавшей без вести женщине. Район Твейты. Заявитель — муж. Пропавшая — Камилла Лоссиус, двадцать один год, замужем, детей нет. Прошло всего несколько часов, как ее хватились, но вот что интересно: в кухне лежит неразобранный пакет с продуктами, а мобильный оставлен в машине. По словам мужа, с мобильным она никогда не расстается. А один из соседей показал, что видел, как какой-то мужик бродил вокруг их гаража, вроде как ждал кого-то. Муж говорит, что ничего из ее вещей

не пропало: ни туалетные принадлежности, ни дорожные сумки. Но семейка еще та: у них дом под Ниццей и вообще столько добра, что пропади чего — они и не заметят.

— Хм. Что скажете? — обратился Харри к группе.

— Что она появится. А нам сообщат, где и когда.

— О'кей. Тогда продолжим.

До конца совещания к заявлению о пропавшей женщине больше не возвращались, но Харри чувствовал, что напряжение сгустилось, как перед надвигающейся грозой. А может, все-таки обойдет стороной? Покончив со списком людей, с которыми нужно будет побеседовать, люди Харри покинули его кабинет.

Харри подошел к окну, посмотрел вниз, на парк. С каждым днем темнело все раньше. Он вспомнил, как отреагировала мать Идара Ветлесена, когда он пришел к ней и рассказал, что по вечерам ее сын оказывал бесплатную медицинскую помощь африканским проституткам. С нее впервые слетела маска светского спокойствия, но на лице появилась не скорбь, а ярость, и она закричала: «Нет, это неправда! Мой сын не стал бы даже сидеть рядом с черными шлюхами!» Навер-

ное, не стоило ей рассказывать. Харри вспомнил и о том, как сказал начальнику Полицейского управления, что резня пока прекратится. В темноте Харри мог разглядеть только ту часть парка, что была прямо под его окном. Здесь обычно гуляли ребятишки из детского садика со своими воспитательницами. Он вспомнил этих шумливых детей, когда пришел утром в кабинет и увидел его — большого грязно-белого снеговика.

Над помещением редакции газеты «Либерал», что на Акер-Брюгге, на последнем этаже здания находились самые дорогостоящие столичные квадратные метры — с видом на Осло-фьорд, замок Акерсхус и Несоддтанген. Они принадлежали главному редактору и владельцу «Либерала» Арве Стёпу, или просто Арве, как было написано на двери, перед которой топтался Харри. Лестничная клетка была отделана в сугубо функциональном и минималистском стиле, но вот по сторонам двери стояли две раскрашенные вручную вазы. И Харри дал себе труд подумать, какова будет выгода, если спереть одну из них.

Он еще раз позвонил в дверь и тут услышал голоса, доносящиеся из квартиры. Один — высокий, щебечущий, второй — низкий, спокойный. Дверь приоткрылась, из нее выскользнул жен-

ский смех. На его обладательнице была меховая шапочка — Харри тотчас подумал, что мех наверняка искусственный, — из-под которой струились длинные светлые волосы.

— Здрасте, — небрежно бросила она, потом узнала его и повторила с уже гораздо большим энтузиазмом: — О! Здрасте!

— Привет, — отозвался Харри.

— Как делишки? — спросила она, и Харри понял, что она не забыла их последний разговор. Тот самый, который закончился метанием трубки в стену гостиницы «Леон».

— Так вы знакомы с Удой?

Арве Стёп стоял в прихожей, скрестив руки на груди. Он был босиком, в футболке с почти незаметной вышивкой «Луи Виттон» и льняных зеленых брюках, которые на другом мужчине казались бы женскими. Но Арве Стёп был почти такой же высоченный и широкоплечий, как и сам Харри, а за такое лицо, как у него, удавился бы от зависти любой американский кандидат в президенты: решительный подбородок, мальчишески быстрый взгляд синих глаз, окруженных улыбчивыми морщинками, и густые седые волосы.

— Встречались, — сказал Харри. — Я принимал как-то раз участие в их ток-шоу.

— Ну, я побежала.

Уда послала им обоим воздушный поцелуй и ускакала. Ее каблучки застучали по лестнице с такой скоростью, как будто она спешила спасти чью-то жизнь.

— Мы тоже договаривались об участии в этом их чертовом ток-шоу, — заметил Стёп, пожимая Харри руку. — Мой эксгибиционизм, боюсь, вырос уже до неприличных размеров. Я даже не спросил ее о теме ток-шоу, просто согласился, и все. Уда только за этим и приходила. Ну да вы там были, так что знаете, как они работают.

— Мне они просто звонят, — сообщил Харри, все еще чувствуя тепло руки Арве Стёпа на своей ладони.

— По телефону вы кажетесь чрезвычайно серьезным, Холе. Так чем вам может помочь прожженный журналист?

— Речь о вашем враче и партнере по кёрлингу Идаре Ветлесене.

— Ах, Ветлесен! Разумеется. Проходите, пожалуйста.

Харри стянул ботинки и зашагал за Стёпом по коридору в гостиную, которая находилась на две ступеньки ниже остальной квартиры. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, откуда

Идар Ветлесен черпал вдохновение при создании дизайна своей приемной. Луна за окном отражалась во фьорде.

— Значит, вы теперь занимаетесь расследованием априори? — спросил Стёп, садясь на изысканно простой формы стул.

— Простите? — произнес Харри, опускаясь на диван.

— Вы обдумываете произошедшее и раскручиваете следствие в обратном направлении, чтобы выявить точную последовательность событий.

— Разве «априори» означает именно это?

— Да черт его знает, мне просто нравится, как звучат латинские слова.

— Хм. А что вы думаете о наших выводах? Вы верите, что Ветлесен убийца?

— Я? — улыбнулся Стёп. — Я вообще ни во что не верю. Такая уж у меня профессия. Как только я получаю какую-то информацию, доказательства, я немедленно пытаюсь найти контраргументы. Это и есть либерализм.

— А в данном конкретном случае?

— Мне не кажется, что у Ветлесена имелся какой-то рациональный мотив. И ненормальным в общепринятом смысле слова он не был.

— Значит, вы не верите?

— Протестовать против того, что Земля круглая, — совсем не то же самое, что верить в то, что она плоская. Не хотите выпить? Или, может, кофе?

— Кофе, спасибо.

— Я вас обманул, — улыбнулся Стёп, — у меня только вода и вино. Впрочем, есть еще сидр. Аббедингский. И вы его попробуете — хотите или нет. — И он исчез в кухне, а Харри встал и осмотрелся вокруг.

— Замечательная у вас квартира, Стёп.

— На самом деле это три квартиры. Одна принадлежала известному гонщику. Он повесился от скуки как раз над тем местом, где вы сейчас сидите. Другая — где сейчас стою я — принадлежала биржевому маклеру, но его посадили за инсайдерские дела. Он сел, продал мне квартиру, а деньги отдал какому-то проповеднику. Между прочим, это тоже своего рода инсайдерская сделка, если вы понимаете, о чем я говорю. Я слышал, теперь он совершенно счастлив.

Стёп вернулся в комнату с двумя бокалами светло-желтой жидкости. Он протянул один Харри.

— Третью квартиру купил некий водопроводчик, который однажды решил, что Акер-Брюгге как раз для того и построили, чтобы он тут жил.

Видимо, когда-то побывал здесь с классом на экскурсии, я так думаю. После десяти лет непосильной работы — наверняка и шабашил, и драл с клиентов три шкуры — и жесточайшей экономии он таки эту квартиру купил. Но стоила она столько, что на грузчиков у него денег не осталось, так что вещи он перевозил сам с помощью двух-трех приятелей. А у него был четырехсоткилограммовый сейф, не иначе как для хранения левых заработков. Ну и когда они уже несли его по последнему лестничному пролету, сейф упал, причем как раз на водопроводчика. Перелом позвоночника — беднягу парализовало. Теперь живет в доме инвалидов и довольствуется видом на Балтийское море. — Стёп встал у окна и, задумчиво потягивая сидр, стал смотреть на фьорд. — Это, конечно, не открытый океан, но все же вид приличный.

— Хм. Вернемся к вашим рассуждениям об Идаре Ветлесене.

Стёп отвернулся от окна и с деланым удивлением переспросил:

— «Рассуждениям»? Это чертовски сильное словечко. Он был моим врачом. Иногда мы вместе играли в кёрлинг. В компании с другими людьми. А в кёрлинг-клубе все занимаются только одним:

возятся с камнями и натирают лед специальной щеткой. — Стёп развел руками. — Да-да, я знаю, что он мертв, но это так.

Харри не притронулся к сидру и отставил стакан.

— О чем вы с ним беседовали?

— О моем организме. Он же был моим врачом, черт возьми!

— И вы, наверное, хотели внести в ваш организм кое-какие исправления?

Арве Стёп сердечно улыбнулся:

— Вот как раз в этом у меня никогда не было ни малейшей надобности. Я знаю, что Идар занимался всякими там пластическими штучками: отсасывал жир и все такое. Сам я предпочитаю любому косметическому ремонту хорошую профилактику. Я занимаюсь спортом, старший инспектор. Вам что, сидр не понравился?

— В нем есть алкоголь, — ответил Харри.

— Да? — Стёп внимательно посмотрел на свой стакан. — Никогда бы не подумал.

— Так о каких частях вашего организма вы говорили с Ветлесеном?

— О локте. Я занимался теннисом и нажил привычную травму. При игре в кёрлинг локоть меня беспокоил, а этот идиот прописал мне обезболи-

вающие таблетки, потому что они помогают и от воспаления тоже. Поэтому я каждый раз перегружал мускулатуру. В принципе мне, конечно, не стоило бы затрагивать тему о том, как врачи подсаживают нас на вызывающие зависимость медикаменты, раз уж мы разговариваем о докторе, который ныне отошел в мир иной. Но нельзя же чуть что прописывать обезболивающее! Боль сама по себе — хорошая штука, за нее надо сказать природе спасибо. Благодаря ей мы и выживаем.

— Вы так думаете?

Стёп постучал пальцем по стеклу, такому толстому, что с улицы не проникало ни звука.

— Нет, что ни говорите, а вид на океан — совсем другое дело, а, Холе?

— У меня вообще никакого вида нет.

— Сочувствую. Зато здесь потрясающий обзор города.

— Кстати, об обзоре. Телефонная компания предоставила нам обзор всех разговоров Ветлесена, которые он вел в последние дни. О чем вы с ним говорили за день до того, как его убили?

Стёп, не спуская с Харри вопросительного взгляда, запрокинул голову и осушил бокал с сидром. Потом спокойно и глубоко вздохнул:

— Я уже и забыл, что мы с ним вообще разгова-

ривали. Но думаю, речь шла о локте.

Однажды Валенок сказал, что игрок в покер, который всю стратегию игры строит на интуиции и попытке раскрыть блеф противника, — потенциальный лузер. Конечно, любого из нас, когда мы лжем, может выдать голос или, допустим, жесты. Но раскрыть блеф опытного игрока практически невозможно без долгого и скрупулезного изучения всех его повадок, — так сказал Валенок. И Харри был склонен с ним согласиться. И все же почувствовал, что Стёп врет.

— Где вы были между четырьмя и восемью часами в день смерти Ветлесена?

— Ох ты господи! — Стёп поднял бровь. — Неужели в этом деле есть что-то, о чем я и мои читатели непременно должны знать? — Стёп помолчал, но вдруг его лицо озарилось мальчишеской улыбкой. — Подождите… Вы намекаете, что я имею какое-то отношение к смерти Идара? Если я отвечу на ваш вопрос, я признаю, что нуждаюсь в алиби, а значит, рыльце у меня в пушку!

— Вы, как мне кажется, отвечать не собираетесь.

Стёп приветственно поднял бокал:

— Отличный выпад, Холе. Мы, пресса, пользуемся этим приемом каждый день. Заметьте,

я вовсе не отказываюсь отвечать, я просто не хочу делать это немедленно. Это значит, что мне нужно подумать.

Стёп вернулся к окну, кивая сам себе:

— Я не отказываюсь, просто хочу обдумать ответ. И вам придется изрядно подождать.

— У меня полно времени.

Стёп обернулся:

— Я не стану им злоупотреблять, Холе. Полагаю, вы понимаете, что я как журналист обязан обнародовать всю эту историю.

— Обнародовать?

— Холе, мать вашу, я что, по-вашему, не понимаю, что вы пришли ко мне с бомбой в кармане? А ведь ни в одно издание до сих пор не просочилось ни крупицы сведений о том, что со смертью Ветлесена не все так уж ясно. И если я сейчас дам вам ответ, который убедит вас в моей полнейшей непричастности, то вы повернетесь и уйдете, не кинув мне даже самой маленькой информационной косточки. Я прав, Холе?

Харри понял, чем все это пахнет. Да, Стёп оказался гораздо умнее, чем он думал.

— Вы не о той информации говорите, — сделал он ответный ход. — Информация, которая вам сейчас пригодилась бы, касается ответственно-

сти за отказ от сотрудничества со следствием.

— Туше! — обрадовался Стёп. — Но как журналист и либерал я предпочитаю занять вполне определенную позицию. Я — цепной пес, охраняющий свободу от враждебной ей системы. Неужели я могу смиренно поддаться давлению представителей власти, не выдвигая никаких условий?

— И что же это за условия?

— Эксклюзивная информация о деле, естественно.

— Я обещаю вам эксклюзивную информацию, — немедленно ответил Харри, — вместе с подпиской о неразглашении. Ни одной живой душе.

— Нет-нет, эдак мы никуда не продвинемся. Жаль. — Стёп засунул руки в карманы. — Ну что ж, у меня хотя бы появились основания порассуждать, того ли человека выбрала полиция в злодеи.

— Я вас предупредил.

— Спасибо, — вздохнул Стёп. — А вы подумайте, Холе. В субботу наша газета будет праздновать юбилей. В «Плазе». Шестьсот гостей будут отмечать двадцатипятилетие «Либерала». Неплохо для газеты, которая всю жизнь расширяла гра-

ницы свободы слова и каждый день лавировала в грязных водах нашей юриспруденции. И за двадцать пять лет, Холе, мы еще не проиграли в суде ни одного дела. Я обговорю все с нашим адвокатом, Юханом Кроном. По-моему, вы с ним знакомы?

Харри печально кивнул. Стёп сделал еле заметный жест в сторону двери, показывая, что он считает беседу законченной.

— Обещаю помочь всем, чем могу, — сказал он в прихожей, — но и вы помогите нам.

— Ну вы же сами хорошо понимаете, что такая сделка для нас невозможна.

— Вы даже не поняли, что за сделка имеется в виду, Холе, — улыбнулся Стёп и открыл дверь. — Даже не поняли. Думаю, мы скоро снова увидимся.

— Не думал, что мы так скоро увидимся, — сказал Харри в открытую дверь.

Ракель преодолела последние ступеньки на пути к его квартире.

— Нет, думал, — возразила она, бросилась к нему, втолкнула в прихожую, захлопнула ногой дверь, схватила его голову обеими руками и жадно поцеловала. — Ненавижу тебя, — проговорила она, расстегивая его ремень. — Ты ведь понима-

ешь, как раз этого мне сейчас совсем не нужно!

— Так уйди, — ответил он, расстегивая на ней пальто и блузку.

На ее брюках сбоку была молния. Харри рванул ее и заскользил рукой по спине, ниже, туда, где пальцы нащупали шелк белья. В прихожей было тихо, слышалось лишь их дыхание, шелест одежды. Цокнули каблучки, когда она оторвала ноги от пола, впуская его в себя.

Потом, когда они лежали в постели и курили одну сигарету на двоих, Ракель обвинила его в том, что он наркодилер.

— Так они и поступают: первые дозы получаешь бесплатно, — сказала она. — А потом, как подсядешь…

— …будешь платить… — Харри выпустил вверх два колечка, большое и маленькое.

— …за дорогое удовольствие, — закончила Ракель.

— Ты тут только ради секса. — Харри повернул к ней голову. — Разве не так? Так, я знаю.

Ракель погладила его по груди.

— Ты так похудел, Харри.

Он не ответил. Ждал.

— С Матиасом все не так, — наконец сказала она. — То есть у него-то все хорошо. Замечательно

даже. Это у меня что-то не так.

— Что же такое с тобой?

— Если бы я только знала! Смотрю на Матиаса, а сама думаю, что мужчина моей мечты — это ты. И думаю, что меня он возбуждает, вернее, пытаюсь, чтобы меня возбуждал именно он. Я чуть ли не нападаю на него, потому что хочу хотеть, понимаешь? Все могло бы быть так хорошо… Но у меня не получается.

— Хм. Мне, конечно, это сложно понять, но я слушаю внимательно.

Она сильно дернула его за ухо:

— Того, что мы с тобой беспрестанно хотели друг друга, недостаточно, чтобы поставить на отношениях знак качества, Харри.

Харри смотрел, как маленькое колечко дыма догнало большое и они превратились в восьмерку. Опять восьмерка, машинально отметил он.

— Тогда я стала искать объяснение, — продолжала Ракель. — Взять хотя бы этот маленький физический дефект, который Матиас унаследовал от своего отца.

— Какой?

— Не важно. Но его он слегка смущает.

— Да ладно, расскажи.

— Нет-нет, о таком никому не рассказывают.

Вначале мне даже нравилось его смущение, а теперь оно меня раздражает. Как будто я эту ерунду ставлю Матиасу в вину и оправдываю… — Она замолчала.

— …себя за то, что пришла сюда, — закончил за нее Харри.

Она крепко его обняла. Потом поднялась.

— Больше не приду, — пообещала она и ушла.

Ракель вышла из квартиры Харри. Была уже почти полночь. Мелкий бесшумный дождик, оседая на асфальт, блестел под светом фонарей. Она свернула на улицу Стенсберггата, где стояла ее машина. Села за руль и уже было завела мотор, как вдруг заметила на лобовом стекле записку, написанную от руки. Она открыла дверь, достала ее и попыталась прочитать почти смытые дождем буквы:

«Мы скоро умрем, шлюха».

Ракель сжалась, оглянулась по сторонам, но на улице не было ни души, кругом теснились пустые машины. Может, еще на какой-нибудь есть такая же записка? Присмотрелась, но ничего не увидела. Наверное, это случайность: никто не знал, что ее машина стоит тут. Она открыла окно, выкинула бумажку. Завела мотор и вырулила на дорогу.

Добравшись почти до начала Уллеволсвейен, она вдруг почувствовала, что на заднем сиденье кто-то есть. Взглянула в зеркало и увидела мальчишеское лицо. Не Олега, а чужое, незнакомое. Ракель резко затормозила, оставив черные следы шин на асфальте. Ей кто-то гневно трижды просигналил. Тяжело дыша, она еще раз посмотрела в зеркало. Там отражалось только испуганное лицо парня, что сидел за рулем машины, ехавшей позади нее. Вся дрожа, Ракель снова завела мотор.

Эли Квале как приклеенная стояла в прихожей с зажатой в руке телефонной трубкой. Даже в страшном сне ей бы не приснилось ничего подобного!

Только когда Андреас окликнул ее во второй раз, она пришла в себя.

— Кто звонил? — спросил он.

— Никто, — ответила она. — Ошиблись номером.

Когда они уже легли, она хотела прижаться к нему и не смогла. Не смогла себя заставить. Ее будто вываляли в грязи.

— Мы скоро умрем, шлюха, — произнес голос по телефону. — Мы скоро умрем, шлюха.

Глава 19
День шестнадцатый. Телевизор

Когда на следующее утро следственная группа встретилась в кабинете Харри, оказалось, что из семи вошедших в список Катрины Братт людей, которые разговаривали с Ветлесеном в день убийства, сотрудничать отказался только один.

— Арве Стёп? — хором произнесли Бьёрн Хольм и Магнус Скарре.

Катрина Братт многозначительно промолчала.

А Харри сказал:

— Я разговаривал по телефону с адвокатом Кроном. Он ясно дал понять, что Стёп не желает отвечать на вопрос относительно своего алиби. И на другие вопросы. Мы, конечно, можем его арестовать, но у него есть полное право никаких показаний не давать. Единственное, чего мы добьемся, — оповестим весь мир, что Снеговик жив и по-прежнему на свободе. Хотелось бы знать, с чего это он вдруг онемел? Комедию ломает или ему вправду есть что скрывать?

— Но звезда, суперизвестный человек — и вдруг убийца? — недоумевал Скарре. — Да быть такого

не может!

— О. Джей Симпсон[3], — выпалил в ответ Хольм. — Роберт «Беретта» Блейк[4], Фил Спектор[5], отец Марвина Гэя[6].

— Да кто таков этот Фил Спектор?!

— Давайте быстренько ваше мнение: есть Стёпу что скрывать или нет. Не думая, валяйте. Хольм!

Бьёрн Хольм почесал свои котлетообразные бакенбарды:

— Подозрительно, что он на конкретный вопрос не хочет отвечать. Видать, связан-таки со смертью Ветлесена.

— Братт?

— Мне кажется, Стёпа только забавляет, что он находится у нас под подозрением. Его газета ничего об этом деле рассказать не может, зато

---

[3] Примечания: 3

Симпсон О. Джей — известнейший игрок в американский футбол и актер. В 1994 г. обвинялся в убийстве бывшей жены и ее любовника. Оправдан.

[4] Примечания: 4

Блейк Роберт «Беретта» — американский актер, снимавшийся в сериале «Беретта». В 2002 г. был привлечен к суду за убийство жены. Оправдан.

[5] Примечания: 5

Спектор Фил — один из самых влиятельных продюсеров в истории поп-музыки. В 2009 г. 69-летний Спектор приговорен к 19 годам тюрьмы за убийство актрисы Ланы Кларксон.

[6] Примечания: 6

Американский певец, композитор и продюсер Марвин Гэй был убит

›››

своим отцом в 1984 г.

нынешняя ситуация укрепит его имидж «аутсайдера», мученика за правду.

— Точно! — подхватил Хольм. — Я поменял мнение. Он бы не стал так рисковать, кабы и впрямь был виновен. Он спит и видит оказаться в центре сенсации.

— Скарре?

— Блефует он. Это просто чушь. Любимая игра либералов в права личности и все такое.

— Ну ладно, — сказал Харри. — Допустим, вы правы и он не врет. Тогда нам надо попытаться выкинуть его из дела, причем как можно скорее, а самим двигаться дальше. Можем мы выяснить, кто находился с ним во время убийства?

— Можем, — ответила Катрина. — Я звонила одной знакомой, девчонка работает в «Либерале». Она сказала, что за пределами редакции Стёп не слишком общительный малый и время в основном проводит в квартире на Акер-Брюгге в гордом одиночестве. Если не приводит к себе женщин, конечно.

Харри посмотрел на Катрину. Она напоминала ему чрезмерно усердного студента, который вечно опережает профессора на целый семестр.

— Значит, дамочки к нему залетают стаями? — усмехнулся Скарре.

— По отзывам моей подруги, Стёп большой проказник по этой части. Как только она сама попала в его поле зрения, он дал ей понять, что, если она хочет оправдать его профессиональные ожидания как журналист, ей придется раздвинуть ноги.

— Вот сукин сын! — фыркнул Скарре.

— Да, она того же мнения, — подтвердила Катрина. — Но как бы то ни было, теперь она журналист до мозга костей.

Хольм и Харри хохотнули.

— Спроси у нее, может, она назовет парочку его подружек, — попросил Харри, вставая с места. — А потом позвони, пожалуйста, другим служащим редакции и задай тот же вопрос. Пусть чувствует, что мы дышим ему в затылок. Ну, погнали.

— А ты? — спросила Катрина, оставаясь на месте.

— Что «я»?

— Ты-то нам не рассказал, как ты считаешь: врет он или нет.

— Ну, — улыбнулся Харри, — во всяком случае, не все, что он сказал, было правдой.

Все уставились на него.

— Он сказал, что не помнит, о чем беседовал с Ветлесеном во время последнего телефонного

разговора.

— И что?

— А то! Если ты узнал, что парень, с которым ты недавно разговаривал, разыскивался как серийный убийца и к тому же покончил с собой, то разве не попытаешься немедленно вспомнить весь разговор, вертя так и эдак каждое слово, чтобы понять, мог ты раньше обо всем догадаться или нет?

Катрина медленно кивнула.

— Кроме того, — продолжал Харри, — меня интересует, почему Снеговик объявился, написав мне то странное письмо, еще до того, как я стал его искать. А теперь, когда я подошел к нему достаточно близко, он так расстроился, что попытался подложить вместо себя Ветлесена.

— Может, у него в обоих случаях был мотив, — предположила Катрина, — и он специально указал тебе на Ветлесена? Может, у него с ним были какие-то особые счеты? И он показал тебе дорогу, по которой ты должен идти?

— Или, может, — вступил Хольм, — он просто хотел эдак щелкнуть тебя по носу. Убил Ветлесена, затаился и втихаря празднует победу.

— Да бросьте! — фыркнул Скарре. — Вас послушать, так можно подумать, что между Снегови-

ком и Харри какие-то личные разборки.

Все трое молча посмотрели на него.

— А что? Что такое-то? — наморщил лоб Скарре.

Харри снял пиджак с вешалки:

— Катрина, поезжай, пожалуйста, опять к Боргхильд. Скажи, что теперь мы имеем полное право ознакомиться с медицинскими картами. Я прикрою, если надо. И потом расскажешь, что там у Арве Стёпа… Ну, все всё сказали, а то я уже пошел?

— Та женщина из Твейты, — напомнил Хольм, — Камилла Лоссиус. Ее до сих пор не нашли.

— Держи на контроле, Хольм.

— А ты куда? — спросил Скарре.

Харри улыбнулся:

— Пойду поучусь играть в покер.

Харри стоял у двери Валенка на седьмом этаже блочного дома на Фрогнерплас и чувствовал то же самое, что и много лет назад, когда во время каникул жил в Уппсале. Там, за этой дверью, — последний шанс, последний выход из положения, потому что ко всем остальным ребятам он уже звонил. Валенок, или Асбьёрн Валлнек, как его назвали при рождении, открыл и молча по-

смотрел на Харри. Он тоже знал. Как и тогда. Последний шанс.

За маленькой прихожей располагалась тридцатиметровая квартира, которую при желании можно было назвать гостиной, совмещенной с кухней, а без такового — комнатенкой с кухонькой. Какая же тут стояла вонь! Дело в том, что у Валенка жутко потели ноги. Потели и воняли. Он унаследовал эту особенность — как и прозвище — от своего отца, который был уверен, что простая деревенская обувь впитывает неприятные запахи.

Правда, у Валенковой вони был один плюс: она заглушала любые другие запахи. Горы немытой посуды, кучи окурков, пропитанные потом футболки, развешанные по спинкам стульев, — все это уже никого не трогало. Наверно, не врали, подумал Харри, что именно вонь от ног Валенка послужила причиной его грандиозного проигрыша в полуфинале чемпионата по покеру в Лас-Вегасе.

— Давненько, — буркнул Валенок.

— Да. Спасибо, что нашел время встретиться.

Валенок улыбнулся, как будто Харри отмочил шутку. А Харри, у которого не было никакого желания оставаться здесь ни на минуту сверх

необходимого, перешел к делу:

— Так почему главное в покере — увидеть, когда блефуют твои соперники?

Валенок, видимо, тоже был не прочь пропустить светские разговоры:

— Народ считает, что покер — это подсчет, ставки и теория вероятности. Но когда играешь на высоком уровне, все игроки могут делать одинаковые ставки, так что дело вовсе не в этом. Лучших из лучших отличает умение видеть остальных насквозь. Перед тем как отправиться в Вегас, я знал, что буду там играть против лучших из лучших. А как они играют, я видел по спутниковому каналу «Гемблерс». Записал их игры на видео и, когда парни блефовали, изучал каждый — даже самый незначительный — жест. Прокручивал на медленной скорости, отмечал мельчайшие детали мимики, что и как они говорили, как себя вели. И когда я это все отработал как следует, я уже мог предугадать, есть ли у любого из них на руках приличные карты или он блефует. Один почесывал себе правую ноздрю, другой гладил пальцем рубашку карт. Так что я отправился туда в полной уверенности, что смогу победить. Но к сожалению, не подумал, что у меня и самого-то куча признаков, по которым

меня можно просчитать.

От горького смеха, прозвучавшего как рыдание, все большое бесформенное тело Валенка заколыхалось.

— Выходит, когда я буду допрашивать какого-нибудь парня, ты увидишь, врет он или нет.

Валенок покачал головой:

— Все не так просто. Во-первых, мне нужно посмотреть на него на видео. Во-вторых, я должен «увидеть его карты» и понять, когда он блефует. Тогда я смогу сравнить и проанализировать, как он ведет себя, когда лжет. Ведь так настраивают детектор *лжи*, да? Сначала человек должен произнести чистую правду, назвать свое имя, например. А потом — что-то, о чем заведомо известно: это вранье. Сравнить, и тогда с определенной долей вероятности можно сказать…

— Чистую правду, значит, — перебил его Харри, — и чистую неправду. На одной кассете.

— Но, как я и говорил тебе по телефону, я ничего не гарантирую.

Харри нашел Беату Лённ в «Обители скорби» — комнате, где раньше, пока числилась в отделе ограблений, Беата проводила почти все свои рабочие часы. «Обителью скорби» называли кабинет без окон, напичканный видеомагнитофонами и

прочей техникой всех мастей, на которой просматривали записи ограблений, увеличивали снимки, идентифицировали людей по фотографиям и аудиозаписям телефонных разговоров. Но теперь Беата Лённ была начальником криминалистического отдела, частично пребывая при этом в отпуске по уходу за ребенком.

Аппаратура работала, и от сухого горячего воздуха на ее бледных, почти бесцветных щеках расцвел румянец.

— Привет, — сказал Харри, закрывая за собой тяжелую металлическую дверь.

Маленькая подвижная женщина поднялась с места, и они обнялись. Оба были слегка смущены.

— Ты похудел, — сказала она.

Харри пожал плечами и спросил:

— Как дела… и все такое?

— Малышка спит, когда положено, ест, что положено, и почти не плачет, — улыбнулась она. — Для меня сейчас это главное.

Он подумал: надо сказать что-нибудь про Халворсена, чтобы показать, что он помнит о нем. Но правильные слова не шли на ум. Беата, будто посочувствовав этим мукам слова, спросила, как его дела.

— Все в порядке, — ответил Харри и опустился в кресло на колесиках. — Не самые плохие в мире. Но вот ты спросила, и я понял, что дела-то у меня неважнецкие.

Беата повернулась к мониторам, нажала на кнопку, и люди на экране помчались спиной вперед к входу, над которым сияла огромная надпись «Стуру-центр».

— Я параноик, — стал объяснять Харри. — У меня ощущение, что я ищу человека, а на самом деле он мной манипулирует, что все перевернулось с ног на голову и он заставляет меня поступать, как ему хочется. У тебя такое бывает?

— А как же. У меня тоже есть такой человек — моя дочка. — Беата остановила перемотку. — Видал, что я нашла?

Харри подъехал на кресле поближе. Беата Лённ обладала феноменальной особенностью — стопроцентной памятью на человеческие лица, она была как живая картотека. И это был не миф.

— Я изучила фотографии всех, кто причастен к делу, — сказала она, — мужья, дети, свидетели и так далее, — и обнаружила нашего старого знакомого.

Беата перематывала пленку кадр за кадром.

— Вот он, — показала она.

Крупнозернистое черно-белое изображение дрожало, фокус расплывался.

— Где? — спросил Харри и почувствовал себя придурком, как это бывало всегда, когда они с Беатой работали над расследованием вместе.

— Вон, это тот же человек, что и на этом снимке. — И она достала из папки фотографию. — Может он быть тем человеком, который на тебя охотится, Харри?

Харри изумленно уставился на снимок. Потом медленно кивнул и вынул трубку. Катрина Братт ответила буквально через секунду.

— Надевай пальто, встретимся в гараже, — бросил Харри. — Поедем прокатимся.

Харри поехал по Ураниенборгвейен и Майорстувейен, чтобы не застрять на светофоре на Бугстадвейен.

— Она уверена, что это он? — спросила Катрина. — Качество картинки у камеры слежения такое, что…

— Если Беата Лённ говорит, что это он, значит, это он. Позвони нашим, узнай его номер телефона.

— А он у меня есть в мобильном, — сообщила Катрина и полезла за трубкой.

— Ты что, забиваешь в записную книжку но-

мера всех причастных к делу? — покосился на нее Харри.

— Ага. Отвожу им специальную группу. А потом, когда расследование закончено, уничтожаю. Попробуй. Знаешь, как приятно! Просто потрясающее ощущение, когда нажимаешь на delete. Очень так… конкретно.

Харри остановился перед желтым домом в районе Хофф.

В окнах было темно.

— Филип Беккер, — вздохнула Катрина. — Подумать только!

— Учти, мы должны с ним просто поговорить. Может, у него были какие-то вполне обычные причины позвонить Ветлесену.

— Из автомата?

Харри посмотрел на Катрину: под тонкой кожей на виске у нее билась жилка. Она взглянула на него, и он перевел глаза на окно гостиной:

— Пошли.

В тот самый момент, когда он взялся за ручку двери, зазвонил его мобильный.

— Да?

Голос в трубке звучал возбужденно, но докладывал короткими, четкими фразами. Харри два раза сказал в трубку «Хм», один раз — изумленно

— «Что?!» и один раз «Когда?».

— Позвони в центральную диспетчерскую, — приказал Харри Катрине, — попроси прислать сюда две машины, только, я прошу, без сирен. Пусть остановятся одна в начале квартала, другая — в конце. Там же паренек, не следует заставлять папашу Беккера излишне нервничать. Хорошо? — Харри наклонился к Катрине и, порывшись, достал из бардачка наручники. — Звонил Хольм. Его люди сняли отпечатки пальцев в гараже у пропавшей Лоссиус. Сопоставили с другими, которые проходят у нас по делу. — Харри вынул ключи из зажигания, наклонился и достал из-под сиденья металлический ящик. Вставил ключ в замок, открыл его и вынул черный коротконствольный «смит-вессон». — Один, с переднего крыла машины, совпал.

У Катрины перехватило дыхание, и она вопросительно кивнула на желтый дом.

— Ага, — ответил Харри. — Профессор Филип Беккер.

Глаза Катрины Братт вспыхнули, но голос оставался спокойным.

— Есть у меня ощущение, что я скоро нажму на delete.

— Может быть. — Харри проверил, все ли па-

троны на месте.

— Да, двух похитителей женщин с одним и тем же почерком быть не может. — И Катрина повертела головой, словно разминаясь перед боксерским поединком.

— И я так думаю.

— Эх, если б знать об этом, когда мы тут были в первый раз!

«Почему я, — думал Харри, — в отличие от Катрины Братт, не испытываю почти никакого возбуждения, почему не тороплюсь провести задержание? Оттого что точно знаю, что наступит потом?» А потом будет опустошающее осознание, что он опоздал. Нечто подобное, наверное, ощущает пожарный, глядя на дымящиеся руины. Да, но не в этот раз. В этот раз им владело другое чувство. Сомнение. Отпечатки пальцев и запись из «Стуру-центра» будут, разумеется, приняты в суде, но все равно улик маловато. Этот убийца банальных ошибок не допускал. Да и не мог Беккер быть тем человеком, который прилепил голову Сильвии Оттерсен на туловище снеговика и заморозил полицейского в его собственном холодильнике, который написал Харри: «Ты должен спросить себя вот о чем. Кто сделал снеговика?»

— Ну что? — спросила Катрина. — Будем брать

сами?

— Пока ждем, когда подъедут ребята. Потом позвоним.

— А если он не дома?

— Он дома.

— С чего ты…

— Посмотри на окно в гостиной. Задержи взгляд на секунду-другую.

Она посмотрела. И увидела за стеклом большого панорамного окна белое мерцание, которое он, видимо, давно заметил. Отсвет от экрана телевизора.

Они ждали молча, и на улице было тихо. Каркнула ворона — и опять тишина. И тут зазвонил телефон Харри — прибыли машины прикрытия.

Харри коротко обрисовал им ситуацию: он не желает видеть ни одного парня в форме, пока их не позовут или они не услышат выстрел или крики.

— Отключи звук в мобильнике, — посоветовала Катрина, когда он закончил разговор.

Харри улыбнулся, сделал, как она сказала, и искоса бросил взгляд на ее лицо. Он помнил, каким оно было, когда они открыли холодильник, но теперь на этом лице не отражалось ни страха, ни волнения, только сосредоточенность. Харри су-

нул телефон в карман пиджака, где он стукнулся о револьвер.

Они выбрались из машины, перешли дорогу и открыли дверь. Мокрый гравий упрямо облеплял подошвы. Харри задержал взгляд на окне в гостиной и проследил за движением тени на белом ковре.

Перед дверью Катрина посмотрела на Харри, тот кивнул. Она позвонила. Изнутри донеслось требовательное «динь-дон».

Они подождали. Ничего. Ни шагов, ни теней за стеклянной дверью. Харри приложил к ней ухо — самый простой и удивительно эффективный способ узнать, что делается внутри дома, но ничего не услышал, даже звуков телевизора. Тогда он отошел на три шага назад, взялся обеими руками за край крыши над крыльцом и подтянулся, пока не увидел через окно всю гостиную. Спиной к нему на полу перед телевизором сидел, скрестив ноги, человек в сером пальто. На шишковатом черепе черным нимбом сидели огромные наушники. От них к телевизору шел провод.

— У него наушники, он ничего не слышит, — сообщил Харри, опускаясь вниз и наблюдая, как Катрина осторожно нажимает на ручку двери.

Резиновые прокладки по периметру двери с

легким шорохом отогнулись.

— Похоже, нас ждали, — тихо сказала Катрина и вошла в дом.

Застигнутый врасплох Харри, беззвучно ругаясь, последовал за ней. Катрина была уже у двери в гостиную и открывала ее. Она стояла в проеме, пока Харри не оказался рядом. Сделала шаг в сторону, миновав небольшой пьедестал, ваза на котором угрожающе качнулась, но, к счастью, не упала.

До человека, сидевшего спиной к ним перед телевизором, оставалось не меньше шести метров.

На экране маленький мальчик неуверенно пытался сделать шаг, держась за палец улыбающейся женщины. Приставка DVD под телевизором сияла голубыми огоньками. Дежавю. Харри уже это видел и чувствовал это горе: так же тихо было в комнате, такая же любительская съемка семейного счастья, контраст между «тогда» и «теперь», трагедия, которая сыграна почти до конца и ждет лишь финала.

Катрина вытянула палец, но Харри и сам успел заметить.

Прямо за человеком, между незаконченной головоломкой и игровой приставкой «геймбой», лежал, словно обычная игрушка, пистолет. «Глок-

21», оценил Харри и почувствовал, как забурлила кровь от внезапного притока адреналина.

У них было две возможности: оставаться у двери, окликнуть Беккера и разбираться с последствиями конфликта с вооруженным человеком. Или разоружить его прежде, чем он их заметит. Харри положил руку на плечо Катрине и загородил ее собой, а сам в это время прикидывал, сколько секунд понадобится Беккеру, чтобы обернуться, схватить пистолет, прицелиться и выстрелить. Самому Харри, пожалуй, чтобы добраться до Беккера, будет достаточно четырех больших шагов. За спиной у Харри не было света, так что тени он не отбросит, а экран телевизора слишком яркий, в нем он не отразится.

Харри затаил дыхание и сделал первый шаг — как можно тише, спина перед телевизором даже не пошевелилась. Занес ногу, чтобы сделать второй, — и тут сзади раздался звон. Проклятая ваза упала! Человек резко повернулся, Харри увидел удивленное лицо Филипа Беккера.

Харри застыл, они уставились друг на друга, экран телевизора позади Беккера вдруг погас. Беккер открыл рот, как будто хотел что-то сказать. Белки глаз у него покраснели, а щеки блестели от слез.

— Пистолет! — крикнула Катрина.

Харри поймал ее отражение в экране: она стояла в дверях, широко расставив ноги, вытянув вперед руки, сжимающие револьвер.

Казалось, время замедлило ход, стало тягучей бесформенной материей, и только чувства продолжали жить в реальном времени.

Опытный полицейский, каким был Харри, должен был бы инстинктивно упасть на пол и выхватить оружие, но его остановила яркая, резкая, как стоп-кадр, картинка, пронесшаяся в глубине сознания: мертвый человек лежит на полу, сраженный пулей опытного полицейского. Опять дежавю. Еще один призрак прошлого.

Харри передвинулся вправо, перекрывая Катрине линию обстрела, и услышал за спиной щелчок хорошо смазанного оружия, звук вставшего на место курка — палец отпустил спусковой крючок.

Пистолет лежал прямо возле левой руки Беккера, на которую он опирался. Костяшки пальцев и запястье побелели. Значит, на них приходится вес тела. В правой руке — пульт от телевизора. Если Беккер сейчас попытается взять пистолет правой рукой, он потеряет равновесие.

— Не шевелись, — громко сказал Харри.

Одно движение Беккер все же сделал: два раза хлопнул глазами, словно от этого Катрина и Харри должны были исчезнуть. Харри спокойно и уверенно подошел к нему, наклонился и поднял пистолет, оказавшийся на удивление легким. Таким легким, что Харри понял: он не заряжен.

Он положил пистолет в карман пиджака рядом со своим револьвером и присел на корточки. В отражении на телеэкране он видел, что Катрина все еще целится в них, в волнении переступая с ноги на ногу. Харри протянул к Беккеру руку, тот отпрянул и повалился на пол, Харри снял с него наушники.

— Где Юнас? — спросил Харри.

Беккер посмотрел на него, явно не понимая ни о чем его спрашивают, ни что вообще происходит.

— Юнас? — повторил Харри и закричал: — Юнас! Юнас, ты здесь?

— Тише! — сказал Беккер. — Он спит. — Голос и у него был сонный, будто он накачался успокоительным. Он показал на наушники. — Нельзя его будить.

Харри сглотнул:

— Где он?

— Где? — Беккер помотал своей шишковатой головой. Кажется, он только сейчас узнал Хар-

ри. — В своей кровати, разумеется. Все мальчики должны спать в своих кроватях, — нараспев добавил он.

Харри полез в другой карман пиджака и достал наручники.

— Вытяните руки, — приказал он.

Беккер опять захлопал глазами.

— Это для вашей же собственной безопасности, — добавил Харри.

Заученная фраза, которую они затвердили еще в полицейской академии; главное — прежде всего успокоить арестованного. Но когда Харри услышал, как произносит ее, он понял, почему встал между Катриной и Беккером: дело было вовсе не в призраках, он действительно боялся за его безопасность.

Беккер вытянул руки как для молитвы, и стальные браслеты с щелчком захлопнулись на его тонких волосатых запястьях.

— Сидите, — сказал Харри. — Она вами займется.

Он поднялся и подошел к дверному проему. Катрина опустила револьвер и улыбалась ему, глаза ее сияли удивительным светом, словно где-то в их глубине полыхали угли.

— С тобой все в порядке? — спросил Харри. —

Катрина?

— Разумеется, — все еще улыбаясь, ответила она.

Харри помедлил, потом стал подниматься по лестнице. Он помнил, где находится комната мальчика, но вначале открыл другую дверь. В спальне Беккера свет не горел, но он различил в темноте двуспальную кровать. Покрывало было откинуто только с одной стороны, как будто Беккер точно знал, что Бирта никогда не вернется.

И вот Харри у двери в комнату Юнаса. Перед тем как войти, он прогнал из головы все мысли и образы. Из темноты донеслось мелодичное позвякивание. Харри догадался: в открывшуюся дверь потянуло сквознячком, и в движение пришла «музыка ветра» из тонких металлических трубочек. У Олега в комнате тоже была прикреплена к потолку такая штука. Харри вошел и увидел, что на кровати под одеялом кто-то лежит. Он прислушался, пытаясь уловить звук дыхания, но слышал лишь тоненькое позвякивание, которое никак не хотело затихать. Он протянул руку к одеялу, и вдруг его сковал иррациональный страх, рука застыла в воздухе.

И все же Харри заставил себя приподнять одеяло и взглянуть на лежащее под ним тело. Это

был Юнас. Казалось, он действительно спит. Если бы не глаза — широко открытые, глядящие в потолок. На плече у мальчика Харри заметил пластырь. Он наклонился над ребенком и пощупал ему лоб. И вздрогнул, когда понял, что лоб теплый. Тут до его слуха долетел сонный голосок: «Мама?»

Харри был совершенно не готов к собственной реакции. Может, так случилось, потому что он вспомнил об Олеге. А может, потому что вспомнил себя самого, как однажды в детстве, еще в Уппсале, он проснулся среди ночи и решил, что мама все еще жива. Влетел в родительскую спальню и увидел широкую кровать — покрывало было отвернуто только с одной стороны.

Как бы то ни было, но Харри не удалось удержаться: слезы вдруг навернулись на глаза, размывая лицо Юнаса, и покатились по щекам, оставляя горячие следы, а потом попали в рот, и Харри почувствовал их соленый вкус.

Часть четвертая

Глава 20
День семнадцатый. Солнцезащитные очки

В семь утра Харри вошел в камеру предварительного заключения № 23, и за ним закрыли дверь. На нарах сидел Беккер и без всякого выражения смотрел на него. Харри уселся на стул, который прихватил из комнаты охраны и поставил в центре пятиметровой камеры Полицейского управления.

Вопреки всем правилам он предложил Беккеру сигарету из довольно помятой пачки «Кэмела».

— Здесь вряд ли разрешено курить, — сказал Беккер.

— Если бы я торчал тут с перспективой на пожизненное, — ответил Харри, — то рискнул бы.

Беккер молча смотрел на него.

— Берите-берите. Лучшего места для курения тут не найти.

Профессор криво улыбнулся и взял протянутую сигарету.

— С Юнасом все в порядке, — сообщил Харри, вынимая зажигалку. — Я поговорил с Бендик-

сенами, и они согласились взять его к себе на несколько дней. Мне, конечно, пришлось здорово полаяться с Охраной детства, но в итоге я их убедил. К тому же прессе о вашем аресте мы пока не сообщили.

— Почему? — спросил Беккер и осторожно наклонился над пламенем зажигалки.

— Я к этому еще вернусь. Вы должны понять, что, если вы не станете сотрудничать, я не смогу дальше скрывать эту информацию от журналистов.

— А, вы — добрый следователь. А злой — тот, что допрашивал меня вчера, да?

— Правильно, Беккер, я — добрый следователь. И я бы хотел задать вам несколько вопросов без протокола. Все, что вы расскажете, не будет да и не может быть использовано против вас. Вы согласны отвечать?

Беккер пожал плечами.

— Эспен Лепсвик, который допрашивал вас вчера, думает, что вы лжете. — Харри выпустил дым в сторону от датчика пожарной сигнализации на потолке.

— О чем?

— О том, что в гараже у Камиллы Лоссиус вы только поговорили с ней и сразу ушли.

— Но это правда.

— А он думает, что вы похитили ее, убили и расчленили тело.

— Да это же безумие какое-то! — перебил его Беккер. — Мы просто поговорили с ней, правда!

— А почему же вы отказываетесь сообщить нам, о чем был разговор?

— Я уже сказал: это частное дело.

— И вы заявляете, что вы звонили Идару Ветлесену в день его убийства тоже по частному делу, так?

Беккер поискал глазами пепельницу:

— Слушайте. Я не совершил ничего противозаконного, но я отказываюсь отвечать на вопросы, пока не приедет мой адвокат. Он будет здесь сегодня же.

— Вчера вечером мы предлагали вам адвоката, который мог приехать немедленно.

— Мне нужен нормальный адвокат, а не какой-нибудь там… общественный. Вам не кажется, что пора объяснить мне, почему вы думаете, что я что-то такое сотворил с Лоссиусовой бабой?

Харри изумился такой формулировке, вернее, самому словечку «баба».

— Если она пропала, — продолжал Беккер, — вы должны были арестовать самого Лоссиуса.

Ведь всегда в таких историях виноват муж, разве не так?

— Так, — согласился Харри. — Но у него есть алиби: когда она пропала, он находился на работе. А вы здесь по той простой причине, что мы думаем, вы и есть Снеговик.

Беккер приоткрыл рот и захлопал глазами, в точности как позавчера вечером в своей гостиной на Хоффсвейен. Харри ткнул пальцем в сигарету, которая безвольно повисла в руке у Беккера:

— Вы хоть немного затянитесь, а то сигнализация сработает.

— Снеговик? — наконец заговорил Беккер. — Это же Ветлесен.

— Нет, — ответил Харри. — Мы знаем, что это не так.

Беккер еще пару раз хлопнул глазами, а потом издал горький и сухой смешок, больше похожий на кашель, и сказал:

— Так вот почему вы ничего не сообщили журналистам. Они не должны узнать, что полиция так… промахнулась. Теперь понятно, почему вы столь рьяно взялись за поиски настоящего Снеговика или того, кто подошел бы на его роль.

— Точно, — согласился Харри и затянулся сигаретой, — и в данный момент на нее подходите

вы.

— В данный момент? Мне казалось, ваша роль — утверждать, что вы совершенно уверены в моей вине, чтобы я мог с вами спорить.

— Но я не уверен, — ответил Харри.

Беккер закрыл глаза:

— Это что, такая уловка, да?

Харри пожал плечами:

— Да нет. Просто чутье. Мне нужно, чтобы вы доказали свою невиновность. Потому что первый краткий допрос оставил четкое впечатление: вы многое скрываете.

— Да мне нечего было скрывать! То есть я хочу сказать, мне нечего скрывать. Я просто не вижу причин рассказывать вам о моих личных делах. Поскольку ничего такого не совершал.

— А теперь слушайте, Беккер. Я думаю, вы не Снеговик и не убивали Камиллу Лоссиус, и уверен, что вы здравомыслящий человек, который понимает: лучше рассказать о ваших личных делах мне здесь и сейчас, нежели завтра прочитать в газетах о том, что профессор Беккер арестован по подозрению в совершении ряда убийств на территории Норвегии. Потому что, даже если завтра утром вас выпустят и снимут с вас все подозрения, газетные статейки навсегда испортят

вашу репутацию. И повредят вашему сыну.

Харри увидел, как кадык Филипа Беккера заходил туда-сюда на небритой шее. Он обдумывал слова старшего инспектора и наконец решился. Харри услышал сдавленный, возможно от сигаретного дыма, голос:

— Бирта, баба моя, была шлюхой.

— Вот как? — Харри постарался скрыть удивление.

Беккер отбросил сигарету на цементный пол, потянулся к пиджаку и достал из кармана черную записную книжку:

— Я нашел это в тот день, когда исчезла Бирта. Блокнот лежал в ящике ее письменного стола. Даже не потрудилась спрятать. На первый взгляд совершенно невинный дневничок. Ежедневные заметки, чтобы ни о чем не забыть, и телефонные номера. Однако когда я попытался узнать в справочной, что это за номера, то оказалось — таких не существует. Она их зашифровала. Хотя, боюсь, эта баба не была великим шифровальщиком: мне не понадобилось и дня, чтобы их расшифровать. Все до единого.

Эрик Лоссиус владел и управлял фирмой «Погрузка и перевозка», которая занималась, понятно, грузовыми перевозками и неплохо

себя чувствовала в этом не слишком прибыльном сегменте благодаря фиксированным ценам, агрессивной маркетинговой политике, дешевой иностранной рабочей силе и типовому договору, по которому оплата наличными производилась после того, как вещи уже были погружены, но до того, как отправлялись по указанному адресу. Лоссиус не потерял денег ни на одном клиенте, потому что, кроме всего прочего, в договоре было мелким шрифтом указано, что срок для подачи жалоб о повреждениях и потерях при перевозке составляет только два дня. Поэтому девяносто процентов относительно большого числа жалоб поступали позже оговоренного срока и не рассматривались. Что касается остальных десяти процентов, то Эрик Лоссиус виртуозно использовал все бюрократические приемы, и те делали его абсолютно неприступным для любых жалобщиков, а даже обычные рекламационные дела были такими изматывающими, что люди, которые после переезда увидели свое пианино расколоченным или недосчитались плазменного телевизора, в конце концов сдавались.

Эрик Лоссиус пришел в этот бизнес совсем юнцом и работал сначала у прежнего владельца «Погрузки и перевозки». Тот был другом его отца,

и, собственно, отец-то и настоял, чтобы Эрик пошел туда работать.

— Парень слишком непоседлив для школы, но слишком умен, чтобы стать мерзавцем, — сказал он владельцу. — Можешь взять его к себе?

Поначалу Эрика взяли на должность менеджера по работе с клиентами. Он получал только процент от сделки и зарекомендовал себя как усердный и трудолюбивый работник. Он был привлекательным мужчиной. От матери ему достались карие глаза, а от отца — густые кудрявые волосы. Когда женщины видели перед собой юного атлета, они забывали, что можно заказать перевозку другой фирме, и подписывали договор на месте. А он был сообразительный, сноровистый, так что, если женщины просили его заняться еще кое-какой работой, проявлял такт и чувство меры.

Цены тогда были низкими, а размеры компенсации за ущерб или потери при перевозке — высокими. Через пять лет фирма имела весьма солидный оборот, а Эрик стал правой рукой владельца во всем, что касалось бизнеса. Однажды, когда они переносили стол в новый кабинет Эрика, что был этажом выше, рядом с кабинетом владельца, шефа хватил инфаркт, он упал

и скончался на месте. В последующие дни Эрик утешал вдову, как умел — а умел он довольно неплохо, — и через неделю после похорон они сошлись на почти символическом изменении в структуре их, как выразился Эрик, «маленького предприятия, работающего в рыночном сегменте с низкой прибыльностью, высоким риском и практически несуществующими гарантиями». В разговоре он не раз подчеркнул, что для него самое главное, чтобы дело всей жизни дорогого покойника не заглохло, а перешло в надежные руки. Когда он произнес это, в его карих глазах блеснула слеза, а вдова, нежно дотронувшись до его ладони, сказала, что теперь он должен непременно лично являться к ней и докладывать о положении дел.

Так Эрик Лоссиус стал владельцем «Погрузки и перевозки» и первым делом выкинул в мусорную корзину все жалобы о повреждениях и потерях груза, переписал типовой контракт и разослал письма с предложениями услуг всем домовладельцам самого дорогого и престижного района Осло — западного, где и переезжали чаще, и платили больше.

К тридцати годам Эрик Лоссиус смог себе позволить два «БМВ», дачу к северу от Канна и большую

виллу в районе Твейта, где блочные дома (в одном из которых он вырос) не заслоняли солнца. Короче, он смог себе позволить Камиллу Санден.

Камилла была как раз из западного Осло и происходила из рода разорившихся владельцев бизнеса готового платья. Она жила в Бломменхольме, районе, казавшемся сыну простого работяги таким же иностранным, как и французские вина, которые он теперь у себя в Твейте складировал в подвале метровыми штабелями. Когда он вошел в этот большой дом и увидел все вещи, готовые к перевозке, он заметил и то, чего еще не имел, а стало быть, должен получить: стиль, класс, аристократизм и непоказное высокомерие, которое вежливые улыбки только подчеркивали. И все это олицетворяла Камилла, которая сидела на балконе и смотрела на Ослофьорд сквозь большие солнцезащитные очки. Очки, как понял Эрик, запросто могли быть куплены на ближайшей бензозаправке, но на ней смотрелись как «Гуччи», «Дольче и Габбана» и все остальные марки, как они там называются.

Теперь он знал, как они называются. Все.

Он перевез их вещи, кроме нескольких картин, которые пошли на продажу. Они переехали в дом значительно меньший по размеру и в зна-

чительно менее фешенебельном месте. От них не поступило ни единой жалобы о потере, они не вспомнили ни об одной вещи из тех, что он стащил из их груза. Даже когда Камилла, уже Лоссиус, стояла в подвенечном платье в церкви в Твейте, а рядом молча стояли свидетели — парни из блочных домов с рабочих окраин, родители Камиллы ни словом, ни взглядом не показали, что не одобряют выбор дочери. Возможно, потому что видели: Камилла и Эрик некоторым образом дополняют друг друга: у него нет стиля, а у нее — денег.

Эрик обращался с Камиллой словно с принцессой, а она ему это позволяла. Он делал все, как ей хотелось, и даже — когда она потребовала — перестал заходить к ней в спальню, за исключением моментов, когда ждал ее перед выходом в свет или приходом гостей, то есть его друзей детства. Она время от времени интересовалась, любит ли он ее на самом деле, и сама понемногу привязалась к этому целеустремленному трудоголику из восточного Осло.

А Эрик был доволен существующим положением дел. Он с самого начала понял, что Камилла не из горячих женщин, собственно, поэтому в его глазах она и стояла значительно выше осталь-

ных — простых девчонок, к которым он привык. Свои физиологические потребности он удачно удовлетворял с помощью клиенток фирмы. Эрик пришел к выводу, что переезды и отъезды здорово влияют на людей, делают их более сентиментальными и открытыми новым возможностям. И он трахался с одинокими женщинами, разведенными женщинами, замужними женщинами, женщинами, живущими в гражданском браке. Трахал их на обеденных столах, на лестничных площадках, на матрацах, завернутых в полиэтилен, и на свежевымытом паркете под голыми стенами, от которых отражалось эхо, а сам в это время думал, что бы такого еще купить Камилле.

Самое привлекательное было то, что этих женщин он больше никогда не видел. Они вот-вот должны были или переехать, или уехать из страны. Что они и делали. За исключением одной.

Бирта Олсен была темноволосой красавицей с телом, достойным журнала «Пентхаус». Она была моложе его, а звонкий голос и манера выражаться делали ее совсем девчонкой. Она была беременна на втором месяце и собиралась переехать из родной Твейты на Хоффсвейен к отцу будущего ребенка, какому-то мужику из западного Осло, который к тому же собирался на ней женить-

ся, — в этом судьбы Бирты и Эрика были чем-то схожи. И тут, отымев ее на простом сосновом стуле посреди оборванной гостиной, он понял, что без такого секса он обойтись не может.

Иными словами, Эрик Лоссиус нашел свою половину.

Он думал о ней, как думает мужчина, который и мысли не допускает, что она хочет не того же, что и он, а именно — затрахать друг друга до потери сознания. И, собственно, им это удавалось. Во всяком случае, они стали встречаться не реже раза в месяц в опустевших квартирах, откуда жильцы уехали или куда вот-вот должны были въехать. И всегда их встречи сопровождались риском: их в любой момент могли застукать, и оттого они были быстры, полны энтузиазма и однообразны. Но все равно Эрик Лоссиус радовался этим встречам, как ребенок Рождеству: это было нетерпеливое и бесхитростное ожидание, которое только усиливалось при мысли, что оно всегда будет оправданно. У них были параллельные жизни в параллельных мирах, и все это, кажется, ей подходило, как и ему. Так они и продолжали встречаться, сделав перерыв только на время родов, которые, к счастью, были произведены с помощью кесарева сечения, на время отпусков и

кратковременной и легкой венерической болезни, источник которой он не мог да и не пытался определить. Так прошло десять лет, и вот перед Эриком Лоссиусом, посреди пустой квартиры в районе Торсхов, сидит на упаковочном ящике высокий, коротко стриженный мужик и голосом как у газонокосилки спрашивает, был ли он знаком с Биртой Беккер.

Эрик Лоссиус занервничал.

Мужик представился старшим инспектором отдела убийств Харри Холе, но внешне он больше походил на какого-нибудь парня из команды его грузчиков. Полицейские, с которыми Эрик встречался после того, как заявил о пропаже Камиллы, были из отдела розыска пропавших без вести. Но даже когда этот мужик показал удостоверение, Эрик первым делом почему-то подумал, что тот расскажет что-то о Камилле. И, судя по тому, что полицейский не вызвал его в управление, а явился сюда сам, расскажет что-то ужасное. Поэтому он выставил грузчиков за дверь, предложил старшему инспектору присесть, а сам полез за сигаретами, готовясь к самому худшему.

— Ну? — спросил старший инспектор.

— Бирта Беккер? — повторил Эрик Лоссиус и предложил мужику сигарету, пытаясь по-

быстрому сообразить, как лучше ответить. Не получилось. Господи, да он даже медленно соображать был не в состоянии.

— Я так понимаю, вам надо собраться с мыслями, — заметил старший инспектор и достал собственный «Кэмел».

Эрик смотрел, как тот выудил из пачки сигарету, прикурил, протянул все еще горящую зажигалку.

— Спасибо, — выдавил Эрик и затянулся так глубоко, что табак затрещал.

Дым наполнил легкие, никотин проник в кровь, и Эрика понемногу отпустило. Он и раньше думал, что полицейские так или иначе обнаружат ниточку, ведущую от Бирты к нему, и придут задавать свои вопросы, и изобретал, как скрыть это от Камиллы. А теперь все было не так. Потому что — до него это дошло только сейчас — полиция наверняка хочет проверить, нет ли за этими двумя исчезновениями чего-то большего, чем просто совпадение.

— Муж Бирты, Филип Беккер, нашел ее записную книжку, где была зашифрована кое-какая информация. Расшифровать ее не представляло труда, — сообщил полицейский. — Там были номера телефонов, даты и небольшие заметки.

Все это не оставляет никаких сомнений в том, что Бирта встречалась с другими мужчинами.

— Мужчинами? — вырвалось у Эрика.

— Если вас это утешит, могу сообщить, что, по подсчетам Беккера, с вами она встречалась чаще, чем с остальными. Причем, как я понял, каждый раз по новому адресу, так?

Эрик ничего не ответил. Ему показалось, что он сидит в лодке и смотрит на огромный вал, который несется на него с большой скоростью.

— Тогда Беккер нашел ваш адрес, взял игрушечный пистолет своего сына — точную копию «глока-двадцать один» и отправился в Твейту поджидать, когда вы вернетесь домой. Говорит, что просто хотел увидеть страх в ваших глазах. Он думал угрозами заставить вас рассказать все, что вы знаете, а потом сообщить об этом нам. Беккер прокрался за въезжавшим в гараж автомобилем, но оказалось, что это приехала ваша жена.

— А он… он…

— Рассказал ей обо всем, да.

Эрик встал с ящика и отошел к окну. Вид из квартиры открывался на парк Торсхов и освещенный бледным утренним солнцем Осло-фьорд. Ему не нравились квартиры, выходящие на старые парки: там всегда были лестницы. Чем лучше

вид, тем больше ступенек, дороже квартира, а значит, дороже и тяжелее вещи, выше компенсация за причиненный ущерб и более вероятны больничные у грузчиков. Но такова жизнь: когда идешь на риск, предлагая самое быстрое обслуживание по самым низким ценам, побеждаешь в конкуренции, но при этом брать приходится самые поганые заказы. Со временем все риски окупаются. Эрик глубоко дышал и слушал, как полицейский шаркает по паркету. Он чувствовал, что этого следователя не измотать какой-нибудь хитроумной стратегией уклонения, что это такая жалоба об ущербе, какую просто так в мусор не выкинешь. Что Бирта Олсен — ныне Беккер — первый клиент, с потерей которого он должен будет смириться.

— И он рассказал, что у него в течение десяти лет была связь с Биртой Беккер, — неторопливо говорил Харри, — и о том, что, когда они впервые встретились и переспали, она была беременна своим мужем.

— Можно быть беременной мальчиком или девочкой, но никак не мужем, — поправила Ракель и расправила подушку, чтобы его было лучше видно.

— Хм. — Харри приподнялся, перегнулся через

нее и дотянулся до сигаретной пачки, лежащей на тумбочке. — Можно и мужем, но не чаще, чем в восьми случаях из десяти.

— Что? — не поняла Ракель.

— По радио сказали, что в Скандинавии настоящий отец у пятнадцати-двадцати процентов детей вовсе не тот, кого они таковым считают. — Он вытряхнул из пачки сигарету и повертел ею в лучах пробивающегося сквозь жалюзи вечернего солнца. — Одну на двоих?

Ракель кивнула. Она не курила, но еще когда они были вместе, у них появилась общая привычка — выкурить после секса сигаретку на двоих. В первый раз Ракель попросила поделиться потому, что, как она сказала, ей хотелось чувствовать то же, что и он, получить тот же яд и допинг и таким образом стать к нему как можно ближе. А он подумал обо всех тех наркоманках, которые первый раз ширнулись именно по этой же дурацкой причине. Тогда он отказался. Но потом Ракель его переубедила. Если секс получался медленным и долгим, сигарета его как бы продолжала. А в других случаях выходило, будто они курят трубку мира после схватки.

— Но у Эрика Лоссиуса есть алиби на весь вечер того дня, когда исчезла Бирта, — сказал Харри. —

Мальчишник в Твейте. Начало в шесть, гулянка до самого утра. Человек десять свидетелей, большинство, естественно, были в хлам, но все равно до шести утра никто не вырубился.

— А почему вы держите в тайне, что Снеговика еще не поймали?

— Пока он думает, что мы думаем, что знаем, кто убийца, он, надеюсь, будет сидеть тихо и на новые убийства не решится. А мы спокойненько, без спешки будем вести его разработку…

— Это ты шутишь так по-дурацки, что ли?

— Возможно. — Харри протянул ей сигарету.

— Но сам ты на это не надеешься?

— Знаешь, у руководства было более чем достаточно времени, чтобы понять, что Ветлесен не тот, кто нам нужен. Но Хаген с начальником управления провели пресс-конференцию, на которой поздравили друг друга с раскрытием дела…

Ракель вздохнула:

— А я скучаю по управлению.

— Хм.

Ракель посмотрела на сигарету:

— Ты когда-нибудь изменял, Харри?

— Что значит «изменял»?

— Когда ты любишь человека и при этом спишь

с кем-нибудь еще.

— Да.

— А когда мы с тобой были вместе?

— Ты же знаешь, я не могу быть вполне в этом уверен.

— Ладно, а в трезвом виде?

— Нет, никогда.

— А как ты думаешь, почему я сейчас здесь?

— Это ты из любопытства спрашиваешь?

— Я серьезно, Харри.

— Я знаю. Но не знаю, хочу ли я отвечать на этот вопрос.

— Тогда больше сигарету не получишь.

— Ой! Ну ладно, я думаю, что ты думаешь, что хочешь меня, а хотела бы хотеть его.

Эти слова повисли над ними, как грозное «Мене, текел, фарес», начертанное на стене спальни.

— Ты такой… прямолинейный. — Ракель протянула Харри сигарету и скрестила руки на груди.

— Может, не будем тогда об этом говорить? — предложил он.

— Но мне надо об этом поговорить! Неужели ты не понимаешь? Или я сойду с ума. Боже мой, я и так уже сошла с ума, раз я здесь… — И она натянула одеяло до подбородка.

Харри повернулся к ней. Он еще до нее даже не

дотронулся, а она уже вдавила голову в подушку, прикрыла глаза, и сквозь ее приоткрытые губы вырывалось учащенное дыхание. И он подумал: как ей это удается? Так быстро перескочить от стыда к похоти? Почему она такая… прямолинейная?

— Как ты думаешь, — спросил он, и она тотчас открыла глаза, полные разочарования и обиды, оттого что он так и не прикоснулся к ней, — может, угрызения совести и разжигают в нас страсть? Мы изменяем не вопреки стыду, а благодаря ему?

— В этом что-то есть, — подумав, согласилась она. — Но так бывает не всегда. И уж точно не сегодня.

— Однажды я спросил тебя, и ты сказала…

— Я солгала, — призналась она. — Я изменяла и раньше.

— Хм.

Так они лежали в тишине, и до них доносился лишь шум переполненной в час пик Пилестредет. Ракель пришла к нему сразу после работы, и он знал, что у нее впереди немало дел. С Олегом и вообще. Скоро ей придется уходить.

— Знаешь, что я в тебе ненавижу? — спросила она в конце концов, сильно дергая его за ухо. —

Что ты такой чертовски гордый и никогда не спросишь ни о чем.

— Ну, — ответил Харри, принимая потухающую сигарету и глядя на ее обнаженное тело, пока она вставала с кровати. — Зачем мне знать?

— Затем же, что и мужу Бирты. Покончить с ложью. Правду — на бочку!

— Думаешь, правда сделала Филипа Беккера менее несчастным?

Она просунула голову в ворот свитера. Черный вязаный свитер из тяжелой шерсти обтягивал ее грудь, льнул к коже. Харри подумал, что если когда и ревновал ее, то только к этому свитеру.

— Знаете что, господин Холе? Для человека, работа которого заключается в поиске неприглядной правды, вы слишком любите ложь в собственной жизни.

— Хорошо, — согласился Харри и ткнул сигарету в пепельницу. — Я слушаю.

— Это было еще в Москве, когда я жила с Федором. Все началось с молодого атташе из норвежского посольства, с которым мы вместе учились в аспирантуре. И были сильно влюблены.

— И что?

— А у него была еще женщина. Когда он решил с ней расстаться, она заявила, что беременна.

А поскольку у меня всегда был хороший вкус относительно мужчин… — Закусив губу, Ракель натянула сапоги. — Я выбрала того, кто не стал бы бегать от ответственности. Атташе выхлопотал себе работу в Осло, и мы больше не виделись. А я вышла замуж за Федора.

— А вскоре ты узнала, что беременна?

— Да. — Она застегнула пальто и посмотрела на него. — Вообще-то я думала, что забеременела как раз потому, что мы расстались. Что Олег — плод не счастливой, а несчастной любви. Как ты считаешь?

— Не знаю, — ответил Харри. — Знаю только, что результат вышел отличный.

Она благодарно улыбнулась ему, наклонилась и чмокнула в лоб:

— Мы больше никогда не увидимся, Холе.

— Конечно нет, — сказал он, сел на кровати и смотрел на голую стену, пока не услышал, как тяжелая дверь внизу захлопнулась с глухим гулом.

Тогда он встал, дошел до кухни, открыл кран и достал с полки чистый стакан. И пока ждал, когда вода станет похолоднее, скользнул взглядом по календарю с фотографией Олега и Ракели в небесно-голубом платье, а потом по полу. Там были следы от обуви. Наверное, их оставила Ракель.

Харри надел пиджак и ботинки и уже собрался было выходить, но вернулся, забрал из шкафа свой табельный «смит-вессон» и сунул его в карман пальто.

Любовь все еще бродила в его теле, он дрожал, чувствовал небывалый подъем, легкое опьянение. Он уже дошел до уличной двери, когда легкий щелчок заставил его остановиться и вглядеться в глубину двора, где тени лежали гуще. Ему надо было идти, и он пошел бы, если бы не следы. Следы обуви на линолеуме. Поэтому он свернул во двор позади дома. Желтый свет окон освещал сверху серый снег, который лежал там, куда днем не доставало солнце. Она стояла у входа в подвал. Кривая фигура с покосившейся головой, глазами-камушками и выложенной гравием улыбочкой, которая была обращена именно к нему, — беззвучный смех, скакавший между кирпичными стенами и перешедший в истерический визг, наверное, его собственный, потому что он схватил лопату, стоявшую у лестницы, и начал яростно ею размахивать. Острый край вошел в снег у шеи, подхватил голову и метнул влажный ком прямо в стену. Следующий удар разрубил снеговика пополам, а последний — отправил то, что осталось, на черный асфальт в

центре двора. Харри стоял, хрипло дыша, и вдруг услышал у себя за спиной еще щелчок. С таким звуком взводят курок. Он мгновенно бросился вниз, перекатившись по снежной каше, и выхватил из кармана револьвер.

У заборчика под старой березой стояли, застыв, Мухаммед и Сальма и смотрели на соседа огромными испуганными глазами. В руках у них были сломанные сухие ветки. Ветки, которые должны были стать тонкими ручками снеговика, если бы Сальма в страхе не сломала свою надвое.

— Наш… наш снеговик, — пролепетал Мухаммед.

Харри поднялся, сунул револьвер в карман пальто и закрыл глаза. Выругался про себя, сглотнул и, сделав усилие, послал мозгу приказ отпустить рукоять. И тогда открыл глаза. Сальма заливалась слезами.

— Простите, — прохрипел он, — я помогу вам сделать нового.

— Я хочу домой, — прошептала Сальма сквозь слезы.

Мухаммед взял сестренку за руку, и, обойдя Харри, они отправились восвояси.

Харри стоял, все еще ощущая ладонью рукоять револьвера. Щелчок. Он решил, что это звук

взводимого курка. Но это ошибка, как раз это-то происходит беззвучно. Если что и слышно, так это звук, когда отведенный курок встает на место, звук отмененного выстрела — «ты еще жив». Он снова достал свой «смит-вессон». Наставил на насыпь и нажал на спусковой крючок. Курок дернулся к барабану. Харри нажал сильнее. Курок не двигался. И только когда в третий раз он отвел спуск на треть назад и подумал, что выстрел вот-вот может грянуть, курок начал подниматься. Харри ослабил нажим. Курок с металлическим щелчком упал обратно. Харри узнал этот звук и понял, что человек, который настолько отвел спусковой крючок, что курок поднялся, точно собирался выстрелить.

Харри посмотрел вверх, на свои окна на третьем. Там было темно, и тут его поразила мысль: он же понятия не имеет, что там происходит, когда его нет дома.

Эрик Лоссиус сидел, уставившись в окно своего кабинета, и удивлялся тому, как мало он знал, что скрывалось за взглядом карих глаз Бирты, и тому, что от сознания — у нее были другие мужчины — ему было хуже, чем от известия о ее исчезновении и даже, возможно, смерти. Как он мог из-за этой женщины кинуть Камиллу в

руки убийцы! А еще Эрик Лоссиус думал, что он, должно быть, любил Камиллу. И любит до сих пор. Он звонил ее родителям, но те ничего о ней не знали. Возможно, она уехала к одной из своих подруг из западного Осло, с которыми он сам едва перемолвился словом.

Он смотрел, как вечерняя тьма медленно ползет по Гроруддалену, стирает детали пейзажа. Дела на сегодня все закончились, но он не хотел возвращаться в свой огромный и теперь еще более пустой дом. Не сейчас. Позади него в шкафчике стояла какая-то выпивка — так называемые «потери» при перевозке баров, но содовой не было. Он налил себе в кофейную чашку джину и успел пригубить, как вдруг раздался телефонный звонок. На дисплее появился цифровой код Франции. Этого номера в списке жалобщиков не было, так что он смело взял трубку.

Эрик узнал ее по дыханию, не успела она сказать и слова.

— Где ты? — спросил он.

— А ты как думаешь? — Ее голос долетал к нему откуда-то очень издалека.

— Откуда ты звонишь?

— От Каспера.

Каспер держал кофейню в трех километрах от

их каннской дачи.

— Камилла, тебя разыскивают.

— Правда?

Судя по ее голосу, она лежала в шезлонге и загорала. Изображала интерес, но на самом деле смертельно скучала, и это было отзвуком той отдаляющей холодности, в которую он влюбился тогда, на террасе в Бломменхольме.

— Я… — начал он. И остановился. В самом деле, что он может ей сказать?

— Мне показалось, что лучше позвонить тебе, пока наш адвокат этого не сделал, — сообщила она.

— *Наш* адвокат?

— Моей семьи, — уточнила она. — Боюсь, он самый лучший специалист в подобных делах. Мы будем требовать раздела недвижимости и всех денежных средств, и мы считаем, что дом должен перейти в мою собственность. И я его получу, хотя, не скрою, подумываю продать.

Ну разумеется, подумал он.

— Я вернусь домой через пять дней. Этого тебе хватит, чтобы съехать.

— Довольно короткий срок, — сказал он.

— Ничего, справишься. Я слышала, что «Погрузка и перевозка» работает быстрее других, да и

цены приемлемые.

Последнюю фразу она произнесла с таким презрением, что Эрик весь сжался. Точно так же, как сжимался во время разговора со старшим инспектором Харри Холе. Боже, да ведь он был для нее чем-то вроде кофтёнки, по ошибке постиранной при слишком высокой температуре, — маловат и потому не годен. И с той же четкостью, с какой он ощущал, что теперь, в эту самую минуту, любит ее больше, чем когда-либо, понял: он потерял ее безвозвратно, примирения не произойдет никогда. Когда она положила трубку, он будто воочию увидел, как она щурится на закат сквозь солнцезащитные очки, купленные за двадцать евро, но выглядящие как трехсоткроновые «Гуччи», или «Дольче и Габбана», или… Он забыл, как называются остальные марки.

Харри ехал вверх по склону холма в западном Осло. Он остановил машину на большой парковке возле трамплина. Постоял немного, глядя вместе с забредшими туда туристами на вид, открывающийся сверху на пустые трибуны, которые спускались по обеим сторонам озерка-арены. По направлению к фьорду простирался город.

Веских улик и следов так и не удалось обнаружить. Они подобрались к Снеговику так близко,

что, казалось, только руку протяни. Но тут он снова уклонился и ускользнул, как опытный боксер. Старший инспектор почувствовал себя старым, тяжелым и неловким. Один из туристов уставился на него. Правый карман оттягивал табельный револьвер. А тела? Где, черт возьми, тела жертв? Ведь находят даже закопанные тела. Может, он кончился как полицейский?

Он почувствовал, как подступает смирение… Черта с два! На курсах в ФБР они разбирали дела, когда преступника находили лет через десять. И обычно дело раскрывалось благодаря маленькой, почти неприметной детали. Но на самом деле — только благодаря тому, что люди, работавшие над ним, не сдавались, бились все положенные пятнадцать раундов, а если противник оставался на ногах, шли на матч-реванш.

Вечерние сумерки поднимались со стороны города, звуки замолкали.

Надо начинать искать там, где светло. Банальное, но важное правило. Начинай там, где у тебя есть следы. В данном случае это означало взять в разработку наименее подходящего человека и наиболее сумасшедшую версию, какая у него когда-либо была.

Харри вздохнул, достал мобильный и, отки-

нувшись назад, пролистал принятые вызовы. Их было не так много, и он быстро нашел номер, на который ответил, сидя в гостинице «Леон».

Уда Паулсен, тратившая столь много времени на поиски подходящих гостей для программы «Боссе», немедленно ответила радостным, полным энтузиазма голосом, какой бывает у людей, любой звонок воспринимающих как шанс заполучить что-то новенькое и захватывающее. И на этот раз она не ошиблась.

Глава 21
День восемнадцатый. Приемная

В этой комнате все нервничали. Наверное, поэтому кое-кто называл ее «комнатой ожидания», будто речь шла о посещении зубного врача, или «приемной», словно тяжелая металлическая дверь, отделявшая эти несколько диванов от первой студии, вела к чему-то важному и даже священному. Впрочем, на телеканале НРК это фантастическое помещение с панорамным видом на Осло называлось скучно и неизобретательно — «гостиная первой студии». А между тем это была самая интересная комната, которую видела за всю свою жизнь Уда Паулсен.

Уже пришли четверо из шести гостей сегодняшнего выпуска вечернего «Боссе». Как обычно, первыми явились совсем незнаменитые люди. Сейчас они, уже загримированные, сидели на диванах, пылая нервным румянцем, разговаривая друг с другом и потягивая чай или красное вино, а сами тем временем не сводили взгляда с монитора на противоположной стене, который транслировал картинку из студии. Там уже рас-

саживалась публика, а помощница режиссера объясняла, когда нужно будет хлопать, смеяться или устраивать овации. А еще на мониторе были видны четыре стула для гостей студии и кресло ведущего, которые пока стояли пустые и ждали появления главных развлекателей толпы.

Уда обожала эти последние перед прямым эфиром минуты — напряженные, нервные. Каждую пятницу центр вселенной на сорок минут перемещался сюда, в Норвегию. Передачу смотрели от двадцати до двадцати пяти процентов населения, а это для ток-шоу невероятно высокий показатель. Тот, кто работал в студии, был не просто *там*, где происходило это чудо, он был *тем*, что происходило, был частью его. Чудо всеобщего внимания, полюс, который притягивал всех и каждого. А поскольку от Северного полюса есть только одно направление — на юг, то есть вниз, каждый, кто работал на «Боссе», цеплялся за свое место как только мог. Фрилансеры вроде Уды ставили на то, чтобы войти в штат в следующем сезоне, вот почему она так обрадовалась, когда вчера довольно поздно, уже после редакционного совещания, ей на мобильный раздался тот звонок. Боссе Эгген самолично улыбнулся ей и сказал, что она поймала куш — сенсацию. Ее куш.

Темой передачи были «взрослые игры», и это типично для «Боссе»: тема должна быть серьезной, не перерастая в важную. Нечто такое, в чем любой из гостей хоть немного разбирался и мог об этом поболтать. На диване уже сидела женщина-психолог, у которой были работы на эту тему, но главным гостем был, конечно, Арве Стёп. Главным поводом было то, что в субботу его газета «Либерал» собирается праздновать свое двадцатипятилетие. Кажется, сам Стёп, записной плейбой, не чужд взрослых игр. Это выяснилось во время предварительного визита Уды к нему на квартиру. Когда она провела параллель со стареющим Хью Хефнером, основателем журнала «Плейбой», который сидит утром с чашкой кофе и сигарой, а вокруг продолжается вечный мальчишник, Стёп довольно улыбнулся. Она все время ощущала на себе его взгляд, заинтересованный, жадный, пока не спросила, есть ли у него дети, наследники империи.

— А у вас самой есть дети? — поинтересовался он.

И когда она ответила отрицательно, он, к ее удивлению, мгновенно потерял интерес и к ней самой, и к их беседе. Поэтому она быстренько закруглилась, проинформировав его о начале

грима и съемки, о том, что надо успеть представить зрителю тему передачи и ее гостей в первой части, до выпуска новостей. И так далее.

И вот Арве Стёп стоял в гостиной первой студии, готовый к гриму: яркие голубые глаза, густые седые волосы только что подстрижены, впрочем, не слишком коротко — чтобы кончики кудрявились, придавая ему бунтарский вид. Стёп был одет в простой серый костюм, умопомрачительно дорогой, правда, ни один человек не мог бы сказать, как он об этом догадался. Кивком головы он поприветствовал женщину-психолога, которая уже сидела на диване с бокалом красного вина и орешками.

— Я и не знал, что психологи бывают такими красивыми, — сказал он ей.

Уда увидела, как психологиня, помедлив, улыбнулась. Если она и догадалась, что комплимент Стёпа носит скорее дежурный характер, то сумела это скрыть.

— Всем привет, спасибо, что приехали! — Это был Боссе Эгген. Он начал здороваться с гостями справа налево: пожимал руки, смотрел в глаза, говорил, что рад видеть их у себя в программе и что им непременно надо перебивать друг друга вопросами и комментариями, дабы беседа выгля-

дела оживленнее.

Парень-продюсер жестом показал, что Боссе и Стёпу пора перейти в соседнюю комнату, чтобы обсудить детали главного интервью, с которого начнется программа. Уда взглянула на часы. Восемь с половиной минут до эфира. Она уже начала было волноваться и даже хотела позвонить вниз — может, он там сидит, ее находка, тот, кто на самом деле будет главным гостем сегодняшней программы. Куш. Сенсация. Но, подняв глаза, увидела, что он уже стоит перед ней в сопровождении одного из ассистентов. У Уды екнуло сердце. Он, пожалуй, не был красив. Даже, вообще-то, наоборот. Но она, совершенно не стесняясь, призналась себе, что ее к нему тянет. И одна из причин такого притяжения — то, что сегодня его хотели бы видеть своим гостем все телеканалы Скандинавии. Потому что именно он поймал Снеговика и раскрыл самое крупное дело из тех, что потрясли Норвегию за последние годы.

— Вижу, я опоздал, — извиняясь, произнес Харри Холе.

Она принюхалась: последний раз, когда он участвовал в шоу, Холе был пьян, чем разгневал все население Норвегии. По крайней мере, от двадцати до двадцати пяти процентов его.

— Мы очень рады, что вы пришли, — прощебетала она. — Вы пойдете номером вторым и останетесь до конца шоу. Остальные будут появляться по очереди.

— Классно, — ответил он.

— Быстро на грим, — приказала Уда ассистенту. — К Гури.

Гури была не просто хорошим мастером, она знала, как простыми средствами, малейшими штрихами сделать так, чтобы даже испитое лицо на телеэкране выглядело презентабельно.

Они исчезли, а Уда затаила дыхание. Она любила, просто обожала эти последние, трепещущие минуты, когда все вокруг кажется сущим хаосом, а на самом деле движется в строгом порядке.

Боссе и Стёп вышли из соседней комнаты. Уда подмигнула Боссе. Она слышала, как публика хлопает дверями, входя и выходя из студии. На мониторе она увидела, что Боссе уселся на свое кресло, и тут режиссер дал сигнал к эфиру. Пошла заставка, и они начали.

Уда понимала: что-то не задалось.

Дело уже шло к концу программы, и все было отлично. Арве Стёп сказал, что его газету называют элитарной, потому что ее и издают для элиты, и он хочет, чтобы эта газета запомнилась хотя

бы тем, что она кое-кому набила одну огромную шишку. Или даже две.

— В лучших историях рассказывается не о великих победах, а ярких поражениях, — вещал Стёп. — Руаль Амундсен стал первооткрывателем Южного полюса, а весь мир за пределами Норвегии помнит лишь Роберта Скотта. Ни одна из побед Наполеона не запомнилась людям так, как его фантастическое фиаско при Ватерлоо. Национальная гордость сербов основывается на битве с турками на Косовом поле в тысяча триста восемьдесят девятом году, — битве, в которой их разбили в пух и прах. А посмотрите на Иисуса! Если он, как нас уверяют, попрал смерть, символом Христа должно было бы стать его изображение над могилой с поднятыми к небу руками, но вместо этого христиане во все времена предпочитали изображение яркого поражения: он висит на кресте, готовый сдаться. Потому что нас трогают только истории о проигрыше.

— И вы хотите стать как Иисус?

— Нет, — ответил Стёп, потупив взор и улыбаясь, пока публика веселилась. — Я трус. Я стремлюсь к оглушительному успеху.

Вместо того чтобы оказаться отталкивающе надменным, Стёп предстал перед публикой с

неожиданно приятной стороны, Уда увидела в нем почти самоуничижение. Боссе спросил, не собирается ли он после стольких лет холостяцкой жизни связать себя с какой-нибудь женщиной. Стёп ответил не сразу, чтобы было понятно: ему неудобно об этом говорить, а потом заявил: конечно да, просто он ее еще не нашел. Уда точно знала, что после этого Стёп получит гору писем. Публика хлопала долго и с чувством.

А потом Боссе драматическим тоном представил:

— Одинокий волк столичного Полицейского управления, всегда идущий по следу, — Харри Холе.

Камера скользнула по Стёпу, и Уда увидела на его лице изумление.

Боссе все еще был воодушевлен реакцией на разговор о паре для Стёпа и решил продолжить эту тему. Он сказал, что, как ему известно, Харри тоже холостяк, и спросил, не ощущает ли он нехватку женской ласки. На что Харри криво усмехнулся и отрицательно покачал головой. Но Боссе был не из тех, кто легко сдается, почему продолжил спрашивать:

— Должно быть, вы ищете какую-то особенную женщину?

— Нет, — коротко ответил Харри.

Обычно такие ответы только подстегивали Боссе, но сегодня он решил не уходить далеко от самого сладкого куска. От Снеговика. И попросил Харри рассказать о расследовании, про которое говорят по всей Норвегии, о первом настоящем национальном серийном убийце. Тут Харри коротко кивнул и, вертясь на стуле, словно тот был слишком мал для его огромного тела, короткими, рублеными фразами поведал о недавних событиях: полиция объединила в одно несколько дел о женщинах, пропавших без вести за последние годы, дела эти имеют четкое сходство между собой. Все пропавшие женщины были замужем и имели детей. И еще: тел так и не нашли.

Боссе надел на себя самую серьезную физиономию, чтобы показать: а вот это территория, свободная от шуток.

— В этом году при схожих обстоятельствах пропала Бирта Беккер. Пропала прямо из дома в районе Хофф, — продолжал Харри. — А вскоре после этого в Соллихёгде, неподалеку от Осло, была обнаружена Сильвия Оттерсен. Мы впервые обнаружили тело, вернее, его часть.

— Да, вы же нашли голову, так? — встрял Боссе, демонстрируя свою осведомленность в том, до че-

го таблоиды, помешанные на крови и сплетнях, все же не добрались.

Господи, он такой профи, что Уда не могла устоять на месте от восторга.

— А потом мы нашли тело полицейского, пропавшего в Бергене, — не дал себя сбить Харри, — которого искали двенадцать лет.

— Железный Рафто, — подхватил Боссе.

— Герт Рафто, — поправил Харри. — Еще через несколько дней мы обнаружили тело Идара Ветлесена в районе Бюгдёй. Больше ни одного трупа по этому делу у нас нет.

— Что, по-вашему, самое неприятное в этом деле? — спросил Боссе.

В его голосе сквозило нетерпение, наверняка потому, как догадалась Уда, что Харри не так ярко живописал отрезанную голову и предполагаемые картины убийства, как Боссе надеялся.

— Конечно, то, что прошло так много лет, прежде чем мы сумели уловить связь между этими преступлениями.

Сказал как отрезал. Ни добавить, ни прибавить. Режиссер показал Боссе, что пора закругляться и переходить к следующей теме.

Боссе сложил ладони домиком и начал постукивать кончиками пальцев:

— Теперь дело раскрыто, и вы снова в лучах славы, Харри. Что вы чувствуете? Приходят ли вам письма от ваших поклонников? — Обезоруживающая мальчишеская улыбка: территория, свободная от шуток, осталась позади.

Старший инспектор медленно кивнул, облизав губы, словно подбирая максимально точную формулировку:

— Я получил одно письмо. Осенью. Но о нем мне, очевидно, сможет подробно рассказать Арве Стёп.

Крупный план Стёпа, вопросительно глядящего на Харри. Секунды молчания. Слишком долгие, когда речь идет о телевидении. Уда искусала все губы. Что Харри имел в виду?

Тут вступил Боссе и объяснил:

— Конечно, у Стёпа скопились горы писем от поклонниц. И даже фанаты у него есть. А у вас, Холе? Есть у вас оголтелые поклонницы, которые спят у ваших дверей? Или у вас специальные полицейские фанатки?

Публика осторожно засмеялась.

Харри Холе мотнул головой.

— Ну давайте, — не унимался Боссе, — расскажите нам. Наверняка симпатичные слушательницы полицейской академии время от времени

просят вас, чтобы вы научили их личному досмотру, а?

Теперь зал рассмеялся как следует. Боссе довольно просиял.

А Харри Холе даже не улыбнулся, только скользнул взглядом по студии. Он посмотрел в сторону выхода, и этот короткий взгляд подсказал Уде: он собирается встать и уйти.

Но вместо этого он повернулся к Стёпу:

— Что вы сделаете, Стёп, если после лекции в Тронхейме к вам подойдет женщина и скажет, что у нее только одна грудь, но она с удовольствием займется с вами сексом? Пригласите вы ее к себе в отель?

Публика мгновенно утихла, и даже Боссе как-то скукожился.

А вот Арве Стёп, судя по его виду, счел этот вопрос совершенно естественным.

— Нет, я этого не сделаю. Но не потому, что у нее одна грудь, а потому, что кровати в отелях Тронхейма слишком узкие.

Публика рассмеялась, но не слишком активно, а как будто от облегчения, что разговор так и не вошел в штопор. В это время представили женщину-психолога.

Разговор шел об играющих взрослых, и Уда

заметила, что Боссе ловко проводит беседу мимо Харри Холе. Видимо, он решил, что непредсказуемый инспектор сегодня не в ударе, и сосредоточился на Арве Стёпе, который, разумеется, в ударе был всегда.

— А как вы играете, Стёп? — поинтересовался Боссе с невинным выражением лица, которое подчеркивало неневинный подтекст.

Уда обрадовалась: вопрос предложила она.

Но прежде чем Стёп успел ответить, Харри Холе наклонился к нему и громко и четко спросил:

— Лепите снеговиков?

Вот тут-то Уда и поняла: что-то не задалось. Тон Харри — злой и повелительный, поза агрессивная, Стёп будто весь подобрался, бровь удивленно поползла вверх. Боссе замолчал. Уда не понимала, что происходит, насчитала четыре секунды молчания, а для прямого эфира это целая вечность! Но тут она поняла, что Боссе, видимо, просчитал ситуацию. Потому что Боссе знал, что пока он — как бы лишившись дара речи — ищет взглядом поддержки у зала, эта просчитанная беспомощность капканом будет держать зрителя в напряжении до ответа Стёпа. А поскольку нет более мощного капкана, чем разозленный человек, потерявший контроль, плачущий, или кричащий, или любым

другим образом выражающий накопившиеся эмоции в прямом эфире, Боссе отпустил зрителей и молча воззрился на Стёпа.

— Ну конечно, я иногда леплю снеговиков, — сказал Стёп по истечении этих четырех секунд. — На террасе, возле бассейна. Причем стараюсь, чтобы они походили на членов королевской семьи. А когда приходит весна, я наблюдаю, как вещи, которых в наши времена уже не должно существовать, тают и исчезают с лица земли.

Впервые за весь вечер Стёп не сорвал ни аплодисментов, ни даже смешков. Уда подумала, что Стёп должен бы знать, что другой реакции на антимонархические заявления в студии ожидать не стоит.

Боссе воспользовался наступившей паузой, чтобы представить поп-звезду. Она должна была рассказать о своем участии в новой постановке, а в конце передачи спеть песню, которую будут крутить все радиостанции начиная с понедельника.

— Что это к чертям было такое? — спросил молодой продюсер передачи, который успел занять место позади Уды.

— Может, он все-таки не вполне трезвый, — предположила она.

— Елки-палки, он же полицейский! — воскликнул парень.

Тут до Уды дошло, что он ведь был ее кушем. Ее сенсацией.

— Козел! — ругнулась она.

Продюсер промолчал.

Поп-звезда рассказывала о психологических проблемах и о том, что они передаются по наследству. Уда посмотрела на часы. Сорок секунд. Да, слишком серьезно сегодня получилось для пятничного-то вечера. Готовились титры. Боссе перебил звезду, обратившись к Стёпу:

— Арве! — Обычно в конце программы Боссе начинал звать собеседников по имени. — Есть среди ваших знакомых люди с наследственными заболеваниями? Сумасшедшие, например?

— Нет, — улыбнулся Стёп. — Если только не считать сумасшествием стремление к абсолютной свободе.

Боссе уже закруглялся. Теперь ему оставалось лишь пробежаться по остальным гостям и представить песенку. Несколько заключительных слов от психолога, и вот он повернулся к старшему инспектору:

— Теперь, когда вы схватили Снеговика, наверное, и у вас, Харри, появится пара свободных

дней, чтобы поиграть?

— Нет, — ответил Харри. Он почти сполз со стула, так что его длинные ноги чуть ли не упирались в поп-звезду. — Снеговика не схватили.

Боссе поднял бровь, с удивлением ожидая продолжения. Уда надеялась, что оно будет поинтереснее, чем обещало начало.

— Я никогда не говорил, что Идар Ветлесен — это и есть Снеговик. Наоборот, все указывает на то, что Снеговик по-прежнему на свободе.

Боссе издал специально отрепетированный смешок, который использовал, чтобы поддержать гостя в безуспешной попытке пошутить, и с кривой ухмылочкой произнес:

— Думаю, вы это говорите, чтобы моей жене сегодня приснились сны поинтереснее.

— Вовсе нет, — сказал Харри.

Уда посмотрела на часы и увидела, что помощница режиссера стоит за камерой и подпрыгивает, держа ладонь ребром у горла, — показывает Боссе, что время вышло и надо успеть дать первый куплет песни, чтобы припев пришелся на титры. Но Боссе был лучший. Он знал, что этот разговор важнее всех песенок на свете. Поэтому он проигнорировал гитарное вступление и весь подался вперед на своем кресле, чтобы привлечь

зрителей к тому, что творится на их глазах. Вот он — куш. Сенсационное заявление официального лица. Здесь, в его, в их программе. Его голос дрожал почти от вожделения:

— То есть вы хотите сказать, Холе, что полицейские нам лгали? Что Снеговик все еще на свободе и убийства не закончились?

— Нет, — ответил Харри, — мы не лгали. В деле просто появились новые данные.

Боссе повернулся на кресле, режиссер скомандовал оператору: «Наезд!», и вот лицо Боссе — во весь экран, взгляд направлен прямо на зрителей.

— Думаю, об этих новых данных мы скоро услышим в выпуске вечерних новостей. Смотрите «Боссе» в следующую пятницу! Спасибо за внимание!

Уда закрыла глаза. Песенка дошла до припева.

— Господи боже ты мой, — услышала она сдавленный шепот продюсера. — Мать твою!

Самой Уде хотелось только одного — завыть. От радости. Здесь, думала она, и есть тот самый полюс. Мы не просто *там*, где что-то происходит. Мы сами и есть *то*, что происходит. Мы — его часть!

Глава 22
День восемнадцатый. Совпадение

Гуннар Хаген стоял у двери в ресторан «Шрёдер» и озирался. С момента последних титров «Боссе» прошло тридцать минут и три телефонных разговора. Он не нашел Харри ни дома, ни в Доме искусств, ни на работе. И тогда Бьёрн Хольм посоветовал ему заглянуть в ресторан «Шрёдер», где у Харри было убежище. Контраст между молодыми, красивыми, без пяти минут знаменитыми клиентами Дома искусств и старыми алконавтами «Шрёдера» был разительный. В углу у окна в полном одиночестве сидел за столом Харри. С полулитровым стаканом.

Хаген двинулся к столу:

— Я пытался до тебя дозвониться. Ты что, мобильный выключил?

Старший инспектор взглянул на него без всякого выражения:

— Да звонили тут все… Куча журналистов, оказывается, только и мечтают со мной поговорить.

— На канале мне сказали, что редакция программы «Боссе» обычно вместе с гостями ходит

после эфира в Дом искусств.

— Меня поджидали журналисты, поэтому я попросту смылся. Так в чем дело, шеф?

Хаген хлопнулся на стул и посмотрел, как Харри поднимает к губам стакан и золотистая жидкость течет к нему в рот.

— Я говорил с начальником управления, — сказал Хаген. — Это уже серьезно, Харри. Заявить, что Снеговик по-прежнему на свободе, значит нарушить приказ о неразглашении информации.

— Это точно, — отозвался Харри и сделал еще глоток.

— «Точно»? И больше тебе нечего сказать? Ради всего святого, Харри, какого черта ты это сделал?

— Общественность имеет право знать, — усмехнулся Харри. — Наша демократия, шеф, построена на гласности.

Хаген стукнул кулаком по столу, отчего люди с соседних столиков посмотрели на него ободряюще, а официантка, проходившая мимо с подносом полулитровых стаканов, — тревожно.

— Ты со мной, Харри, кончай в игры играть. Мы официально заявили, что дело закрыто. Ты в очень дурном свете показываешь власть, ты хоть это понимаешь?

— Моя работа — ловить убийц и бандитов, —

ответил Харри, — а не показывать чего-то там в хорошем свете.

— Это две стороны одной и той же медали, Харри! Наши профессиональные действия зависят от того, как к нам относится общество. Пресса — это важно!

Харри покачал головой:

— Пресса еще ни разу не помогла и не помешала мне раскрыть дело. Пресса важна только для простаков, которые хотят выскочить вперед. Тех, кому вы докладываете, интересуют только конкретные результаты и как их подает пресса: в позитивном ключе или в негативном. А я хочу поймать Снеговика — и точка.

— Ты опасен для окружающих, — сообщил ему Хаген. — Ты об этом знаешь?

Харри воззрился на него с удивлением, но потом обдумал это утверждение, медленно кивнул, допил остатки и жестом попросил у официантки еще.

— Я разговаривал с нашим начальником. — Хаген сдерживался из последних сил. — Мне было сказано найти тебя и надеть крепкий намордник. Ясно?

— Так точно, шеф.

Хаген изумленно заморгал, лицо Харри по-

прежнему не выражало никаких эмоций.

— Начиная с сегодняшнего дня я хочу держать руку на пульсе всего, что происходит, — сказал Хаген. — Я хочу, чтобы мне немедленно докладывали обо всем. Но поскольку ты, конечно, этого делать все равно не станешь, я уже переговорил с Катриной Братт и поручил эту работу ей. Есть возражения?

— Никаких, шеф.

Наверно, подумал Хаген, Харри пьян гораздо сильнее, чем кажется на первый взгляд.

— Братт сказала, что ты приказал ей отправиться к ассистентке Идара Ветлесена и просмотреть историю болезни Арве Стёпа. Без санкции прокурора. И к чему ты это затеял? Ты вообще понимаешь, чем это нам грозит? А если бы Стёп об этом узнал?

Голова Харри дернулась вверх, как у сторожевого пса.

— Что значит «если бы»?

— А то, что никаких записей относительно Стёпа она так и не нашла.

— Да ну? И почему это, интересно?

— Не знаю, Харри. Я только страшно рад, что все обошлось и проблем у нас не возникло. Арве Стёп! Елки зеленые! Короче, обо всем, что Братт

нароет — или не нароет, — она будет мне докладывать ежедневно.

Харри кивнул официантке, которая поставила перед ним новый стакан.

— И что, она уже получила указания насчет…

— Насчет чего?

— Ну, когда она только пришла, вы сказали ей, что я буду ее этим самым… — И Харри замолчал.

— Ее кем?.. — разъяренно спросил Хаген.

Харри покачал головой.

— Да что с тобой? Ты в порядке?

— В полном, — ответил Харри, проглотил половину содержимого своего стакана одним большим глотком и положил на стол сотенную бумажку. — Приятного вечера, шеф.

Хаген сидел, пока Харри не вышел из ресторана. Только тут он заметил, что в стакане у Харри нет пены. Он осторожно понюхал его, потом поднес к губам. На вкус было кисленько. Пахло яблоком.

Харри шел домой по тихим улицам города. Окна старинных невысоких домов светились в темноте кошачьими глазами. Он хотел позвонить Валенку, узнать, как идут дела, но решил сдержать слово и не дергать его раньше времени. Он свернул на улицу Софиес-гате. Ни души. Направился к дому, как вдруг заметил какое-то

движение. Свет отразился в чьих-то очках. Через дорогу от него, за рядом припаркованных у тротуара машин, стоял человек и вроде бы закрывал автомобильную дверцу. Харри отлично знал, какие машины тут обычно стоят. Эта — «Вольво С70» — была не из их числа.

Было слишком темно, и Харри не мог разглядеть лица, но увидел, что человек наклонил голову так, чтобы держать Харри в поле зрения. Журналист? Харри шел мимо машин. В боковых зеркалах он видел, как за ним движется чужая тень. Не прибавляя шагу, Харри сунул руку в карман пальто. Он слышал приближающиеся шаги и чувствовал, как на него накатывает ярость. Он сосчитал до трех и резко повернулся. Человек застыл на месте.

— Вы не меня ищете? — спросил Харри и шагнул вперед с револьвером в руке, другой схватил человека за шиворот и толкнул так, что оба они упали на капот какого-то автомобиля. Харри прижал ему плечом горло и приставил револьвер к очкам.

— За мной пришел? — прохрипел он.

Заорала сигнализация, заглушив ответ человека. Тот пытался вырваться, но Харри не уступал, и в конце концов тот сдался. Его затылок со звоном

стукнулся о капот машины, и тут свет фонаря упал ему на лицо. И Харри его отпустил. Человек попытался подняться и закашлялся.

— Вставайте, — сказал Харри, сграбастал человека под мышки и потащил к себе.

Харри открыл подъезд и втолкнул туда человека.

— Вы что, мать вашу, тут делаете? — спросил он его. — И откуда знаете, где я живу?

— Я пытался дозвониться по номеру на вашей визитной карточке. А потом позвонил в справочную, и там мне дали ваш адрес.

Харри посмотрел на человека. Вернее, на его очертания в ночной темноте. Даже на фотороботе он был бы больше похож на профессора Филипа Беккера.

— Я выключил телефон, — буркнул Харри.

Харри довел его до своей квартиры, открыл дверь, стянул с себя ботинки, дошел до кухни и включил чайник.

— Я видел вас сегодня в «Боссе», — сказал Беккер, входя в кухню как был — в ботинках и пальто. Лицо его было бледным до синевы. — Смело. Так что я подумал, что тоже должен проявить мужество. В конце концов, я вам обязан.

— Обязаны? Мне?

— Вы поверили мне, поверили, что я невиновен. И спасли от публичного унижения.

— Хм. — Харри пододвинул профессору стул, но тот покачал головой.

— Я уже ухожу. Только скажу вам кое-что, чего никто не должен знать. Возможно, это и не относится к делу… Это касается Юнаса.

— Так.

— В тот же вечер, когда я узнал о Лоссиусе, я взял у ребенка кровь.

Харри вспомнил о пластыре на плече Юнаса.

— И соскоб слизистой изо рта. Отправил все это в службу установления отцовства, чтобы они сделали анализ ДНК.

— Да? Разве так можно, без адвоката?

— Раньше нельзя было, а теперь любое частное лицо может заплатить и получить результат анализа. Две тысячи восемьсот крон с человека. Чуть побольше, если вам нужно срочно. Я так и сделал. И сегодня пришел ответ. Юнас… — Беккер остановился и вздохнул. — Юнас не мой сын.

Харри медленно кивнул.

Беккер покачнулся, как будто хотел сесть.

— Я попросил их поискать по всей базе данных совпадения, и они нашли. Идеальное.

— Идеальное? То есть самого Юнаса?

— Да.

Харри задумался. Похоже, в конце тоннеля забрезжил свет.

— Иными словами, кто-то уже отправлял им пробы Юнаса для анализа ДНК, — сказал Беккер. — Мне сказали, что предыдущий запрос был сделан семь лет назад.

— И они подтвердили, что это пробы Юнаса?

— Нет, пробы анонимны. Зато у них осталось имя заказчика.

— Кто?

— Это клиника, которой больше не существует.

Харри знал ответ еще до того, как Беккер произнес — «Мариенлюст».

— Идар Ветлесен, — покачал головой Харри, как будто примеривался к криво висящей картине, желая ее поправить.

— Точно, — подтвердил Беккер, хлопнул в ладоши и бледно улыбнулся. — Вот и все. Это значит, что у меня… нет сына.

— Мне очень жаль.

— Да я давно это чувствовал.

— Хм. А почему вы примчались ко мне?

— Не знаю, — ответил Беккер.

Харри ждал.

— Я… Мне нужно было что-то сделать… — Профессор запнулся, но заставил себя продолжить: — Я теперь совсем один. Моя жизнь отныне совершенно бессмысленна. Если бы тот пистолет был настоящим…

— Э, так не пойдет, — перебил Харри. — Гоните эту мысль. Чем больше об этом думаешь, тем она кажется соблазнительней. Но вы забываете одну вещь. Даже если жизнь потеряла смысл для вас, вы еще нужны другим. Например, Юнасу.

— Юнасу? — фыркнул Беккер. — Кукушонку этому? Гнать мысль о… Вас этому учат в вашей полицейской школе?

— Нет, — ответил Харри.

Они посмотрели друг на друга.

— Ладно, — сказал Беккер. — По крайней мере, вы теперь знаете.

— Спасибо, — поблагодарил Харри.

Беккер ушел, а Харри все сидел и покачивал головой, не замечая, что вода закипела, чайник выключился, а красный огонек под кнопкой давно погас.

Глава 23
День девятнадцатый. Мозаика

В семь утра, когда небо скрыли серые облака, Харри поднялся на седьмой этаж дома во Фрогнере. Валенок оставил дверь незапертой и, когда Харри вошел, сидел на диване с пультом от телевизора в руке, положив ноги на зеленый журнальный столик. На экране была какая-то цифровая мозаика.

— Пиво будешь? — спросил Валенок и показал на свою бутылку. — Суббота же.

Харри показалось, что вонь от ног Валенка висит в воздухе как дым. Обе пепельницы были полны окурков.

— Нет, спасибо, — отказался Харри и уселся. — Ну?

— Ну! У меня была только одна ночь. — Валенок остановил DVD-плеер. — Обычно я трачу на это хотя бы пару дней.

— Этот человек не профессиональный игрок в покер, — напомнил Харри.

— Не скажи, — возразил Валенок и отхлебнул из бутылки. — Блефует-то он лучше многих по-

керистов. Вот, кстати, место, где ты задаешь ему вопрос, на который заведомо ожидаешь получить *лживый* ответ. Так?

Он нажал на кнопку, и Харри увидел себя в телестудии. На нем был тесноватый полосатый шведский пиджачок, черная футболка — подарок Ракели, джинсы «Дизель» и черные ботинки «Док Мартенс». Он сидел в заметно неловкой позе, как будто в спинке его стула были колючки. Из динамиков телевизора донесся вопрос: «Вы пригласите ее к себе в отель?» — «Нет, не приглашу», — начал было Стёп и, повинуясь пульту, застыл.

— Ты точно знаешь, что это вранье? — спросил Валенок.

— Ага, — ответил Харри. — Подружку Ракели он не пропустил. А женщины на себя наговаривать такое не будут. Что скажешь?

— Если бы я мог проиграть это на компе, я бы мог увеличить глаза. Но в принципе и так видно. Вот, смотри на зрачки, видишь, расширены? — И Валенок ткнул в экран обгрызенным ногтем. — Классический признак стресса. А ноздри видел? Мы так делаем в момент стресса, когда мозгу нужен дополнительный кислород. Но это вовсе не означает, что он *лжет*. Потому что есть люди,

которые испытывают стресс, даже когда говорят правду. А есть такие, которые не испытывают, когда врут. Вот у него, например, руки совершенно спокойны.

Харри заметил, что голос у Валенка перестал скрипеть, стал мягким и почти приятным. Харри посмотрел на экран, на руки Стёпа, спокойно лежащие одна на другой.

— К сожалению, стопроцентных признаков вообще не существует, — сообщил Валенок. — Надо найти, что меняется именно у этого человека, когда он лжет или когда отвечает правду. Это как нарисовать треугольник — тебе обязательно понадобятся еще две точки.

— Правда и неправда, — поддакнул Харри. — Звучит просто.

— Именно что звучит. Допустим, что в начале передачи он говорит правду, когда рассказывает о газете и о том, как презирает политиков. Тут у нас появляется вторая точка. — Валенок перемотал. — Смотри.

Харри посмотрел, но ничего не заметил и покачал головой.

— На руки, на руки смотри!

Харри посмотрел на скрещенные загорелые руки Стёпа.

— Руки как руки. Спокойные.

— Да, и он их не прячет, — сказал Валенок. — Плохие игроки в покер совершают классическую ошибку: когда к ним приходит слабая карта, они самую сильную прячут рукой. А когда блефуют, они эдак задумчиво прикрывают рукой рот, чтобы скрыть мимику. Мы их называем «пряталки». А другие, блефуя, вытягиваются на стуле, расправляют плечи, делаются как будто больше, понимаешь? Таких мы зовем «надувные». Стёп — «пряталка».

Харри подался вперед:

— И ты смог определить?..

— Смог, — подтвердил Валенок. — Он всю дорогу этим занимается. Когда врет, убирает руки с предплечий и прячет правую. Я так понял, он правша, да?

— А что он сделал, когда я спросил про снеговиков? Лепит ли он снеговиков? — Харри даже не пытался скрыть волнение.

— Врал, — отрезал Валенок.

— Где именно? Когда сказал, что лепит снеговиков? Или что лепит их у себя на террасе?

Валенок издал короткий хрип, который, как Харри догадался, на самом деле означал смех.

— Это все ненаучно, то, чем мы тут занимаемся,

знаешь ли, — сказал Валенок. — Я думаю, плохих карт у него нет. В первые секунды, после того как ты задал вопрос, он держал ладони на предплечьях, то есть собирался сказать правду, но в то же время его ноздри расширились, то есть у него был стресс. А потом он подумал, спрятал руку и давай врать.

— Точно, — вспомнил Харри. — И это значит, что он что-то скрывает, так ведь?

Валенок сжал губы, показывая, что вопрос щекотливый:

— Это также может означать, что он собирался сказать неправду, зная, что об этом догадаются. Чтобы скрыть правду, которую на самом деле мог выдать.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда профессиональные покеристы получают хорошую карту, вместо того чтобы просто повысить ставки, они повышают их, одновременно давая слабые сигналы о том, что якобы блефуют. Именно для того, чтобы неопытные игроки подумали, что они раскрыли блеф, и пошли на серьезное повышение ставок. Примерно так вот это выглядит. Двойной блеф.

Харри медленно кивнул:

— Ты это к тому, что он хочет, чтобы я думал,

что ему есть что скрывать?

Валенок посмотрел на опустевшую бутылку пива, перевел взгляд на холодильник, сделал не слишком искреннюю попытку подняться с дивана и вздохнул:

— Я же сказал, это все ненаучно. Ты не мог бы…

Харри встал, подошел к холодильнику. Выругался про себя. Когда он звонил Уде, он, конечно, знал, что они наверняка примут его предложение поучаствовать в программе. И еще он знал, что ему удастся беспрепятственно задать Стёпу прямой вопрос — таков был формат передачи — и что камера будет показывать отвечающего так называемым среднекрупным планом, то есть только верхнюю часть тела. Все это отлично подходило для анализа Валенка. И все равно им не повезло. А ведь это была последняя соломинка, последнее место, куда еще мог упасть луч света. Все остальное тонуло во тьме. Возможно, впереди было еще лет десять движения на ощупь, надежд на прорыв, на случайность, на ошибку врага.

Харри уставился на выстроенные как на парад пивные бутылки в холодильнике, их стройные ряды забавным образом контрастировали с хаосом, царящим в комнате. Он помедлил. И взял две

бутылки. Они приятно холодили ладони. Дверца холодильника поползла на место.

— Единственное место, где я с уверенностью могу сказать, что Стёп врет, — подал с дивана голос Валенок, — это когда он говорит, что у него в семье нет случаев сумасшествия или других серьезных наследственных заболеваний.

Харри успел поставить ногу и не дал холодильнику закрыться. Свет из холодильника отражался в темном окне, на котором не было занавесок.

— Продолжай, — сказал он.

И Валенок продолжил.

Через двадцать пять секунд Харри был уже почти внизу лестницы, а Валенок почти допил пиво, которое ему сунул Харри.

— Да, Харри, — пробормотал Валенок себе под нос, — тут вот еще что. Когда Боссе спросил тебя, не ждешь ли ты какой-то особенной женщины, ты сказал «нет». Ох, Харри, даже и не думай играть в покер.

Харри позвонил из машины.

Он не успел назваться, а на том конце уже откликнулись: «Привет, Харри».

Мысль, что Матиас Лунн-Хельгесен запомнил его номер телефона или даже забил его вместе с указанием имени, заставила Харри содрогнуться.

На дальнем плане он слышал голоса Ракели и Олега. Выходные. Семья.

— У меня вопрос относительно клиники «Мариенлюст». Остался после нее хоть какой-нибудь журнал пациентов?

— Сомневаюсь, — ответил Матиас. — Наверное, есть какие-то правила, где говорится о том, как поступить с документами, если они не переходят кому-то еще. Но если нужно, я проверю.

— Спасибо.

Харри промчался мимо станции метро «Виндерен». И снова рядом с ним парил призрак прошлого. Автомобильная погоня, авария, погибший коллега, слухи о том, что за рулем был он, Харри, и что надо бы его проверить на промилле. Это было давно. Много воды утекло, а душа все болит.

Матиас перезвонил через четверть часа.

— Я поговорил с Грегерсеном, он возглавлял клинику «Мариенлюст». Боюсь, все погибло. Но я уверен, что некоторые врачи, Идар в том числе, забрали данные на своих пациентов.

— А ты?

— Я тогда уже знал, что буду заниматься частной практикой, так что ничего не взял.

— А как думаешь, смог бы ты вспомнить имена

хотя бы некоторых пациентов Идара?

— Некоторых — возможно. Но немного. Это же давно все было, Харри.

— Я знаю. Спасибо. — Харри положил трубку и свернул согласно указателю к Королевскому госпиталю.

Герда Нельвик, пышногрудая приветливая дама сорока с лишним лет, этим вечером была одна в отделе установления отцовства Института судебной медицины при Королевском госпитале. Она встретила Харри и повела его в свой кабинет. Ничто не указывало на то, что здесь борются с самыми опасными преступлениями против общественной морали. По-домашнему скучновато украшенные светлые помещения свидетельствовали, что за небольшим исключением местный штат состоит из одних только женщин.

Харри бывал тут раньше и был знаком с процедурой ДНК-анализа. За стеклянными окнами лабораторий он видел женщин в белых халатах, шапочках и медицинских одноразовых перчатках, склонившихся над записями и аппаратурой, где шли волшебные процессы, которые они называли «проба волос», «препарат крови» и «амплификация». Все это в конце концов объединялось в документе, представляющем собой

таблицу, где были сведены пятнадцать различных показателей.

Холе и Нельвик прошли мимо помещения, где на полках были расставлены коричневые конверты с пометками полицейских отделов со всей Норвегии. Харри знал, что в них — предметы одежды, пряди волос, пробы мебельной обивки, крови и других органических материалов, присланные сюда для проведения анализа. Все это для того, чтобы вырвать у этих предметов цифровой код, в котором зашифрованы нужные звенья волшебной спирали, именуемой ДНК, которая идентифицирует ее владельца с точностью почти сто процентов.

Кабинет Герды Нельвик был небольшой — как раз чтобы в нем поместились полки с множеством папок, стол с компьютером, этажерка для бумаг и большая фотография двух пареньков со сноубордами.

— Сыновья? — спросил Харри, садясь.

— Надеюсь, что да, — улыбнулась она.

— Что?

— Так у нас шутят. Вы интересовались заказчиками анализов?

— Да. А именно всеми ДНК-анализами, которые заказаны одним учреждением за последние

двенадцать лет. Мне нужно узнать, чьи это анализы.

— Хорошо. Так что за учреждение?

— Клиника «Мариенлюст».

— «Мариенлюст»? Вы уверены?

— А почему нет?

Она пожала плечами:

— В запросах по установлению отцовства заказчиками в основном бывают судебные инстанции или адвокаты. Или просто частные лица.

— Это не по поводу установления отцовства. Там речь идет об изучении наследственности по причине наличия у отцов тяжелых генетических заболеваний.

— Ага, — сказала Герда. — Тогда посмотрим в базе данных.

— Вы сможете проверить это прямо сейчас? — удивился Харри.

— Ну, если у вас есть время… — Она посмотрела на часы. — Секунд через тридцать…

Харри кивнул.

Герда вбила в компьютер, диктуя сама себе:

— Кли-ни-ка «Ма-ри-ен-люст», — откинулась на спинку стула и подождала, пока машина заработает. — Дурацкая погода этой осенью, да? — спросила она.

— Еще бы, — ответил Харри из вежливости, прислушиваясь к пощелкиванию жесткого диска, как будто мог в нем расслышать ответ, на который так надеялся.

— От нехватки света развивается депрессия, — продолжила она. — Надеюсь, хотя бы снег скоро выпадет. Будет посветлее.

— Хм, — отозвался Харри.

Пощелкивание прекратилось.

— Посмотрим, — сказала она, глядя на экран.

Харри набрал в грудь воздуха.

— Клиника «Мариенлюст» действительно была нашим клиентом, но в последний раз семь лет назад. — Герда нахмурилась. — Однако до этого они много заказывали, как я вижу.

Тут она замолчала. Харри ждал, что она скажет то, о чем он думал. И она сказала:

— Я бы сказала, необычно много для обычного медицинского центра.

Харри чувствовал, он на верном пути, ведущем к выходу из лабиринта. Или, лучше сказать, внутрь лабиринта. К его мрачному сердцу.

— У вас есть данные о тех, кого тестировали по их заказу?

Герда покачала головой:

— Обычно такая информация у нас есть, но

клиника пожелала сохранить анонимность клиентов. К сожалению.

Черт! Харри прикрыл глаза и задумался.

— Но результаты анализов у вас сохранились? С конечным ответом: отец или нет.

— Это да, — ответила Герда.

— И что там?

— Сейчас я не могу вам ответить, потому что надо заходить в каждый файл, а это займет какое-то время.

— А анализы такие же подробные, как при работе с уголовными делами?

— Гораздо более. Потому что в случаях определения отцовства требуется изучить больше факторов, так как половина генетического материала наследуется от матери.

— Значит, если я вам пришлю клеточный материал, пробу, взятую у конкретного человека, вы сможете определить, присылали ли вам его пробы из клиники «Мариенлюст»?

— Верно, — подтвердила Герда, и по ее тону было ясно, что она прекрасно представляет себе, чем объясняется такая сложная схема.

— Хорошо, — сказал Харри. — Мои сотрудники пришлют вам пробы мужей и детей женщин, которые пропали за последние годы. Проверьте,

присылали ли вам аналогичный материал из клиники «Мариенлюст». Мне жаль вас загружать, но уверяю вас, эта работа — первоочередной важности.

И тут глаза Герды загорелись:

— Вспомнила! Вспомнила, где я вас видела: в «Боссе» вчера вечером. Так, значит, то, о чем мы сейчас говорили, касается… — И, несмотря на то что, кроме них, тут никого не было, она понизила голос, как будто прозвище, данное маньяку, стало табу, запретным словом, которое нельзя произносить вслух: — Снеговика?

Харри позвонил Катрине и попросил встретиться с ним в кафе-баре «Ява» на Сент-Хансхёуген. Он припарковался перед старинными воротами собора, рискуя попасть на эвакуатор. По улице Уллеволсвейен сновали люди — спешили закупить продукты на выходные. Ледяной ветер поднимался со стороны собора и летел к кладбищу Христа Спасителя срывать черные шляпы с голов идущих за гробом.

Харри взял кортадо и двойной эспрессо в бумажных стаканчиках и уселся снаружи. Напротив в парке, через дорогу, по пруду нарезал круги одинокий, белый как снег лебедь с шеей, изогнутой знаком вопроса. Харри смотрел на него

и все пытался вспомнить, как называется капкан для лис. От ветра вода покрывалась рябью.

— Кортадо еще горячий?

Перед ним, протянув руку, стояла Катрина.

Харри сунул ей бумажный стаканчик, и они направились к его машине.

— Хорошо, что ты смогла выбраться на работу в субботний вечер, — сказал он.

— Хорошо, что ты смог выбраться на работу в субботний вечер, — как эхо повторила она.

— Я холостяк. Субботний вечер для таких, как я, сущая пытка. А у тебя, напротив, жизнь должна быть в самом разгаре.

Рядом с машиной стоял пожилой человек и раздраженно смотрел на машину Харри:

— Я вызвал эвакуатор.

— Да, я слышал, это теперь модно, — ответил Харри, открывая дверцу. — Вот только парковать их неудобно.

Харри и Катрина уселись в машину, но тут морщинистый кулачок постучал в стекло.

— Кран сейчас приедет. Вы должны остаться и подождать, — предупредил старик.

— Вы так думаете? — Харри показал ему свое удостоверение.

Старик увидел удостоверение и кисло покосил-

ся на часы.

— У вас слишком узкие ворота. Как ни ставь машину, все равно перекроешь выход, — сказал Харри. — А знак «не парковаться» вы повесили незаконно. Я пришлю человека из отдела транспортного контроля, чтобы он его снял. Думаю, вам придется заплатить штраф.

— Что?

— Мы из полиции, — с нажимом сказал Харри.

Старик удивленно уставился на удостоверение, затем на Харри, потом опять на удостоверение, снова на Харри.

— Хорошо, можете ехать, — сказал он с сожалением.

— Ничего хорошего, — ответил Харри. — Я звоню в отдел транспортного контроля.

Старик разъяренно посмотрел на него.

Харри долго искал ключи зажигания, потом завел двигатель и приспустил стекло:

— А вы пока никуда не уходите, ждите здесь.

Они отъехали, в зеркало заднего вида все еще было видно потрясенное лицо старика.

— Ну ты и зараза! — громко расхохоталась Катрина. — Так обойтись со старым человеком…

Харри посмотрел на нее в зеркало. У нее было странное выражение лица, будто ей больно

смеяться. Парадоксально, но это напомнило ему инцидент в баре «Фенрис», когда она приоткрылась ему больше, чем обычно. Наверное, у всех красавиц одна слабость: стоит не ответить на их призыв, как они начинают западать на тебя больше и больше.

Харри улыбнулся. Интересно, что бы она подумала, если бы узнала, что сегодня он проснулся с эрекцией, а остатки сна были посвящены ей: он брал ее прямо в туалетной кабинке бара «Фенрис», да так, что унитаз звенел под ними, а его мошонка при каждом движении стукалась о ледяной фаянс. Зеркало за ее спиной тряслось, лицо Харри в нем расплывалось, и они бились о раковину, сушилку, контейнер с жидким мылом. И только остановившись, он разглядел, что в зеркале было не его, а чье-то чужое лицо.

— О чем думаешь? — спросила она.

— О размножении, — ответил Харри.

— Что?

Харри протянул ей пакет, она открыла и увидела сверху лист бумаги с надписью: «Инструкция по забору материала слизистой полости рта для проведения анализа ДНК».

— И что мы должны с этим делать? — Катрина помахала пакетом.

— Поедем в Соллихёгду, возьмем анализы у близнецов.

На земле по периметру двора снег не растаял. Мокрый, серый, он все еще лежал там, демонстрируя, что это его территория.

Ролф Оттерсен встретил их на крыльце и предложил кофе. Снимая пальто, Харри объяснил, чего они хотят. Ролф ничего не спросил и просто кивнул.

Девочки сидели в гостиной и вязали, позвякивая спицами.

— Ну и что это будет? — спросила Катрина.

— Шарф, — хором ответили близняшки. — Нас тетя учит. — Они кивнули на Ане Педерсен. Та сидела рядом, вязала и благодушно улыбалась Катрине.

— Мне нужно немножко вашей слюны, — попросила Катрина, доставая пробирки. — Откройте ротики.

Близняшки отложили вязанье.

Харри прошел вслед за Ролфом Оттерсеном в кухню, по которой разливался аромат только что сваренного кофе.

— Так значит, вы ошиблись с тем врачом, — сказал Оттерсен.

— Возможно, — ответил Харри. — А возможно,

он все же как-то связан с этим делом. Можно я снова взгляну на сарай?

Оттерсен сделал приглашающий жест, но добавил:

— Правда, Ане там прибралась, так что смотреть особенно не на что.

Там действительно было убрано. Харри вспомнил, как Хольм брал пробу крови, толстым темным слоем покрывавшей пол у верстака. Кровь была куриная. Теперь пол отскоблили дочиста, и только там, где кровь просочилась в трещины, доски были розовые. Харри остановился возле верстака и посмотрел на дверь. Попытался представить себе, как все произошло: Сильвия рубила головы курам, в дверь вошел Снеговик. Ждала ли она его? Она зарубила двух кур. Нет, трех. Почему он подумал, что их было две? Две плюс одна. А почему плюс одна? Харри закрыл глаза.

Две мертвые курицы лежали возле верстака, их кровь стекала вниз, в желоб. Но третья лежала в стороне и запачкала пол. Кровь запеклась вокруг куриной шеи — точно так же, как кровь Сильвии. Он помнил, как Бьёрн Хольм это объяснил, и знал, что мысль не нова, что она уже довольно долго лежит где-то далеко вместе с остальными такими же — недодуманными, полуприснившимися, по-

лупримерещившимися. Мысль о том, что третья курица была убита тем самым инструментом — нагревающейся скользящей петлей.

Он подошел к тому месту, где доски пола впитали кровь, и присел на корточки. Почему, убивая третью курицу, Снеговик использовал не топорик, а петлю? Все просто. Потому что топорик исчез в темном лесу. То есть это произошло после убийства. Он вернулся в сарай и тут убил еще одну курицу. Но зачем? Какой-нибудь ритуал вуду? Внезапный порыв? Черта с два. Этот гад все планирует и всегда следует плану.

— Зачем? — спросила Катрина.

Харри не слышал, как она подошла. Она стояла в дверях сарая, свет голой лампочки падал ей на лицо, в руках она держала пластиковые пакеты с пробами. Харри вздрогнул: Катрина стояла в дверях, вытянув руки, совершенно в той же позе, что и тогда, в доме Беккера, но теперь к этому воспоминанию подмешивалось еще что-то, какое-то другое чувство.

— Да я уж говорил, — пробормотал Харри, глядя на розовые трещины на половицах, — дело замешено на наследственности и на лжи.

— Кого ты подозреваешь? — спросила она, подходя ближе, цокая высокими каблуками по

доскам. — Кто маньяк?

Она присела на корточки рядом с ним, запах ее мужского парфюма, нагретого кожей, начал обволакивать Харри.

— Я уже сказал: понятия не имею.

— Но ведь сейчас ты выполняешь не просто рутинный осмотр! У тебя появилась версия, — выпалила она.

Харри помолчал:

— Это пока еще не версия.

— Все равно расскажи.

Харри вздохнул:

— Арве Стёп. Он сказал, что Идар Ветлесен лечил ему локоть. Но Боргхильд заверила, что никаких записей о Стёпе у Ветлесена нет. Спрашивается: почему?

Катрина пожала плечами:

— Возможно, у него было что-то посерьезнее, чем локоть, и Стёп боялся, что информация о травмах может всплыть и подпортить его лучезарный имидж.

— Если бы Идар Ветлесен по этой причине отказался вести записи своих пациентов, то у него архив был бы пуст. Я думаю, тут скрывается что-то действительно серьезное. Тайна, не подлежащая разглашению.

— Например?

— На ток-шоу Стёп соврал, когда сказал, что у него в роду никогда не было сумасшедших и людей с хроническими заболеваниями.

— Ну и что?

— Давай подумаем, попробуем от этого оттолкнуться. Ради версии.

— Версии, которая пока еще не версия?

Харри кивнул:

— Идар Ветлесен тщательно скрывал, что принимает больных с болезнью Фара. Об этом не знала даже Боргхильд, его ассистентка. Так почему именно на него, а не на любого другого врача в мире вышли Сильвия Оттерсен и Бирта Беккер?

— Почему?

— Давай представим, что главным умением Ветлесена было не лечение серьезных заболеваний, а сохранение тайны. Он сам говорил, что вся его практика строится именно на этом. Поэтому к нему приходит пациент — к тому же еще и его друг — и говорит, что у него болезнь Фара и диагноз ему поставили в другом месте, у настоящего специалиста. Но этот самый специалист не обладает умением Ветлесена хранить тайну, а подобный факт и вправду должен храниться в полнейшей секретности. Пациент настаивает,

возможно, даже платит большие деньги. Потому что он из тех, кто может заплатить.

— Арве Стёп?

— Да.

— Но диагноз-то ему поставили в другом месте, откуда вполне возможна утечка?

— Да, но Стёп боится не этого. Он боится, что диагноз болезнь Фара будет поставлен ребенку: ведь болезнь передается по наследству. Вот что должно храниться в полнейшей тайне, потому что никому не известно, что у Стёпа есть дети. Многие мужчины думают, что эти дети — их собственные. Например, Филип Беккер думал, что он отец Юнаса. И… — Харри кивнул в сторону дома.

— Ролф Оттерсен? — сдавленно прошептала Катрина. — Близнецы? Ты думаешь, что этот генетический материал, — она помахала пакетиками, — приведет к Арве Стёпу?

— Возможно.

Катрина посмотрела на него:

— Пропавшие женщины… у них у всех остались дети…

— Если обнаружится, что Стёп является отцом Юнаса и близняшек, мы в понедельник начнем брать пробы у остальных.

— Ты хочешь сказать, что Стёп… делал детей по

всей Норвегии? Разным женщинам? А потом их убивал, после того как они родят?

Харри пожал плечами.

— Но зачем? — недоумевала она.

— Если я прав, то речь, разумеется, идет о сумасшедшем, так что о мотивах можно только догадываться. Потому что в действиях сумасшедших частенько прослеживается четкая логика при неверном посыле. Ты слышала о тюленях?

Катрина покачала головой.

— Они совершают холодные и расчетливые убийства, — сказал Харри. — После того как самка родит детенышей и у нее начинается следующая течка, самец пытается ее убить, потому что знает, что с ним она больше спариваться не станет, и хочет сделать так, чтобы у его собственных детей не появилось конкурентов.

Судя по лицу Катрины, ей было сложно понять эти высокие тюленьи отношения.

— С ума сойти, — наконец сказала она, — но я даже не знаю, что хуже: думать как тюлень или верить, что другие могут думать как тюлень.

— Я же сказал… — Харри встал, и его колени громко хрустнули. — Это даже еще не версия.

— Врешь. — Она глядела на него снизу вверх. — Ты совершенно уверен, что их отец — Арве Стёп.

Харри криво усмехнулся.

— Ты такой же сумасшедший, как и я, — улыбнулась она ему в ответ.

Харри пристально посмотрел на нее:

— Пошли. В лаборатории ждут пробы.

— В субботу вечером? — удивилась Катрина. — Что у них, никакой личной жизни?

Они отдали пакетики в лабораторию, где им пообещали дать ответ сегодня же вечером, в крайнем случае — завтра рано утром. Харри подвез Катрину домой на Сейльдуксгата.

— У тебя в окнах опять темно, — заметил он. — Ты что же, живешь одна?

— Такая роскошная женщина, как я? — улыбнулась она, открывая дверь. — Никогда.

— Хм. А почему ты не захотела, чтобы я рассказал твоим бывшим коллегам в Бергене, что ты теперь работаешь в Осло?

— А зачем?

— Ну, я подумал, было бы круто, если бы они узнали, что ты теперь участвуешь в громком расследовании, да еще в столице.

Она пожала плечами:

— Бергенцы не считают Осло столицей. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Харри тронулся по направлению к Саннергата.

Он не был уверен, но ему показалось, что Катрина внутренне зажалась. Теперь, когда любой щелчок казался ему звуком встающего на место курка, а оказывался хрустом веток, которые в ужасе ломает глядящая на него малышка, он уже ни в чем не был уверен. Но он не мог не думать о том, что его волновало, даже если он не был в этом уверен. Катрина в тот вечер направила револьвер в спину Филипа Беккера. И когда Харри встал между ним и ею, он услышал тот же звук, что и во дворе, когда Сальма сломала ветку. Щелчок курка, вернувшегося в исходную позицию. Значит, Катрина нажала на спусковой крючок на две трети, так что выстрел мог прогреметь в любой момент. Она была готова застрелить Беккера.

Харри не мог об этом забыть. Потому что сегодня снова увидел ее в дверях, свет падал ей на лицо, и он узнал это выражение. А еще потому, что дело касалось наследственности.

Комиссар полиции Кнут Мюллер-Нильсен обожал Джули Кристи. Так сильно, что ни разу не осмелился рассказать об этом своей жене. Однако в силу того, что подозревал ее саму во внебрачной

связи с Омаром Шарифом, угрызений совести он не испытывал, а просто сидел рядом с женой на диване и наслаждался лицезрением Джули Кристи. Правда, было одно «но»: в настоящий момент Джули Кристи находилась в объятиях вышеупомянутого Омара. И когда телефон на столике в гостиной зазвонил и комиссар снял трубку, его жена нажала на паузу, так что эта прекрасная, но невыносимая сцена из их любимого фильма «Доктор Живаго» застыла на экране.

— Добрый вечер, Холе, — поздоровался Мюллер-Нильсен, когда Харри назвал свое имя. — Да уж, представляю себе. Теперь вам точно есть чем заняться.

— У вас есть минута? — спросил хриплый, но мягкий голос на другом конце линии.

Мюллер-Нильсен взглянул на алые, жадные губы Джули Кристи, ждущий взгляд полуприкрытых глаз, но ответил:

— У меня столько времени, сколько вам понадобится, Холе.

— Когда вы у себя в кабинете показывали мне фотографии Герта Рафто, я кое на что обратил внимание. Вы сказали о его дочери: «Она же хорошо справлялась, особенно как подумаешь, через что ей пришлось пройти», как будто я должен

был знать, какой она хороший работник.

— Ну да, ведь она действительно отлично справляется, разве не так? — спросил Мюллер-Нильсен.

— Это как посмотреть, — отозвался Харри.

Глава 24
День девятнадцатый. Тувумба

Под сводами зала в Центре Хени — Унстада в ожидании толпились гости. Арве Стёп стоял в дверях и встречал прибывших. Щеки у него болели от беспрестанных улыбок, а после стольких рукопожатий давал о себе знать травмированный локоть. Молодая женщина из агентства, которое устраивало этот вечер, скользила невдалеке от него и, улыбаясь, указывала гостям их места за столами. Нейтрально-черный костюм и наушники с почти незаметным микрофоном делали ее похожей на агентшу из боевика «Миссия невыполнима».

— Нам пора, — сказала она и поправила на Арве смокинг дружеским, почти нежным движением руки с обручальным кольцом на пальце.

Ее бедра заколыхались перед его взглядом — они шли в зал. Интересно, есть ли у этих бедер дети? Черные брюки отлично сидели на прекрасно тренированной заднице, и Арве Стёп представил себе эту задницу уже без брюк, на кровати в квартире на Акер-Брюгге. Откажется,

пожалуй, слишком профессиональна… Он встретился с ней глазами в большом зеркале у двери, понял, что она заметила его взгляд, и растянул губы в широкой виноватой улыбке. Она немедленно улыбнулась в ответ и залилась легким и совершенно непрофессиональным румянцем. «Миссия невыполнима», говорите? А вот и нет. Но не сегодня вечером.

При его появлении все встали. Рядом в качестве его дамы посадили его же заместительницу — выбор скучный, но необходимый. Она была замужем, имела детей и опустошенное лицо женщины, которая проводит на работе от двенадцати до четырнадцати часов ежедневно. Бедные детки. И бедный мужик, на кого пал ее выбор в тот день, когда она внезапно решила, что жизнь состоит не из одного только «Либерала». За столом подняли бокалы в его честь, а между тем взгляд Стёпа скользил по залу. Сверкали накрашенные улыбающиеся глаза и яркие платья. Без рукавов, без воротников, без бретелек, без стыда.

Раздался гром. Мощные звуки «Так говорил Заратустра» Штрауса вырвались из динамиков. На совещании у устроителей Арве Стёп сказал, что подобное начало вечера кажется ему помпезным, абсолютно неоригинальным и заставляет

задуматься о возникновении человечества. Ему ответили, что так и было задумано.

На сцене, в дыму и свете софитов, появился известный телеведущий, который потребовал — и получил — за конферанс шестизначную сумму.

— Господа! — прокричал он в микрофон, который своими размерами и формой напомнил Арве Стёпу эрегированный пенис. — Добро пожаловать на вечер! Я обещаю, он станет для вас незабываемым!

Арве Стёп задумался, что будет, когда это все наконец завершится.

Харри разглядывал фотографии, стоявшие на полках, — общество мертвых полицейских. Он пробовал думать, но мысли разбегались, безостановочно вертелись в голове и в общую картину так и не складывались. Он постоянно чувствовал, что кто-то следит за ним, находится совсем рядом, знает, что и когда он собирается предпринять. Так, но не совсем. Казалось, что все вроде просто. И в то же время — непостижимо сложно.

Кнут Мюллер-Нильсен сказал, что Катрина была одним из самых многообещающих следователей убойного отдела в Управлении полиции Бергена, восходящей звездой. С ней никогда не было проблем. То есть был, разумеется, инци-

дент, после которого она и перевелась в полицию нравов. Человек, проходивший свидетелем по одному делу — старому «глухарю», позвонил и нажаловался, будто бы Катрина не верит, что он уже все выложил полиции. Вот тогда и открылось, что она самостоятельно, не информируя начальство, вела расследование этого дела. Поскольку она этим занималась в свободное от работы время, ничего предосудительного тут не было, но штука в том, что именно в это дело Катрине совсем не стоило бы лезть, и об этом ей прямо в лицо и заявили. В ответ она указала на большое количество ошибок, допущенных предыдущим следователем, однако ей так и не вняли, и она, разозлившись, ушла в другой отдел.

— Это дело стало для нее настоящим наваждением, — сказал Мюллер-Нильсен. — А расследование, если мне память не изменяет, пришлось как раз на то время, когда Катрину бросил муж.

Харри поднялся и пошел по коридору к кабинету Катрины. Дверь, как и положено по инструкции, заперта. Харри прошел дальше, в комнату с ксероксом. Там на нижней полке, сбоку от пачек писчей бумаги, всегда, сколько Харри помнил, лежал резак. Никто им не пользовался. Он вытащил резак — тяжеленную металлическую пластину

с острым краем — и понес его, обхватив обеими руками, к кабинету Катрины Братт.

Оказавшись у двери, он поднял резак вверх и разжал руки.

Резак ударился о ручку, отчего собачка замка попала аккурат в паз.

Харри успел отскочить, и резак с грохотом упал на пол, не задев его ног. Он толкнул дверь, она открылась, и, подняв резак, Харри вошел внутрь.

Кабинет Катрины Братт был точь-в-точь такой же, как тот, который Харри когда-то делил с инспектором Джеком Халворсеном. Пустой, с голыми стенами, ни фотографий, ни картинок, ни других личных вещей. У письменного стола был единственный замок, запиравший все ящики. Несколько движений резака — и замок, треснув, поддался. Харри сдвинул пачку бумаг в сторону и принялся рыться среди папок, дыроколов и другой канцелярии, пока не нашел ножны. Он вытащил нож с зубчатым лезвием. Да, это вам не какой-нибудь перочинный ножик! Харри провел лезвием по стопке сложенных рядом документов, нож без усилий глубоко вошел в бумагу.

В нижнем ящике лежали две нераспечатанные пачки патронов к табельному револьверу. Из личных вещей Харри обнаружил только два

кольца. Одно было усыпано камнями, ярко сверкавшими под настольной лампой. Его Харри уже где-то видел. Он прикрыл глаза и попытался припомнить где. Большое блестящее кольцо. В нем всего слишком много — такой миниатюрный Лас-Вегас, думал он, Катрина такое никогда бы не надела. И в это самое мгновение он вспомнил и почувствовал, как забилось сердце — тяжело, но четко. Он видел это кольцо в спальне Беккеров.

Ужин в зале центра закончился, столы убрали. Арве Стёп стоял, прислонившись к дальней стене, и смотрел на сцену, возле которой сгрудились гости, с воодушевлением разглядывая певца. У него были сомнения по поводу присутствия на торжестве музыкантов, но устроители сказали, что инвестирование в развлекательную часть покупает лояльность подчиненных, гордость за компанию и трепетное отношение к своему месту. А покупая часть международного успеха музыкантов, он акцентирует успех собственной газеты, и это способствует укреплению бренда «Либерала» как продукта, с которым рекламодатели захотели бы идентифицировать себя самих.

Певец поднес палец к уху и взял самую высокую ноту мирового хита восьмидесятых.

— Никто не фальшивит так прекрасно, как

Мортен Харкет, — сказал кто-то рядом с ним.

Он повернулся. И тут же понял, что эту женщину уже где-то видел: красивых женщин он не забывал никогда. Правда, все чаще и чаще забывал, где и при каких обстоятельствах они встретились. Стройная, в простой черной юбке с разрезом. И он сразу вспомнил Бирту. У Бирты была такая же.

— Ужасно! — улыбнулся он.

— Эту ноту трудно взять, — заметила она, не сводя глаз с певца.

— Ужасно то, что я не помню вашего имени. Помню только, что мы встречались раньше.

— Не встречались, — ответила она. — Вы просто на меня глазели.

Женщина откинула от лица темные волосы. Она была красива классической, немного напряженной красотой. Как британская супермодель Кейт Мосс. Бирта напоминала скорее Памелу Андерсон.

— Ну, за это можно не извиняться. — Он приободрился и почувствовал, как кровь несет шампанское к тем участкам головного мозга, которые делали его легким, свободным, а не просто пьяным. — Кто вы?

— Меня зовут Катрина Братт, — ответила она.

— Прекрасно. Вы наш рекламодатель, Катрина? Банковское дело? Недвижимость? Фотограф-фрилансер?

На каждый вопрос Катрина с усмешкой отрицательно качала головой.

— Я любительница вечеринок, — ответила она наконец. — Одна из ваших сотрудниц, журналистка, приходится мне подругой. Она сказала, кто у вас тут будет играть вечером, так что я успела лишь натянуть юбку и проникла сюда. Хотите выкинуть меня на улицу?

Она поднесла бокал с шампанским к губам. Не таким полным, как он любил, но ярким и влажным. Женщина продолжала разглядывать происходящее на сцене, так что он мог спокойно изучать ее профиль. Весь целиком. Прямую спину, совершенную по форме грудь. Никакого силикона, наверное, просто хороший бюстгальтер. Но могла ли эта грудь выкормить ребенка?

— Я подумаю, — сказал он. — Вы можете привести аргументы в свою пользу?

— Как насчет неприкрытой угрозы?

— Попробуйте.

— Я видела, что у входа собрались папарацци в ожидании вечернего улова знаменитостей. Что, если я расскажу им про мою подругу? Ей дали

понять, что ее перспективы в «Либерале» самые печальные, потому что она отвергла ваше предложение о близости.

Арве Стёп громко и радостно рассмеялся. Он видел, что на них уже начали посматривать гости. Наклонившись к Катрине, он почувствовал, что ее духи по запаху почти не отличаются от его одеколона.

— Во-первых, я вовсе не против таких сплетен, по крайней мере в заметках моих коллег из желтой прессы. Во-вторых, ваша подруга, видимо, плохой журналист. И в-третьих, она *лжет*. Я трахнул ее, и не один раз. И *это* вы тоже можете спокойно поведать папарацци. Вы замужем?

— Да, — ответила Катрина и выставила ногу в разрез юбки, так что он рассмотрел узор на резинке ее чулок.

Арве Стёп почувствовал, что во рту пересохло, и пригубил шампанское. Взглянул на цветные пятна платьев, ритмично двигающихся возле сцены. Выдохнул через нос. Он ощущал запах всех присутствующих здесь женщин.

— У вас есть дети?

— А вы хотели бы, чтобы у меня были дети?

— Да.

— Почему?

— Потому что матери, давая миру новую жизнь, подчиняют себе природу и это дает им более глубокое понимание жизни, чем у других женщин. И мужчин.

— Глупости.

— Нет. Они прекращают отчаянно искать потенциального отца. Они хотят только играть.

— Ну что ж, — обернулась к нему Катрина, — тогда у меня есть дети. Во что вы хотите поиграть?

— А во что хотите.

— Отлично.

Певец закрыл глаза, вцепился в микрофон обеими руками и выдал протяжное крещендо.

— Праздник скучный, и я поехал домой. — Стёп поставил пустой бокал на проплывающий мимо поднос. — Я живу на Акер-Брюгге. Тот же подъезд, где редакция «Либерала». Последний этаж, верхний звонок.

— Я знаю, где это, — усмехнулась она. — Насколько вы хотите меня опередить?

— Дайте мне двадцать минут. И пообещайте, что вы ни с кем больше не будете разговаривать. Особенно с вашей подругой. Договорились, Катрина Братт? — Он смотрел на нее, надеясь, что не перепутал имя.

— Обещаю, — ответила она, и Арве Стёп заме-

тил, что ее глаза светятся каким-то особенным огнем, напоминающим отсвет лесного пожара на небе. — Я заинтересована в нашей встрече так же, как и вы. — Она подняла бокал.

Стёп взглянул на нее в последний раз и пошел к выходу. За его спиной дрожал фальцет певца, все дальше и тише.

Грохнула дверь подъезда, и по улице Сейльдукс-гата прокатился громкий пьяный рев. Четверо подростков шли с вечеринки в Грюнерлёкку — район баров. Они прошли мимо автомобиля, стоящего у тротуара, и не заметили человека, который сидел внутри. Потом завернули за угол, и на улице снова стало тихо. Харри наклонился к лобовому стеклу и посмотрел на окна квартиры Катрины Братт.

Он мог бы позвонить Хагену, мог вызвать Скар-ре и патрульную машину, но вдруг это ошибка, сначала надо проверить.

Он вышел из автомобиля, подошел к двери и позвонил в неподписанный звонок, ведущий в квартиру на третьем этаже. Подождал. Позвонил снова. Потом вернулся к машине, достал из ба-гажника ломик, возвратился к двери и позвонил на первый этаж. Ответил сонный мужской голос, на заднем плане звучал опус ТВ-бемоль. Секунд

через пятнадцать мужчина спустился и открыл дверь. Харри показал ему удостоверение.

— Я не слышал никаких звуков взлома, — сказал мужчина. — Кто вас вызвал?

— Спасибо, обратно я уйду без вашей помощи, — не отвечая на вопрос, отозвался Харри.

На третьем этаже также не было таблички с именем жильца. Харри постучал, приложил ухо к двери и прислушался. Потом вставил острие ломика между дверью и косяком около замка. Поскольку дома в Грюнерлёкке в свое время строились для простых рабочих с фабрик вдоль Акера, то использовались тут самые дешевые материалы, и Харри взломал дверь без особого труда.

Он постоял секунду-другую в темной прихожей, прислушиваясь. Потом включил свет и посмотрел на подставку для обуви. Шесть пар. Все — маленького размера, мужских нет. Поднял одну пару, которая как раз сегодня была на Катрине, — подошвы были еще влажные.

Прошел в гостиную, включил фонарик, чтобы в случае чего она не смогла с улицы увидеть, что у нее гости.

Луч скользнул по растрескавшемуся сосновому полу, простому белому дивану, книжным полкам и эксклюзивному усилителю марки «Линн». В

стене был альков, там стояла небольшая, аккуратно застланная кровать, кухонька занимала угол, где приткнулись еще холодильник и плита. Жилище было строгое, спартанское и чистое. Как у самого Харри. Луч света нащупал лицо, которое пристально уставилось на него. Потом еще одно. И еще. Черные деревянные маски с резьбой и красочным узором.

Он посмотрел на часы. Одиннадцать. Луч света пополз дальше. Вся стена над единственным столом была увешана газетными вырезками. Они покрывали ее от пола до потолка. Он подошел ближе. Скользнул взглядом вдоль скрепок и почувствовал, как сердце понеслось вскачь.

Вырезки были о расследовании убийств.

Много убийств, десять или двенадцать, некоторые произошли так давно, что газетная бумага успела пожелтеть. Но Харри отлично помнил все эти дела, потому что у них было кое-что общее: расследования вел он сам.

На столе возле компьютера лежала стопка папок. Рапорты следственной группы. Он открыл одну. Не его расследование, это материалы по убийству Лайлы Осен на горе Ульрикен в Бергене. В другой папке говорилось о деле Онни Хетланн, которая пропала в Фьелльсидене. В третьей были

жалобы на Герта Рафто. Харри пролистал всю папку. Увидел те же фотографии, что показывал ему Мюллер-Нильсен в своем кабинете. Теперь он смотрел на них и понимал все до конца.

Рядом с принтером он увидел листы бумаги. На верхнем было что-то нарисовано. Быстрый любительский карандаш, но, впрочем, разобрать было можно. Снеговик. Лицо удлиненное, как будто подтаявший снег стекал вниз, мертвые кружки глаз, тонкая длинная морковка смотрела вниз. Харри перелистал бумагу. На каждом листе по рисунку. Везде снеговики, большей частью только головы. Маски, подумал Харри. Маски смерти. У одной маски был птичий клюв, маленькие человеческие ручки по сторонам, а внизу — птичьи лапки. У другой — поросячий пятачок и цилиндр.

Харри начал обыскивать комнату, сказав себе то же самое, что Катрине тогда, на Финнёй: отбрось все мысли, голова должна быть пустой. Смотри, а не ищи. Прошелся по всем шкафам и ящикам, порылся в кухонной утвари, моющих средствах, одежде, экзотических шампунях и импортных кремах в ванной, где стоял запах ее духов. Пол в душевой был еще мокрый, а на раковине лежал тюбик туши для ресниц. Харри

вышел. Он не знал, что ищет, но понял, что этого тут нет. Выпрямился и посмотрел вокруг.

Нет. Оно тут. Просто он еще не нашел.

Сдвинул книги с полки, открыл шкафчик на кухне, проверил, нет ли пустот под досками пола или в стенах, перевернул матрац. Посмотрел везде. Больше искать негде. Безрезультатно. Утешает только главное правило обыска: не найти значит так же много, как и найти. И теперь он понимал, что искал все это время. Харри начал убирать за собой.

Положив рисунки на место, он вспомнил, что не проверил принтер. Верхний лист был пожелтевшим, толще обычной писчей бумаги и как-то по-особенному пах — как будто его посыпали специями и подпалили. Харри поднял его повыше и подсветил фонариком, чтобы разглядеть водяные знаки. Нашел — внизу, в правом углу, чуть заметные между тонкими бумажными волокнами. Вены на шее у Харри вздулись, как будто вся кровь хлынула в них, потому что мозгу срочно требовалось больше кислорода.

Харри включил компьютер. Посмотрел на часы, подождал, пока загрузится, нашел функцию поиска и вбил простое слово. Потом кликнул мышкой «искать». Появился веселый мультяшный пес,

который подпрыгивал вверх-вниз и застыл, когда поиск был закончен. Харри прочитал: «Искомое слово найдено в 0 документах». Проверил, правильно ли он ввел слово. Тувумба. Харри закрыл глаза. Услышал, как машина урчит, словно довольная кошка. Потом урчание прекратилось. Харри открыл глаза: «Искомое слово найдено в 1 документах».

Он навел курсор на иконку вордовского документа. В желтом прямоугольнике появилось пояснение: «Последний раз изменен 9 сентября». Он почувствовал дрожь в руках и дважды кликнул мышкой. Белый фон документа осветил комнату. Текста было совсем мало. Сомнений не осталось. Это было письмо Снеговика.

Глава 25
День девятнадцатый. Дедлайн

Арве Стёп лежал на кровати, сделанной на заказ на фабрике «Мисуку» в Осаке и обшитой в кожевенной мастерской «Ченнай» в Индии, поскольку законы штата Тамилнад запрещали к экспорту этот сорт натуральной кожи. Со времени заказа до получения кровати прошло полгода, но результат стоил ожидания. Кровать ласкала тело, как гейша, мгновенно приноравливаясь к любым позам и движениям.

Он смотрел, как медленно вращаются тиковые лопасти потолочного вентилятора.

Катрина поднималась в лифте. По домофону он сказал ей, что будет ждать в спальне, а дверь в квартиру оставит открытой. Холодный шелк «боксеров» льнул к разгоряченной алкоголем коже. Из музыкального центра «Боуз» лились плавные мелодии. Маленькие, почти незаметные динамики находились в каждой комнате.

Он услышал, как ее каблуки зацокали по паркету гостиной, медленно, но решительно. Один их звук возбуждал его. Если бы она только знала,

что ее ждет…

И вот она стоит в дверях, освещенная вставшей над фьордом луной, и смотрит на него со своей полуулыбочкой. Катрина развязала пояс длинного черного кожаного пальто и уронила его на пол. Он затаил дыхание, но нет — она все еще в юбке. Подошла к кровати, протянула какую-то резиновую вещицу. Это была маска — розовенькая маска зверька.

— Надевай, — сказала Катрина без всякого выражения.

— Ух ты! — восхитился он. — Маска поросеночка!

— Делай, что я сказала. — И в ее глазах снова появился удивительный золотой сполох.

— Mais oui, madame.

Арве Стёп натянул маску. Она закрывала лицо целиком, пахла резиновыми перчатками, а в прорези он с трудом различал силуэт гостьи.

— А я хочу, чтобы ты… — начал он, прислушиваясь к своему чужому, напряженному голосу, но продолжить не успел, потому что внезапно почувствовал звенящую боль в левом ухе.

— Заткнись! — крикнула Катрина.

До него не сразу дошло, что она его ударила. Он знал, что лучше ему сдержаться, иначе он

расстроит всю ее игру, но не смог и заржал, уж очень это было нелепо: поросячья маска из мягкой резины, ушки, пятачок… Следующий удар пришелся в живот — удар страшной силы. Стёп согнулся пополам, застонал и свалился с кровати. В глазах потемнело, он тщетно пытался вдохнуть ртом воздух, но под маской сделать это было непросто. Тут он почувствовал, что она заломила ему руки за спину. В этот момент Стёп наконец вздохнул, мозг получил достаточное количество кислорода, и тогда на него обрушилась боль. И ярость. Чертова баба! Он попытался освободиться и схватить ее, но почувствовал, что не может шевельнуть руками: в кожу запястий врезалось что-то острое. Наручники? Извращенка!

Катрина дернула за наручники, чтобы он сел.

— Видишь, что это? — услышал он ее шепот.

Маска перекосилась на лице, теперь он вообще ничего не видел.

— Мне и смотреть не надо, — ответил он. — Я по запаху знаю, что это твоя киска.

Удар в висок оглушил его, а когда он снова услышал музыку, то понял, что все еще сидит на кровати. Что-то упиралось ему в щеку.

— Шлюха! Чем ты ударила? — заорал Стёп. — У меня же кровь течет, сука!

— А вот чем.

Арве Стёп почувствовал, что нос и губы расплющило что-то твердое.

— Нюхай, — приказала она. — Разве не прекрасный запах? Сталь, ружейное масло. «Смит-вессон». Пахнет!.. Ни с чем не спутаешь. Порох пахнет еще лучше, но его ты еще успеешь понюхать.

Это просто такие забавы, успокоил себя Арве Стёп, жесткие ролевые игры. Но в ее голосе и во всей ситуации было что-то пугающее, и впервые за долгие годы — такие долгие, что он снова как будто оказался в детстве, потому что с тех пор он ничего подобного не ощущал, — Стёп понял, что ему страшно.

— Ты уверен, что не стоит завести моторчик? — спросил Бьёрн Хольм, кутаясь поплотнее в кожаную куртку. — У «амазона», знаешь, офигенная печка.

Харри мотнул головой и посмотрел на часы. Половина второго. Они просидели в машине Бьёрна Хольма под окнами квартиры Катрины уже полтора часа. Их окружала иссиня-черная ночь, улицы давно опустели.

— Снову-то у нее был цвет «калифорнийский белый», — бубнил Бьёрн Хольм свое, — номер

сорок два по стандарту «Вольво», но тот владелец покрыл черным лаком. Оно, можить, и хорошо для машины, да и всего-то триста шестьдесят пять крон в год. По кроне в день, стало быть…

Бьёрн Хольм поймал взгляд Харри, замолчал и поставил альбом Джиллиан Уэлш и Дэвида Роулингса — из всех современных ребят этих хоть слушать можно. Он переписал альбом с компакт-диска на кассету, и не только потому, что в машине, кроме кассетника, никакой аппаратуры не было, но и потому, что относился к узкому кругу любителей музыки, которые считали, что ни один CD никогда не достигнет теплого и глубокого звучания магнитной пленки.

Бьёрн Хольм разболтался, оттого что нервничал. Харри сказал ему только, что Катрину Братт отстранили от расследования и Бьёрн Хольм в течение следующих недель должен делать вид, что ни о чем не знает, и намекнул, что такой миролюбивый, степенный и интеллигентный человек, как Бьёрн, не станет искать себе на задницу приключений. Бьёрн Хольм со многим согласился, но ситуация ему все равно не понравилась. Он посмотрел на часы.

— Она, видать, у какого-нить мужика.

Харри повернулся к нему:

— Почему ты так думаешь?

— Ну так она ж разведенка, ты сам сказал. Одинокая девка — она вить как и мы, одинокие парни, себя ведет. По нашим-то временам.

— То есть?

— Четыре пункта: идешь, рыщешь, выбираешь, кого попроще, и давай.

— Хм. И ты тоже? По четырем пунктам действуешь?

— По первым трем, — ответил Бьёрн Хольм, глядя в зеркало и взбивая рыжий кок. — В городе-то, вишь ты, одни скупердяйки.

Раньше Бьёрн Хольм пользовался бриолином, но потом решил, что это, пожалуй, слишком радикально. С другой стороны… может, и стоило дойти, так сказать, до конца.

— Черт! — перебил его мысли Харри. — Черт! Черт!

— Эй…

— В ванной недавно мылись. Духи, тушь. Ты прав.

Старший инспектор вытащил мобильный, лихорадочно набрал номер, на том конце ответили немедленно.

— Герда Нельвик? Это Харри Холе. Вы все еще занимаетесь тестами? И что получается?

Бьёрн Хольм слушал, как Харри промычал в трубку свое «хм», а потом три раза сказал «точно».

— Спасибо, — закруглился Харри. — И еще. Скажите, кто-нибудь из наших звонил вам уже сегодня с теми же вопросами? Как? Понимаю. Да, позвоните, когда все будет готово.

Харри дал отбой.

— Заводи, — бросил он.

Бьёрн Хольм повернул ключ в замке зажигания и спросил:

— Ну и что там случилося?

— Поехали к «Плазе». Катрина Братт уже звонила в Институт судебной медицины и спрашивала о результатах установления отцовства.

— И что, уже готово? — спросил Бьёрн Хольм и наддал газу, поворачивая на Скёус-плас.

— Они первым делом делают тесты с точностью девяносто пять процентов, а остальное время уходит на то, чтобы довести степень точности до девяноста девяти.

— Ну и что?

— Девяносто пять процентов, что отцом близняшек Оттерсен и Юнаса Беккера является Арве Стёп.

— Ёксель-моксель!

— Мне кажется, Катрина подумала так же, как ты, и поехала к Арве Стёпу.

Харри звонил в управление, вызывал подмогу, а старенький мотор ревел по улицам Грюнерлёкки. Только когда они проехали станцию скорой помощи у Акера и вынырнули под огни Стургата, печка наконец выдала прямо в лицо струю раскаленного воздуха.

Óдин Наккен из газеты «Верденс ганг» мерз на тротуаре рядом с центром и проклинал мир, человечество и особенно свою работу. Из дверей тянулись последние гости вечеринки «Либерала», а те, кто уходят последними, всегда самые интересные — о них будут кричать заголовки в течение нескольких следующих дней. Но близился дедлайн, и через пять минут ему нужно будет пройти несколько сот метров до Акерсгата, сесть в своем кабинете и написать заявление редактору, что он уже вырос и не желает больше стоять, как какой-нибудь четырнадцатилетка, прижав нос к стеклу и глядя на вечеринку с улицы, надеясь, что к нему кто-нибудь выйдет и расскажет, кто с кем танцевал, кто кого облил шампанским, кто кого склеил. Написать, что он увольняется.

Он поймал, конечно, пару слухов, слишком невероятных, чтобы не быть правдой, но напеча-

тать их они не смогут. Существуют определенные рамки, неписаные правила. Правила, которые журналисты его поколения старались свято блюсти.

Наккен посмотрел вокруг. Выстояли еще несколько журналюг и фотографов. Или просто у них, как и у него, был поздний срок сдачи в печать колонки о знаменитостях.

И тут к нему на огромной скорости подлетел «вольво-амазон», лихо завернул к тротуару и затормозил. С пассажирского места выскочил человек, которого Один Наккен тотчас узнал. Он махнул фотографам, рванул вместе с ними за полицейским. А тот уже был в дверях.

— Харри Холе, — отдуваясь, просипел Наккен, нагнав его. — Что тут делает полиция?

Полицейский перевел на него покрасневшие глаза:

— Иду на вечеринку, Наккен. Где они, черт побери, ее проводят?

— В зале Сони Хени. Но там уже и так, боюсь, слишком много народа.

— Хм. Ты видел Арве Стёпа?

— Стёп рано отправился домой. А можно спросить, что тебе от него нужно?

— Нельзя. Он уехал один?

— Это вопрос спорный.

Старший инспектор резко остановился и повернулся к нему:

— Что ты имеешь в виду?

Один Наккен наклонил голову. Он пока не понимал, что происходит, но тут явно пахло сенсацией.

— Был слушок, что он болтал с какой-то красоткой. Облизывался как кобель. Ничего, короче, что можно напечатать. К сожалению.

— А дальше? — набычился старший инспектор.

— Женщина, подходящая по описанию, покинула отель через двадцать минут после Стёпа и села в такси.

Холе тут же повернулся и пошел к доставившему его потрепанному автомобилю. Один хвостом семенил следом.

— Что же ты за ней не поехал, Наккен?

Сарказма Один Наккен не почувствовал: до него он вообще долго доходил.

— Холе, она же не знаменитость. Знаменитость, которая трахает незнаменитость, — это, так сказать, не материал. Если только дама не захочет нам что-нибудь рассказать. А эта просто исчезла.

— А как она выглядела?

— Худая, темная. Красивая.

— Одежда?

— Черное длинное кожаное пальто.

— Спасибо. — Холе прыгнул в «амазон».

— Эй! — окликнул Наккен. — А что я буду с этого иметь?

— Спокойный ночной сон, — ответил Харри, — от сознания того, что ты способствовал укреплению правопорядка в нашем городе.

Один Наккен с горькой миной проводил взглядом автомобиль с остатками раллийной раскраски, который умчался, грохоча двигателем. Пора отправляться восвояси. Пора писать заявление об уходе. Пора наконец повзрослеть.

— Дедлайн, — сказал фотограф. — Пошли отнесем говно, которое мы тут наковыряли.

Один Наккен смиренно вздохнул.

Арве Стёп смотрел в темноту маски и пытался догадаться, что она делает. Катрина отволокла его в ванную комнату, взяв за наручники, ткнула револьвером — по крайней мере, она утверждала, что это револьвер, — ему в ребра и скомандовала, чтобы он залез в ванну. Кто она? Он затаил дыхание и прислушался: стук собственного сердца и какое-то электрическое потрескивание. Может, лампа? Кровь с виска добралась до рта, и он

чувствовал на кончике языка металлический сладковатый привкус.

— Где ты был, когда исчезла Бирта Беккер? — донесся ее голос.

— Здесь, в квартире, — ответил Стёп, пытаясь размышлять. Она сказала, что из полиции, и тут он вспомнил, где видел ее раньше — в кёрлинг-клубе.

— Один?

— Да.

— А в ночь, когда была убита Сильвия Оттерсен?

— То же самое.

— Целый вечер был один? Ни с кем не разговаривал?

— Нет.

— Значит, алиби у тебя нет?

— Я же сказал, я был здесь.

— Хорошо.

Хорошо? Почему хорошо, если у него нет алиби? Что она хочет? Принудить его признаться? И почему электрический звук вроде бы стал ближе?

— Ложись, — сказала Катрина.

Он повиновался и почувствовал спиной и ногами ледяную эмаль ванны. От дыхания изнанка маски стала влажной, а от этого дышать было еще

тяжелее. Снова раздался ее голос, совсем рядом:

— Как ты хочешь умереть?

Умереть? Сумасшедшая! Психованная баба. Или нет? Стёп сказал себе, что надо сохранять хладнокровие, потому что она просто хочет его напугать. Может, Харри Холе стоит у нее за спиной? Может, это все его штучки? Но Стёп уже дрожал всем телом, да так, что она слышала, как его великолепные швейцарские часы «Таг Хауэр» бьются о ванну, как будто тело уже поняло то, что мозг все еще отказывался воспринимать. Прижав затылок к краю ванны, он попытался поправить маску, чтобы видеть через крошечные прорези для глаз. Он умрет.

Так вот почему она усадила его в ванну. Чтобы не запачкать все вокруг и быстро смыть все следы. Вздор! Ты — Арве Стёп, а она — коп. Она ни о чем не знает.

— А ну-ка, — приказала Катрина, — подними голову.

Маска. Наконец-то. Он повиновался и почувствовал, как ее руки дотрагиваются до его затылка, до лба, но маску она не сняла. А потом убрала руки. Что-то тонкое туго перетянуло ему горло. О черт! Петля.

— Не… — начал он, но тут петля пережала ему

доступ воздуха, и голос пропал. Наручники царапали дно ванны.

— Ты их всех убил, — сказала она, и петля затянулась еще туже. — Ты и есть Снеговик. Арве Стёп.

Вот оно что! Теперь понятно… Мозгу не хватало крови, он почти терял сознание. И энергично замотал головой.

— Да-да, — с уверенностью произнесла она, и ему показалось, что сейчас петля отрежет ему голову. — Ты и есть Снеговик.

И стало темно. Он дернул ногой и тут же бессильно уронил ее на дно ванны. Раздался глухой звон.

— Слышишь гул, Стёп? Это мозгу не хватает кислорода. Довольно приятно, да? Мой бывший муж любил дрочить, пока я его душила.

Он попытался закричать, вдохнуть хотя бы немного воздуха — невозможно. Боже мой, может, ей все еще нужно его признание? И тут накатило. В мозгу словно лопались пузырьки шампанского. Неужели вот так легко? Он не хотел, чтобы было так легко.

— Я повешу тебя в гостиной, — зашевелились губы возле его уха, и он почувствовал, как ее рука нежно похлопывает его по голове. — Лицом к

фьорду. Любуйся видом.

А потом что-то длинно зазвенело, как сигнал кардиологического аппарата в кино, когда сердце пациента останавливается навсегда.

Глава 26
День девятнадцатый. Тишина

Харри еще раз нажал на звонок в квартиру Арве Стёпа.

Охота неизвестно на кого закончилась для черного «амазона» пустой площадью на Акер-Брюгге.

— Если у него там баба, он, само собой, не откроет, — поделился Бьёрн Хольм и посмотрел на трехметровые двери.

Харри нажал на соседний звонок.

— Там же конторы, — напомнил Бьёрн Хольм. — Стёп живет один, на самом верху. Я читал.

Харри оглянулся по сторонам.

— Да не-е, — сказал Хольм, потому что понял, о чем он думает. — Фомкой не выйдет. И стекло тута армированное, не разобьешь. Надо подождать, пока охранник не…

Харри вернулся к машине. И вот тут Бьёрн Хольм не успел разгадать его мыслей. По крайней мере, пока Харри не сел за руль и Бьёрн не вспомнил, что ключи так и остались в замке зажигания.

— Нет! Харри! Нет!!! — Его слова потонули в реве мотора.

Колеса прокрутились по гладкому от дождя асфальту, и машина дернулась вперед. Бьёрн Хольм раскинул руки перед машиной, но успел поймать взгляд Харри из-за руля и отскочил в сторону. «Амазон» ударился в дверь с глухим звуком. Стекло покрылось белыми трещинами, еще секунду повисело в воздухе, а затем осыпалось на асфальт. Прежде чем Бьёрн успел осмотреть повреждения, Харри уже вышел из машины и пролез в образовавшееся в двери отверстие.

Бьёрн, матерясь, двинул за ним. Харри схватил горшок с огромной, в человеческий рост, пальмой, доволок до лифта и нажал кнопку вызова. Когда блестящие алюминиевые двери раздвинулись, он установил горшок между ними и ткнул пальцем в белую дверь с зеленой надписью «Вход»:

— Прикрой черный ход, я пойду по главной лестнице. Перекроем пути к отступлению. Встречаемся на седьмом, Хольм.

Вскарабкавшись по узенькой железной лестнице на третий этаж, Бьёрн Хольм весь взмок от пота. Его голова и тем более тело не были предназначены для таких выкрутасов: он, черт возьми,

эксперт! Ему нравилось *ре*конструировать события, а не конструировать их.

Слышно было только звенящее эхо его собственных шагов и пыхтение. Он остановился. А что ему делать, если на него кто-нибудь выскочит? Когда Харри вызвал его на Сейльдуксгата, то попросил захватить с собой табельный револьвер, но ничего не говорил насчет того, что его можно будет пускать в ход. Или он это имел в виду? Бьёрн схватился за перила и запыхтел опять. Что бы сделал Хэнк Уильямс? Напился бы. Сид Вишез? Показал бы фак и смылся. А Элвис? Элвис Пресли. Точно. Бьёрн Хольм вытащил на бегу револьвер.

Лестница кончилась. В открытую дверь коридора Бьёрн увидел Харри. Тот стоял в самом конце, прислонившись спиной к стене возле коричневой двери в квартиру. В одной руке у него был револьвер, вторую он поднял, приложил палец к губам и кивнул на дверь. Та была приоткрыта.

— Пойдем по комнатам, осмотрим одну за другой, — прошептал Харри Бьёрну, когда тот приблизился. — Ты налево, я направо. В одном темпе, спина к спине. И не пыхти.

— Погодь! — прошептал Бьёрн. — А если Катрина там?

Харри молча посмотрел на него.

— Ну, я тока хотел сказать, — забубнил Хольм, пытаясь понять, что же он хотел сказать, — в худшем случае, значить, я застрелю… коллегу?

— В худшем случае, — поправил Харри, — коллега застрелит тебя. Ясно?

Юный эксперт из Скрейи кивнул и пообещал себе, что, если все закончится благополучно, он таки перейдет, черт возьми, на бриолин.

Харри беззвучно приоткрыл дверь ногой и скользнул в квартиру. Он почувствовал дуновение сквозняка. Первая дверь направо была в конце прихожей. Харри взялся за ручку левой рукой — в правой был револьвер, — открыл дверь, вошел. Это был кабинет. Пусто.

Харри вышел к Хольму в прихожую и жестом показал, чтобы тот не опускал револьвер.

Они пошли по квартире дальше.

Кухня, библиотека, тренажерный зал, столовая, зимний сад, гостевая комната. Везде пусто.

На Харри повеяло холодом, и, войдя в гостиную, он понял почему. Дверь на террасу была открыта настежь. Белые занавески нервно трепетали на ветру. По обе стороны гостиной отходили два коридорчика, каждый заканчивался дверью. Харри показал Хольму, чтобы тот зашел в правую, а сам

остановился у второй.

Харри затаил дыхание, собрался, чтобы не промахнуться, и открыл дверь.

В темноте он различил кровать, белое покрывало и что-то похожее на тело. Левая рука нащупала возле двери выключатель.

— Харри! — раздался голос Хольма. — Сюда, Харри!

Голос взволнованный, но Харри все равно не обратил на него внимания, сосредоточился на глядящей на него темноте. Он повернул выключатель, и в следующее мгновение спальня осветилась множеством ламп. Никого. Харри проверил шкафы и вышел. Хольм с револьвером в руке стоял возле своей двери. Харри подошел.

— Он не шевелится, — прошептал Хольм. — Мертвый. Он…

— Чего ты тогда кричал? — отозвался Харри, подошел к ванне, наклонился к голому человеку, лежащему в ней, и снял с него маску поросенка.

На шее отчетливо выделялась тонкая красная полоса, лицо казалось белее снега, а полуприкрытые веки не закрывали зрачков. Арве Стёпа было не узнать.

— Вызову группу, — сказал Хольм.

— Погоди.

Харри подержал ладонь у Стёпа возле рта. А потом взял главного редактора за плечи и как следует тряхнул.

— Ты что делаешь?

Харри тряхнул еще сильнее.

Бьёрн положил руку Харри на плечо:

— Харри, он мертв, неужели ты не…

И тут Хольм поперхнулся своими словами. Потому что Арве Стёп открыл глаза и вдохнул, как ныряльщик, наконец-то выскочивший на поверхность из темных глубин океана, — глубоко, с болезненным хрипом.

— Где она? — спросил Харри.

Стёп замотал головой, глядя на Харри расширенными от страха зрачками.

— Где она? — повторил Харри.

Стёп никак не мог сфокусировать взгляд, а из приоткрытого рта вырвался только всхлип.

— Жди тут, Хольм.

Хольм кивнул, глядя, как Харри выходит из ванной.

Харри стоял на краю террасы Арве Стёпа. Внизу, метрах в двадцати пяти от него, поблескивала черная вода канала. В лунном свете он различал скульптуру на приподнятом над водой постаменте и безлюдный мост. А там… Что-то виднелось в

воде, похожее на дохлую рыбу. Черное кожаное пальто. Она прыгнула. С седьмого этажа.

Харри шагнул ближе к краю террасы и встал между двумя пустыми цветочными вазонами. Он тут же вспомнил: Эстмарка, Эйстейн, соскальзывающий со скалистого берега прямо в воду, в озеро Хёук. Харри с Валенком вытягивают его наверх. Эйстейн на больничной койке в Королевском госпитале с какими-то строительными лесами вокруг шеи. Тогда Харри узнал, что с большой высоты надо прыгать, а не шагать, и держать руки по швам, чтобы не сломать ключицы. Но главное — решаться прыгать надо быстро, пока не подступил страх. Вот почему не успел пиджак Харри мягко упасть на землю, как он уже летел вниз, слыша рев ветра в ушах. Черная вода неслась прямо на него. Черная, как асфальт.

Он сжал пятки вместе, и в следующее мгновение воздух как будто разом вырвался из него, а чья-то невидимая рука попыталась сорвать с него одежду. Звуки исчезли. Он почувствовал парализующий холод, рванулся и вынырнул на поверхность. Огляделся по сторонам, увидел черное пальто и поплыл к нему. Ноги уже ничего не чувствовали, и он понял, что у него в запасе всего несколько минут: потом тело просто-напросто

откажется работать при такой температуре. Но он также знал, что резкое охлаждение могло спасти Катрине жизнь: клетки и органы мгновенно перейдут в режим анабиоза, функционируя при минимальном количестве кислорода.

Харри поднажал и поплыл в тяжелой черной воде к блестящему кожей пальто.

Наконец он на месте. Харри схватил ее и…

Он выругался, выплюнул воду и посмотрел в сторону террасы. Повел взглядом от ее края по крышам, по металлическим трубам, откосам, которые прилегали к соседним домам, где тоже были террасы, множество пожарных лестниц, а значит, возможностей скрыться за лабиринтом фасадов Акер-Брюгге. Он все еще держался на воде, но понимал, что на уважение Катрины ему больше рассчитывать не придется: он повелся на самый дешевый трюк. На какой-то миг ему даже показалось, что сейчас совсем неплохо было бы утонуть.

В четыре утра перед Харри на кровати лежал, дрожа, закутанный в халат Арве Стёп. Куда только делся его загар! Да и вообще он как-то съежился и сразу превратился в старика.

Харри принял обжигающе горячий душ и теперь сидел на стуле в свитере Хольма и штанах,

одолженных ему Стёпом. Из гостиной доносился голос Бьёрна, который пытался по мобильному организовать погоню за Катриной Братт. Харри попросил его соединиться с управлением и дать описание ее внешности, потом дозвониться до полиции аэропорта Гардермуэн, на случай если она попробует сесть на утренний рейс, а также связаться с отрядом «Дельта», чтобы они обыскали ее квартиру, хотя Харри был более чем уверен, что там ее не найдут.

— Так, значит, вы уверены, что это была не просто сексуальная игра и Катрина Братт попыталась вас убить, — произнес Харри.

— Да она хотела меня задушить! — стуча зубами, отозвался Стёп.

— Хм. А еще она спрашивала вас насчет алиби…

— Третий раз говорю вам: да! — простонал Стёп.

— И она думает, вы и есть Снеговик?

— Хрен знает, что она думает! Девка совсем свихнулась.

— Возможно, — сказал Харри, — хотя это не означает, что она действует без всякой цели.

— Да какая тут может быть цель? — Стёп посмотрел на часы.

Харри знал, что сюда едет адвокат Крон и он наверняка немедленно прекратит любую беседу. Харри принял решение и наклонился вперед:

— Нам известно, что вы — отец Юнаса Беккера и близнецов Сильвии Оттерсен.

Стёп дернул головой.

Харри понял, что должен попытать удачу, и продолжил:

— Идар Ветлесен был единственным, кто об этом знал. Ведь это вы отправили его в Швейцарию и оплатили курсы, где он изучал болезнь Фара, не так ли? Болезнь, которая есть у вас самого. — Харри понял, что попал точно в цель: Арве Стёп старался не выдать себя, но лицо его дернулось, зрачки расширились. — Ветлесен, вероятно, стал попрекать вас ответственностью, которую вы на него возложили. Возможно, вы боялись, что он сломается. А может быть, он воспользовался ситуацией и надавил на вас. Например, потребовал больше денег.

Главный редактор, не веря своим глазам, уставился на Харри, а потом медленно покачал головой.

— Как бы то ни было, Стёп, вы слишком многое бы потеряли, если бы правда о вашем отцовстве выплыла наружу. Этого вполне достаточно, что-

бы у вас появился мотив для убийства тех людей, которые могли об этом рассказать: матерей и Идара Ветлесена. Логично?

— Я… — Стёп отвернулся.

— Вы?..

— Я больше ничего вам не скажу. — Стёп подался вперед и уронил голову на руки. — Говорите с Кроном.

— Отлично, — ответил Харри.

Времени у него оставалось всего ничего. Последний, короткий удар. И сильный.

— Я так им и расскажу.

Харри ждал. Стёп по-прежнему сидел наклонившись и не шевелился, но вдруг он поднял голову:

— Кому это «им»?

— Журналистам, разумеется, — небрежно бросил Харри. — Уж они-то нас нынче будут пытать, скажете, нет? Ведь это же настоящая сенсация.

Во взгляде Стёпа что-то забрезжило.

— Это вы о чем? — спросил он, но по голосу было слышно, что все ответы ему известны.

— Знаменитый человек думал, что он позабавится с юной дамой у себя на квартире, но потом роли поменялись, — сказал Харри, разглядывая картину за спиной Стёпа. На ней была изобра-

жена обнаженная женщина, балансирующая на канате. — Она уговорила его надеть маску поросеночка под тем соусом, что это вроде как сексуальная игра. Вот в таком виде его полиция и обнаружила: в собственной ванной, голым и рыдающим.

— Вы не можете так поступить! — вырвалось у Стёпа. — Это… Это нарушает закон о сохранении тайны личной жизни!

— Ну, — ответил Харри, — если это что и нарушает, то, скорее всего, ваш блистательный имидж, Стёп. Никак не закон, даже наоборот, помогает закону.

— Наоборот? — почти закричал Стёп. Зубы у него стучать перестали, к лицу возвращался нормальный цвет.

Харри кашлянул:

— Мой единственный капитал и средство производства — моя личная независимость. — Харри подождал немного, чтобы Стёп успел узнать свои собственные слова. — А поскольку я полицейский, это, помимо прочего, означает, что я должен постоянно держать общественность в курсе любой информации, огласка которой не помешает расследованию.

— Вы не можете так поступить, — повторил

Стёп.

— Могу и поступлю, — ответил Харри.

— Но это… раздавит меня.

— Ну, мне кажется, «Либерал» еженедельно раздавливает кого-нибудь на своей первой полосе.

Стёп аквариумной рыбкой открывал и закрывал рот.

— Разумеется, — продолжил Харри, — даже для человека с личной независимостью существуют компромиссы.

Стёп посмотрел на Харри долгим взглядом.

— Я полагаю, вы понимаете, — сказал Харри и пошевелил губами, словно вспоминая нужные слова, — что мой долг полицейского — использовать эту ситуацию в интересах следствия.

Стёп медленно кивнул.

— Начнем с Бирты Беккер, — сказал Харри. — Как вы познакомились?

— Думаю, что на этом следует закончить беседу, — раздался голос от двери.

Стёп и Харри одновременно обернулись: это был адвокат Юхан Крон, который, казалось, успел принять душ, побриться и выгладить рубашку.

— О'кей, — ответил Харри, пожимая плечами, и позвал: — Хольм!

В дверях позади Крона появилось веснушчатое

лицо Бьёрна Хольма.

— Позвони Одину Наккену в редакцию, — обратился к нему Харри и повернулся к Стёпу: — Ничего, если вещи я верну вам вечером?

— Подождите, — простонал Стёп.

В комнате стало совсем тихо. Арве Стёп сильно потер ладонями лоб, словно бы ускоряя движение мыслей.

— Юхан, — произнес он наконец, — иди. Я справлюсь сам.

— Арве, — предостерегающе сказал адвокат, — думаю, тебе не стоит…

— Возвращайся домой, Юхан, и ложись спать.

— Как твой адвокат я…

— Как мой адвокат ты сейчас захлопнешь пасть и исчезнешь отсюда! Ясно?

Юхан Крон выпрямился, собрал в кулак остатки своего адвокатского самолюбия, но передумал, как только увидел выражение лица Стёпа. Коротко кивнул, повернулся и вышел прочь.

— Где мы остановились? — спросил Стёп.

— В самом начале, — ответил Харри.

Глава 27
День двадцатый. Начало

Впервые Арве Стёп увидел Бирту Беккер на так называемом семинаре по усилению мотивации, куда руководители отправляли своих выдохшихся сотрудников на «турбонаддув», то есть на лекцию, которая должна была их воодушевить на еще более тяжкий труд. Согласно опыту самого Стёпа, все лекторы делились на три категории: деловые люди, которые добились успеха, но не имели особо свежих идей; спортсмены-медалисты, проявившие большое мастерство в никому не известном виде спорта, и альпинисты, которые однажды забрались на гору, спустились с нее и теперь всем об этом рассказывают. Общим для всех было только то, что успех делал их в глазах прочих средоточием какой-то совершенно особенной воли и высоких моральных качеств. Они были «мотивированные». И это должно было мотивировать остальных.

Арве Стёп, как обычно, выступал последним: его использовали как наживку, чтобы народ захотел прийти на семинар. Так что к концу он

хорошо разобрался, кто есть кто, понял, что все докладчики — надутые Нарциссы, поделил их на те самые три категории и решил, что сам он относится к первой: «успех есть, оригинальных идей нет». Деньги, заплаченные за этот семинар, были выкинуты на ветер: большинство слушателей никогда не добьется особенных успехов, потому что — счастливцы! — они не имеют той патологической необходимости в чужом одобрении, какой страдают люди, стоящие на сцене. Включая его самого. Причиной его успеха, как он сам тогда сказал, следует считать то, что отец никогда особенно им не интересовался, поэтому Стёп был вынужден искать любви и одобрения у других и стал бы актером или музыкантом, если бы имел хоть какой-то талант в этой области.

Заскучавшая было публика начала смеяться и прониклась к лектору симпатией. Закончится это все — Стёп знал — полным восхищением. Поэтому он стоял и сиял. Сиял, оттого что все присутствующие знали, чего он добился в жизни. В заключение он поведал, что удача — главная составляющая успеха, с улыбкой отозвался о собственном таланте и доверительно сообщил, что благодаря бездарности и лени, процветающим в норвежском обществе, преуспеть могут даже

посредственности.

В конце ему аплодировали стоя.

А он улыбался, поглядывая на темноволосую красотку в первом ряду, которую, как потом окажется, звали Бирта. Он обратил на нее внимание сразу, как только вошел в зал. Он был уверен, что сочетание стройных ног и пышной груди, как правило, указывает на наличие силикона, но Стёп был не против женских ухищрений по части красоты. Лак для ногтей или силикон — какая, в сущности, разница? Когда аплодисменты переросли в овацию, он демократично спустился со сцены в зал и пошел вдоль первого ряда, пожимая слушателям руки. Жест, конечно, идиотский и больше бы подошел какому-нибудь американскому президенту, но ему на это было плевать, Стёпу даже нравилось эпатировать публику. Он остановился возле темноволосой женщины, которая смотрела на него, пылая румянцем от возбуждения. Он протянул руку, а она сделала реверанс, будто он был королевской особой, и Стёп ощутил ладонью острые уголки своей визитной карточки, которую передал ей во время рукопожатия. А еще он увидел на ее пальце обручальное кольцо.

Кольцо было матовым, а рука — бледной и маленькой, но пожатие оказалось неожиданно

крепким.

— Сильвия Оттерсен, — представилась она. — Я ваша большая почитательница.

Так впервые теплым летним вечером в лавчонке «Вкус Африки» Стёп встретился с Сильвией Оттерсен. Внешность у нее была самая обыкновенная, но она была замужем.

Арве Стёп взглянул на африканские маски и, чтобы хоть как-то разрядить ситуацию, о чем-то спросил. Не то чтобы он чувствовал неловкость, но женщина, которая стояла рядом с ним, заметно напряглась, когда Сильвия протянула ему руку. Марита. Ее звали Марита. Нет, Марите, вот как. Собственно, это она его сюда затащила, чтобы показать какие-то подушки из зебры, которыми эта самая Марита — или все-таки Марите? — собиралась непременно украсить постель, откуда они только что выбрались. У нее были длинные струящиеся светлые волосы, рассыпáвшиеся по покрывалу и страшно мешавшие ему.

— Из зебры больше нет, — сказала Сильвия Оттерсен. — Может быть, вот эти подойдут?

Она отошла к полке у окна, свет упал на нее сзади, и он подумал, что попа вовсе не плоха. Только вот волосы скучного, как муниципалитет, цвета были тусклыми и тонкими.

— А это что? — спросила женщина на букву «М».

— Это под антилопу.

— «Под»? — фыркнула «М» и откинула сверкающие волосы за спину. — Тогда мы подождем, когда вам привезут зебру.

— Зебра тоже ненатуральная. — Сильвия улыбнулась ей, как ребенку, которому объясняют, что луна вовсе не сделана из сыра.

— Ах вот как. — «М» кисло растянула ярко накрашенные губы и взяла Арве под локоть. — Тогда спасибо.

Ему не нравилась манера «М» выходить вместе в свет и демонстрировать их отношения, а привычка цепляться за локоть и вовсе раздражала. Возможно, в тот раз она это заметила, по крайней мере, руку отпустила. Он посмотрел на часы и сказал:

— Ой, у меня же встреча.

— А как же обед? — «М» посмотрела на него, изобразив на лице удивление, которое на самом деле скрывало досаду.

— Я тебе позвоню, — заверил он.

Она позвонила ему. Стёп закончил лекцию всего тридцать минут назад и теперь сидел в такси, которое плелось за снегоуборочной машиной,

откидывавшей грязный снег на обочину.

— Я сидела прямо перед вами, — сказала трубка ее голосом. — Хочу поблагодарить за лекцию.

— Надеюсь, никто не заметил, как я на вас глазел, — победоносно рявкнул он, перекрикивая скрежет железного ковша.

Она тихо рассмеялась.

— Планы на вечер? — спросил Арве Стёп.

— Да так, — ответила она, — ничего такого, чего нельзя было бы отменить.

Прелестный голос. Прелестные слова.

Остаток дня он провел, расхаживая по квартире и думая об этой женщине, представляя, как трахнет ее на комоде в прихожей, чтобы она билась затылком о картину Герхарда Рихтера, которую он купил в Берлине. Вот это и есть самое лучшее, думал он, — ожидание.

В восемь часов она позвонила в домофон. Он ждал у двери. Слушал, как в шахте лифта звучит металлическое лязгающее эхо, — так заряжают оружие. Ее голос становился все слышнее — она напевала. Кровь запульсировала у него в члене.

И вот она стоит в дверях. У него было такое чувство, как будто ему влепили пощечину.

— Вы кто? — удивился Стёп.

— Стине, — ответила она, и по ее улыбающейся

нетерпеливой мордочке пробежало недоумение. — Я вам звонила…

Он оглядел ее с головы до ног и даже прикинул все возможности — это иногда подстегивало его похоть, — но эрекция угасала, и он отбросил эти мысли.

— Простите, я не успел вас предупредить, — сказал он. — Меня срочно вызвали на встречу.

— На встречу? — переспросила она, даже не пытаясь скрыть разочарования.

— Кризисная ситуация. Я вам перезвоню.

Он стоял у двери, слушая, как двери лифта открылись и закрылись вновь. А потом рассмеялся. Он смеялся оттого, что теперь он вряд ли встретит темноволосую красотку из первого ряда.

Через час Стёп увидел Сильвию снова. Он как раз пообедал в одиночестве, купил новый костюм, который сразу надел, и раза два прошелся мимо лавки «Вкус Африки», в это время скрывавшейся в тени, в стороне от палящего солнца. На третий раз зашел внутрь.

— Вернулись? — улыбнулась Сильвия Оттерсен.

Как и час назад, она была одна в своей темной лавке.

— Мне понравились подушки, — соврал он.

— Да, они симпатичные, — ответила она и провела рукой по искусственной коже «под антилопу».

— А что еще вы мне можете показать? — спросил он.

Она положила руку на бедро:

— Смотря что вам интересно.

Он ответил, чувствуя, как дрожит голос:

— Я бы взглянул на то, что у тебя между ног.

И он трахнул Сильвию в задней комнате — она была не против и даже не позаботилась запереть дверь в лавку.

Арве Стёп кончил почти сразу. Опасность запретного секса тоже подстегивала его похоть.

— Мой муж торгует в лавке по вторникам и средам, — предупредила Сильвия Оттерсен, когда он уже уходил. — Как насчет четверга?

— Возможно, — ответил он, разглядывая свежее пятно на новом костюме.

Когда Бирта позвонила, снежные хлопья в панике кружились над офисными зданиями на Акер-Брюгге. Она сказала: «Очевидно, вы дали мне визитку, чтобы я с вами связалась». Случалось, Арве Стёп спрашивал себя, зачем ему все эти женщины, все эти тёлки, секс, похожий на ритуальную капитуляцию. Разве мало побед он

одержал за свою жизнь? Может, в нем говорит страх старости, ему кажется, что, погружаясь в водоворот этих девиц, он сможет уворовать себе немного их молодости? И откуда этот дикий темп, как будто он ведет битву за урожай? Может, это из-за болезни, которая жила в нем? Оттого что он понимал, что однажды перестанет быть самим собой? Ответов на эти вопросы у него не было. Да и зачем они ему? В тот же вечер он слушал низкие, почти мужские стоны Бирты, которая билась головой о картину Герхарда Рихтера, купленную им в Берлине.

Едва Арве Стёп успел излить свою зараженную сперму, как дверной колокольчик возвестил о том, что в лавку кто-то зашел. Он попытался высвободиться, но Сильвия Оттерсен прильнула еще ближе и только крепче вцепилась в него. Он вырвался и резко натянул брюки. Сильвия слезла со стойки, поправила легкую юбку и пошла к покупателю. Арве Стёп метнулся к полке с безделушками и, повернувшись спиной, застегнул брюки. Сзади мужской голос извинялся за то, что опоздал, потому что не мог найти место для парковки, а Сильвия резко отвечала, что он должен был подумать об этом заранее: летние отпуска в разгаре, все на машинах, теперь она

опаздывает на встречу к сестре, так что пускай он сам займется с покупателем.

— Могу я вам помочь? — услышал Арве Стёп мужской голос у себя за спиной.

Он повернулся и увидел костлявого человека с неестественно большими глазами за круглыми стеклами очков. Из ворота фланелевой рубашки торчала длинная шея — мужчина напомнил Стёпу аиста.

Стёп увидел, как Сильвия вышла из лавки. Юбка слегка задралась, и были видны капли, стекающие к коленям и оставляющие мокрые следы. До него дошло: она знала, что это чучело гороховое, судя по всему ее муженек, должен вот-вот появиться. То есть она *хотела,* чтобы он их застукал.

— Спасибо, не надо, — ответил Арве Стёп и направился к двери.

Арве Стёп иногда пытался представить себе, какова будет его реакция, если он узнает, что одна из них забеременела. Будет ли он настаивать на аборте или, напротив, на том, чтобы оставить ребенка? Единственное, в чем он был уверен, — что настаивать на чем-то будет непременно: позволять принимать решение кому-то, кроме себя, не в его правилах.

Бирта Беккер говорила, что предохраняться им вовсе не обязательно, потому что детей у нее быть не может. И вот, когда спустя три месяца и шесть «трахов» она, сияя, сообщила ему о беременности, он понял, что ребенка она хочет родить, и в панике немедленно принялся настаивать на обратном.

— У меня знакомый врач в Швейцарии, — сказал он. — Никто ни о чем не узнает.

— Это же мой шанс стать матерью, Арве. Врач сказал, что все случилось каким-то чудом и вряд ли повторится.

— Ни тебя, ни ребенка я никогда не увижу. Слышишь?

— Ребенку нужен отец. И уютный дом.

— От меня ты не получишь ни того ни другого. Я носитель опасной болезни, ты понимаешь?

Бирта понимала, но поскольку была девушкой простой, здравомыслящей и, имея отца-алкоголика и мать-неврастеничку, с ранних лет привыкла заботиться о себе самостоятельно, то сделала, что было в ее силах. А именно — раздобыла ребенку отца и уютный дом.

Филип Беккер не мог поверить своему счастью, когда эта красавица, за которой он так трепетно и безнадежно ухаживал, вдруг сдалась и согласи-

лась стать его женой. И именно потому, что он не поверил, зерно сомнения упало на благодатную почву. Но в тот момент, когда ей удалось его убедить, что она забеременела от него — всего через неделю после того, как подпустила к себе, — сомнение было похоронено, и довольно глубоко.

Когда Бирта позвонила Арве Стёпу и сказала, что Юнас появился на свет похожим на него как две капли воды, тот так и застыл с телефонной трубкой возле уха, глядя в пространство. Потом попросил фотографию и получил ее — по почте, а еще через две недели, как они и договорились, Бирта сидела в кафе с Юнасом на руках и обручальным кольцом на пальце, а Арве за соседним столиком делал вид, что читает газету.

На следующую ночь он метался среди простыней без сна и все думал о своей болезни.

Проверить надо было тайно, причем подключить такого врача, который точно будет держать язык за зубами. Иными словами, этого слабака и подхалима, подобие хирурга из кёрлинг-клуба, Идара Ветлесена.

Он связался с Ветлесеном, который тогда работал в клинике «Мариенлюст». Подобие хирурга согласилось и на то, чтобы взять деньги, и на то, чтобы отправиться в Швейцарию, где ежегодно

лучшие эксперты в области болезни Фара собирались на семинары и делились последними достижениями и данными исследований.

Первый анализ Юнаса ничего не показал, но Ветлесен сказал, что первые симптомы появляются в довольно зрелом возрасте (сам Арве Стёп прожил без них аж до сорока). Стёп настоял, чтобы мальчика обследовали ежегодно.

Прошло два года с тех пор, как он увидел свою сперму, стекающую по ногам Сильвии Оттерсен, когда она покидала свою лавку и его жизнь. Он попросту ей больше не позвонил, ну и она ему тоже. А потом… Когда она позвонила, он немедленно ответил, что едет на очень важную встречу, но Сильвия была краткой. В четырех предложениях она сообщила: сперма, очевидно, вытекла из нее не вся, родились близняшки, муж думает, что это его дети, их лавке «Вкус Африки» нужен добровольный спонсор.

Он ответил, что его вклад в их предприятие и так довольно весомый. Как обычно, он с юмором реагировал на плохие новости.

— В таком случае я могу раздобыть денег, продав газетчикам историю «отец моих детей известный человек» и все такое. Они это просто обожают.

— Неудачная разводка, — ответил он. — В этом случае ты слишком многое теряешь.

— Ты думаешь? Если мне дадут достаточно денег, чтобы я выкупила у Ролфа его долю в лавке, я смогу от него уйти. Лавка-то нераскрученная. А я предложу «Жизни звезд» сделать фоторепортаж, чтобы было видно название «Вкус Африки»... Ты, кстати, не знаешь, какой у них тираж?

Арве Стёп знал. Газету читал каждый шестой взрослый норвежец. В принципе он никогда не был против небольшого гламурного скандальчика, но предстать трусливым гадом, который обрюхатил замужнюю женщину и слинял, вряд ли будет полезно для его статуса звезды. Официальный имидж бесстрашного и несгибаемого правдоруба явно лопнет, а газета Стёпа с ее традицией пафосных высказываний предстанет лицемерным листком. Она, оказывается, неглупа. И это нехорошо, совсем нехорошо.

— О какой сумме идет речь? — осторожно поинтересовался он.

Они договорились, и он позвонил Идару Ветлесену в клинику «Мариенлюст», чтобы сообщить о новых пациентах. Они условились поступить так же, как и в случае с Юнасом: сначала отправить в Институт судебной медицины анализ на

установление отцовства, а потом начать искать симптомы страшной болезни.

Арве Стёп положил трубку, откинулся на спинку кожаного кресла, глядя на солнце, освещавшее верхушки деревьев на Бюгдёй, и подумал, что должен бы огорчиться. Но нет, он даже рад. Да, почти счастлив.

Далекое воспоминание об этом счастье было первым, что возникло в голове Арве Стёпа, когда ему позвонил Идар Ветлесен и рассказал: по сообщению прессы, обезглавленная женщина из Соллихёгды оказалась Сильвией Оттерсен.

— Сначала исчезла мать Юнаса Беккера, — сказал Ветлесен, — а теперь и мать близнецов найдена убитой. Думаю, нам надо в полицию, Арве. Они же ищут такие совпадения.

Ветлесен в последние годы занялся улучшением внешности своих клиентов, но, несмотря на это — а может, как раз из-за этого, — для Арве Стёпа он по-прежнему оставался ничтожеством. Подобием врача.

— Нет, в полицию мы не пойдем, — ответил Арве.

— Да? Ну тогда постарайся меня убедить.

— Отлично. О какой сумме идет речь?

— Господи, я вовсе не это имел в виду, Арве. Я

просто…

— Сколько?

— Подожди. Так у тебя есть алиби или нет?

— Алиби у меня нет, зато до хрена денег. Говори количество нулей, а я подумаю.

— Арве, если тебе нечего скрывать…

— Конечно есть, идиотина! Думаешь, мне хочется, чтобы меня повесили по ошибке как насильника и убийцу? Поговорим при встрече.

— И вы встретились? — спросил Харри Холе.

Арве Стёп покачал головой. За окном уже начинало светать, но фьорд был по-прежнему черным.

— Не успели. Его убили.

— А почему вы сразу мне ничего не рассказали?

— Вы что, серьезно? Я же не знал, что именно для вас может оказаться важным, так зачем же мне вмешиваться? Не забывайте, что мое имя — это торговая марка. И это фактически единственный капитал «Либерала».

— Я припоминаю, в одном интервью вы вроде говорили, что единственный капитал «Либерала» — целостность вашей личности?

Стёп недовольно пожал плечами:

— Целостность, торговая марка… Это одно и

то же.

— Значит, то, что выглядит как целостность, и является ею?

Стёп посмотрел на Харри:

— Этим «Либерал» и занимается. Если люди думают, что то, что им впарили, — правда, они довольны.

— Хм. — Харри посмотрел на часы. — Ну и как вы считаете, теперь они будут довольны?

Арве Стёп не ответил.

Глава 28
День двадцатый. Болезнь

Бьёрн Хольм довез Харри из Акер-Брюгге до Полицейского управления. Старший инспектор натянул на себя мокрую одежду; когда он сел в машину, под ним захлюпало.

— «Дельта» двадцать минут назад взломала дверь в ее квартиру, — сообщил Бьёрн. — Они три смены снаружи отсидели.

— Да она и не должна была там появиться, — вздохнул Харри.

В своем кабинете на шестом этаже Харри переоделся в полицейскую форму, которая висела на вешалке и в последний раз была надевана во время похорон Джека Халворсена. Он вгляделся в свое отражение в оконном стекле. Мундир, пожалуй, действительно стал ему великоват.

Гуннара Хагена уже успели разбудить, и он примчался в контору. Теперь он сидел за столом и слушал краткий доклад Харри.

Известие было таким ошеломляющим, что он даже забыл рассердиться на Харри из-за его самодеятельности.

— Значит, Катрина Братт и есть Снеговик, — медленно сказал он, как будто, произнеся эти слова вслух, с ними легче будет примириться.

Харри кивнул.

— А ты веришь Стёпу?

— Да, — ответил Харри.

— И кто может подтвердить его рассказы?

— Все умерли. Бирта, Сильвия, Идар Ветлесен. Так что он тоже мог бы оказаться Снеговиком. Это-то Катрина Братт и хотела выяснить.

— Катрина? Так ты же сказал, что она и есть Снеговик. Зачем тогда ей…

— Я сказал, что она хотела выяснить, *мог бы* Стёп оказаться Снеговиком. Ей нужен козел отпущения. По словам Стёпа, когда он сказал, что у него нет алиби на то время, когда были совершены убийства, она произнесла «хорошо», объявила его Снеговиком и стала душить. А потом услышала грохот автомобиля, на котором я въехал в подъезд, поняла, что мы уже почти на месте, и была такова. План-то наверняка состоял в том, чтобы мы обнаружили Стёпа мертвым в его собственной квартире, решили, что он повесился, и успокоились: преступник вроде как найден. Как и произошло, когда мы нашли Ветлесена. И как могло бы произойти, если б ей удалось застрелить

Филипа Беккера во время ареста.

— Что? Она пыталась его…

— Она направила на него револьвер со взведенным курком и передумала стрелять, только когда я оказался на линии огня. Я слышал характерный звук, когда курок шел обратно.

Гуннар Хаген прикрыл глаза и потер виски кончиками пальцев:

— Я понял. Но пока это все так… умозрительно, Харри.

— Ну почему же… Я нашел письмо, — сообщил Харри.

— Какое письмо?

— Письмо Снеговика. Я нашел текст в ее домашнем компьютере, причем файл создан раньше, чем я его получил. И бумагу, ту самую.

— Бог ты мой! — Хаген тяжело поставил локти на стол и опустил лицо на руки. — И эта баба все время была тут. Ты понимаешь, что это значит?

— Газеты устроят скандал. Недоверие к полиции в целом. Кого-то из руководства принесут в жертву.

Хаген раздвинул пальцы и посмотрел в щелочку на Харри:

— Спасибо за четкое изложение ситуации.

— Всегда пожалуйста.

— Ну что ж, мне пора звонить нашему шефу и начальнику Главного управления. А пока предупреждаю вас с Хольмом: держите рот на замке. Как думаешь, Стёп станет обо всем этом распространяться?

— Вряд ли, — криво усмехнулся Харри. — У него все топливо вышло.

— Какое еще топливо?

— Целостность личности.

Было десять утра. В окно кабинета Харри видел, как бледный, нерешительный свет дня ложился на крыши домов и по-воскресному тихий район Грёнланн. Прошло уже шесть часов после того, как Катрина Братт исчезла из квартиры Арве Стёпа, а поиски все еще ничего не дали. Она, разумеется, могла остаться в Осло, но поскольку к побегу она наверняка готовилась, то могла сейчас быть очень далеко. А в том, что она готовилась, Харри не сомневался.

Так же как и в том, что Катрина Братт и была Снеговиком.

Во-первых, тому были очевидные подтверждения: письмо и попытки убийства. Но главное, теперь стало понятно чувство, что за ним наблюдают, что кто-то проник в его жизнь. Газетные вырезки на стене, отчеты о ходе следствия. Она

приучила его к тому, что предугадывает каждый его шаг, заставила привыкнуть к ней, и теперь ее вирус живет у него в крови, у него в голове.

Он услышал, как кто-то вошел, но не обернулся.

— Мы отследили ее мобильный, — раздался голос Скарре. — Она сейчас в Швеции.

— Да ну?

— На центральной станции сказали, что сигнал идет с юга. Местоположение и скорость передвижения соответствуют копенгагенскому экспрессу, который выехал из Осло в пять минут седьмого. Я говорил с полицией Хельсингборга, им нужен официальный запрос на задержание. Поезд там будет через полчаса. Что делаем?

Харри медленно кивнул, отвечая собственным мыслям. Мимо окна спланировала чайка, лишь в последний момент изменив направление полета и срезав угол над деревьями в парке. Наверное, увидела что-нибудь. Или просто передумала. Человек тоже так может. В шесть утра на вокзале в Осло.

— Харри! Она эдак до Дании доберется, если мы не…

— Попроси Хагена переговорить с Хельсингборгом. — Харри резко повернулся и схватил пиджак

с вешалки.

Скарре стоял и недоуменно смотрел вслед старшему инспектору, который шел прочь по коридору широкими уверенными шагами.

Сержант Урё, дежуривший в арсенале Полицейского управления, изумленно посмотрел на взбудораженного старшего инспектора и повторил:

— ЦС? Газовые, что ли?

— Две коробки, — ответил Харри, — и упаковку патронов для револьвера.

Сержант нерешительно застыл у дверей арсенала. Этот Холе, конечно, давно не в себе, это понятно, но чтоб слезоточивый газ?..

Когда сержант Урё вернулся, Харри кашлянул:

— А Катрина Братт из убойного отдела тут что-нибудь получала?

— Девушка из бергенского управления? Только то, что положено по инструкции.

— А что у нас положено по инструкции?

— Увольняясь, оставляешь револьвер и все неиспользованные патроны. Поступаешь на работу — получаешь револьвер и две пачки патронов.

— То есть ничего серьезнее револьвера у нее сейчас нет?

Урё изумленно покачал головой.

— Спасибо, — поблагодарил Харри и сунул патроны в черную сумку рядом с зелеными цилиндрами, содержащими воняющий перцем слезоточивый газ, такой же, что был сварен Корсо и Стауттоном в 1928 году.

Сержант промолчал и, только когда Холе расписался в ведомости, пробормотал:

— Приятных выходных.

Харри, обхватив черную сумку, сидел в приемной Уллеволской больницы. Сладковато пахло спиртом, стариками и медленной смертью. Какая-то женщина из числа пациентов сидела на стуле напротив и напряженно смотрела в его сторону, будто старалась увидеть того, кого там не было, — человека, с которым когда-то была знакома, любимого, который так и не вернулся, а может быть, сына.

Харри вздохнул, посмотрел на часы и представил себе штурм поезда в Хельсингборге. Машинист получает приказ со станции остановить поезд за километр до платформы; вооруженные полицейские с собаками растягиваются цепью; тщательный обыск в коридорах, купе, туалетах. Испуганные пассажиры, сгрудившиеся у окон, смотрят на вооруженных полицейских

— непривычное зрелище на фоне счастливого скандинавского пейзажа. Женщин попросят предъявить документы, и они дрожащими руками полезут в свои сумочки. Широкоплечие полицейские в нервозном ожидании — мужественные, неторопливые, затем раздраженные, а когда выяснится, что той, кого они искали, найти не удалось, — разочарованные. В конце концов, если они не дураки и не лентяи, послышатся громкие ругательства: они найдут в мыльнице одного из туалетов мобильный телефон Катрины Братт.

Перед Харри возникло улыбающееся лицо:

— Он вас ждет.

Харри отправился за клацающими сабо и энергичными бедрами в белых брюках. Она распахнула перед ним дверь:

— Только недолго, пожалуйста. Ему нужен отдых.

Столе Эуне лежал в отдельной палате. Его обычно розовощекое круглое лицо было таким опухшим и бледным, что почти сливалось с подушкой. Тонкие, как у ребенка, волосы упали на лоб. Лбу, впрочем, было уже шестьдесят лет. И если бы не взгляд — острый и быстрый, Харри подумал бы, что перед ним труп лучшего пси-

холога убойного отдела и его, Харри, личного врачевателя души.

— Боже милостивый, Харри, — удивился Столе Эуне. — Ты прямо скелет. Болеешь, что ли?

Харри пришлось улыбнуться. Эуне, скорчив гримасу, сел на постели.

— Извини, что раньше не пришел проведать. — Харри шумно придвинул стул к кровати. — Я, понимаешь… больницы эти… Даже не знаю…

— Больница будит твои детские воспоминания о матери, все нормально.

Харри кивнул и опустил взгляд на руки:

— Как тут с тобой обращаются?

— Такие вопросы задают, когда приходят проведать человека в тюрьме, а не в больнице.

Харри кивнул.

Столе Эуне вздохнул:

— Я знаю тебя слишком хорошо, Харри, и понимаю, что это не визит вежливости. Тебя явно что-то беспокоит. Давай говори.

— Да ладно. Я же вижу: ты не в форме.

— Форма — понятие относительное. В некотором отношении я в отличной боевой форме. Ты бы видел меня вчера. То есть как раз вчера был шанс, что ты не увидишь меня вовсе.

Харри улыбнулся, не поднимая глаз от рук.

— Речь о Снеговике? — спросил Эуне.

Харри опять кивнул.

— Наконец-то, — сказал Эуне. — Я тут умираю со скуки. Рассказывай.

Харри набрал воздуху в легкие и начал рассказывать о ходе следствия, не забывая о дополнительной информации и самых значимых деталях. Эуне раза два перебил его краткими вопросами, а остальное время слушал молча с внимательным и почти благодарным лицом. Когда Харри закончил, было такое ощущение, что больному стало лучше: у него появился румянец, да и на постели он сидел поувереннее.

— Интересно, — протянул он. — Но раз ты уже знаешь, кто преступник, зачем пришел ко мне?

— Она сумасшедшая, да?

— Человек, совершающий такие преступления, несомненно, сумасшедший и может избежать уголовного наказания.

— Я тоже так думаю, но кое-чего все же не понимаю, — сказал Харри.

— Ух ты! Да ты гений психиатрии. Я сколько лет работаю, а до конца так ничего и не понял.

— Ей было всего девятнадцать, когда она убила тех двух женщин в Бергене, а потом и Герта Рафто. Как получилось, что такая психопатка прошла

все психологические тесты в полицейской академии, а потом работала в полиции столько лет — и за все это время ее никто не раскусил?

— Хороший вопрос. Возможно, она — эдакий коктейль.

— «Коктейль»?

— Человек, в котором намешано много всякого. Шизофреник, который слышит голоса, но при этом умудряется скрывать свои странности от окружающих. Раздвоение личности сопровождается припадками паранойи, искажающими представление о том, в какой ситуации она находится и что надо предпринять, чтобы избежать опасности. При этом реальный мир представляется в лучшем случае приложением к этой ситуации. Зверства и ярость, о которых ты говорил, совпадают с рисунком пограничной личности, которая, впрочем, эту ярость может контролировать.

— Хм. То есть ты тоже не понял, в чем дело, — подвел итог Харри.

— И я о том же! — Эуне рассмеялся. Смех перешел в кашель. — Прости, Харри, — прохрипел он. — Мы, психологи, выстроили такие ясли, в которых наши коровы не помещаются. Эти психи — неблагодарные существа, они даже не думают,

сколько сил и времени мы потратили на наши исследования!

— И вот еще что. Когда мы с ней обнаружили тело Герта Рафто, она была по-настоящему испугана. Я уверен, что она не притворялась. Признаки шока были налицо: я светил ей фонариком прямо в глаза, а зрачки так и оставались расширены.

— Елки зеленые! А вот это интересно. — Эуне сел повыше. — А зачем ты сунул фонарик ей в лицо? Уже тогда ее подозревал, да?

Харри не ответил.

— Может, ты и прав, — сказал Эуне. — Она могла не помнить об убийствах. Ты же сам рассказывал, что она вовсю участвовала в расследовании, не отлынивала. Может быть, в какой-то момент она начала себя подозревать и изо всех сил старалась выяснить правду. Что тебе известно о сомнамбулизме и лунатиках?

— Ну, я знаю, что некоторые ходят во сне. Говорят во сне. Едят, одеваются, выходят на улицу и даже водят машину.

— Точно. Дирижер Гарри Розенталь во сне дирижировал симфоническим оркестром, причем пропевал все партии инструментов. Было по меньшей мере пять дел об убийствах, когда

преступника освобождали по той причине, что он был признан parasomniac, то есть действовал в состоянии сна. Один мужик в Канаде ночью встал, оделся, сел в машину, проехал две мили, убил тещу, с которой практически не общался, задушил тестя, вернулся к себе и лег спать. И его оправдали.

— Ты хочешь сказать, что она могла убивать во сне? Как этот твой parasomniac?

— Это, конечно, спорный диагноз. Но ты представь человека, который время от времени действует в своего рода спящем состоянии, а потом не может вспомнить, что он делал, и у которого остается в памяти лишь неясная, фрагментарная картина случившегося.

— Хм.

— И представь еще, что эта женщина только в процессе расследования поняла, что это ее рук дело.

Харри медленно кивнул:

— А чтобы избежать наказания, надо подставить кого-то в качестве подозреваемого.

— Штука в том, — скорчил гримасу Столе Эуне, — что, когда речь идет о человеческой психике, ничего нельзя сказать наверняка: болезни как таковой мы никогда не увидим, так что гово-

рить можем только о симптомах.

— Как грибок в стене.

— Что?

— Что может повлиять на психику человека и свести его с ума?

— Да все, что угодно! — простонал Столе Эуне. — Или ничего. Воспитание. Наследственность.

— Отец, склонный к насилию, к тому же алкоголик?

— Да! Девяносто процентов вероятности. Добавь мать, у которой по линии психиатрии не все благополучно, травму в детском или юношеском возрасте… Да мало ли что!

— А может так быть, что когда она подросла и стала сильнее своего отца-алкоголика, то попробовала причинить ему боль, убить его?

— Нет ничего невозможного. Я помню, как-то раз… — Столе Эуне наклонился, глаза его оживились. — Ага. Тебе, я вижу, пришло в голову то же самое, что и мне, Харри?

Харри Холе изучал свои ногти.

— Однажды ко мне попала фотография одного полицейского из Бергена. Он мне показался странно знакомым. Как будто я знал его раньше. И только теперь я понял почему. Они похожи. До того как Катрина Братт вышла замуж, у нее была

фамилия Рафто. Герт Рафто — ее отец.

Скарре позвонил Харри по дороге к аэроэкспрессу. Харри ошибся: мобильного в туалете не нашли. Он был на багажной полке в одном из купе.

Через восемьдесят минут он поднялся в серое молоко. Капитан объявил, что в Бергене низкая облачность и дождь. Видимость ноль, подумал Харри. Летим по радару.

Томас Хелле, инспектор отдела розыска пропавших, позвонил в дверь, табличка на которой сообщала: «Андреас, Эли и Трюгве Квале», и она почти сразу распахнулась.

— Слава богу, вы приехали! А где остальные? — Открывший дверь мужчина посмотрел за спину Хелле.

— Я один. У вас по-прежнему никаких известий о жене?

Мужчина, который, как понял Хелле, и был тем самым Андреасом Квале, что звонил какое-то время назад в полицию, изумленно посмотрел на него:

— Я же сказал: она исчезла.

— Я знаю, но, как правило, пропавшие люди возвращаются.

— Какие люди?

Томас Хелле вздохнул:

— Послушайте, Квале, можно я зайду? А то тут дождь…

— Ох, простите! Прошу вас…

Ему было пятьдесят с небольшим.

Квале отступил в полумрак прихожей. За его спиной маячил темноволосый парень лет двадцати.

Томас Хелле решил остаться тут, дальше в дом не проходить. Людей сегодня не хватало: было воскресенье, а тех, у кого сегодня смена, бросили на поиски Катрины Братт. Все это сделали в строгой секретности, но пошли слухи, что она как-то замешана в деле Снеговика.

— Когда вы обнаружили, что она пропала? — спросил Хелле и приготовился записывать.

— Мы с Трюгве ходили в поход в Нурмарку. Вернулись сегодня. Нас не было дома два дня. Мобильные мы не брали. Дома ее не было, записки она не оставила, и главное, как я уже сказал, когда вам звонил, дверь была незаперта. А она ее всегда запирает на замок, даже когда находится дома. Моя жена — очень осторожная женщина. А тут — вся верхняя одежда на месте. И обувь. Только туфель нет. В такую-то погоду…

— Вы уже обзвонили всех ее знакомых? Соседей?

— Разумеется. Никто про нее ничего не знает.

Томас Хелле записал. У него появилось ставшее привычным щемящее чувство: пропала мать и жена.

— Вы сказали, что ваша жена — пугливая женщина, — сказал он. — Кому она могла открыть дверь и, возможно, впустить в дом? — Он покосился на отца и сына.

— Мало кому, — твердо ответил отец.

— Может быть, кому-то, кого она не опасалась, например женщине или ребенку?

Андреас Квале кивнул.

— Или кому-то, кто изложил подходящую причину для визита, например, электрику — проверить счетчик.

Супруг пожал плечами:

— Возможно.

— Вы заметили рядом с домом что-нибудь необычное?

— Необычное? Что вы имеете в виду?

Хелле прикусил нижнюю губу, подбирая слова:

— Например, что-нибудь вроде… снеговика?

Андреас Квале посмотрел на сына, который яростно, почти испуганно покачал головой.

— Ну что ж, хоть этого нет, — с облегчением вздохнул Хелле.

Сын что-то сказал, вернее, неразборчиво пробормотал.

— Что? — переспросил Хелле.

— Он говорит, снег уже растаял, — повторил погромче Квале-старший.

— А, ну да. — Хелле сунул блокнот в карман. — Мы передадим ее описание патрульным. Если к вечеру не появится, начнем розыск. Девяносто процентов, что она уже будет дома. Вот вам моя визитная карточка…

Хелле почувствовал, как ладонь Андреаса Квале легла ему на плечо.

— Я должен вам кое-что показать, инспектор.

Томас Хелле вслед за Квале миновал прихожую и спустился по лестнице в подвал. Квале открыл дверь в комнату, где пахло мылом и сохнущей одеждой. В углу, рядом с древней стиральной машиной «Электролюкс», стояла корзина для белья. Каменный пол шел воронкой, в центре комнаты — слив для воды. Пол был мокрый, на стенах виднелись капли воды, как будто все это недавно поливали из лежащего тут же шланга. Но не это привлекло внимание Томаса Хелле. На сушилке висело платье, закрепленное двумя

прищепками, или, вернее, то, что когда-то было платьем. Прямо по талии оно было разрезано. Неровный край обуглился до черноты.

Глава 29
День двадцатый. Слезоточивый газ

Капли дождя играли в небе и падали на Берген, лежащий в синем вечернем тумане. Подъехав на такси к конторе, где он забронировал в аренду катер, старый финский «круизер», Харри увидел, что тот уже стоит на приколе на набережной возле моста через Пудде-фьорд.

— Рыбачить поеду, — сказал Харри и ткнул пальцем в лоцию. — Можно где-то путь до Финнёй срезать?

— На Финнёй рыбачить? — удивился конторский парень. — Ну тогда вам понадобится удочка с грузилом и блесна, но рыбалка в тех местах неважная.

— Посмотрим. Как заводить-то эту хрень?

Пыхтя на низкой скорости мимо Нурнеса, Харри разглядел сквозь туман и голые ветви деревьев тотемный столб. Дождь взбивал морскую гладь и превращался в туман. Харри передвинул рычаг рядом со штурвалом вперед, нос тут же задрался вверх, так что Харри пришлось вцепиться в штурвал и выровнять рванувший катер.

Через четверть часа Харри вернул рычаг назад и медленно проплыл с той стороны острова, где из домика Рафто его нельзя было увидеть. Он остановился, вытащил удочку и прислушался к дождю. Рыба его не интересовала. Грузило было тяжелым, крючок крепко сидел на леске. Харри отцепил водоросли, намотавшиеся на леску, очистил крючок. Потом попытался забросить блесну, но в катушке что-то сломалось, и блесна повисла в двадцати сантиметрах от удилища — ни туда ни сюда. Харри взглянул на часы. Если шум мотора и привлек чье-то внимание, теперь к нему наверняка потеряли интерес. Пора действовать, пока не стемнело. Он положил удочку на сиденье, открыл сумку, достал револьвер и зарядил полный барабан. Рассовал по карманам похожие на термосы зеленые колбы с газом и сошел на берег.

За пять минут он взобрался на вершину безлюдного острова и спустился к запертым по случаю зимы дачам. Харри спрятался за гладкой скалой в двадцати метрах от домика Рафто, откуда ему были отлично видны все двери и окна. Дождь по-прежнему стучал по плечам, по зеленой армейской куртке. Харри вытащил зеленый цилиндр со слезогонкой и выдернул

кольцо. Через пять секунд он почувствовал, как пружинит колба в его ладони — газ пошел. Он подбежал к домику, держа колбу на вытянутой руке, и швырнул в окно. Стекло разбилось с резким тонким звоном. Харри рванул обратно за скалу и вытащил револьвер. За шумом дождя он различал шипение слезоточивого газа. За окнами стало серо.

Если она там, то еще пара секунд — и она не выдержит. Он прицелился, но и через минуту ничего не произошло.

Харри подождал еще, вытащил вторую колбу и подошел к двери. Та была заперта. Он отошел на четыре шага.

Дверь чуть не слетела с петель, когда он правым плечом вперед влетел в наполненную газом комнату. Сразу начало щипать глаза. Харри задержал дыхание и двинулся к люку в подпол. Откинул его, швырнул вниз зеленый цилиндр и стремительно выскочил наружу. Нашел лужу, стал перед ней на колени и сунул голову в воду. Глаза и носоглотка горели. Он открыл глаза и опустил лицо поглубже, так что чиркнул носом по дну, поморгал. В носу и горле продолжало адски гореть, но зрение восстановилось. Он снова навел револьвер на домик и закричал:

— Выходи! Выходи, сука!

Но никто не вышел.

Еще через четверть часа за окнами домика перестало дымить.

Харри подошел и распахнул дверь. Кашляя, в последний раз осмотрел все внутри. Зря растранжирил газ. Халатное расточительство казенного имущества. Черт! Черт!

Когда он шел обратно к катеру, стемнело настолько, что он понял: на обратном пути ему придется нелегко. Он отвязал канат, поднялся на борт и взялся за стартер. В голове мелькнула мысль, что он не спит уже вторые сутки, с утра ничего не ел, промок до костей и впустую съездил в этот гребаный Берген. Так что если мотор сейчас не заведется, он нашпигует лес шестью кусками свинца 38-го калибра и обратно двинется вплавь. Он уже собрался дать малый ход, как вдруг увидел ее.

Катрина, в сером свитере и черной юбке, стояла прямо перед ним на трапе, ведущем на нижнюю палубу.

— Руки вверх, — произнесла она не очень уверенно, но черный револьвер, наставленный на Харри, не оставлял сомнений в серьезности ее намерений. — Если не сделаешь, как я скажу,

выстрелю тебе в живот, обездвижу, а потом в голову. Но начну, конечно, с живота…

Револьвер передвинулся ниже. Харри выпустил рычаг и поднял руки над головой.

— Назад, пожалуйста, — сказала она.

Она поднялась по лестнице, и Харри снова увидел, как в ее глазах играет огонь. Точно так же он переливался, разлетаясь искрами, сверкал и дрожал, когда они пришли арестовывать Беккера и когда разговаривали в баре «Фенрис». Харри попятился, пока не уперся ногами в сиденье.

— Сядь. — Катрина выключила мотор.

Харри плюхнулся прямо на удочку и почувствовал, что брюки тут же промокли.

— Как ты меня нашел? — спросила она.

Харри пожал плечами.

— Говори, — потребовала она и снова подняла пистолет. — Я такая любопытная, Харри, ты же знаешь.

— Ну… — Харри попытался прочитать хоть что-то на ее бледном осунувшемся лице. Невозможно: лицо этой женщины не принадлежало Катрине Братт, которую он знал. Думал, что знал. — У всех своя логика. Рисунок. Правила игры.

— И что? Какова же моя логика?

— Показать направление и убежать в обратную

сторону.

— Да?

Харри чувствовал тяжесть револьвера в своем кармане. Он привстал, отодвинул удочку и положил правую руку на сиденье.

— Ты пишешь письмо от имени Снеговика, посылаешь его мне, а сама через две недели появляешься в Полицейском управлении Осло. Первое, что ты мне сказала: Хаген распорядился, чтобы я ввел тебя в курс дела. А ведь Хаген этого не говорил.

— Пока все правильно. Что еще?

— У Арве Стёпа ты бросаешь пальто в воду, а сама убегаешь по крышам. Значит, по логике, если ты подкладываешь мобильный в поезд, который движется на восток, сама ты отправишься на запад.

— Браво. Ну и как я сюда добралась?

— Не самолетом. Ты же понимала, что аэропорты под наблюдением. Думаю, ты подложила мобильный в поезд на Центральном вокзале заранее, чтобы иметь возможность добраться до автобусной станции и сесть на самый ранний рейс. Думаю, ты ехала на перекладных. Пересаживалась с одного автобуса на другой.

— Экспресс до Нотоддена, — подтвердила Кат-

рина, — оттуда рейсовым автобусом до Бергена, но сошла в Воссе, купила одежду. Потом на рейсовом до Итре-Арна, а оттуда местным автобусом до Бергена. Заплатила какому-то рыбачку, и он привез меня сюда, на остров. Неплохая поездочка, Харри.

— Догадаться было несложно. Мы же с тобой так похожи.

Катрина закивала головой:

— Если ты так в этом уверен, почему приехал один?

— Я не один. Мюллер-Нильсен со своими людьми на катере уже на подходе.

Катрина засмеялась. Харри чуть заметно сдвинул руку к карману с револьвером.

— Я согласна, мы похожи, Харри. Но когда надо врать, тут уж я справляюсь гораздо лучше тебя.

Харри сглотнул. Рука была ледяная — пальцы могут не послушаться.

— Да уж, — согласился он. — И с убийствами тоже.

— Вот как? А сам, похоже, собираешься меня убить, руку к карману тянешь. Вставай и снимай куртку. Медленно. И кидай ее сюда.

Харри выругался, но повиновался. Куртка со стуком упала на палубу у ее ног. Катрина, не

отводя взгляда от Харри, швырнула ее за борт.

— Тебе все равно пора прикупить новую, — сказала она.

— Хм… Чтоб подошла к морковке, которую ты сунешь мне в пасть? — поинтересовался Харри.

Катрина несколько раз моргнула, и Харри заметил в ее взгляде нечто похожее на замешательство.

— Слушай, Катрина. Я пришел помочь тебе. Тебе нужна помощь. Ты больна, Катрина. Вот почему ты совершила все эти убийства.

Катрина медленно покачала головой и показала на берег:

— Я два часа сидела там и ждала тебя, потому что точно знала: ты приедешь. Ты всегда находишь то, что ищешь. Вот почему я тебя выбрала.

— Выбрала?

— Да, выбрала, чтобы ты нашел мне Снеговика. Вот почему ты получил то письмо.

— А почему ты сама не стала его искать? Далеко ходить бы не пришлось.

Она покачала головой:

— Я пыталась, Харри. В течение многих лет. И поняла, что не справлюсь. Это мог сделать только ты, ведь ты единственный, кому удалось поймать серийного убийцу. Мне нужен был Харри Холе. —

Она грустно улыбнулась. — Последний вопрос, Харри. Как ты догадался, что я тебя обманывала?

Харри думал о том, как все произойдет. Пуля в лоб? Раскаленная петля? Морская прогулка и камень на шее? Ему должно быть страшно. Невообразимо страшно, так страшно, что он должен упасть перед ней на палубу и умолять оставить в живых. Отчего же он этого не делает? Дело было не в гордыне, ее он множество раз проглотил вместе с виски и выблевал обратно. Может, его парализовала мысль о безнадежности: он понимал, что ничто уже не поможет, даже наоборот — только укоротит его жизнь? Нет, скорее это просто из-за усталости, всеобъемлющей и глубокой.

— Я все время в глубине души был уверен, что все это началось давным-давно, — сказал Харри и заметил, что больше не чувствует холода. — Что все было спланировано и тот, кто это делал, смог проникнуть в мою жизнь. Таких людей совсем немного, Катрина. А когда я увидел газетные вырезки в твоей квартире, то понял, что это ты.

Она непонимающе захлопала глазами, и Харри почувствовал, что в его безупречную логику вклинивается сомнение. А может, оно было всегда, это сомнение? Ливень барабанил с удвоенной силой, вода плескалась за бортом. Он увидел, как она

открыла рот, как ее пальцы обхватили покрепче рукоять револьвера. Харри схватил удочку и уставился прямо в дуло. Так вот как он должен закончить — на борту катера, в Вестланне, без свидетелей, без следа. Перед глазами возник образ — Олег. Только он один.

И тут Харри со всей силы хлестнул Катрину удочкой. Последний, отчаянный шаг, героическая попытка перевернуть игровой стол, переиграть судьбу. Гибкий конец удочки рассек Катрине щеку до крови, удар вышел так себе, она даже не почувствовала, не говоря уже о том, чтобы потерять равновесие. Позднее Харри пытался вспомнить, предусмотрел он последствия хотя бы отчасти или нет? Грузило летело с такой скоростью, что те самые оставшиеся двадцать сантиметров лески обвились вокруг головы и свинец ударил ее по зубам. Харри резко рванул удочку на себя, отчего крючок сделал то, для чего его и придумали, — нашел плоть. Он крепко засел в верхней губе Катрины. Отчаянный рывок Харри был такой силы, что Катрина Братт крутанулась на месте, ее голова резко дернулась, и у него мелькнула мысль: сейчас оторвется. Тело повторило движение головы: повернулось направо, а потом завалилось прямо на Харри. Еще

поворачиваясь вокруг своей оси, Катрина Братт рухнула перед ним на палубу.

Харри вскочил и прыгнул коленями ей на плечи, чтобы парализовать руки, вырвал револьвер из ее обессилевшей ладони и ткнул дулом в полуприкрытый глаз. Оружие показалось легким, он чувствовал, как сталь давит на мягкое глазное яблоко. Она не закрыла глаза. А дождь все пытался смыть кровь с ее разорванного рта.

Глава 30
День двадцатый. Козел отпущения

Кнут Мюллер-Нильсен лично прибыл на пристань встречать катер Харри. Он, два констебля и психиатр собрались на нижней палубе, где на койке лежала в наручниках Катрина Братт. Ей сделали укол сильного успокоительного и перенесли в поджидавший автомобиль.

Мюллер-Нильсен поблагодарил Харри за то, что тот не доложил начальству о своей операции.

— Давайте такой тактики попробуем придерживаться и впредь, — ответил Харри, глядя в дождливое небо. — Если Осло получит официальный рапорт, там захотят принять командование на себя.

— Ясно, — кивнул Мюллер-Нильсен.

— Хьерсти Рёдсмуэн, — произнес чей-то голос, и они обернулись. — Психиатр.

Женщине, которая смотрела на Харри, было за сорок. Светлые растрепанные волосы, объемный красный пуховик. В руке она держала сигарету, нимало не заботясь о том, что дождь льет и на сигарету, и на нее саму.

— Трудно было?

— Нет. — Харри помотал головой. — Она сдалась без сопротивления.

— Что сказала?

— Ничего.

— Ничего?

— Ни слова. Каков ваш диагноз?

— Безусловно, это психоз, — ответила Рёдсмуэн. — Что, впрочем, не означает, что она хроник. Просто сознание пытается контролировать ситуацию, которая в принципе не поддается контролю. Мозг предпочитает отключиться, когда, допустим, боль становится невыносимой. Насколько я понимаю, она находилась в состоянии жесточайшего стресса, причем долгое время.

Харри кивнул:

— Она заговорит?

— Да, — ответила Хьерсти Рёдсмуэн и разочарованно взглянула на промокшую сигарету. — Правда, не знаю когда. В настоящий момент ей требуется отдых.

— Какой отдых! — встрял Мюллер-Нильсен. — Она серийный убийца!

— А я психиатр, — отрезала Рёдсмуэн, выбросила сигарету и отправилась к маленькой красной «хонде», которая даже под ливнем выглядела

пыльной.

— Что теперь? — повернулся к Холе Мюллер-Нильсен.

— Последним рейсом — домой, — ответил Харри.

— Если честно, выглядишь как покойник. У управления есть договоренность с отелем «Рика-Тревел». Мы тебя туда отвезем, дадим кое-какую одежду. Там, кстати, есть ресторан.

Харри, зарегистрировавшись, стоял перед зеркалом в ванной своего тесного номера и размышлял о словах Мюллера-Нильсена — да, видок тот еще, краше в гроб кладут, — и как случилось, что покойником сегодня он так и не стал, и что на самом деле произошло. Приняв душ и перекусив в пустом ресторане, он вернулся в номер и попытался заснуть. Не получилось. Пришлось включить телевизор. По всем каналам шло какое-то дерьмо, за исключением НРК-2, где показывали фильм «Помни». Он его уже смотрел. Главный герой страдал потерей памяти. У него убили жену, и он написал на фотоснимке, кто это сделал, потому что знал: он все забудет. И каждый раз возникал вопрос: а может ли он верить тому, что сам написал.

Харри откинул одеяло. Мини-бар под телеви-

зором прикрывала деревянная незапирающаяся дверца. Надо было сразу лететь домой.

Он уже вылезал из кровати, когда где-то в номере зазвонил мобильный. Сунул руку в карман мокрых брюк, повешенных для просушки на стуле возле батареи. Звонила Ракель. Она спросила, где он, и сказала, что им надо поговорить. Только не у него, а на нейтральной территории.

Харри упал спиной на кровать и прикрыл глаза:

— Поговорить о том, что мы больше не сможем встречаться?

— Да. Я так больше не могу.

— Может, по телефону, Ракель?

— Нет, так нельзя. Потому что тогда будет не так больно.

Харри простонал. Она была права.

Они договорились встретиться завтра, в одиннадцать часов вечера, возле Музея «Фрама» на Бюгдёй. Там всегда полно туристов, и можно затеряться среди немцев и японцев. Она спросила, что он делает в Бергене. Он рассказал и попросил держать это в тайне до тех пор, пока информация не появится в газетах.

Закончив разговор, Харри, все еще лежа на кровати, уставился на мини-бар, а на экране теле-

визора фильм «Помни» продолжал рассказывать об играх с памятью. Подведем итоги, подумал Харри. Его только что чуть не убили, любовь всей его жизни больше не хочет его видеть, и он закончил самое трудное за всю его практику дело. Или не закончил? Хотя он не ответил Мюллеру-Нильсену, почему решил идти за Братт в одиночку, сам-то он прекрасно знал ответ. Из-за сомнения. Или надежды. Отчаянной надежды, что, несмотря на все совпадения, это не она. И эта надежда все еще жива. Ну давай, у тебя три отличные причины и свора псов в желудке, что сходят с ума. Давай, открывай уже дверцу бара.

Харри встал, пошел в ванную, открыл кран и напился воды. Выпрямился, посмотрел в зеркало. Как покойник, говорите? Но покойники не хотят напиться. Почему? И он громко выпалил ответ:

— Потому что тогда будет не так больно.

Гуннар Хаген устал как собака. Он огляделся по сторонам. На часах почти полночь. Он сидел в комнате на верхнем этаже одного из зданий в центре Осло. Тут все было блестящим и коричневым: паркетный пол, потолок со свисающими светильниками, стены с портретами прежних владельцев этой комнаты, стол красного дерева площадью в десять квадратных метров, кожаные

бювары перед каждым из двенадцати мужчин, что сидели за ним. Час назад Хагену позвонил начальник Полицейского управления округа Осло и вызвал по этому адресу. Некоторых из присутствующих Хаген знал, лица других видел в газетах, но многие ему были совершенно незнакомы. Начальник Главного управления полиции ввел присутствующих в курс дела. Он рассказал, что Снеговиком оказалась женщина, служившая в полицейском управлении Бергена, которая позднее перешла в убойный отдел в Грёнланне, она водила за нос всю полицию Осло, и теперь, когда ее схватили, необходимо избежать крупного скандала.

Когда он закончил, над столом повисла тишина, густая, как сигарный дым. Дым шел с края стола, где сидел седовласый мужчина. Он откинулся на высокую спинку стула, так что его лицо оставалось в тени, и вздохнул. Тут до Гуннара Хагена дошло, что все, что произносил кто-либо из присутствующих, говорилось в расчете на этого человека.

— Все это страшно досадно, Турлейф, — сказал седовласый тонким, почти женским голосом, — и чрезвычайно опасно. Речь идет обо всей системе — мы сейчас ведем разговор на таком уровне. Это

означает… — Все затаили дыхание, пока седовласый затягивался сигарой. — Что головы полетят. Вопрос только в том — чьи.

Начальник Главного управления осторожно кашлянул:

— У вас есть предложения?

— Пока нет, — ответил седовласый. — Но мне кажется, у тебя, Турлейф, есть что сказать. Послушаем.

— В данном случае мы имеем конкретные должностные ошибки, допущенные при приеме на работу и утверждении в должности, то есть промахи, связанные с человеческим фактором, а никак не с системой в целом. Считаю, что это не является проблемой руководства, и предлагаю поделить ответственность и вину. Руководство возьмет на себя ответственность, некоторое унижение…

— Переходи к делу, — перебил седовласый. — Кто ваш козел отпущения?

Начальник Главного управления полиции поправил тесный воротник рубашки. Гуннар Хаген заметил, что ему нехорошо.

— Старший инспектор Харри Холе. — Ларс Турлейф опустил глаза.

Снова настала тишина, пока седовласый рас-

куривал свою потухшую сигару. Зажигалка щелкала и щелкала. Потом из тени раздалось почмокивание, и опять заструился дым.

— Неплохая мысль, — сказал высокий голос. — Если бы это был не Холе, я бы ответил, что придется найти другого козла отпущения, потому что какой-то там старший инспектор — не слишком толстый барашек, чтобы приносить его в жертву. Я бы скорее попросил тебя, Турлейф, пожертвовать собой. Но Холе такой профессионал, да к тому же он был на этом шоу, где все болтают… по телевизору. Известный человек, следователь с определенным реноме. Да, пожалуй, этого может хватить. Но согласится ли он?

— Предоставьте это нам, — ответил Турлейф. — Да, Гуннар?

Гуннар Хаген замер. Он вспомнил — первым делом — о своей жене. Обо всем, чем она пожертвовала ради его карьеры. Когда они поженились, она бросила учебу и поехала за ним к месту его службы в департаменте безопасности. Потом его перевели в полицию, и она снова была рядом. Она была интеллигентная и умная женщина и стала ему опорой во всех отношениях. Именно к ней он шел за советом, когда дело касалось карьеры или каких-то этических вопросов, и она всегда

советовала что-нибудь дельное. И все равно он не сделал такой блестящей карьеры, как они оба мечтали. Теперь, похоже, все менялось к лучшему. Остановка на уровне начальника отдела по расследованию убийств в Полицейском управлении Осло может закончиться, и он двинется дальше, выше. Вопрос только в том, чтобы не совершить ошибки.

— Так как, Гуннар? — вновь обратился к нему начальник КРИПОС.

Жаль только, что он так устал. Как собака. «Это ради тебя, — подумал он. — Ты наверняка хотела бы, чтобы я поступил именно так, дорогая».

Глава 31
День двадцать первый. Южный полюс

Харри и Ракель стояли в музее возле шхуны «Фрам» и смотрели, как группа японцев фотографирует снасти, одновременно улыбаясь и кивая гиду, который объяснял, что это судно было зафрахтовано Фритьофом Нансеном во время его неудачной попытки стать первооткрывателем Северного полюса в 1893 году, а позже и Руалем Амундсеном, когда он в 1911 году выиграл у Скотта гонку за Южный полюс.

— Я опять забыла часы у тебя на тумбочке, — сказала Ракель.

— Это старинная примета, — заметил Харри. — Это значит, ты должна вернуться.

Она положила ладонь на его руку и покачала головой:

— Мне их подарил Матиас. На день рождения.

«О котором я забыл», — подумал Харри.

— Сегодня утром он спросил, почему я их не надела. А ты знаешь, как мне непросто врать. Ты не мог бы…

— Я привезу их часа в четыре, — ответил он.

— Спасибо. Я буду на работе, ты положи их в скворечник у двери. Там…

Ей не надо было продолжать. Там она держала ключи от дома, чтобы он мог войти, когда возвращался поздно ночью. Харри ударил ладонью по перилам:

— Если следовать Арве Стёпу, главная ошибка Руаля Амундсена в том, что он выиграл. Стёп считает, что в истории остаются обычно те, что проиграли.

Ракель не ответила.

— Это, наверное, просто попытка найти утешение, — сказал Харри. — Пойдем?

На улице шел снег.

— Значит, все кончилось? — спросила она. — Или до следующего раза?

Он посмотрел на нее, желая убедиться, что она говорит о Снеговике, а не о них.

— Мы пока не знаем, где тела, — ответил он. — Я вчера был у нее в камере, перед тем как отправиться в аэропорт. Катрина так ничего и не сказала. Смотрит куда-то, будто меня там и нет вовсе.

— А ты кому-нибудь говорил, что поедешь в Берген?

Харри покачал головой.

— Почему?

— Ну, — пожал плечами Харри, — я же мог ошибаться. Тогда бы просто вернулся по-тихому и не выглядел бы идиотом.

— Мне кажется, не поэтому, — сказала она.

Харри покосился на нее. Она выглядела еще хуже, чем он сам.

— Честно говоря, сам не знаю. Я надеялся, что преступник все же не она, а кто-то другой.

— Потому что она как ты? Потому что ты мог бы оказаться на ее месте?

Харри не мог припомнить, чтобы он говорил ей, что они с Катриной похожи.

— Она выглядела такой одинокой и напуганной… — Харри зажмурился — порыв ветра бросил пригоршню снега ему в лицо. — Как будто заблудилась в сумерках.

Черт! Черт! Он моргнул и почувствовал, как к горлу подкатывает ком, рыдания чуть не выплеснулись наружу. Может, у него у самого нервный срыв? Его бил озноб. Вдруг он почувствовал теплую ладонь Ракели на своем подбородке.

— Ты не она, Харри. Ты другой.

— Да? — слабо улыбнулся он, отводя ее руку.

— Ты не лишаешь жизни невинных людей, Харри.

Харри отказался от предложения Ракели подвезти его и поволокся к автобусу. В автобусное окно он смотрел на хлопья снега и на фьорд, а сам вспоминал, как Ракель произнесла слово «невинных», — немного повысив интонацию, будто сомневалась и задавала вопрос.

Харри уже собирался открыть дверь, как вдруг вспомнил, что у него кончился растворимый кофе, и прошел пятнадцать метров до лавки Ниязи.

— Странно видеть вас так рано, — сказал Али, принимая деньги.

— Взял отгул, — ответил Харри.

— Погодка-то, а? Говорят, завтра выпадет на полметра снега!

Харри покрутил в руках банку кофе.

— Я тут на днях напугал Сальму и Мухаммеда. На заднем дворе.

— Да, я слышал.

— Приношу извинения. Я был немного на взводе, вот и все.

— Все в порядке. Я только боялся, что вы опять начнете пить.

Харри покачал головой и вяло улыбнулся: ему нравилось прямодушие пакистанца.

— Вот и хорошо, — сказал Али, отсчитывая сдачу. — А как там косметический ремонт?

— Ремонт? — Харри взял сдачу. — Вы имеете в виду уничтожение грибка?

— Какого грибка?

— У меня парень работает, Стурманн или как там его, он обнаружил домовый грибок в подвале…

— Грибок в подвале? — Али изумленно посмотрел на Харри.

— Так вы что, не знаете? — Теперь удивился Харри. — Вы же председатель кооператива. Я думал, он с вами говорил.

— Нет, может, он договаривался с Бьёрном.

— А кто этот Бьёрн?

— Человек, который тринадцать лет живет на первом этаже, — ответил Али, бросив на Харри строгий взгляд. — И все это время он был заместителем председателя.

— Ах, Бьёрн! — отозвался Харри, изобразив лицом, что имя ему знакомо.

— Я обязательно проверю, — заверил его Али.

Оказавшись в квартире, Харри стянул ботинки, пошел в спальню и лег на кровать. В отеле, в Бергене, он так и не смог заснуть, а тут отключился, едва голова коснулась подушки. Когда он проснулся, во рту пересохло, желудок терзала боль. Он встал и пошел попить, но, выйдя в при-

хожую, застыл на месте.

Когда Харри пришел домой, он ничего не заметил и только теперь разглядел, что погром в квартире закончился.

Он походил по комнатам. Чудеса. Стены были восстановлены просто безупречно! Он мог бы поклясться, что тут вообще ничего не трогали. Только дырки от гвоздей исчезли — их аккуратно замазали. Он коснулся стены в гостиной, чтобы убедиться, что это ему не привиделось.

На столе лежал лист бумаги — записка, буквы четкие, даже красивые.

Я его уничтожил. Больше вас не побеспокою. Стурманн.

P. S. Я порезался и запачкал кровью стеновую панель. Когда кровь попадает на необработанную деревянную поверхность, смыть ее невозможно. Выход один — покрасить всю стену красным.

Харри опустился в кресло и принялся разглядывать голые стены.

И только выйдя в кухню, он понял, что чудеса не закончились. Потому что календаря с Ракелью и Олегом на месте не было. Небесно-голубое платье. Он громко выругался и принялся яростно рыться в мусорном ведре, проверил даже пла-

стиковый контейнер, что стоял на заднем дворе. Только тогда ему стало ясно, что двенадцать счастливейших месяцев его жизни уничтожены вместе с мусором.

Психиатр Хьерсти Рёдсмуэн понимала, что этот рабочий день будет для нее особенным. Пока она шагала по коридору психиатрического отделения Хёукеланнской больницы, что в Саннвикене, солнце торжественно взошло над Бергеном и брызнуло в окна. Больницу столько раз переименовывали, что лишь немногие бергенцы знали, что официально она теперь называется больница «Саннвикен», но «закрытое» отделение не переименовывали, так оно и оставалось «закрытым», как будто ждали указания и объяснения, что название это неправильное, а самое главное — унизительное.

Встреча с пациенткой, которая сидела под такой охраной, какой у них в отделении еще никогда не было, одновременно страшила и радовала. Этические принципы и подходы они заранее обговорили с Эспеном Лепсвиком из КРИПОС и Мюллером-Нильсеном из бергенского управления полиции. Пациентка находилась в состоянии психоза — допрашивать ее было нельзя. Хьерсти же как психиатр беседовать с пациентами умела

только ради их собственного блага, отчего помочь полицейскому расследованию не могла. Нельзя было забывать и о врачебной тайне. Поэтому ей самой придется определять, что из услышанного ею важно для следствия, и добиваться от пациентки более подробных объяснений. Но даже эта информация не могла быть использована в суде, потому что исходила от психически неуравновешенного человека. Короче говоря, в смысле этики и юриспруденции ей придется пройти по настоящему минному полю, причем малейшая ошибка может иметь самые катастрофические последствия, так как все ее действия будут проверяться и перепроверяться судейскими и журналистами.

Рядом с белой дверью в кабинет стояли сыщик в штатском и полицейский в форме. Она показала на пропуск, приколотый к белому халату, и полицейский распахнул перед ней дверь.

Заранее обговорили, что штатский будет присутствовать в кабинете, чтобы поднять тревогу, если вдруг что-то пойдет не так.

Хьерсти Рёдсмуэн села на стул и посмотрела на пациентку. Неужели эта хрупкая женщина с упавшими на лицо длинными волосами и черной гематомой у разорванного рта может представлять какую-то угрозу? Огромными глазами она

с ужасом смотрела на что-то, видимое ей одной. Какая уж тут угроза! Казалось, женщину принес сюда ветер и стоит дунуть — ее унесет куда-то в другое место. Поверить в то, что она хладнокровно убивала людей, было просто невозможно. Но у Хьерсти Рёдсмуэн был богатый опыт.

— Добрый день, — начала она. — Меня зовут Хьерсти.

Ответа не последовало.

— Как вы думаете, в чем ваша проблема? — спросила она.

Этот вопрос был заимствован из пособия по проведению бесед с пациентами в состоянии психоза. Альтернативой была фраза: «Как вы думаете, чем я могу вам помочь?»

По-прежнему молчание.

— Вы здесь в полной безопасности. Тут нет никого, кто хотел бы причинить вам вред. Я ничего дурного вам не сделаю. Вы в полной безопасности.

Такое четкое заявление согласно пособию должно успокоить пациента. Это важно, потому что психоз возникает из безотчетного страха. Хьерсти Рёдсмуэн чувствовала себя стюардессой, рассказывающей о правилах безопасности перед взлетом. Даже на рейсах, которые пролетают над

пустыней, пассажирам непременно демонстрируют спасательные жилеты. Потому что смысл этой демонстрации на самом деле следующий: «Можете бояться, но знайте: мы о вас позаботимся».

Теперь пора проверить, насколько верно пациентка воспринимает действительность.

— Вы знаете, какое сегодня число?

Молчание.

— Посмотрите на часы, там, на стене. Можете сказать, который час?

В ответ — только застывший взгляд.

Хьерсти Рёдсмуэн подождала. Длинная стрелка часов, дрожа, перескочила на одно деление.

Бесполезно.

— Я пойду, — сказала Хьерсти и встала. — За вами придут и проводят вас в палату. Вы в полной безопасности.

— Мне надо поговорить с Харри, — вдруг сказала женщина низким, почти мужским голосом.

Хьерсти остановилась и оглянулась:

— С каким Харри?

— С Харри Холе. Срочно.

Хьерсти попыталась заглянуть ей в глаза, но женщина по-прежнему смотрела в глубь себя.

— Но вы должны хотя бы сообщить мне, кто

такой этот Харри Холе, Катрина.

— Старший инспектор убойного отдела в Осло. И назовите ему мою фамилию, Хьерсти.

— Братт?

— Нет, Рафто.

— Хорошо, но не могли бы вы сообщить мне, о чем собираетесь беседовать с Харри Холе, чтобы я могла в дальнейшем…

— Вы не понимаете. Они все умрут…

Хьерсти медленно опустилась на стул:

— Я понимаю. А почему вы думаете, что они все умрут, Катрина?

Наконец женщина взглянула на нее. Ее глаза напомнили Хьерсти Рёдсмуэн красную карточку в игре «Монополия» — карточку с надписью: «Ваши дома и отели горят».

— Вы ничего не понимаете, — откликнулся низкий, почти мужской голос. — Это не я.

В два часа Харри остановил машину возле дома Ракели на Хольменколлвейен. Снег перестал, и Харри решил не оставлять следов от шин на парковке в саду. Снег тихо и протяжно хрустел под ногами, а в затемненных окнах отражался яркий дневной свет.

Он поднялся по лестнице к двери, открыл скворечник, положил туда часы Ракели и закрыл

дверцу. Он уже повернулся, чтобы двинуться обратно, как дверь за его спиной распахнулась.

— Харри!

Харри обернулся и попытался улыбнуться: перед ним стоял обнаженный человек с полотенцем вокруг бедер.

— Матиас, — с трудом выговорил Холе. — Ты меня напугал. Я думал, ты сейчас на работе.

— Извини, — рассмеялся Матиас и сложил руки на груди. — Сегодня работаю в ночь. Поменялся. Хотел душ принять, тут слышу, кто-то шуршит у двери. Я-то думал, это Олег, а у него ключи тугие, понимаешь?

Харри понимал. Тугие ключи когда-то принадлежали ему. Значит, Ракель отдала их Олегу, а Матиас получил ключи мальчика. Женщины…

— Чего ты хотел, Харри?

Харри отметил, что Матиас сложил руки как-то неестественно высоко, будто прикрывал ими что-то.

— Да так, — ответил он. — Просто проезжал мимо и хотел занести Олегу кое-что.

— Почему в дверь-то не позвонил?

Харри сглотнул:

— А я сразу догадался, что он еще из школы не вернулся.

— Это как?

Харри кивнул, давая понять Матиасу, что, по его мнению, это вполне уместный вопрос, и объяснил:

— Снег.

— Снег?

— Да. Он прекратился два часа назад. А лестница чистая, никаких следов.

— Ну надо же, Харри! — весело воскликнул Матиас. — Вот это дедукция в повседневной жизни! Сразу видно, что ты следователь.

Харри натянуто рассмеялся вместе с ним. И тут руки Матиаса чуть опустились, и Харри разглядел то, что Ракель называла «небольшим физическим недостатком». Там, где обычно у мужчин располагаются соски, у Матиаса была гладкая чистая кожа.

— Это наследственное, — сказал Матиас, проследив за взглядом Харри. — У моего отца так же было. Редко встречается, но совершенно не опасно. Да и к чему они мужику?

— Точно, к чему? — отозвался Харри и почувствовал, как горят его уши.

— Хочешь, я передам Олегу… что ты там ему принес?

Харри воровато бросил взгляд на скворечник:

— Нет, спасибо. Завезу в другой раз. — Холе скорчил гримасу, которая, как он надеялся, должна была подтвердить правдивость его слов. — Давай-ка иди в душ.

— О'кей.

— Будь здоров.

Сев в машину, Харри треснул ладонями по рулю и громко выругался. Он вел себя как двенадцатилетний карманник, взятый с поличным. Врал Матиасу прямо в лицо. Врал, изворачивался и вообще был засранцем.

Он завел мотор и ударил кулаком по панели: он не должен постоянно думать о работе, надо переключиться на что-то другое. Получалось плохо: всю дорогу мысли теснились в голове, возвращаясь к последнему делу. Он думал о физических недостатках, о красных плоских сосках, которые выглядят на белой коже как пятна крови. О пятнах крови на необработанном дереве. Вдруг в мозгу всплыли слова специалиста по грибку: «Выход один — покрасить всю стену красным».

Значит, он поранился. Харри на секунду прикрыл глаза, представляя рану. Это должна была быть глубокая рана, раз крови вытекло так много, что… только закрасить всю стену…

Харри резко затормозил и услышал гудок ав-

томобиля. В зеркале он увидел, как по свежему снежку вильнула на полном ходу «тойота-хияче», она пролетела мимо, чудом не задев его машину.

Харри распахнул дверцу, выскочил наружу и огляделся: он стоял возле стадиона «Грёссбанен». Глубоко вздохнул и попытался мысленно разнести на куски ту картинку, что возникла у него в голове, чтобы попытаться сложить ее заново. И она сложилась, ему даже не пришлось менять куски мозаики местами: они подходили друг к другу идеально. Сердце забилось сильнее. Если он прав, то вся версия перевернется с ног на голову. Все сходилось, совпадало с тем, как Снеговик планировал свои действия, как подготавливался к проникновению в дом… А трупы? Ведь теперь понятно, куда они делись. Харри, дрожа, закурил сигарету и попытался реконструировать события, исходя из новой версии. Он начал с куриной шеи, обугленной на срезе.

Харри не верил в озарения, божественное ясновидение и прочую телепатию, но он верил в удачу. Не в везение, которое иным дается от рождения, а в систематическую удачу, которую упорным трудом можно себе подчинить и заставить работать в твою пользу. В удачу, которая приходит, если сплетешь такую мелкую сеть, что

в нее поймаются все совпадения до единого. Но его нынешняя удача была не такая. Нетипичная удача. Только бы он был прав! Харри посмотрел вниз и увидел, что он растоптал снег и теперь — в прямом и переносном смысле — стоит обеими ногами на земле.

Он сел в машину, достал мобильный и набрал номер Бьёрна Хольма.

— Да, Харри? — ответил сонный и почти до неузнаваемости гнусавый голос.

— Судя по голосу, ты здорово болен, — сказал Харри.

— Похоже на то, — ответил Хольм. — Чертова простуда. Трясет аж под двумя одеялами. Адское состояние.

— Слушай, — перебил его Харри. — Помнишь, я просил тебя измерить температуру тех кур, которых рубила Сильвия, чтобы определить, когда это произошло?

— Ну?

— И ты еще потом сказал, что одна была теплее других.

Бьёрн Хольм фыркнул:

— Да. А Скарре предполóжил, что у нее был жар. Ваще-то возможная вещь.

— А я думаю, что ее зарезали после того, как

Сильвия была убита. Не меньше чем через час.

— И кто ж это сделал?

— Снеговик.

Ожидая ответа, Харри услышал, как Хольм смачно высморкался, а потом сказал:

— То есть ты думаешь, она взяла топор Сильвии, пошла обратно…

— Нет, топор остался в лесу. Я должен был обратить на это внимание, но тогда я ничего не знал о накаливающейся петле.

— А что ты там должен был высмотреть?

— Да шея же у курицы была обугленная! Черная по краям. Вероятно, петлю использовал именно Снеговик.

— И почто ей было убивать эту куру? — продолжал недоумевать Хольм.

— Чтобы закрасить всю стену красным.

— Чего?

— У меня идея, — ответил Харри.

— Черт, — пробормотал Хольм. — И мне, конечно, из-за этой твоей идеи придется вылезти с постели… Так?

— Ну… — начал Харри.

Оказывается, снегопад просто решил немного передохнуть, потому что в три часа на весь Эстланн снова посыпались крупные тяжелые

хлопья. Трасса E16 была покрыта серой глазурью снежной каши, которая стекала аж с Бэрума.

Не доезжая до Соллихёгды, Харри с Хольмом свернули на лесную просеку.

Спустя пять минут они стояли в дверях перед Ролфом Оттерсеном. За его спиной Харри разглядел сидящую на диване в гостиной Ане Педерсен.

— Нам надо еще раз взглянуть на пол в сарае.

Ролф Оттерсен поправил очки, а Бьёрн Хольм громко и тяжело кашлянул.

— Пожалуйста, — согласился Оттерсен.

Харри с Хольмом пошли к сараю, а худая мужская фигура все продолжала стоять на крыльце, повернувшись в их сторону.

Верстак, где Сильвия резала кур, стоял на том же месте. От кур, само собой, не осталось и следа — ни от живых, ни от мертвых. К стене была прислонена острая лопата. Такой не снег убирают, а копают землю. Харри отправился к доске с инструментами. Силуэт топорика, который должен был там висеть, напомнил Харри, как на месте преступления мелом обводят тело жертвы.

— Короче, я думаю, что Снеговик вернулся и зарезал еще одну курицу, чтобы ее кровью залить пол. У него была только одна возможность — за-

красить все красным.

— Ты это уже говорил. Только я все равно толком ничего не понял.

— Если человеку надо спрятать красное пятно, он может его смыть или закрасить красным все вокруг. Думаю, Снеговик хотел что-то спрятать. Какие-то следы.

— Какие еще следы?

— Что-то красное, что нельзя было убрать, смыть, потому что необработанное дерево быстро впитывает любую жидкость.

— Кровь? Она пыталась спрятать пятна крови под другой кровью? Это и есть твоя идея?

Харри обошел верстак, сел на корточки, почувствовав, как рукоять револьвера Катрины Братт у него за поясом впилась в живот. Он посмотрел на пол. Там все еще виднелись розовые разводы.

— У тебя с собой снимки, которые мы здесь сделали? — спросил Харри. — Начинай с тех мест, где было больше всего крови. Особенно тут, рядом с верстаком.

Хольм вытащил снимки из сумки.

— Итак, сверху был слой куриной крови, — сказал Харри. — Но была и другая, которая успела проникнуть в щели и впитаться в волокна дерева. Она не должна была смешаться с куриной,

потому что куриную налили гораздо позже. Как думаешь, сможешь выцарапать немного той, первой крови на анализ?

Бьёрн Хольм моргнул и без особого воодушевления поинтересовался:

— И что ты хочешь, чтобы я тебе сказал?

— Единственный ответ, который мне нужен, это «да».

Хольм ответил разрывающим легкие кашлем.

Харри отправился обратно к жилому дому. Он постучал, Ролф Оттерсен открыл дверь.

— Мой коллега побудет еще в сарае, — предупредил Харри. — Можно он потом зайдет немного погреться?

— Разумеется, — не особенно охотно ответил Оттерсен. — А что вы пытаетесь раскопать на этот раз?

— Я как раз хотел спросить вас о том же, — ответил вопросом Харри. — Я заметил следы земли на лопате.

— Ах, это… Ставил столбики для ограды.

Харри посмотрел на покрытую снегом землю, которая тянулась до самого леса, темнеющего вдалеке. Интересно, что Оттерсен мог там огораживать? Он был уверен: в глазах Оттерсена промелькнул страх.

Харри кивнул на гостиную:

— У вас гости… — Тут его перебил звонок мобильного.

Это был Скарре.

— Нашли еще одного, — сообщил он.

Харри посмотрел на лес и почувствовал на лбу и щеках тающие хлопья снега.

— Кого «еще одного»? — спросил он, хотя уже догадался обо всем по голосу Скарре.

— Еще одного снеговика.

Психолог Хьерсти Рёдсмуэн позвонила старшему инспектору Кнуту Мюллеру-Нильсену, когда они с Эспеном Лепсвиком уже собирались уходить.

— Катрина Братт заговорила, — сообщила она. — Думаю, вам стоит подъехать в больницу и послушать, что она рассказывает.

Глава 32
День двадцать первый. Резервуары

Скарре шел впереди Холе, оставляя за собой следы в снегу, белеющем меж деревьями. Ранние сумерки предупреждали, что зима уже на пороге. Над ними сверкала огнями телебашня Трюванн, а под ними — Осло. Харри приехал сюда из Соллихёгды и припарковался на стоянке, где каждую весну, подобно мигрирующим леммингам, собирались выпускники, чтобы пуститься в ритуальное взрослое приключение: танцы, выпивка, флирт, секс. Когда Харри был выпускником, машины у него не было, а тусовок он не любил.

— Его обнаружили какие-то любители пеших прогулок, — сказал Скарре.

— И решили позвонить в полицию, чтобы рассказать, что в лесу стоит снеговик?

— Они гуляли с собаками, ну и… короче, сам увидишь.

Они вышли на поляну. Завидев их, к ним направился молодой человек.

— Томас Хелле, отдел розыска пропавших, —

представился он. — Мы рады, что вы тут, Холе.

Харри удивленно взглянул на молодого полицейского, но, кажется, тот не шутил.

Выше на холме Харри заметил ребят из криминалистического отдела. Скарре нагнулся, и Харри вслед за ним проскользнул под лентой ограждения. Они пошли по тропинке, протоптанной специально, чтобы не повредить следы, которые еще не зафиксировали эксперты. Криминалисты заметили Харри и Скарре, посторонились, давая им подойти ближе, провожая их многозначительными взглядами: ждали реакции.

— Ох, черт! — вырвалось у Скарре, и он отступил на шаг назад.

Харри почувствовал, как похолодела голова, будто вся кровь отхлынула, оставив только жуткое, смертельное ощущение пустоты.

Никаких особенных деталей он сразу не заметил, поэтому чувства, что этой обнаженной женщине здорово досталось, не возникло. По крайней мере, не так, как в случае с Сильвией Оттерсен или Гертом Рафто. Но что по-настоящему ужаснуло Харри, так это хладнокровие, с которым вся картина была задумана и исполнена, вылеплена и сконструирована. Труп висел над двумя большими снежными комьями — недоделанным

снеговиком, — поставленными один на другой около ствола дерева. Труп раскачивался у самого ствола, а на толстой ветке возле головы женщины можно было разглядеть стальную проволоку. Она заканчивалась петлей, которая, как безупречно брошенное лассо, не затронула ни шею, ни грудь и была затянута под подбородком. Руки связаны за спиной. Глаза и рот закрыты, что придавало лицу женщины умиротворенное выражение, как будто она спала.

Можно было подумать, что тело не тронуто, пока взгляд не падал на стежки на бледной коже. Края, прошитые тонкой, почти не оставившей следов уколов иглой, чернели от свернувшейся крови. Один ряд стежков шел поперек живота, второй — вокруг шеи. Совершенная работа, подумал Харри. Никаких старых дырок от гвоздей. Все ровненько.

— Похоже на эту срань из разряда современного искусства, — сказал Скарре.

— Инсталляцию, — подсказал кто-то рядом.

Харри закивал головой: они были правы. Но все же что-то тут выбивалось из общего впечатления прекрасной хирургической работы.

— Он разрезал ее на куски, — произнес он так сипло, будто его душили. — А потом собрал об-

ратно.

— Он? — спросил Скарре.

Харри не отреагировал.

— Наверное, чтобы легче было перевезти, — отозвался Хелле. — Думаю, нам известно, кто она. Ее муж вчера заявил об исчезновении. Сейчас он на пути сюда.

— Почему вы думаете, что это та самая женщина?

— Муж нашел платье с подпалинами. Они как раз там, где на трупе стежки.

Харри сосредоточился на своем дыхании. Теперь он понял, что выбивалось из картины. Неполный снеговик. И неаккуратные узелки на проволоке. И нечеткие углы там, где проволока была согнута. Все это было грубо, некрасиво, как будто сделано на ощупь. Словно это был эскиз, проба пера. Как бы первый взгляд на еще не завершенную работу. И зачем он связал ей руки за спиной? Когда он привез ее сюда, она была давно мертва. Или это часть плана?

— Почему меня не предупредили? — кашлянул Харри.

— Я доложил обо всем моему шефу, а тот — вашему начальнику, — ответил Хелле. — Мы получили указание держать все в тайне. Я так

думаю, это связано с… тем человеком, которого задержали не так давно.

— Катриной Братт? — спросил Скарре.

— Имени мы не знаем, — ответил голос позади них.

Они обернулись. На снегу, широко расставив ноги и сунув руки в карманы, стоял начальник Полицейского управления Осло. Его холодные голубые глаза рассматривали тело.

— Да, такое только на выставку.

У молодого полицейского глаза полезли на лоб, а начальник управления как ни в чем не бывало повернулся к Харри:

— На два слова, старший инспектор.

Они отошли к ограждению.

— Ну и положеньице, — вздохнул начальник Полицейского управления, глядя себе под ноги. — Тут у нас была встреча. Вот почему мне надо с тобой поговорить, так сказать, тет-а-тет.

— С кем встреча?

— Это, Харри, не важно. Важно то, что там было принято решение.

— Какое?

Начальник управления переминался с ноги на ногу, и в голове у Харри мелькнуло: стоит ли сделать ему замечание, чтобы он не затаптывал

следы?

— Я хотел обсудить это с тобой сегодня вечером, Харри, в спокойной обстановке. Но теперь, когда нашли это тело, разговор не терпит отлагательств. В прессу все просочится уже часа через два. Так что времени, на которое мы рассчитывали, у нас нет. Придется выдать им информацию по Катрине Братт и объяснить, как ей удалось проникнуть к нам, действовать под самым нашим носом, а мы и не заметили. Руководству, ясное дело, придется брать ответственность на себя.

— Да к чему вы это все, шеф?

— К тому, что пострадает доверие населения к столичной полиции. Дерьмо льется вниз, Харри. Чем выше начинают, тем его больше. А все потом вывалится на простого человека, что стоит в самом низу. Как только мы потеряем доверие, Харри, как только народ подумает, что полиция допустила такой промах, — всё, мы проиграли. Контроль потерян. Я полагаю, ты понимаешь, что стоит на кону.

— Шеф, у меня мало времени, — сказал Харри.

Начальник управления перестал изучать взглядом городскую панораму и вперился в Харри:

— Ты знаешь, что означает «камикадзе»?

— Безбашенный японец, который направляет

свой самолетик на американский авианосец.

— Я тоже так думал. А Гуннар Хаген сказал, что сами японцы это слово никогда не употребляют, это какая-то ошибка американских шифровальщиков. Камикадзе — это название тайфуна, который спас японцев, когда они воевали с монголами когда-то там в одиннадцатом веке. Переводится как «ветер божественного провидения». Поэтично, да?

Харри не ответил.

— И теперь нам нужен такой ветер, — сказал шеф.

Харри медленно кивнул. Он понял.

— То есть кто-то должен взять на себя вину за то, что Катрину Братт взяли в полицию? И не раскусили? Короче, за все это дерьмо? — назвал вещи своими именами Харри.

— Конечно, мне не по себе оттого, что я вынужден просить тебя об этом. Особенно потому, что я прошу спасти и мою шкуру. — И начальник Полицейского управления снова перевел взгляд на город. — Муравейник, Харри. Вечный муравейник. Безропотный труд, лояльность, самоотречение — все это нужно только в муравейнике.

Харри провел ладонью по лицу. Предательство.

Кинжал в спину. Трусость. Он попытался проглотить ярость. Убедить себя, что начальник прав. Кем-то нужно жертвовать, причем вина должна остаться на как можно более низкой ступени полицейской иерархии. Довольно справедливо. Вот только надо успеть сначала допросить Катрину Братт.

Харри выпрямился. Он даже испытал некоторое облегчение, потому что давно чувствовал, что с ним покончено. Так давно, что успел с этим смириться. Так покидали сцену его коллеги из общества мертвых полицейских: без фанфар, без почестей, оставив за собой только уважение тех немногих, кто знал всю подноготную. Муравейник…

— Я понимаю, — согласился Харри. — Вы только проинструктируйте меня, что конкретно я должен сказать. Но, полагаю, мы в любом случае должны объявить о пресс-конференции, которая состоится через несколько часов, когда у нас будет больше информации.

Начальник управления покачал головой:

— Ты не понимаешь, Харри.

— В деле возникли новые обстоятельства…

— Но об этом доложишь не ты.

— Мы проверим… — Харри запнулся. — Что вы

сказали?

— Предложение было именно таким, но Гуннар Хаген с ним не согласился и решил взять всю вину на себя. Он сейчас у себя в кабинете пишет объяснительную. Я хотел тебе об этом сообщить, чтобы ты все знал до начала пресс-конференции.

— Хаген? — переспросил Харри.

— Отличный солдат, — ответил шеф и похлопал Харри по плечу. — Я поехал. Пресс-конференция в восемь в большом зале, хорошо?

Харри посмотрел на удаляющуюся спину и почувствовал, как в кармане завибрировал мобильный. Он взглянул на дисплей, чтобы решить, стоит ли отвечать.

— Love me tender, — сказал Хольм в трубку. — Я в Институте судебной медицины.

— Что у тебя?

— Между волокнами дерева обнаружена человеческая кровь. Тётя в лаборатории, правда, сказала, что на анализ ДНК это вряд ли потянет, но группу она определила. И знаешь что? — Бьёрн Хольм выдержал было паузу, но тут до него дошло, что Харри наверняка ни разу не играл в «Кто хочет стать миллионером?», так что он продолжил: — Кровь редкая, встречается не часто — у двух человек из сотни. А в уголовном архиве

таких всего сто двадцать три счастливчика. Так что если у Катрины Братт обнаружится именно эта группа, у нас на руках будет довольно веское доказательство того, что кровь на полу в сарае у Оттерсенов — ее.

— Свяжись с управлением, у них есть список всех сотрудников с указанием группы крови.

— Есть? Так, черт, я прям сейчас и проверю.

— Но только не очень расстраивайся, когда узнаешь, что у Катрины не вторая отрицательная.

— Елы-палы, откуда ты-то знаешь, что это вторая отрицательная?

— Сможешь встретиться со мной в Институте анатомии?

Было уже шесть часов, так что бóльшая часть персонала больницы «Саннвикен» разошлась по домам. Только в кабинете Хьерсти Рёдсмуэн еще горел свет. Психиатр подождала, пока Мюллер-Нильсен и Эспен Лепсвик откроют блокноты, затем заглянула в свой и начала:

— Катрина Братт рассказала, что сильно любила отца. Она была подростком, когда газетчики выставили его жестоким, склонным к насилию человеком. Для нее это оказалось страшной травмой. В школе из-за этого она стала изгоем. Вскоре

родители развелись. Когда Катрине исполнилось девятнадцать, отец исчез. Одновременно были убиты две жительницы Бергена. Следствие зашло в тупик, но и в самом полицейском управлении, и за его пределами поговаривали, что это ее отец убил тех женщин, а потом, поняв, что выкрутиться ему не удастся, покончил с собой. Именно тогда Катрина приняла решение стать сотрудником полиции, раскрыть убийства и реабилитировать имя отца.

Хьерсти Рёдсмуэн подняла глаза. Никто из мужчин не записывал, они просто смотрели и слушали.

— Она поступила в полицейскую академию, — продолжила Рёдсмуэн, — вскоре после выпуска получила назначение в убойный отдел в Бергене и сразу же в свободные от службы часы принялась за пересмотр документов по делу ее отца. Об этом узнало начальство и прекратило ее изыскания, а Катрину перевели в отдел нравов. Совпадает это с вашими данными?

— В точности, — ответил Мюллер-Нильсен.

— К делу отца она больше не притронулась, зато взялась за аналогичные и, просмотрев сводный отчет по всей стране, сделала любопытное наблюдение: сразу после исчезновения отца ста-

ли пропадать люди при странно совпадающих обстоятельствах. — Хьерсти Рёдсмуэн перевернула страницу. — Но чтобы двигаться дальше, Катрине нужна была помощь, и она понимала, что в Бергене она ее не получит. Поэтому она решила найти человека, обладающего опытом по раскрытию серийных убийств. При этом она намеревалась скрыть, что она — это она, то есть дочь Рафто.

Старший следователь Эспен Лепсвик медленно покачал головой, а Хьерсти продолжала:

— Катрина Братт тщательно изучила информацию, и ее выбор пал на старшего инспектора отдела убийств столичного Полицейского управления. Она написала ему письмо и подписалась таинственным именем Снеговик, во-первых, чтобы пробудить его любопытство, а во-вторых, потому, что снеговики часто упоминались в свидетельских показаниях в делах об исчезнувших женщинах. В записях ее отца об убийстве на вершине горы Ульрикен также фигурирует снеговик. Когда в отделе убийств полиции Осло открылась вакансия — требовалась именно женщина, — Катрина записалась на собеседование. Она говорит, что не успела она сесть на стул, как ей уже предложили эту работу.

Рёдсмуэн подняла глаза, но поскольку никто не собирался протестовать против подобной интерпретации событий, она продолжила:

— В первый же день Катрина Братт постаралась войти в контакт с Харри Холе и попросила взять ее в группу расследования. Знала она много — и о деле, и о самом Холе, — так что смогла довольно легко манипулировать им и направить по следам бергенских убийств и исчезновения Герта Рафто. В конце концов с помощью Холе она нашла своего отца в холодильнике на острове Финнёй.

Хьерсти сняла очки:

— Не надо иметь богатую фантазию, чтобы понять: то, что ей довелось тогда пережить, наверняка стало основной причиной ее психологической реакции. Стресс, разумеется, еще усугубился, поскольку трижды ей пришлось поверить, что убийца пойман. Сначала это был Идар Ветлесен, затем… — поискала она в записях, — Филип Беккер и, наконец, Арве Стёп. И каждый раз она убеждалась, что это не преступник. Она даже попыталась выбить признание из Стёпа, но сдалась, когда поняла, что и он не тот человек, которого она ищет. Услышав, что прибыла полиция, она скрылась. Не хотела, чтобы ее арестовали до того, как она закончит свое дело, то есть раскроет

убийства и выяснит, кто преступник. Думаю, именно тогда ее психоз вошел в критическую фазу. Она вернулась на Финнёй, где, как она сказала, ждала Холе, который непременно должен был ее выследить. Что и произошло. Когда Холе прибыл туда, она разоружила его, чтобы заставить выслушать себя. Она хотела проинструктировать его и обрисовать, что он должен предпринять, продолжая расследование.

— Разоружила? — переспросил Мюллер-Нильсен. — Насколько нам известно, она сдалась без сопротивления.

— Она сказала, что рану на губе ей нанес Харри Холе как раз во время ареста, — сказала Хьерсти Рёдсмуэн.

— Разве стоит верить психически неуравновешенному человеку? — произнес Лепсвик.

— Она вышла из состояния психоза, — решительно возразила Рёдсмуэн. — Мы оставим ее здесь еще на несколько дней на обследование, но после передадим вам, так что готовьтесь. Если, конечно, вы до сих пор рассматриваете ее в качестве подозреваемой.

Последние слова повисли в воздухе, а потом Эспен Лепсвик перегнулся через стол:

— То есть вы считаете, что Катрина Братт го-

ворит правду?

— В мои обязанности не входит делать такие предположения, — ответила Рёдсмуэн и закрыла свои записи.

— А если я задам вам этот вопрос не как психиатру?

— Тогда, старший инспектор, — улыбнулась Рёдсмуэн, — я скажу, что вы можете продолжать придерживаться того мнения, которое у вас есть.

Бьёрн Хольм дошел короткой дорогой из Института судебной медицины до Института анатомии и теперь ждал в гараже, когда появится Харри, который должен был приехать на машине из Трюванна. Рядом с Хольмом стоял санитар в зеленом халате с серьгами в ухе — тот самый, который вез на каталке тело, когда Харри был здесь в прошлый раз.

— Лунн-Хельгесена сегодня нет, — объяснил Хольм.

— Тогда, может, вы нам все тут покажете? — обратился Харри к санитару.

— Нам не разрешено показывать… — начал парень в зеленом халате.

Харри его перебил:

— Как вас зовут?

— Кай Робёле.

— О’кей, Кай Робёле. — Харри достал полицейское удостоверение. — Я вам разрешаю.

Робёле пожал плечами и впустил их.

— Вам повезло, что меня застали. Обычно тут после пяти уже никого нет.

— Мне сдается, вы много работаете сверхурочно, — заметил Харри.

Робёле покачал головой:

— Только не тут, в подвале, с мертвяками-то. Наверху, на солнышке куда как приятнее. — И он безрадостно улыбнулся. — Так что вы хотите увидеть?

— Недавние трупы, — ответил Харри.

Санитар открыл дверь и повел их за двойные двери в комнату, где стояло шесть резервуаров, по три с каждой стороны. Между ними тянулись узкие проходы. Резервуары были закрыты металлическими крышками.

— Они там, — ткнул пальцем Робёле. — По четыре в каждой ванной. Резервуары заполнены специальной жидкостью.

— Значит, двадцать четыре тела, — подсчитал Харри. — И все?

— Всего у нас около сорока, эти — последние. Обычно они так лежат примерно с год, прежде чем их начнут использовать.

— Как они к вам поступают?

— Привозит машина из похоронного бюро, кого-то сами забираем.

— И везете через гараж?

— Да.

— А потом?

— Потом? Ну, это… бальзамируем: делаем дырку в бедре и туда закачиваем бальзамирующий раствор. Потом навешиваем металлические бирки с номером, обозначенным в документах.

— Каких документах?

— По которым тело поступает к нам. Их хранят в офисе, наверху. Мы вешаем одну металлическую бирку на большой палец ноги, другую на руку, третью на ухо. Пытаемся и части тел регистрировать, после того как их расчленяют, чтобы потом, когда надо, можно было бы собрать труп обратно.

— Вы регулярно проверяете трупы на соответствие документам?

— Проверяем? — почесал санитар в затылке. — Только если собираемся его куда-нибудь отправлять. Трупы людей согласно завещаниям чаще всего поступают сюда, в Осло. Потом мы можем передавать их университетам, например в Тронхейм, Тромсё или Берген, когда им своих

не хватает.

— Может ли так случиться, что у вас хранится не то тело, что указано в документах?

— Э, нет, вы что. Все, кто сюда попали, завещали свое тело институту, это в завещаниях у них записано.

— Как раз в этом я сомневаюсь, — сказал Харри и сел на корточки возле одного из резервуаров.

— В чем?

— Послушайте, Робёле. Я задам вам вопрос и хочу, чтобы вы хорошенько подумали, прежде чем отвечать. Идет?

Санитар кивнул.

Харри поднялся во весь рост:

— Может так быть, что некто, кто имеет доступ в эти помещения, привезет сюда вечером какое-то тело, повесит на него бирки с фиктивным номером и будет при этом пребывать в относительной уверенности, что никто ничего не заметит?

Кай Робёле помедлил, почесал в затылке, поковырял в ухе.

Харри переступил с ноги на ногу. Хольм открыл рот.

— Вообще-то, — сказал Робёле, — этому вашему «некто» вряд ли что помешает.

— В таком случае я хотел бы взглянуть на тела.

Робёле поднял удивленные глаза на полицейского:

— Тут? Сейчас?

— Давайте начнем с дальнего правого.

— Наверно, тогда мне надо позвонить и получить разрешение.

— Если вы хотите задержать расследование убийства, валяйте, звоните.

— Убийства? — прищурился Робёле.

— Слышали про Снеговика?

Робёле в нерешительности поморгал, потом повернулся, подошел к подъемнику, чьи цепи свисали сверху, приладил два мощных крюка к петлям на резервуаре и нажал кнопку на пульте управления. Цепь, бряцая, поползла вверх, крышка резервуара поднялась. Харри и Хольм не сводили с нее глаз. К обратной стороне крышки были припаяны две горизонтальные пластины и одна вертикальная, по обе стороны от которой лежали белые голые тела. Трупы были похожи на кукол, и это впечатление усиливало черное треугольное отверстие, которое было у каждого на бедре. Когда тела поднялись на достаточную высоту, Робёле нажал на «стоп». В наступившей тишине было слышно, как стекает с трупов раствор. Капель эхом разносилась по помещению.

— Ну? — спросил санитар.

— Нет, — сказал Харри, — следующий.

Они продолжили. Из следующего резервуара появилось еще четыре тела.

Харри покачал головой.

Когда поднялись тела из третьего резервуара, Харри отшатнулся. Робёле, ошибочно истолковав его реакцию как ужас, довольно усмехнулся.

— А это что? — спросил Харри и показал на тело женщины без головы.

— Это, видать, нам вернули из какого-нибудь университета, — ответил Робёле. — Наши-то обычно целехонькие.

Харри наклонился и пощупал тело. Оно было холодным и непривычно твердым из-за бальзамирующего состава. Он провел пальцем по срезу на шее. Он был блестящий, с бледной плотью.

— Мы обычно скальпель используем, а потом тонкую пилу, — объяснил санитар.

— Хм. — Харри взял тело женщины за руки и приподнял его.

— Что это вы делаете? — забеспокоился Робёле.

— Есть у нее что-нибудь на спине? — спросил Харри Хольма, который стоял с другой стороны от тела.

Хольм кивнул:

— Татуировка. Типа флаг.

— Какой?

— Понятия не имею. Зеленый, желтый и красный. Посреди — пятиконечная звезда.

— Эфиопия, — сказал Харри, укладывая женщину на место. — Эта барышня свое тело институту точно не завещала, за нее кто-то постарался. Это Сильвия Оттерсен.

Кай Робёле заморгал, словно надеялся, что посетители ему примерещились и в конце концов исчезнут, надо только постараться.

Харри положил ладонь ему на плечо:

— Нужно связаться с человеком, ответственным за документы, и проверить все остальные трупы. Немедленно. А мне пора.

— Что все это значит-то? — спросил Хольм. — Я, честно говоря, не все догоняю.

— На этот вопрос есть два ответа, — сказал Харри. — Первый: мы поймаем Снеговика.

— А второй?

— Пока сам не знаю.

Часть пятая

Глава 33
Среда, 5 ноября 1980 года. Снеговик

В тот день выпал снег. В одиннадцать утра огромные хлопья неожиданно повалили с бесцветного неба — будто вражеская армада из параллельного мира без боя захватила участки, садики и газоны Румерике.

Матиас сидел один-одинешенек в «тойоте-королле» своей матери напротив виллы на Колловейен. Что она делает там столько времени? А ведь обещала, что зайдет ненадолго. Она оставила ключи в замке зажигания, по радио звучал хит «Под снегом» в исполнении новой девчачьей группы «Долли». Он распахнул дверь и вышел из машины. Выпавший снег поглотил все звуки, стояла почти неестественная тишина. Матиас наклонился, сгреб белый пласт и слепил крепкий шарик.

Вчера на школьном дворе его расстреляли снежками так называемые «товарищи по седьмому классу Б» и обозвали «Пупс Матиас». Он с самого начала возненавидел среднюю школу, куда перешел, поскольку ему исполнилось три-

надцать. Неприятности начались на первом же уроке физкультуры, когда в раздевалке одноклассники заметили, что у него нет сосков. Врач сказал, что это, наверное, наследственное, и его проверили еще на всякие другие болезни. Мать рассказала Матиасу, что у его прадеда, который умер, когда она была совсем маленькой, тоже не было сосков. Но в ее альбоме он нашел фотографию прадеда на сенокосе: тот стоял в одних брюках, без рубашки, и там у него точно были соски.

Матиасу хотелось кинуть снежок в какого-нибудь человека. Так сильно, чтоб тому стало больно. Но вокруг ни души, даже не в кого прицелиться. Чем бы заняться? Он положил небольшой снежок на снег возле гаража и принялся катать ком. Снег был липкий. Когда он прокатил ком вокруг газона, тот сделался ему по пояс, оставив за собой след обнаженной бурой травы. Когда сил катить этот ком уже не хватало, мальчик начал новый. Тот получился тоже большим. С трудом ему удалось поставить второй ком на первый. Потом он слепил голову, вскарабкался на снеговика и водрузил ее наверх. Снеговик стоял прямо напротив окна. Оттуда доносились какие-то звуки. Матиас сломал пару веток с яблони и приделал

снеговику руки. Набрал возле лестницы камешков, снова забрался на снеговика и выложил ему глаза и улыбающийся рот. А потом взобрался ему на шею и заглянул в окно.

В освещенной комнате стоял голый человек и, прикрыв глаза, двигал бедрами взад и вперед, как будто танцевал. На постели перед ним торчали раздвинутые ноги. Матиас не видел, кто там лежит, но догадался, что это Сара, его мама. Они трахались.

Матиас сжал ногами снеговика и почувствовал, как холодеет в паху. Он не мог вдохнуть: шею словно обхватила стальная проволока.

Бедра мужчины все бились и бились о мать. Матиас смотрел на его грудь, а тем временем ледяное оцепенение проникло из паха в живот и дальше, до самой головы. Когда мужчина чуть отстранялся от матери, Матиас видел основание его члена. Как в журналах. Скоро он выстрелит в нее спермой. А еще у мужчины не было сосков.

Вдруг мужчина замер. Его глаза широко открылись, он смотрел прямо на Матиаса.

Матиас разжал ноги и скатился по спине снеговика, скорчился и затаил дыхание. Ждал. Мысли беспорядочно кружились в его голове. Он был умный мальчик, ему это все время говорили.

Немного не такой, как дети его возраста, но умственные способности выдающиеся, — говорили учителя. Поэтому через какое-то время мысли разложились по полочкам, встали на места, как кусочки мозаики, которую он любил собирать. Однако получившаяся картинка была невыносима. Да не может этого быть!.. Но ведь и по-другому быть не может…

Матиас услышал свое прерывистое дыхание.

Теперь он точно знал. Все совпало. То, как холодно мать относилась к папе. Разговоры, которые, как они думали, он не слышит, а он слышал униженные папины мольбы: ты должна остаться, не ради меня, ради Матиаса, боже милостивый, у нас же ребенок! И горький смех матери. Прадед на фотографии и ее ложь. Когда Стиан сообщил на весь класс, что его тетка сказала, будто у матери Пупса Матиаса есть любовник, который живет за пустошью, Матиас, конечно, не поверил. Потому что Стиан был такой же дурак, как и остальные его мучители, и ничего не понимал. Да так и не понял — даже когда несколькими днями позже нашел своего кота повешенным на школьном флагштоке.

Папа ни о чем не знал. Матиас всем сердцем чувствовал, что папа считает его… своим. И он

не должен узнать правду. Никогда. Его это убьет. Нет, пусть уж лучше умрет он, Матиас. Именно этого он и хотел. Он хотел умереть, чтобы избавиться от матери, от Стиана, от школы, от… всего. Он встал, лягнул снеговика и побежал к машине.

Он должен забрать ее с собой. Она тоже должна умереть.

Мать вышла, он открыл ей дверцу. Она пробыла в доме целых сорок минут.

— Случилось что-то ужасное? — спросила она.

— Да, — ответил Матиас и передвинулся, чтобы она не смогла рассмотреть в зеркале заднего вида его лица. — Я его видел.

— Кого? — Она вставила ключ в замок зажигания и повернула.

— Снеговика…

— А как он выглядел, снеговик-то?

Автомобиль с рычанием завелся, и она так резко отпустила сцепление, что машину тряхнуло и Матиас чуть было не выронил зажатый в руке домкрат.

— Папа нас ждет, — сказала она. — Поехали.

Мать включила радио. Диктор рассказывал о выборах Рональда Рейгана, но она все равно сделала погромче. Они выехали на холм и двинулись вниз по направлению к шоссе, рядом с которым

протекала река. На асфальте перед ними бежала прямая желтая полоса.

— Мы все умрем, — сказал Матиас.

— Что ты сказал?

— Мы скоро умрем.

Она убавила звук радиоприемника. Он приготовился. Перегнулся между сиденьями, поднял руку.

— Мы умрем, — прошептал он.

И ударил.

Удар с хрустом обрушился на ее затылок. Мать не вскрикнула, не упала, она будто застыла на своем кресле. Тогда он ударил еще раз. И еще. Машина слегка подпрыгнула, когда ее нога соскользнула с педали, но мать так и не издала ни звука. Наверное, от удара повредился речевой центр мозга, подумал Матиас. Ударив четвертый раз, Матиас наконец достиг цели: на затылке показалась кровь. Машина неслась вперед с той же скоростью, но он понял, что мать уже потеряла сознание. «Тойота-королла» пересекла шоссе и помчалась прямо к реке. Снег тормозил движение, но автомобиль продолжал двигаться. Вот он въехал в воду и заскользил по широкой темной речной глади. Немного проплыл по течению, а потом закружился на месте. Вода начала проса-

чиваться сквозь дверные уплотнители, ручки и по периметру окон. Автомобиль вновь медленно поплыл по реке. Матиас выглянул в окно, заметил машину на шоссе, но не понял, увидели ли его люди. Вода лилась внутрь. Вдруг он услышал, как мать что-то пробормотала. Он посмотрел на нее, на ее затылок, где волосы были мокры от крови. Она зашевелилась под ремнем безопасности. Вода уже с силой хлестала в салон и доходила Матиасу почти до колен. Он почувствовал, как подступает паника. Нет, он не хочет умирать, только не сейчас, только не так! Ткнул домкратом в боковое стекло. Окно разбилось, и в него хлынула вода. Он протиснулся в верхнюю часть окна, ботинок за что-то зацепился, Матиас дернул ногой, ботинок слетел и остался в машине. Он был свободен и двинулся вплавь к берегу. Увидел, как на шоссе остановился автомобиль и два человека выскочили оттуда и побежали по снегу к реке.

Матиас хорошо плавал. Он вообще многие вещи делал хорошо. Мужчина зашел в воду и помог ему выбраться. Матиас опустился на снег. Не то чтобы он не мог стоять, просто подумал, что так будет лучше выглядеть со стороны. Он прикрыл глаза и услышал, как взволнованный голос спрашивает, был ли кто-нибудь еще в ма-

шине. Матиас медленно покачал головой. Голос спросил: «Ты уверен?»

Позже полицейские придут к выводу, что авария произошла из-за скользкой дороги. Травмы на голове утонувшей женщины объяснят столкновением автомобиля с массой воды, а шок будет единственным объяснением того, что мальчик несколько раз отрицательно качал головой в ответ на вопрос, был ли кто-нибудь еще в машине, а потом наконец произнес: «Никого. Только я».

— Никого. Только я, — сказал Матиас.

— Спасибо, — ответил паренек и сел рядом.

Происходило это шесть лет спустя после аварии, в университетской столовой. За окном сильный дождь отстукивал свой привычный марш, которым приветствовал студентов Бергенского университета. Быстрый марш, который кончится только весной.

— Тоже новенький на медицинском? — спросил парень, отрезая кусок жирной венской сосиски.

Матиас кивнул.

— У тебя эстланнский акцент, — заметил парень. — В Осло поедешь?

— Не хочу в Осло.

— Почему?

— Никого там не знаю.

— А тут?

— Тоже никого.

— И я тут никого не знаю. Как тебя зовут?

— Матиас. Матиас Лунн-Хельгесен. А тебя?

— Идар Ветлесен. Ты уже был на горе Ульрикен?

— Нет.

Матиас, конечно, там был. И на горе Ульрикен, и на горе Флёйен, и на горе Саннвиксфьеллет. Побывал на Рыбном рынке и на площади Торгалменнинг, смотрел на пингвинов и морских львов в Аквариуме, пил пиво в Весселстюене, был на концерте новой группы в «Гараже», на стадионе видел, как «Бранн» проиграли у себя на поле. Словом, везде, где обычно бывают компании бергенских студентов, Матиас успел побывать. Один.

Вместе с Идаром он совершил все экскурсии по второму кругу, делая вид, что он тут впервые.

Матиас быстро понял, что Идар типичный прилипала. И чтобы он прилип к нему покрепче, Матиас притворился, что рад знакомству.

— Почему ты поступил на медицинский? — задал Идар разминочный вопрос, вызывая Матиаса на беседу, предназначенную исключительно для чужих ушей.

Дело было во время весеннего студенческого бала, куда Идар прихватил двух местных девчонок — черные юбки, высокие прически, — которые теперь сидели рядом и, наклонившись, пытались разобрать, о чем говорят эти двое.

— Хочу сделать мир чуточку лучше, — ответил Матиас и допил пиво. — А ты?

— Зашибить денег, конечно. — И подмигнул одной девчонке.

Вторая пересела поближе к Матиасу.

— У тебя значок донора, — сказала она. — Какая группа крови?

— Вторая отрицательная. А что?

— Да так… Вторая отрицательная — это же очень редкая группа?

— Ага. А ты откуда знаешь?

— Да не важно, — ответила она, положив теплую руку ему на бедро.

Эту же фразу она повторила, когда через пять часов лежала обнаженная на его кровати, а он признался:

— Знаешь, у меня этого еще никогда не было.

Она улыбнулась и провела ладонью по его щеке:

— Не важно. Не я, так другая, правда?

— Что? — возмутился он. — Нет.

Она рассмеялась:

— Ты симпатичный. Милый и задумчивый. А с ними что случилось? — Она потрогала его грудь.

Матиас почувствовал в душе что-то черное. Безобразное, черное и восхитительное.

— Я таким родился, — ответил он.

— Это болезнь такая?

— Обычно встречается вместе с феноменом Рейно и склеродермией.

— А что такое склеродермия?

— Наследственный синдром, при котором ткани тела перерождаются в соединительную.

— Это опасно? — Она осторожно провела пальцем по его груди.

Матиас улыбнулся и почувствовал нарастающую эрекцию:

— Феномен Рейно означает только, что пальцы рук и ног становятся белыми и холодными. Склеродермия хуже…

— Да?

— Соединительные ткани растягивают кожу, она разглаживается, морщины исчезают.

— Ну так это же здорово, разве нет?

Ее рука поползла вниз.

— Натянутая кожа скрывает мимику, и лицо превращается в застывшую маску.

Маленькая горячая ладошка ухватилась за его член.

— Кисти, а потом и руки скрючиваются, и тебе не удается их выпрямить. Под конец ты можешь лишь лежать, не в силах пошевелиться, и ждать, когда тебя задушит собственная кожа.

Она прошептала:

— Какая ужасная смерть.

— Лучший выход — убить себя до того, как это сделает болезнь. Ты не могла бы лечь на край кровати? Я хочу сделать это стоя.

— Так вот почему ты пошел в медицинский, да? — спросила она. — Чтобы найти выход. Вылечиться.

— Единственное, чего я хочу, — ответил он и встал напротив кровати во всей своей эрегированной красе, — так это понять, когда придет время умирать.

Новоиспеченный врач Матиас Лунн-Хельгесен был популярнейшей фигурой в неврологическом отделении Хёукеланнской больницы в Бергене. И врачи, и пациенты считали его вдумчивым, умным и внимательным человеком. Последнее качество особенно пригодилось, когда он начал принимать неизлечимых больных. Таким людям медицина может предложить не исцеление, а

только облегчение. Врачи, к которым попадали пациенты с тяжелыми формами склеродермии, всегда направляли их к молодому приветливому коллеге, который уже начал задумываться о докторской степени по иммунологии. Однажды поздней осенью Лайла Осен пришла к нему вместе с мужем и их маленькой дочерью. У девочки так сводило ручки и ножки, она так страдала от боли, что Матиас поначалу диагностировал болезнь Бехтерева. Оба супруга заявили, что в их семьях встречались случаи ревматизма, поэтому Матиас взял у них кровь на анализ и приложил к анализам девочки.

Когда пришли результаты, Матиас, сидя за своим столом, перечитал их трижды и почувствовал, как в душе снова поднимается знакомое черное, безобразное и восхитительное чувство. Результаты были отрицательные. И в медицинском смысле, потому что Бехтерев оказался ни при чем, и в смысле благополучия семьи, потому что господин Осен тоже оказался ни при чем: он не был биологическим отцом девочки. Матиас был уверен, что он об этом не догадывается, а Лайла Осен не только догадывается — знает наверняка: ее лицо слегка дрогнуло, когда он попросил всех троих сдать кровь. Встречается ли она по-преж-

нему с тем, другим? Каков он из себя? Может, он живет в доме с газоном у крыльца? Какие тайные изъяны скрывает его одежда? И как и когда дочь узнает, что ее всю жизнь водила за нос эта лживая сука?

Матиас посмотрел вниз и понял, что он опрокинул на себя стакан с водой. Большое мокрое пятно расползлось по брюкам, и он почувствовал, как холод поднимается от живота все выше, до самой головы.

Он позвонил Лайле Осен и сообщил ей о результате. Медицинском. Она, не скрывая облегчения, поблагодарила его и повесила трубку. Матиас долго смотрел на телефон. Боже, как он ее ненавидел! Всю ночь он пролежал без сна на своей узкой кровати в комнатенке, которую снимал со времен получения диплома. Матиас попытался сесть за книгу, но буквы плясали перед глазами. Попробовал мастурбировать: обычно это так изматывало физически, что он мгновенно засыпал, но в ту ночь так и не смог сосредоточиться. Он загнал иглу глубоко в побелевший большой палец ноги, просто чтобы увериться, что еще может чувствовать хоть что-то. В конце концов он свернулся калачиком под одеялом и плакал, пока рассвет не перекрасил ночь в серое утро.

Матиас принимал и людей с обычными жалобами по части неврологии. Одним из его пациентов был полицейский из бергенского управления. После обследования этот среднего возраста здоровяк стоял и одевался. Запах немытого тела и перегара стоял просто удушающий.

— Ну? — рявкнул он на Матиаса, как будто тот был одним из его подчиненных.

— Начальная стадия невропатии, — ответил Матиас. — Нервные окончания стоп не в порядке, отчего понижена чувствительность.

— Вот, значит, почему я стал ходить как последний алкаш?

— А может, вы алкаш, Рафто?

Полицейский прекратил возиться с пуговицами на рубашке, и краска стала подниматься по шее, как ртуть в термометре.

— Ты что такое болтаешь, молокосос?

— Злоупотребление алкоголем является основной причиной возникновения полиневропатии. Если будете продолжать в том же духе — рискуете заработать серьезные повреждения головного мозга. Вы слышали, кто такой Корсаков, Рафто? Нет? Будем надеяться, что не узнаете никогда. Потому что теперь его имя вспоминают в основном в связи с крайне болезненным синдромом,

который назвали в его честь. Я не знаю, что вы отвечаете себе, когда смотритесь в зеркало и спрашиваете, не алкоголик ли вы. Но точно знаю, что в следующий раз вы зададите другой вопрос: когда я хочу умереть — сейчас или немного погодя?

Герт Рафто не сводил глаз с мальчишки в белом халате. Потом громко выругался и вышел, хлопнув дверью.

Через четыре недели он позвонил Матиасу и попросил, чтобы тот приехал его осмотреть.

— Приходите в клинику завтра утром, — ответил Матиас.

— Я не могу. Дело срочное.

— Позвоните в «скорую».

— Слушай, Лунн-Хельгесен. Я три дня провалялся в постели, не в силах пошевелиться. Ты единственный, кто сказал мне в глаза, что я алкаш. Да, я алкаш. Но я не хочу умирать. Не сейчас.

Квартира Герта Рафто воняла мусором, пустыми пивными бутылками и им самим, но не остатками еды: еды в доме не было вовсе.

— Это раствор витамина бэ-прим, — сказал Матиас, держа шприц на просвет. — Он поставит вас на ноги.

— Спасибо, — ответил Герт Рафто.

Через пять минут он заснул.

Матиас прошелся по квартире. На столе стояла фотография Рафто, обнявшего за плечи черноволосую девчонку. Над столом на стене висели снимки, видимо фотографии с мест убийства. Много фотографий. Матиас снял два снимка, сел и рассмотрел все детали. Боже, какие же халтурщики эти убийцы. Тела с колотыми и резаными ранами выглядели откровенно неаккуратно. Он открыл шкаф в поисках других фотографий, нашел рапорты, отчеты, записи, какие-то улики: дамские часики, кольца, броши. И газетные вырезки. Он их прочитал. Везде встречалось имя Герта Рафто, часто с цитатами с пресс-конференций, на которых он рассказывал, до чего преступники глупы и как он их раскусил. Потому что он конечно же раскрыл эти преступления. Все до единого.

Через шесть часов, когда Герт Рафто проснулся, Матиас все еще был у него. Он сидел у кровати с бумагами в руках.

— Скажи, — поинтересовался Матиас, — как совершить убийство и не попасться?

— Не совершать его в моем районе, — ответил Рафто и огляделся в поисках выпивки. — Если

следователь хорош, у тебя по-любому никаких шансов.

— А если я хочу сделать это именно в том районе, где работает хороший следователь?

— Тогда заведи с ним дружбу, а потом убивай, — посоветовал Герт Рафто. — А потом убей и следователя.

— Замечательно! — не скрыл восхищения Матиас. — Я думаю точно так же.

В течение следующих недель Матиас часто бывал у Рафто. Он приходил просто так, и они подолгу разговаривали о болезни, образе жизни и о смерти. А еще Герт Рафто рассказывал о том, что любил больше всего в жизни: о своей дочери Катрине, которая странным образом платила ему ответной привязанностью, и маленьком домике на острове Финнёй — единственном месте, где он мог побыть наедине с собой. Но больше всего говорили о делах, раскрытых Гертом Рафто. О триумфах. Матиас подбадривал его, убеждал, что войну с алкоголизмом тоже можно выиграть, что он сумеет одержать новые победы на полицейском поприще, если заставит себя держаться подальше от бутылки.

Когда поздняя осень пришла в Берген, сделав дни еще короче, а дожди еще сильнее, план у

Матиаса был готов.

Как-то днем он позвонил Лайле Осен домой.

Представился, и она молча выслушала все, что он сказал: в анализе дочери обнаружены показатели, которые с абсолютной точностью доказывают, что Бастиан Осен не является ее биологическим отцом. А ему важно взять анализ у настоящего отца. Это, конечно, может привести к тому, что и дочь, и муж узнают всю правду. Она это сознает? Матиас подождал, чтобы до нее дошло, и добавил: если она хочет сохранить тайну, то анализы можно сделать неофициально.

— Неофициально? — вяло переспросила Лайла, видимо еще не справившись с потрясением.

— Как врач, я связан определенными этическими нормами, согласно которым должен быть с больными совершенно откровенен. И с вашей дочерью тоже. Но я изучаю этот синдром и поэтому особо заинтересован проследить наследственность девочки. Если бы вы смогли вечером встретиться со мной втайне от всех…

— Хорошо, — прошептала она дрожащим голосом. — Да, пожалуйста.

— Прекрасно. Давайте встретимся у последнего выхода фуникулера, на горе Ульрикен. Там нам никто не помешает. Мы поговорим, а потом

спустимся вниз. Надеюсь, вы понимаете, как я рискую, и никому не расскажете о нашей встрече. Ни одной живой душе.

— Разумеется, нет! Положитесь на меня.

Она закончила разговор, а он все еще держал трубку в руке. Прижав губы к серой пластмассе, он прошептал:

— Да как же на тебя положиться, потаскушка?

Только лежа на снегу со скальпелем возле горла, Лайла Осен призналась, что рассказала об их встрече подруге. Они с подругой еще раньше уговорились этим вечером повидаться, вот и пришлось… Но она назвала только его имя, а кто он и что за встреча — не сказала.

— А зачем ты ей вообще проболталась?

— Чтобы отвязаться, — прохрипела Лайла. — Она такая любопытная.

Он прижал лезвие скальпеля еще плотнее к ее горлу, и она назвала адрес и имя подруги. После чего замолчала навсегда.

Два дня спустя Матиас читал газеты, сообщавшие об убийстве Лайлы Осен и исчезновении Онни Хетланн и Герта Рафто со смешанным чувством. Во-первых, он был недоволен убийством Лайлы Осен. Все произошло совсем не так, как он себе представлял: от паники и ярости он совсем

потерял над собой контроль, поэтому развел грязь, пришлось потом убирать. Да и результат слишком напоминал снимки, которые он видел у Рафто дома. К тому же у него было слишком мало времени, чтобы насладиться справедливостью мщения.

Убийство Онни Хетланн получилось еще хуже — настоящая катастрофа. Два раза он падал духом, не мог заставить себя позвонить в квартиру и уходил прочь. На третий раз обнаружил, что опоздал: возле двери уже стоял Герт Рафто. После того как полицейский ушел, Матиас позвонил и представился помощником Рафто. Его впустили. Но Онни отказалась говорить о том, что рассказала Рафто, потому, мол, что пообещала ему — все останется между ними. Только когда он разрезал ей руку скальпелем, она начала говорить. Из сказанного ею Матиас понял, что Герт Рафто преисполнен решимости раскрыть дело самостоятельно. Этот идиот решил поправить свое реноме!

Само умерщвление Онни Хетланн оказалось совершенно неинтересным: немного шума, немного крови, а вот расчленение в ванне получилось аккуратным и быстрым. Все части тела он запаковал в пакеты, а те — в большую

дорожную сумку и мешок, взятый заранее с собой. Во время визитов к Рафто Матиас узнал, что полицейские первым делом проверяют все автомобили и такси, которые видели недалеко от места преступления, поэтому всю дорогу до дома прошел пешком. Оставался последний акт идеального убийства по Герту Рафто — убить самого сыщика.

Это убийство, безусловно, оказалось лучшим из трех, поскольку по отношению к Рафто Матиас не испытывал никаких чувств, а уж тем более той ненависти, какую ощущал к Лайле Осен. Так что впервые он смог приблизиться к эстетическому идеалу, который себе нарисовал, сконцентрироваться на самом процессе убийства. Наконец-то само действие стало для него потрясением и очищением, как он когда-то надеялся. В его ушах до сих пор звучал крик Рафто, несущийся над безлюдным островом. И вот что самое удивительное: придя домой, Матиас заметил, что большие пальцы на ногах больше не были белыми и бесчувственными, как будто частичное обморожение прекратилось и он снова оттаял.

В течение последующих четырех лет Матиас убил еще четырех женщин и наконец окончательно убедился, что каждый раз пытается

реконструировать смерть матери. Тут он пришел к выводу, что сошел с ума, вернее, страдает серьезным душевным расстройством. Вся прочитанная по теме литература указывала именно на этот диагноз. Убийства Матиас обставлял особым ритуалом: все должно было происходить как тогда — в день, когда выпал первый снег, и обязательно надо было слепить снеговика.

Это открытие не остановило его, потому что времени оставалось совсем мало. Феномен Рейно проявлялся все ярче, и ему иногда казалось, что он чувствует первые симптомы склеродермии: онемение в лице, от которого со временем мерзко заострится нос, а рот сожмется и станет похож на рыбий. Так бывало у всех, кто дошел до конца.

Он переехал в Осло, чтобы написать там докторскую по иммунологии и сосудам головного мозга. Это исследование привело его в Институт анатомии недалеко от больницы «Гёустад». Параллельно с научной работой он трудился в клинике «Мариенлюст», куда его пригласил Идар, состоявший там в штате, и по ночам — в «скорой помощи», потому что все равно страдал бессонницей.

Найти жертву было несложно. Сначала в его распоряжении находились анализы крови паци-

ентов, которые иногда обнаруживали фальшивое отцовство, а позднее появились анализы ДНК — их для определения отцовства можно было заказать в Институте судебной медицины. Идар, к тому времени полностью сосредоточившийся на врачебной практике, частенько прибегал к советам Матиаса, когда речь шла о серьезных болезнях. Если болен бывал ребенок, Матиас всегда говорил одно и то же:

— Попроси прийти на первую консультацию обоих родителей и возьми пробу слизистой рта. Скажи: нужно проверить бактериальную флору, а сам отправь анализ в Институт судебной медицины, чтобы мы знали, что у нас верная отправная точка.

Идар, этот идиот, делал, как ему было сказано, и в результате у Матиаса собралась целая картотека матерей, чьи дети, так сказать, плавали под чужим флагом. И вот что замечательно: между ним и этими женщинами не прослеживалось никакой связи, поскольку пробы слизистой брал и отправлял на анализ Идар Ветлесен.

Способ заманивать жертву у него остался тот же, что сработал с Лайлой Осен: телефонный звонок, договоренность о встрече без свидетелей в уединенном месте и главное условие — не со-

общать никому ни слова. На его памяти только одна женщина положила трубку, пошла и все рассказала мужу. Правда, эта семья потом распалась, так что она все равно была наказана.

Матиас долгое время размышлял о том, как лучше обходиться с трупами. Способ, опробованный на Онни Хетланн, не годился. Тогда он кусок за куском растворил тело в соляной кислоте у себя в ванне. Это был сложный, опасный для здоровья и рискованный процесс, занявший три недели. Но тем сильнее была его радость, когда он наконец нашел решение. Резервуары морга в Институте анатомии. Просто и гениально. Точно так же, как и нагревающаяся петля.

Впервые он прочитал о ней в профессиональном медицинском журнале. Какой-то француз рассказывал, что использует этот ветеринарный инструмент, когда работает с телом, которое уже подверглось процессу разложения. Потому что такая петля одинаково эффективна для мягких гниющих тканей и для костей, а еще потому, что она может быть использована неоднократно без риска переноса инфекции. Матиас сразу понял, что, если использовать нагревающуюся петлю для расчленения жертв, вопрос об их транспортировке упростится самым радикальным образом.

Он связался с производителями и вскоре вылетел в Руан, где туманным утром в выбеленном амбаре ему показали инструмент, сопровождая демонстрацию пояснениями на сбивчивом английском. У петли была простая ручка, по форме и размеру похожая на банан. Сама нить накаливания обоими концами заводилась в эту ручку, причем ее размер можно было менять. Специальная кнопка включала аккумулятор, раскалявший проволоку добела за считаные секунды. Матиас был воодушевлен: этот инструмент он сумеет использовать не только для расчленения трупов. А когда ему назвали цену, он рассмеялся: петля вместе с аккумулятором обошлась дешевле, чем билет на самолет.

Когда было опубликовано исследование шведских социологов, показавшее, что около 15–20 процентов детей рождены не от того, кого считают своим отцом, эти сведения отлично совпали со статистикой, которую вел сам Матиас. Не он один должен умереть раньше времени и самой страшной смертью из-за шлюхи матери, подтасовавшей ему порочные гены! Правда, в борьбе против нечисти, в очищении, в своем крестовом походе он всегда будет одинок. Он подозревал, что однажды за ним придут, его схватят. Но и

много времени спустя после смерти его будут помнить, это он знал точно. Потому что однажды нашел то, что станет его шедевром, последним ударом меча, его посмертной славой.

А началось все случайно.

Он увидел по телевизору полицейского Харри Холе. Холе давал интервью по случаю собственноручной поимки какого-то австралийского серийного убийцы. Матиас сразу вспомнил слова Герта Рафто: «Только не в моем районе». А еще он вспомнил, какое умиротворение ощущаешь, когда убиваешь самого охотника. Чувствуешь себя могущественным властелином. Ничего подобного с тех пор, как убил инспектора полиции, он не испытывал. А этот Холе со своей кровавой славой и впрямь чем-то походил на Рафто. Та же небрежность в одежде, тот же взгляд на мир.

Несмотря на это, он бы забыл о Харри Холе, если бы одна из гинекологинь клиники «Мариенлюст» не сказала однажды, что этот знаменитый полисмен, которого показывали по ящику, — алкаш и псих, а сын его любовницы — пациент Габриеллы из педиатрии. Олег зовут. Ничего такой паренек, приятный.

— Холе ему не отец, — добавила потом врач-педиатр, — но вот что интересно: тот, кто по

бумагам значится отцом, тоже алкаш. Какой-то русский профессор из Москвы или вроде того.

— Нет-нет, я этого не слышал! — воскликнул Идар Ветлесен, перекрикивая их смех. — Помните о врачебной тайне, братцы.

Они продолжили обедать, а в голове Матиаса все звучали слова Габриеллы: «тот, кто значится отцом».

Поэтому после обеда Матиас проводил педиатра в ее кабинет и закрыл изнутри дверь.

— Габриелла, можно поговорить с тобой?

— Почему нет? — сказала она и зарделась от волнующего ожидания.

Матиасу было известно, что он нравится ей, что она считает его привлекательным. Как-то раз она даже предлагала ему сходить куда-нибудь вместе, но он вежливо отказался.

— Ты, вероятно, знаешь, что я использую некоторые анализы крови, сделанные в клинике, для своей докторской, — начал он. — И у того мальчика, сына любовницы полицейского, я как раз кое-что обнаружил.

— Ну, я так поняла, что она его бывшая любовница.

— Вот как? То, что я обнаружил, — довольно серьезно, и мне теперь надо бы отследить его

наследственность, родителей и все такое.

Матиасу показалось, что она разочарована.

А вот он как раз не был нисколько разочарован тем, что она рассказала.

— Спасибо, — сказал он, встал и вышел.

Его сердце переполняли жизненные силы, а ноги сами несли вперед, он весь светился от радости — как его раскаленная петля. Потому что он знал — это начало. Начало конца.

Палящим августовским утром в Хольменколлене отмечали летний праздник. На газоне перед зданием администрации района на пластмассовых креслах под тентами от солнца сидели взрослые и пили белое вино, пока дети бегали между столами или играли в футбол неподалеку. Несмотря на то что ее лицо было почти полностью скрыто темным очками, он ее сразу узнал, потому что успел скачать ее фотографию с сайта компании, где она работала. Она стояла одна, так что он просто подошел и с кривой улыбочкой попросил разрешения постоять рядом, как будто они знакомы. Он знал, как это делается. Он многому научился. Он больше не был Пупсом Матиасом.

Она приподняла очки, вопросительно посмотрела на него, и тут он понял, что фотография

лгала. Она оказалась намного красивее. Так, подумал, он, план А вряд ли сработает: она, конечно, не захочет с ним знакомиться. У такой женщины, как Ракель — будь она хоть трижды мать-одиночка, — всегда большой выбор мужчин. Возможно, придется воспользоваться планом Б, хотя у него есть недостатки.

— За роскошь человеческого общения, — сказал он, приветственно подняв пластиковый стаканчик. — Меня пригласил приятель, который живет в этом районе, а сам пока не пришел. Остальные, как я вижу, все друг друга знают. Обещаю отстать от вас, когда он появится.

Она рассмеялась, и ее смех ему понравился. А еще он понял, что первые критические три секунды закончились в его пользу.

— Я тут видел мальчика, который только что забил отличный гол, — сказал Матиас. — Он так на вас похож, должно быть, родственник.

— А, это, наверное, мой сын, Олег.

Она попыталась скрыть материнскую гордость, но Матиас из своего богатого опыта общения с пациентами знал, что никакой матери это никогда не удается.

— Отличный праздник, — сказал он. — Приятные соседи.

— А вам нравятся праздники с соседями?

— Даже не знаю, что ответить. Я в последнее время веду довольно одинокий образ жизни, — пожал плечами Матиас. — Так что мой друг пытается, видимо, меня развеять. — Он отпил из стаканчика. — Прекрасное домашнее сладкое. Как вас зовут?

— Ракель Фёуке.

— Матиас. Очень приятно. — Он пожал ее маленькую теплую руку. — Вы ничего не пьете. Давайте стакан. Домашнего вина?

Принеся стакан с вином, он достал пейджер, посмотрел на него и с озабоченной миной произнес:

— Знаете что, Ракель? Я бы с удовольствием поболтал с вами еще, но в отделении скорой помощи аврал, им срочно нужны люди. Так что мне пора переодеться в костюм супермена и взмыть над городом.

— Жаль, — ответила она.

— Ну, раз вам жаль… Это всего на несколько часов. Вы тут долго будете?

— Не знаю. Это зависит от Олега.

— Понимаю. Ну, посмотрим. В любом случае было очень приятно познакомиться. — Матиас снова пожал ей руку. Уходя, он понял, что выиг-

рал первый раунд.

Он вернулся к себе в Торсхов и углубился в интереснейшую статью о сосудах головного мозга. Когда в восемь часов Матиас вернулся, она сидела под большим белым тентом. Он сел рядом, она улыбнулась.

— Спасли кому-нибудь жизнь? — спросила она.

— По большей части занимался царапинами, — ответил Матиас. — Еще колики в слепой кишке. Кульминацией стал мальчуган, который засунул горлышко бутылки в ноздрю. Я сказал его матери, что ему вроде рановато нюхать колу. К сожалению, в таких ситуациях люди, как правило, не проявляют чувства юмора.

Она рассмеялась своим прекрасным звенящим смехом, из-за которого он чуть было не подумал, что все это по-настоящему.

Матиас уже в течение долгого времени наблюдал у себя некоторое уплотнение кожи, но осенью 2004 года заметил первые симптомы, указывавшие на то, что болезнь вошла в новую стадию. Скоро его лицо застынет, сделается неподвижным. По его плану в этом году жертвой должна была стать Эли Квале. Потом очередь дойдет до следующих шлюх — Сильвии Оттерсен и Бирты

Беккер. Самое интересное начнется, если полиция обнаружит связующую нить между двумя последними жертвами — этого похотливого козла Арве Стёпа. Но теперь планы придется изменить. Он много раз обещал себе поставить красивую точку, как только начнутся боли. И вот они пришли. Поэтому он решил убить всех троих. В преддверии большого финала: Ракель и полицейского.

До сих пор он работал скрытно, а теперь настало время выставить напоказ труд своей жизни — оставить более четкие следы, сунуть им под самый нос совпадения, подбросить четкую общую картину.

Он начал с Бирты. Они условились встретиться для разговора о недуге Юнаса у нее дома вечером, когда муж уедет в Берген. Матиас пришел точно в назначенное время, она взяла его пальто и повернулась, чтобы повесить его в шкаф. Импровизировал он редко, но тут увидел в шкафу розовый шарф, схватил его, сложил пополам, зашел ей за спину и накинул шарф на ее шею. Он поднял эту миниатюрную женщину и перенес ее ближе к зеркалу, чтобы видеть ее глаза. Они выпучились, как у рыбы, которую только что вытянули из воды на сушу.

Теперь настала очередь Сильвии. Он позвонил, выдал ей многократно опробованный текст, и они договорились встретиться в лесу за знаменитым трамплином. Это место он как-то уже использовал. Но в этот раз неподалеку оказались люди, так что он не стал и пытаться. Сказал ей, что Идар Ветлесен, в отличие от него самого, вовсе не является классным специалистом по болезни Фара и что им надо будет встретиться еще раз. Она предложила ему перезвонить на следующий вечер, когда она останется дома одна.

На следующий вечер он поехал прямиком туда, нашел ее в сарае и решил разобраться с потаскухой здесь же, на месте.

Но все пошло не так, как хотелось бы.

Эта ненормальная метнула в него топорик, попала прямо за пазуху, в распахнутую куртку, и задела артерию. Кровь брызнула на пол. Кровь второй группы, резус отрицательный — два случая на сто. Вот почему после того, как он убил Сильвию в лесу и водрузил ее голову на верхушку снеговика, ему пришлось вернуться в сарай и залить собственную кровь кровью курицы, которую он поймал и зарезал.

День выдался нервный, но вот что замечательно — ночью боль так и не пришла. А на

следующий день он прочитал об убийстве с тихой, затаенной радостью. Снеговик — вот какое имя ему дали. Это имя запомнится. Он даже не подозревал, что несколько букв, напечатанных на бумаге, могут подарить такое ощущение могущества и собственной значимости. Чувство было победное, сильное — он даже пожалел, что много лет работал втихую. И как, оказывается, это легко! А он все ходил кругами вокруг мысли Герта Рафто о том, что хороший следователь всегда найдет убийцу. Матиас верил в это. А потом встретил Харри Холе и увидел в измученном лице полицейского боль и растерянность. Это было лицо человека, который ничего не смыслит.

И вот, как раз когда Матиас заканчивал последние приготовления, как гром среди ясного неба на него свалился Идар Ветлесен. Позвонил и сказал, что Холе выследил его, задавал вопросы про Арве Стёпа и намекал на соучастие. И сам Идар тоже задался вопросом насчет этого странного совпадения в выборе жертв: ведь кроме него и Стёпа, Матиас был единственным, кто знал имя истинного отца детей, поскольку именно он помогал Идару ставить диагноз.

Идар был страшно взволнован, а вот Матиасу, несмотря ни на что, удалось сохранить хладно-

кровие. Он попросил Идара не говорить пока никому ни единого слова и встретиться с ним в каком-нибудь укромном месте, где им никто не сможет помешать.

Произнося это, Матиас улыбнулся: своим жертвам, этим шлюхам, он говорил то же самое, даже порядок слов был таким же. Наверное, сказывается нервное напряжение.

Идар предложил кёрлинг-клуб. Матиас положил трубку и задумался.

Тут ему пришло в голову, что можно обставить убийство так, чтобы все решили, будто Идар и есть Снеговик, а это даст ему возможность спокойно продолжить работу.

Остаток времени он посвятил раздумьям, как должно выглядеть самоубийство Идара. И хотя Матиас ценил своего друга, эта умственная работа была поистине вдохновенной. Тогда же был разработан план заключительной части проекта. Последний снеговик. Она должна была — как он сам в тот раз, много лет назад, — сидеть на плечах у снеговика, чувствовать холод в промежности и смотреть в окно, смотреть на предателя, на человека, который принесет ей смерть. На Харри Холе. Он закрыл глаза и увидел перед собой петлю над ее головой. Она мерцала, как фальшивый нимб.

Глава 34
День двадцать первый. Сирены

Харри дошел до гаража Института анатомии и сел в машину. Закрыл глаза и попытался мыслить четко и ясно. Первое, что он должен сделать, — выяснить, где Матиас.

Он уже стер номер Матиаса из мобильного, поэтому позвонил в справочную и попросил дать ему телефон и адрес. Харри записал цифры и отметил, что, пока ждал ответа, дыхание участилось от волнения. Он постарался успокоиться.

— Привет, Харри. — Матиас говорил негромко, однако в голосе его слышалось радостное удивление.

— Извини, что надоедаю, — начал Харри.

— Да ничего…

— Ты где?

— Дома. Как раз собирался спуститься к Ракели и Олегу.

— Отлично. Хотел попросить тебя все-таки передать Олегу то, что я ему приносил.

Наступила пауза. Харри так сжал челюсти, что зубы скрипнули.

— Передам с удовольствием, но ведь Олег сейчас дома, так что ты сам мог бы…

— Да понимаешь, мне бы не хотелось сегодня встречаться с Ракелью.

Новая пауза. Харри буквально вдавил трубку в ухо, словно в надежде услышать мысли собеседника, но уловил только дыхание и тихую минималистскую музыку, что-то вроде перезвона японских колокольчиков. Он представил себе Матиаса в столь же минималистски обставленной квартире. Квартирка, скорее всего, небольшая, но до противности аккуратная — нигде ни пылинки, ни одной случайной вещи.

На Матиасе голубая рубашка, он только что сменил повязку на ране. Тогда, на крыльце у Ракели, он сложил руки на груди вовсе не для того, чтобы прикрыть свой наследственный дефект. Он пытался спрятать рану.

— Ах вот как! Ну что ж, передам, конечно, — ответил Матиас.

Харри так и не понял по голосу, волнуется Матиас или нет. Снова послышалась музыка.

— Спасибо, — сказал Харри. — Я быстро, ты только дождись меня.

— Хорошо, — ответил Матиас. — Слушай, Харри…

— Да? — Харри глубоко вдохнул.

— Ты что, знаешь мой адрес?

— Ну да. Мне Ракель дала.

Харри выругался про себя: ну почему он не сказал, что узнал адрес в справочной? В этом нет ничего особенного.

— Вот как? — удивился Матиас.

— Да.

— Ладно, — согласился Матиас, — заходи, я оставлю дверь открытой.

Харри выключил трубку и в задумчивости уставился на нее. Он не сумел бы дать рационального объяснения этому чувству, но почему-то ему казалось, что времени практически не осталось — он должен бежать со всех ног, должен успеть до наступления темноты. Фантазия, как видно, разыгралась, опять его преследует детский страх, будто вокруг уже стемнело, а он никак не может найти дорогу к бабушкиному дому.

Харри набрал еще один номер.

— Да. — Голос у Хагена был бесцветный, безжизненный.

Голос человека, подписавшего капитуляцию, подумал Харри.

— Бросайте свои бумажки, — сказал Харри. — Звоните всем дежурным полицейским, мне

требуется подкрепление. Берем подозреваемого в убийстве, улица Осенгата, двенадцать, в районе Торсхов.

— Харри…

— Слушайте: останки Сильвии Оттерсен лежат в морге Института анатомии. Снеговик — не Катрина. Понимаете?

Пауза.

— Нет, — прямодушно ответил Хаген.

— Снеговик — сотрудник этого института, Матиас Лунн-Хельгесен.

— Лунн-Хельгесен? Вот черт! Это ведь тот, который…

— Да, тот врач, что оказал большую помощь в разработке Идара Ветлесена.

Голос Хагена повеселел:

— Дежурные полицейские, разумеется, поинтересуются, вооружен ли он.

— Насколько нам известно, — поделился Харри, — он убил десять _или_ двенадцать человек и ни разу огнестрельного оружия не использовал.

Сарказм Харри дошел до Хагена не сразу.

— Я перезвоню, — бросил он.

Харри нажал кнопку «отбой» и, вертя в замке ключ зажигания, другой рукой принялся набирать Магнуса Скарре.

Магнус и двигатель отозвались синхронно.

— Ты все еще в районе Трюванн? — спросил Харри.

— Да, а что? — ответил Скарре.

— Хватай всех, кто есть под рукой, и бегом в машину. Притормози на перекрестке Осенгата и Фуктс. Едем брать мерзавца.

— Ах, мать твою!.. Это то, о чем я думаю, или…

— Да, — отрезал Харри.

Он так втопил газ, что покрышки взвизгнули на асфальте.

Харри вспомнил Юнаса. По какой-то непонятной причине — именно Юнаса.

Один из шести патрульных автомобилей, которые затребовал Харри, связавшись с управлением, уже стоял у перекрестка на Осенгата. Харри подъехал со стороны Стурусиден. Свернул на тротуар, выскочил из машины, подбежал к патрульным и в приспущенное окно попросил рацию.

— Выключи пока, — бросил Харри, показав на мигалку. Нажал на кнопку вызова и приказал всем патрульным машинам выключить сирены заранее.

Через четыре минуты все шесть патрульных автомобилей подъехали к перекрестку. Поли-

цейские, среди которых были Скарре и Ула Ли из убойного отдела, собрались вокруг машины, где у открытой дверцы сидел Харри с картой города в руках и давал указания:

— Ли, возьми три машины и отрежь возможные пути к бегству. Вот тут, тут и тут.

Ли наклонилась над картой и кивнула.

Харри повернулся к Скарре:

— Что вахтер?

Скарре показал телефон:

— Как раз с ним говорю. Он уже идет к главному входу с ключами.

— О'кей. Возьмешь шестерых и расставишь их по подъезду, на черной лестнице и, если возможно, на крыше. Еще добудь мне машину прикрытия. «Дельта» приедет?

— Уже.

Двое полицейских, похожих друг на друга как две капли воды, доложили, что «Дельта» прислала группу захвата, специально обученную на случай подобных ситуаций.

— Вы мне будете нужны прямо перед подъездом. Все вооружены?

Полицейские кивнули. Некоторые держали автоматы MP-5, отлично зарекомендовавшие себя при освобождении заложников, у остальных

были только табельные револьверы. «Бюджет — прежде всего», — разъяснил как-то раз комиссар полиции.

— Вахтер сказал, что Лунн-Хельгесен живет на третьем этаже, — сообщил Скарре, убирая мобильный в карман. — Там по одной квартире на этаже. Выходов на крышу нет. Чтобы попасть на черную лестницу, надо подняться на четвертый этаж и пройти через закрытый холл.

— Хорошо, — сказал Харри. — Пошли двоих на черную лестницу, пусть ждут в холле.

Харри посадил к себе в машину двух полицейских в форме. Один постарше, другой — прыщавый юнец. Оба как-то работали со Скарре. Он повел машину не на улицу Осенгата, 12, а переехал на другую сторону и загнал ее во двор напротив.

Два мальчугана огромными, блестящими от любопытства глазами рассматривали вооруженных полицейских, пока Харри объяснял их отцу, для чего полиции требуется ненадолго войти в их квартиру. Харри прошел в гостиную, отодвинул диван от окна и внимательно всмотрелся в квартиру напротив.

— В гостиной свет! — крикнул он.

— Там кто-то сидит, — заметил полицейский,

тот, что постарше.

— Я слышал, что после пятидесяти зрение ухудшается на тридцать процентов, — ответил Харри.

— У меня отличное зрение. Вон там, в большом кресле, которое стоит к нам спиной. Можно разглядеть часть затылка и руки на подлокотниках.

Харри прищурился. Черт, ему что, очки уже нужны, что ли? Однако как только старик подсказал, куда смотреть, он все разглядел.

— Оставайся здесь и сообщи по рации, если он шелохнется. Идет?

— Идет, — улыбнулся пожилой.

С собой Харри взял юнца.

— А кто хоть там сидит-то? — спросил тот громко, чтобы перекричать давящую тишину, когда они были уже внизу на лестнице.

— Слыхал про Снеговика?

— О черт!

— Вот именно.

Они перебежали через дорогу во двор дома напротив. Вахтер, Скарре и пятеро полицейских в форме стояли наготове возле входной двери.

— Ключей от квартиры у меня нет, — сказал вахтер. — Только от подъезда.

— Отлично, — ответил Харри. — Мы сначала

позвоним. А если он не откроет, будем ломать дверь. Всем приготовить оружие и шуметь как можно меньше. Ясно? «Дельта», вы со мной…

Харри достал «смит-вессон» Катрины, и по его сигналу вахтер повернул ключ в замке.

Харри и двое ребят из «Дельты» — оба с автоматами MP-5 — бесшумно взлетели, шагая через три ступеньки, по лестнице. Остановились возле синей двери, на которой была табличка с именем. Один из полицейских приложил ухо к двери, повернулся к Харри и покачал головой. Харри убрал звук в своей рации и поднес ее ко рту.

— «Альфа» вызывает… — Харри понял, что не дал пожилому полицейскому позывного, а фамилии его он не помнил. — Наблюдательный пост за диваном. Объект шевелился? Прием.

Он отпустил кнопку, и рация тихо зашипела, а потом раздался голос:

— По-прежнему сидит в кресле.

— Понял вас. Мы идем. Отбой.

Первый полицейский достал лом, второй встал на изготовку.

Харри уже видел этот приемчик: один взламывает дверь, а второй стремглав забегает внутрь. И дело не в том, что невозможно открыть дверь без применения лома, а в том, что эффект от шума,

натиска, стремительного проникновения в дом таков, что объект, как правило, теряется и в девяти случаях из десяти застывает как каменный на своем кресле, диване или кровати.

Но Харри предупреждающе поднял руку. Нажал на дверную ручку и толкнул дверь.

Матиас не обманул: действительно не заперто.

Дверь бесшумно открылась. Харри показал на себя — он хотел пройти туда первым.

Квартира была обставлена вовсе не так, как Харри себе представлял, хотя, впрочем, в каком-то смысле в минималистском вкусе. В ней не было ничего: ни одежды в прихожей, ни мебели, ни картин. Только голые стены, истосковавшиеся по новым обоям или побелке. Создавалось ощущение, что отсюда давным-давно выехали.

Дверь в гостиную была приоткрыта, и в щель Харри увидел на подлокотнике кресла руку. Маленькую руку с часиками на запястье. Он затаил дыхание, сделал два длинных шага, держа револьвер перед собой обеими руками, и пнул ногой дверь в гостиную.

Полицейские, которые двигались почти вне поля его зрения, застыли.

Один прошептал:

— Господи боже ты мой…

Над креслом висела большая зажженная люстра и освещала сидящую женщину, которая смотрела прямо на Харри. На шее — синий след от удавки, бледное красивое лицо, черные волосы и небесно-голубое платье в мелкий белый цветочек. То самое платье, что было на фотографии в его календаре. Харри почувствовал, как сердце в его оцепеневшем теле разрывается на куски. Он попробовал пошевелиться, но не смог вырваться из-под власти ее потухшего взгляда. Потухшего и обвиняющего. Обвиняющего именно его в том, что не сделал чего-то… Эх, если бы знать чего! Не сделал, не задумался, не успел остановить, не сумел спасти ее.

Снежная бледность ее лица напомнила Харри ледяную холодность лица матери, лежавшей мертвой на больничной койке.

— Проверьте остальные помещения, — приказал Харри срывающимся голосом и опустил револьвер.

Неверными шагами приблизился к креслу и дотронулся до ее руки. Рука была ледяной и безжизненной, словно мрамор, но он услышал слабый пульс, и у него мелькнула абсурдная мысль, что она просто накрасилась и притворилась мертвой. Опустив взгляд, он понял, что

тикают ее часики.

— Больше никого нет, — раздался голос полицейского у него за спиной. Парень кашлянул и спросил: — Вы знаете, кто она?

— Да, — ответил Харри и провел пальцем по стеклу часиков. Тех самых, которые он всего несколько часов назад держал в своей руке. Часики, которые лежали в его собственной спальне. Которые он положил в скворечник, потому что любовник Ракели пригласил ее куда-то этим вечером. Отпраздновать, что они двое теперь стали единым целым.

Харри посмотрел в ее глаза, встретил взгляд-обвинение.

Так и есть, подумал он. Кругом виноват.

Скарре вошел в квартиру и теперь стоял позади Харри и смотрел через его плечо на мертвую женщину в кресле посреди гостиной. Рядом с ним стояли двое парней из «Дельты».

— Задушена? — спросил Скарре.

Харри не ответил и даже не пошевелился. Одна из петелек, за которые вешают платье, вылезла наружу.

— Необычно как-то: летнее платье зимой, — заметил Скарре, просто чтобы хоть что-то сказать.

— Оно ей нравилось, — отозвался Харри каким-

то потусторонним голосом.

— Кому? — спросил Скарре.

— Ракели.

Инспектор сжался. Он видел бывшую возлюбленную Харри только один раз, когда она еще работала в полиции.

— Это… это Ракель? Но…

— Это ее платье, — ответил Харри, — и ее часы. Он переодел ее в Ракель. А женщину звали Бирта Беккер.

Скарре молча уставился на тело. Таких трупов он еще не видел. Те, что он видел, были обезображены и обведены мелом.

— Пошли, — кивнул Харри парням из «Дельты» и повернулся к Скарре. — Оставайся здесь. Позвони криминалистам, скажи, им подоспела работенка.

— А ты куда?

— На танцы, — отрезал Харри.

Все трое вышли на лестницу, и в квартире воцарилась мертвая тишина. Через несколько секунд Скарре услышал, как завелся автомобиль и рванул вперед, пробуксовывая колесами по асфальту.

По улице разносились завывания полицейской сирены. Харри сидел на пассажирском кресле и

чувствовал, как в кармане вибрирует телефон. С зеркала заднего вида свисали две крошечные дамочки в бикини и словно танцевали под яростный тревожный вой, а полицейская машина, виляя, обгоняя другие автомобили, летела по третьему кольцу.

«Пожалуйста, — молился он про себя, — пожалуйста, Ракель, держись».

Харри взглянул на металлических танцовщиц, болтавшихся под зеркалом, и подумал, что он точь-в-точь как они: безвольно пляшет под чужую дудку. Он превратился в эдакую комическую фигуру, всегда на два шага позади, всегда вламывается в дверь слишком поздно, и публика встречает его смехом.

И тут Харри взорвался.

— Черт! Черт! — прорычал он и швырнул мобильный телефон в переднее стекло.

Тот соскользнул с панели и упал рядом с дверцей. Водитель в зеркало переглянулся со вторым полицейским.

— Выруби сирену, — приказал Харри.

Стало тихо.

И тут Харри услышал звук, идущий снизу.

Он поднял телефон.

— Алло! — крикнул он в трубку. — Алло! Ра-

кель! Ты дома?

— Ну конечно. Ты же по номеру видишь, я звоню с городского, — услышал он ее голос. Мягкий, смеющийся.

— А Олег дома?

— Да, — ответила она. — Сидит вот тут, на кухне, ужинает. Мы ждем Матиаса. А что случилось, Харри?

— Слушай меня внимательно, Ракель.

— Харри, не пугай меня. Что произошло?

— Запри дверь на цепочку.

— Зачем это? Дверь заперта…

— Запри на цепочку! — прорычал Харри.

— Хорошо-хорошо!

Он услышал, как она что-то говорит Олегу, скрип стула и звук быстрых шагов. И почувствовал некоторое облегчение.

— А теперь расскажи мне, что случилось, Харри.

— Расскажу. Но сначала пообещай, что ни при каких обстоятельствах не впустишь в дом Матиаса.

— Матиаса? Ты что, напился, Харри? Да какое право ты…

— Матиас опасен, Ракель. Я сижу в полицейской машине, со мной еще двое наших сотрудников,

мы едем к тебе. Остальное объясню при встрече, только прошу — смотри все время в окно. Ты видишь что-нибудь?

Она помедлила. Харри молчал, не говорил ни слова, просто ждал. Потому что вдруг совершенно точно понял, что она ему верит, надеется на него и что так было всегда. Они подъехали к тоннелю в Нюдалене. На обочине серыми тюками шерсти лежал снег. Раздался ее голос:

— Ничего не вижу. Но я же не знаю, что мне нужно искать.

— Снеговика не видишь? — тихо спросил Харри.

По наступившей тишине он понял, что она вот-вот поймет, в чем дело.

— Скажи, что это неправда, Харри, — прошептала она. — Скажи, что это дурной сон.

Он прикрыл глаза. Увидел перед собой Бирту Беккер в кресле. Ракель права, конечно, это сон.

— Я положил твои часы в скворечник, — сказал он.

— Но их там не… — начала она, осеклась и простонала: — О боже!

Глава 35
День двадцать первый. Чудовище

Вздумай кто-нибудь подойти к дому, Ракель бы увидела: из окон кухни открывался вид на три стороны. Сзади дома тянулся неширокий, зато глубокий овраг, пробраться через него совершенно невозможно, особенно сегодня, когда все покрыто снегом. Она ходила от одного окна к другому, все проверяла, хорошо ли они закрыты. Когда ее отец построил этот дом — а было это после войны, — он сделал окна высоко и на каждое поставил железную решетку. Отцом владел неизбывный страх: как-то ночью под Ленинградом к ним в бункер пробрался русский солдат и перестрелял всех его спящих товарищей. Отец выжил, потому что лежал у самой двери и спал как убитый. Проснувшись, он обнаружил, что его одеяло усыпано пустыми гильзами. То была последняя ночь в его жизни, когда он спал спокойно, — так отец всегда говорил. Ракель ненавидела эти решетки. До сегодняшнего дня.

— Можно мне в свою комнату? — спросил Олег, постукивая ногой по ножке большого кухонного

стола.

— Нет, — ответила Ракель. — Ты должен остаться тут.

— А что Матиас натворил?

— Харри сам объяснит, когда придет. Ты уверен, что как следует заложил цепочку?

— Сказал же, да, мам. Эх, если бы только папа был тут!

— Папа? — Она никогда не слышала от него этого слова. Только когда он обращался к Харри, но это было много лет назад. — Но твой отец в России.

— Он мне не папа.

Олег сказал это с такой уверенностью, что Ракель ужаснулась.

— Дверь в подвал! — вдруг вспомнила она.

— Что?

— У Матиаса есть ключ от подвальной двери. Что же нам делать?

— Это не проблема! — спокойно ответил Олег и допил воду из стакана. — Надо подставить садовый стул под ручку двери. Он как раз нужной высоты. Дверь открыть невозможно.

— А ты откуда знаешь?

— Харри так делал однажды, когда мы играли в ковбоев.

— Сиди здесь. — Она пошла к лестнице.

— Подожди.

Ракель остановилась.

— Я же видел, как он это делал, — сказал Олег, вставая. — Останься тут, мам.

Она посмотрела на сына. Боже, как он вырос за последние годы! Скоро будет выше ее. В голосе еще различима детская капризность, но слышны уже и нотки подросткового упрямства, которое — она знала — потом станет решительностью взрослого человека.

Ракель колебалась.

— Давай я сам.

Олег говорил просительно, и она понимала, что ее согласие для него важно: он хотел противостоять детскому страху, быть как взрослый, быть как отец. Кого бы он так ни называл.

— Только теперь быстро, — прошептала она.

Олег побежал.

Ракель застыла у окна, глядя на улицу. Прислушивалась к шуму машин за поворотом. Господи, молилась она, хоть бы первым приехал Харри! Как одной страшно, как тихо вокруг.

И вдруг она уловила, что тишину нарушает какой-то еле слышный звук. Сначала решила, что он идет с улицы, но оказалось, звук раздается

откуда-то сзади. Она обернулась: ничего, кухня пуста. Снова этот звук — как тиканье часов или стук пальцев по столу. Стол. Она уставилась на него. И тут увидела лужицу. Ракель медленно подняла глаза к потолку: посреди белого прямоугольника темнело мокрое пятно, а в середине пятна набухала прозрачная капля. Вот она оторвалась и упала на стол. Ракель видела, как это произошло, но все равно звук заставил ее вздрогнуть, как от внезапного хлопка по плечу.

Боже, это же, наверное, из ванной! Неужели она забыла выключить воду в душе? Вернувшись днем, она наверх не поднималась и сразу принялась готовить ужин, значит, это случилось утром. Ну надо же, как не вовремя — не когда-нибудь, а именно сейчас!

Ракель вышла в прихожую, взбежала по лестнице и подошла к ванной. Ничего не слышно. Открыла дверь: пол сухой, вода выключена. Она закрыла дверь и минуту постояла возле ванной. Потом взглянула на дверь спальни, неторопливо подошла к ней. Положила ладонь на ручку. Помедлила. Еще раз прислушалась, не едет ли машина, и открыла дверь. Она стояла на пороге и смотрела в комнату. Ей хотелось кричать, но инстинкт подсказывал, что делать этого нельзя.

Надо молчать.

— Черт! Черт! — выругался Харри и так треснул кулачищем по приборной доске, что она хрустнула. — Что там случилось?

Машины стояли в огромной пробке прямо перед тоннелем уже две долгих минуты.

Ответ немедленно раздался из полицейской рации: «Авария на третьем кольце у выезда в западный тоннель возле Тосена. Пострадавших нет. Эвакуатор уже едет».

Харри поднес к губам микрофон:

— Кто там столкнулся?

— Какие-то две частные машины, обе с летней резиной, — кратко доложил голос в рации.

— Каждый ноябрь одно и то же, — вздохнул инспектор с заднего сиденья, — как только выпадет снег…

Харри не ответил, продолжая барабанить пальцами по приборной доске. Что теперь делать? Впереди и сзади, сколько глаз видит, — машины, и все мигалки и сирены мира не помогут убрать их с дороги. Харри мог бы, конечно, выскочить наружу, добежать до места аварии и помочь полицейскому патрулю быстрее разгрести затор, но бежать придется километра два.

В машине висела мертвая тишина, слышно

было только, как работает мотор на холостом ходу. Грузовик, который стоял впереди, продвинулся вперед на метр и снова замер. Инспектор, сидевший за рулем, последовал за грузовиком и затормозил, едва не ткнувшись в него бампером, как будто боялся, что, если не будет пытаться продвигаться в пробке, старший инспектор снова взорвется. От резкого торможения две металлические танцовщицы в бикини, висевшие под зеркалом заднего вида, закачались, позванивая в тишине.

Харри снова подумал о Юнасе. Почему? Почему он подумал о Юнасе, когда разговаривал с Матиасом по телефону? Какой-то звук… В трубке фоном был слышен какой-то звук.

Харри уставился на танцовщиц. До него вдруг дошло.

Он сообразил, почему подумал о Юнасе. Догадался, что это был за звук. И понял, что нельзя терять ни секунды. Или — он попытался отогнать эту мысль — наоборот, торопиться не стоит. Потому что уже поздно.

Олег быстро шагал по подвалу, не глядя ни налево, ни направо, где, он знал, на стенах выступила белыми вопросительными знаками соль. Он попытался сосредоточиться на том, что дол-

жен сделать, и не думать ни о чем другом. Так его учил Харри. Он утверждал: главное — победить единственные чудовища, которые на самом деле существуют, — те, что у тебя в голове, но этому надо учиться. Надо идти и биться с ними как можно чаще. Выдержать бой, уползти домой, перебинтовать раны и вернуться на поле битвы. Олег так и делал: спускался в подвал много раз. Один. У него не было другого выхода: коньки-то должны лежать в холоде.

Он взял садовый стул, провез его за собой по полу, чтобы спугнуть тишину, убедился, что дверь в подвал заперта, подставил стул и проверил: ручка двери не поворачивается. Вот. Но тут Олег застыл на месте: что это за звук? Посмотрел на маленькое стеклянное окошко в подвальной двери. Он не мог отогнать страшной мысли: кто-то стоит снаружи. Хотел убежать, но заставил себя остаться на месте и попытался выгнать страшную мысль другими. «Я в доме, — думал он. — Здесь я в такой же безопасности, что и наверху». Вздохнул, сердце в груди билось гулко и быстро, как ро́ковый басовый барабан. Олег еще раз взглянул в окошко и увидел отражение своего лица, а над ним — чужое лицо и руки, руки чудовища. Олег попятился назад и на что-то наткнулся. И тут

руки зажали ему рот. Он даже не смог крикнуть: нет, оно вовсе не в голове! Оно здесь, здесь, чудовище в доме! И все они скоро умрут.

— Он в доме, — сказал Харри.

Остальные непонимающе смотрели, как он набирает повтор номера на своем мобильном.

— Я решил, что это какая-то японская музыка, а это звенели металлические трубки. Называются «музыка ветра»… У Юнаса в комнате были такие же. И у Олега есть. Матиас все это время был там. Он об этом сам сказал…

— Как это? — спросил полицейский.

— Он сказал, что находится дома, то есть здесь, на Хольменколлвейен. Сказал, что собирается спуститься к Олегу и Ракель. Я должен был понять! Все это время он был тут, на втором этаже. Нам надо вытащить их из дома. Отвечай же, черт!

— Может, телефон далеко, и она…

— Да там четыре трубки в доме. Он перерезал провод. Придется мне идти.

— Мы пошлем людей из второго патрульного автомобиля, — сказал инспектор.

— Нет! — крикнул Харри. — Слишком поздно. У нас единственный шанс, последний. Я.

— Вы?

— Да. Я вхожу в его планы.

— Вы хотите сказать, не входите?

— Именно что вхожу. Он ждет меня.

Полицейские обменялись взглядами, услышав звук мотора. Это был мотоцикл, который двигался к припаркованному автомобилю.

— Значит, ему нужны вы?

— Да, я, — ответил Харри, следя за мотоциклом в зеркало заднего вида. Другого ответа он дать не мог. Потому что если Снеговику нужен он, Харри, значит для Олега и Ракель остается надежда.

Олег боролся изо всех сил, но застыл в железных объятиях чудовища, почувствовав холодную сталь у своего горла.

— Это скальпель, Олег, — сказало чудовище голосом Матиаса. — Мы его используем, когда режем людей. Ты не представляешь, как легко это делается.

Чудовище попросило его раскрыть рот и запихнуло туда грязную тряпку. Потом велело лечь на пол и сложить руки за спиной. А когда мальчик засопротивлялся, сталь чиркнула у него под ухом, и он почувствовал, как теплая кровь ручейком потекла по плечу и за шиворот футболки. Он лег на холодный цементный пол и сложил руки за спиной, а чудовище село сверху. Рядом с лицом

Олега упала красная коробочка. Он прочитал, что на ней написано. Это были пластиковые петли, с помощью которых частенько упаковывают игрушки. Они ужасно раздражали, потому что разорвать их — несмотря на то, что на вид они тонюсенькие, — было невозможно. Только разрезать. Он почувствовал, как пластик вонзился в кожу на запястьях и локтях.

Потом чудовище подняло его и снова толкнуло. Олег упал, но боли не почувствовал, приземлился удачно. Посмотрел вокруг. Он лежал на полу в морозилке. Отколовшиеся от стен кусочки льда попадали ему на лицо. Чудовище стояло над ним и слегка кивало головой.

— Прощай, — сказало оно. — Скоро увидимся по ту сторону.

Замок защелкнулся, и вокруг стало темно как в могиле. Олег услышал, как в замке повернулся ключ и чудовище быстрыми шагами ушло куда-то. Он попытался пошевелить языком, вытолкнуть кляп и вздохнуть.

Ракель не могла вздохнуть. Она замерла в дверях спальни с одной мыслью: нет, в действительности такого просто не может быть! И все же… вот оно — прямо перед ее глазами. От ужаса свело скулы, рот открылся сам собой, а глаза

полезли на лоб.

Кровать и остальная мебель были сдвинуты к стене, а паркет заливал солидный слой воды, поверхность которой вздрагивала, когда новая капля падала внизу на кухонный стол. Но этого Ракель не замечала. Ее взгляд был прикован к огромному снеговику, возвышавшемуся посреди комнаты.

Цилиндр на его голове почти касался потолка.

Когда она наконец смогла вздохнуть и кислород хлынул в мозг, она почувствовала запах мокрой шерсти и дерева и услышала, как капает талая вода. От снеговика веяло холодом, но мурашки побежали у Ракель по коже вовсе не поэтому, а потому, что она почувствовала тепло человеческого тела — он стоял позади нее.

— Правда, красивый? — спросил Матиас. — Я слепил его специально для тебя.

— Матиас…

— Ш-ш-ш. — Он почти успокаивающим жестом просунул руку у нее под подбородком. Она посмотрела вниз и увидела скальпель. — Давай не будем разговаривать, дорогая. У нас так много дел и так мало времени.

— Почему? Почему?

— Сегодня наш день, Ракель. Жить осталось так

мало. Так давай праздновать, а не объясняться. Будь добра, сложи руки за спиной.

Ракель повиновалась. Она не слышала, чтобы Олег вернулся из подвала. Может, он все еще там, может, ему удастся выбраться? Ей надо задержать Матиаса тут.

— Я хочу знать почему, — сказала она, ощущая, что к горлу поднимаются рыдания.

— Потому что ты шлюха.

Она почувствовала, как что-то тонкое сильно стянуло ей руки. Почувствовала его жаркое дыхание на своей шее. Губы. Язык. Она сжала зубы, понимая, что, если она закричит, он может остановиться, а ей надо было, чтобы он продолжал, а время шло. Он вылизывал ее ухо, потом слегка прикусил.

— А ублюдок твой лежит в морозилке, — сообщил он.

— Олег! — Ее затрясло.

— Расслабься, дорогая, от холода он не умрет.

— Он не?..

— Пока наступит переохлаждение, он успеет умереть от недостатка кислорода. Это же чистая математика.

— Матема…

— Я просчитал. Я все давно просчитал.

По холмам Хольменколлена на страшной скорости летел мотоцикл. Его рев метался между домами, и те, кто смотрели на него в окна, только головами качали: нужно быть сумасшедшим, чтобы так мчаться по снегу! Этот байкер наверняка потеряет свою лицензию на право управления мотоциклом.

А у байкера такой лицензии и вовсе не было.

Харри выжал газ, пытаясь взлететь на дорожку, ведущую к темному бревенчатому дому, но забуксовал на снегу. Мотоцикл пошел юзом и потерял скорость. Харри не стал пробовать поддать газу и соскочил с седла. Мотоцикл без седока проехал еще немного, уткнулся в ствол ели, завалился набок и остановился, успев выстрелить из-под заднего колеса пригоршней снега.

Харри в это мгновение достиг уже середины лестницы.

Ни единого следа на снегу не было — из дома никто не выходил, никто не входил. Он вытащил револьвер и осторожно нажал на ручку двери.

Дверь, как и было обещано, была не заперта.

Он проскользнул в прихожую и первым делом увидел раскрытую настежь дверь в подвал.

Харри остановился и прислушался. До него донесся какой-то звук. Что-то вроде постукивания.

Из кухни, что ли? Харри постоял, а потом решил начать с подвала.

Он боком спустился по лестнице, держа перед собой револьвер. На последней ступеньке задержался, давая глазам привыкнуть к полутьме, прислушался. У него возникло ощущение, будто весь подвал затаил дыхание. Он заметил садовый стул у двери. Олег. Взгляд скользнул дальше. Харри хотел было выбираться из подвала, когда увидел темное пятно на полу возле морозилки. Вода? Он сделал шаг вперед. Наверное, из-под морозилки натекло. Чтобы больше не думать об этом, он дернул дверь, но та не поддалась. Ключ был в замке, но Ракель никогда не запирала морозилку. Он вспомнил про Финнёй, набрал в грудь воздуха и повернул ключ.

Харри успел заметить блеск металла и тут же почувствовал боль — что-то резануло его по лицу и отбросило назад. Нож? Он упал на спину между двумя кучами грязной одежды, а человек уже вылез из морозилки и встал над ним.

— Полиция! — крикнул Харри и поднял револьвер. — Не двигаться!

Человек замер с поднятой рукой:

— Ха… Харри?

— Олег?

Харри опустил револьвер и увидел, что у мальчика в руке беговой конек.

— Я… я думал, это Матиас вернулся, — прошептал Олег.

— Где он? — Харри вскочил на ноги.

— Не знаю. Он сказал, что мы скоро увидимся, и я подумал…

— Откуда у тебя конек?

Харри почувствовал во рту металлический привкус крови и нащупал кровоточащую ранку на щеке.

— Лежал в морозилке, — криво улыбнулся Олег. — Меня так ломало держать их на лестнице, что я взял и спрятал под горошек. Мы же горошек никогда не едим.

Он двинулся за Харри к лестнице, говоря:

— Хорошо, что коньки я наточил совсем недавно, — мне удалось освободить руки. С замком я не справился, зато проковырял пару дырок, а то дышать становилось тяжело, и лампочку вывернул, чтобы, когда он придет, света не было.

— А тепло твоего тела растопило лед, и вода потекла наружу, — сам себе объяснил Харри.

Они вышли в прихожую. Харри взял Олега за плечи, открыл дверь и сказал:

— Видишь свет в окне? Беги к соседям и сиди у

них, пока я за тобой не приду. Ладно?

— Нет! — решительно ответил Олег. — Мама…

— Слушай! Лучшее, что ты можешь сделать для мамы, — уйти отсюда немедленно.

— Я хочу ее найти!

Харри схватил Олега за плечи и сжал их так, что у мальчика от боли выступили слезы.

— Если я сказал бежать — значит бежать, дурачина! — произнес он тихо, но, видимо, с такой внутренней яростью, что Олег потрясенно заморгал, отчего слеза сорвалась у него с ресниц и упала на щеку.

Мальчик резко повернулся и вылетел из двери, мгновенно исчезнув в темноте под снегопадом.

Харри взял рацию и нажал на кнопку вызова:

— Говорит Харри. Вы еще далеко?

— Возле «Грёссбанен».

Харри узнал по голосу Гуннара Хагена.

— Я в доме, — сообщил Харри. — Подъезжайте, но не входите, пока не скажу. Прием.

— Принято.

— Отбой.

Харри пошел на звук, который по-прежнему доносился из кухни. В дверях он остановился, глядя на тонкую струйку воды, лившуюся с потолка. Вода казалась серой от побелки, капли яростно

стучали по кухонному столу.

Четырьмя большими прыжками Харри преодолел лестницу на второй этаж. Подкрался к двери в спальню. Вдохнул. Взглянул на дверную ручку. Снаружи уже доносился вой полицейских сирен. Капля крови из раны на щеке плюхнулась на пол.

У него возникла мысль: логично, если тут все и закончится. Тут, у этой двери, у которой он стоял в таком же сером ночном отсвете тысячу раз. Хотя обещал прийти пораньше, но не мог вырваться с работы и являлся, когда она уже спала. Харри аккуратно нажимал на дверную ручку, отлично зная, что в конце ручка все равно громко звякнет, как ни старайся этого избежать. И она просыпалась и смотрела на него сонным взглядом, чтобы он почувствовал себя виноватым. Он проскальзывал под одеяло, прижимался к ее телу и чувствовал, как оно становится мягче, перестает сопротивляться. Ракель начинала довольно постанывать, но никак не могла окончательно проснуться, так что ему приходилось целовать ее сильнее, слегка покусывая, быть ее покорным слугой, пока она наконец не усаживалась сверху, тогда уж переставала казаться спящей королевой, стонала и рычала жалобно и в то же время

страстно.

Он взялся за ручку, обратив внимание, что ладонь мгновенно вспомнила это прикосновение, плоскую прямоугольную форму. Бесконечно осторожно нажал вниз. Подождал, пока она не звякнула знакомо, толкнул, но… что-то было не так. Ручка не поддавалась. Подтянули пружину, что ли? Он осторожно отпустил ручку. Нагнулся и припал к замочной скважине. Темнота. Скважину кто-то заткнул.

— Ракель! — крикнул он. — Ты здесь?

Нет ответа. Харри приложил ухо к двери. Ему показалось, он что-то услышал, но уверенности не было. Он снова взялся за ручку. Помедлил. Передумал и решительно отправился в ванную рядом со спальней. Открыл окошко и протиснулся через него наружу. Сквозь железную решетку спальни лился свет. Харри встал на край рамы, напряг мышцы ног и потянулся к окну спальни. Пальцы тщетно пытались уцепиться за бревна, снег бил прямо в лицо, тая на щеках и смешиваясь с кровью, которая по-прежнему сочилась из раны. Рама прогнулась под ним, вот-вот треснет. Рука ощупывала стену пятиногим пауком. Мускулы живота болели от напряжения. Он посмотрел вниз, зная, что под тонким слоем снега его ждет

асфальт.

Кончики пальцев наткнулись на что-то холодное.

Внешняя железная решетка.

Протиснул два пальца между прутьями. Три. Потом вторую руку. И повис, упершись ногами в стену, чтобы не перенапрягать руки. Наконец-то он смог заглянуть в спальню. Мозг отказывался воспринимать увиденное, но Харри знал: перед ним шедевр, эскиз к которому ему уже знаком.

Широко открытые глаза Ракели казались черными провалами. На ней было платье глубокого красного цвета. Цвета кампари… цвета кошенили. Голова Ракель запрокинулась, как будто она старалась заглянуть за высокий забор, но из этого положения она смотрела вниз, на него. Плечи заведены назад, и Харри догадался — должно быть, локти связаны за спиной. Щеки надуты — во рту наверняка кляп. Она сидела на плечах у огромного снеговика. Ее голые ноги цеплялись друг за друга на его груди, мышцы икр судорожно напряглись. Ракель не могла позволить себе упасть. Нельзя ей было падать, потому что вокруг шеи у нее топорщилась не серая проволока, как у Эли Квале, нет, это сверкала раскаленная добела металлическая петля. От черной пластмассовой

ручки, в которой исчезали оба конца раскаленной петли, к крюку в потолке над самой головой Ракель шел шнурок. Второй конец шнура тянулся через всю комнату к двери. Там он был привязан к ручке. Шнурок был тонкий, но прочный, потому Харри почувствовал его, когда пытался нажать на ручку с той стороны. Если б только он открыл дверь или хотя бы нажал на ручку до самого конца, раскаленный добела металл отсек бы Ракель голову.

Ракель не сводила с Харри немигающих глаз. Лицо выражало ярость и безмерный ужас. Петля была слишком тесной, голову из нее вынуть она не могла. Опусти она голову хоть немного ниже, кожи коснется смертоносный раскаленный круг, висевший вокруг шеи почти вертикально.

Она посмотрела на Харри, потом на пол, потом опять на Харри. И он понял: серый ком снега плавал в воде, которая заполнила спальню. Снеговик быстро таял.

Харри ухватился за решетку покрепче и напрягся изо всех сил. Тщетно. Решетка даже не скрипнула. Прутья надежно закрепили изнутри сруба.

Она покачнулась.

— Держись! — крикнул он. — Я сейчас!

Ложь. Гвоздодером или ломом эти прутья не выдернешь. Больше ни на что времени нет. Чтоб он в аду горел, папаша ее со своей решеткой! Руки уже начали затекать. Он услышал сирену полицейского автомобиля, въезжавшего на участок. Обернулся. Прибыла одна из машин группы «Дельта» — огромный бронированный зверюга-внедорожник. С пассажирского сиденья выпрыгнул человек в зеленом камуфляже, открыл багажник и достал рацию. В рации Харри зашуршало.

— Эй! — заорал Харри.

Человек изумленно посмотрел наверх.

— Я тут, шеф!

Гуннар Хаген вышел из машины, а в это время, сияя спецсигналами, подъехал еще патрульный экипаж.

— Ну что? Штурмуем? — крикнул Хаген.

— Нет! — ответил Харри. — Просто ждите! Я должен подумать.

Харри прижался лбом к холодным прутьям. Руки нещадно ломило, и он уперся в стену коленями, чтобы максимально перенести вес тела на ноги. У нагревающейся петли должен быть выключатель. Очевидно, на ручке. Можно выдавить стекло, просунуть в комнату длинную жердь, и

тогда… если повезет… Но как нажмешь на кнопку, чтобы вся эта хреновина не пошевелилась и… Харри отогнал мысль о тонком слое кожи, прикрывающем сонную артерию. Он чувствовал подступающую панику — вот-вот она возьмет над ним верх.

Войти через дверь? Не открывая? Нужна пила.

— Возьмите пилу у соседей, — прорычал он вниз.

Харри услышал, как кто-то бежит. И еще какой-то звук из спальни. Он посмотрел внутрь и похолодел: вся правая часть снеговика обрушилась вниз. Он таял. Ракель вытянулась в струну, пытаясь удержать равновесие, избежать соприкосновения с раскаленной петлей в форме слезы.

— Хаген! — заорал Харри и услышал в собственном голосе истерические нотки. — В патрульном автомобиле есть трос. Кинь мне и подгони внедорожник!

Харри услышал взволнованные голоса, звук мощного двигателя и открывающегося багажника.

— Лови!

Харри отпустил одну руку и повернулся, один конец троса уже летел к нему, он взмахнул сво-

бодной рукой и поймал его в темноте. Другой конец тяжело упал на землю.

— Привязывайте к фаркопу!

С непостижимой быстротой он прикрепил свой конец троса к центру решетки с помощью большого карабина и завернул его замок. Крепко.

— Давай! — заорал он.

Ухватившись за край крыши обеими руками, он повис, подтянулся и, уже слыша, как рычит мотор внедорожника, перекатился на крышу. Прижавшись грудью к черепице, прикрыв глаза, он услышал, как клокочет двигатель, как скрипят прутья решетки. Все сильнее и сильнее. Давай же! Харри знал, что на самом деле время идет медленнее, чем ему сейчас кажется. Но все же недостаточно медленно. И вдруг — он уже ждал звука вырывающихся из дерева железных прутьев — он услышал, как обороты двигателя переходят на дикий визг. Черт! Внедорожник беспомощно буксовал в снегу.

Мелькнула мысль: осталось только молиться. Но он знал, что Бог уже все решил, что жребий брошен и этот билет теперь можно купить только на черном рынке. Однако душа Харри была не готова к тому, чтобы жить без Ракели. Мысль улетела в ту же секунду — ее спугнул звук резины,

стирающейся об асфальт, и начавших нарастать оборотов двигателя.

Огромная тяжелая решетка грохнулась на асфальт.

До Харри долетел этот звук, а потом он услышал, как затихает двигатель. Через секунду настала полная тишина. А затем — глухой звон, который означал, что несколько прутьев упало на крышу машины.

Харри вскочил на ноги. Он стоял спиной к двору на самом краю крыши и думал только о том, как медленно все происходит. А потом наклонился, ухватился обеими руками за край крыши и прыгнул. Вытянулся в струнку и маятником полетел к окну. Сгруппировался и выставил вперед ноги. В ту секунду, когда старинное тонкое оконное стекло со звоном брызнуло из-под его каблуков, он отпустил руки. Черт, он же не видит, куда придется приземлиться: вниз на асфальт, на оконную раму с торчащими осколками или на пол в спальне.

Что-то грохнуло, и вокруг все сделалось черно.

Харри парил в пустоте, ничего не чувствовал, ничего не помнил и сам был ничем.

А когда он снова увидел свет, то понял, что хочет вернуться обратно. Боль разлилась по всему телу.

Он лежал на спине в ледяной воде. Наверное, он умер. Харри посмотрел вверх и увидел ангела в кроваво-красном платье и с нимбом, сверкающим в темноте. Постепенно вернулись и звуки. Силы. Дыхание. И тут он увидел перекошенное в панике лицо, разинутый рот, из которого торчал желтый мячик, ноги, изо всех сил сжимающие глыбу снега. Ему захотелось просто закрыть глаза. Но тут снова раздался звук, похожий на тихий стон, — это оседал снег.

Потом Харри не мог даже толком вспомнить, что же, собственно, произошло. Он помнил только отвратительный запах — раскаленная петля впилась в кожу.

В тот самый момент, когда снеговик развалился, Харри поднялся на ноги. Ракель уже почти падала. Харри поднял правую руку, одновременно левой подхватывая ее бедра, чтобы не дать упасть. Он понимал, что уже поздно. Воняло жженым мясом, кровь полилась ему на лицо. Он посмотрел вверх. Правая его ладонь лежала между раскаленной добела петлей и ее шеей. Шея надавливала на ладонь, и петля все глубже входила в мякоть пальцев, как нож в масло. Когда петля пройдет сквозь его пальцы, ей достанется шея Ракели. Боль обрушилась на него, отупля-

ющая, глухая, поначалу неохотно, а затем все настойчивей, как молот на стенные часы. Он изо всех сил старался выпрямиться. Надо освободить правую руку. Ослепнув от крови, Харри подсадил Ракель повыше на плечо и поднял руку. Пальцы нащупали ее кожу, тяжелые волосы, а потом их обожгло раскаленной петлей, но они все равно добрались до ручки. Дотронулись до выключателя. Повернули его вправо. Но тут петля начала стремительно сжиматься. Пальцы нашли другую кнопку и нажали. Звуки снова исчезли, свет померк, и он понял, что сейчас опять потеряет сознание. Дыши! — приказал он себе. Все дело в кислороде. Мозгу нужен кислород. Но колени все равно начали подгибаться. Белая петля стала красной. А потом постепенно почернела.

Позади он услышал, как хрустит стекло под множеством ног.

— Мы ее держим, — сказал кто-то.

Харри опустился на колени прямо в окрашенную кровью воду, в которой плавали комья снега и неиспользованные пластиковые петли. В мозгу то вспыхивало, то потухало, как будто там случилось короткое замыкание.

Сзади него кто-то что-то произнес. Он уловил только обрывок слова, набрал воздуху и про-

стонал:

— Что?

— Она жива, — повторил голос.

Появились звуки. И запахи. И прочие ощущения. Он обернулся. Двое людей в черном усадили Ракель на кровать и срезали с нее пластиковые петли, связывающие руки. И тут Харри вырвало. Он посмотрел, как рвота растекается в воде, и чуть было не залился истерическим смехом: выглядит так, будто он выблевал все, что тут произошло. Он поднял правую руку и посмотрел на кровоточащую рану там, где раньше был средний палец. Сам палец плавал перед ним в воде.

— Олег… — донесся до него голос Ракели.

Харри выловил пластиковую петлю и, как мог крепко, затянул вокруг обрубка и вокруг указательного пальца, который тоже был прожжен до кости, но остался на месте.

Он дошел до кровати, протиснулся между полицейскими, накинул на Ракель одеяло и сел рядом. Она смотрела на него огромными, черными от шока глазами. На шее с обеих сторон кровоточили раны — там, где до кожи дотронулась петля. Здоровой рукой он взял ее ладонь.

— Олег, — повторила она.

— С ним все в порядке, — сказал Харри, она сжа-

ла ему руку, и он ответил тем же. — Он у соседей. Все закончилось.

Она безуспешно пыталась сфокусировать взгляд.

— Обещаешь? — прошептала она едва слышно.

— Обещаю.

— Слава Богу.

Она всхлипнула, уронила голову и разрыдалась.

Харри посмотрел на израненную руку. Интересно, кровь не течет, потому что сосуды перетянуты, или просто у него больше не осталось крови?

— Где Матиас? — тихо спросил он.

Она подняла голову и посмотрела на него:

— Ты же только что обещал…

— Куда он ушел, Ракель?

— Я не знаю.

— Он что-нибудь сказал?

Она обняла его:

— Не уходи, Харри…

— Что он сказал?

По тому, как напряглось ее тело, он понял, что повысил голос.

— Он сказал, что должен покончить с этим, — произнесла она, и на темные глаза снова навернулись слезы. — И что финал будет прославлением

самой жизни.

— Прославлением жизни? Он именно эти слова произнес?

Она кивнула. Харри осторожно освободил руку, встал и подошел к окну. Красивый вечер. Снег прекратился. Он взглянул на освещенный монумент, видимый почти из любого уголка Осло. Трамплин как белая запятая сиял над черным склоном. Или как точка.

Харри опять подошел к кровати, наклонился и поцеловал Ракель в лоб.

— Ты куда? — спросила она.

Он поднял руку, залитую кровью, ответил:

— К врачу.

Харри вышел из комнаты. Чуть не грохнулся с лестницы. Вывалился в холодную белую тьму двора, но тошнота и слабость никак не отступали.

Хаген стоял рядом с внедорожником и говорил по мобильному телефону. Он прервал разговор, кивнул Харри и спросил, куда его подвезти.

Харри сел на заднее сиденье. Он вспоминал, как Ракель благодарила Бога. Она же не знала, что не Бога нужно благодарить. Что покупатель бился за этот товар. И начался процесс оплаты.

— Вниз, в город? — спросил водитель.

Харри покачал головой и показал на вершину склона. Указательный палец одиноко торчал между большим и безымянным.

Глава 36
День двадцать первый. Башня

От дома Ракели до трамплина они доехали за три минуты. Одним махом проскочили тоннель и припарковались между сувенирными лавками на смотровой площадке.

Полоса приземлений под трамплином выглядела как белый замерзший водопад, струящийся между трибунами и обрушивающийся под ними еще метров на сто.

— Откуда ты знаешь, что он здесь? — спросил Хаген.

— Он сам сказал мне об этом, — ответил Харри. — Однажды на катке он сказал, что в тот день, когда дело всей жизни будет окончено и он почувствует себя смертельно больным, он прыгнет отсюда. И смерть его станет прославлением жизни. — Харри показал на освещенный трамплин: подъемную башню и гору разгона, которые тянулись к темному небу. — Он знал, что я это запомню.

— Ненормальный, — прошептал Гуннар Хаген и, прищурясь, посмотрел на окна, темневшие на

верху подъемной башни.

— Можно одолжить у тебя наручники? — спросил Харри, повернувшись к водителю.

— У тебя же есть. — Хаген кивнул на его правую руку, где блестел один из двух браслетов, а второй, полуоткрытый, висел на цепочке.

— Да мне бы две пары, — сказал Харри и взял наручники, которые протянул водитель. — Помоги, пожалуйста, а то у меня тут пары пальцев не хватает.

Хаген, качая головой, пристегнул браслет ко второй руке Харри.

— Не нравится мне, что ты пойдешь один. Пугаешь ты меня.

— Там места мало. К тому же со мной он может и поговорить. — Харри показал револьвер Катрины: — И вот это у меня есть.

— Все равно, Харри, я за тебя боюсь.

Старший инспектор Холе окинул шефа коротким взглядом, повернулся и открыл дверь автомобиля левой, целой рукой.

Полицейский проводил Харри до входа в Музей лыж, через который надо было пройти, чтобы попасть в лифт, ведущий на подъемную башню. С собой они взяли ломик — собирались разбить окно и забраться внутрь, но, когда они подошли

поближе, фонарь высветил осколки стекла, усыпавшие пол рядом с билетными кассами. Изнутри музея доносился далекий звук сигнализации.

— О'кей, теперь мы знаем, что клиент уже прибыл на место. — Харри засунул револьвер сзади за ремень брюк. — Как только приедет вторая патрульная машина, поставь двоих у заднего выхода.

Харри взял фонарь, шагнул в темный холл и оказался среди фотографий и плакатов с норвежскими лыжниками, норвежским флагом, норвежской лыжной мазью, норвежскими королями и кронпринцессами, а также текстами, в которых говорилось, какая норвежцы офигенная нация. И тут Харри вспомнил, почему он всегда терпеть не мог этот музей.

Лифт находился в самой глубине — тесный лифт с закрытыми дверями. Харри посмотрел на двери, почувствовал, как проступает холодный пот. Рядом с лифтом шла пожарная лестница. Харри отправился туда.

Через восемь проемов он пожалел об этом. Слабость и тошнота вернулись, да так, что его опять вырвало. Звук шагов по железной лестнице разносился по всей башне, а наручники, свисавшие с его запястий, выстукивали металлическую

мелодию о поручни. Обычно в таких ситуациях в кровь выбрасывается адреналин, приводящий тело в боевую готовность, но, видно, Харри был слишком измотан и обессилен. А может, просто знал, что все кончено. Торг завершен, результат объявлен.

Харри двинулся дальше. Ставил ноги одну за другой на ступени, не решаясь остановиться. Матиас, конечно, уже давно услышал, что он поднимается.

Лестница вела прямиком в застекленную будку наверху. Харри выключил фонарь и, как только его голова поднялась над краем, почувствовал дуновение холодного воздуха. Снегопад прекратился, окрестности освещал бледный лунный свет. Площадка размером примерно четыре на четыре метра была обнесена стеклом и стальными перилами, за которые, вероятно, держались туристы и, покрикивая от ужаса, наслаждались видом на Осло и окрестности или представляли себе, каково это — приземлиться на лыжах там, внизу. Или упасть с башни, пролететь вертикально по направлению к домам и застрять в ветвях далеких деревьев.

Харри поднялся наверх, повернулся к силуэту человека, смутно различимому в отсвете огней

города как раз напротив лестницы. Человек сидел за перилами на краю большого открытого окна, через которое и веяло холодом.

— Красиво, правда? — легко, почти весело спросил Матиас.

— Если ты про вид, то да.

— Я не про вид, Харри.

Одна нога Матиаса свисала из окна. Харри стоял возле лестницы.

— Кто ее убил, ты или снеговик, Харри?

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что ты. Ты же у нас умный парень. Я все рассчитал. Ужасные ощущения, да? В таких случаях, разумеется, нелегко сконцентрироваться на красоте. Я имею в виду, если человек убил того, кого любил больше всех.

— Ну, — сказал Харри и сделал шаг вперед, — ты-то об этом не слишком много знаешь, разве не так?

— Я-то? — Матиас повернулся. — Первую женщину, которую я убил, я любил больше всего на свете.

— Тогда зачем ты это сделал? — спросил Харри, положил правую руку на револьвер за ремнем и тут же почувствовал страшную боль.

— Потому что моя мать была лживой шлю-

хой, — сказал Матиас.

Харри приспособил руку и достал револьвер.

— Давай спускайся сюда, Матиас. И руки подними.

Матиас с любопытством взглянул на Харри:

— Слушай, Харри, а ты знаешь, что существует двадцать процентов вероятности, что твоя мать была не лучше моей? Двадцать процентов, что ты ублюдок. Что скажешь?

— Ты меня слышал, Матиас.

— Я облегчу тебе задачу, Харри. Во-первых, я отказываюсь повиноваться. Во-вторых, ты же не видишь мои руки. А может, я тоже вооружен? Так что стреляй. Стреляй, Харри.

— Спускайся.

— Олег — ублюдок, Харри. А Ракель была потаскухой. Ты должен бы поблагодарить меня, что я сделал так, чтобы ты ее убил.

Харри переложил пистолет в левую руку. Свободные браслеты наручников стукнулись друг о друга.

— Подумай, Харри. Если ты меня арестуешь, меня положат в клинику, в психиатрическое отделение, а через несколько лет я буду на свободе. Пристрели меня.

— Ты умрешь, — сказал Харри и подошел бли-

же. — Ты все равно умираешь от склеродермии.

Матиас хлопнул рукой по раме:

— Откуда знаешь? Проверил мои анализы крови?

— Я спросил у Идара, а потом разузнал, что такое склеродермия. Человеку с таким диагнозом легче выбрать какую-нибудь другую смерть. Например, эффектную, которая достойно увенчает так называемый «труд всей твоей жизни».

— Я слышу в твоем голосе презрение, Харри, но когда-нибудь ты тоже поймешь.

— Пойму что?

— Что мы с тобой одного поля ягоды, Харри. Мы боремся против болезни. Но болезнь, против которой боремся и я, и ты, не поддается окончательному уничтожению, в ней все победы временны. Борьба — вот наше предназначение. Моя закончится здесь. Пристрели меня, Харри.

Харри посмотрел Матиасу в глаза. Повернул револьвер рукоятью вперед и протянул Матиасу:

— Давай сам, мать твою!

Матиас поднял бровь. Харри увидел: он медлит, подозревая подвох. Однако вскоре на лице Матиаса появилась улыбка.

— Как хочешь. — Матиас протянул руку и взял оружие. Взвесил его — черное, блестящее. — Это

большая ошибка с твоей стороны, дорогой друг, — сказал он и направил револьвер на Харри. — Ты станешь жирной точкой, Харри. Гарантией, что мой труд запомнится людям.

Харри посмотрел на черное дуло. Курок уже поднял свою маленькую уродливую головку. Время замедлилось, поплыло вокруг. Матиас прицелился. И Харри прицелился — и взмахнул правой рукой. Наручник издал в воздухе тихий свистящий звук и коснулся руки Матиаса. Сухой щелчок — и, мягко клацнув, браслет оказался на его запястье.

— Ракель выжила, — сказал Харри. — Ты просчитался, твою мать!

Харри увидел, как глаза Матиаса расширились, а потом сузились, остановились на револьвере, который не издал ни звука, на металле, обхватившем запястье и приковавшем его к Харри.

— Ты… Ты вынул патроны! — заикаясь, выговорил Матиас.

Харри покачал головой:

— Катрина Братт никогда не заряжала свою пушку.

Матиас поднял взгляд на Харри и попятился.

— Пошли, — произнес он. И прыгнул.

Харри сорвало с места, он потерял равновесие.

Попытался ухватиться за что-нибудь, но Матиас был слишком тяжелый, а Харри после сегодняшних приключений потерял много крови и сил. Харри рычал, но его уже тащило через стальную раму и всасывало в окно и дальше, в бездну. И перед тем, как махнуть свободной левой рукой, он увидел себя сидящим в полном одиночестве на кресле в грязной комнатенке в Кабрини-Грин в Чикаго. Харри услышал звон металла о металл и полетел в ночь. Сделка была заключена.

Гуннар Хаген не сводил глаз с трамплина, но хлопья снега, который зарядил снова, здорово ему мешали.

— Харри! — повторил он в микрофон рации. — Ты слышишь?

Он отпустил кнопку микрофона, но ответа не последовало, только интенсивное шипение из ниоткуда.

На площадку возле башни уже подъехали четыре патрульных автомобиля. Выскочившие оттуда полицейские пришли в страшное волнение, когда несколько секунд спустя сверху до них донеслись крики.

— Они упали! — вскрикнул сержант, стоявший рядом с Хагеном. — Клянусь, я видел, как из стеклянной будки наверху выпали два человека.

Гуннар Хаген в отчаянии опустил голову. Он не смог бы объяснить почему, но при всей абсурдности ситуации ему почудилась в ней странная логика: именно так и должно было закончиться дело. Финал придавал ему некое космическое равновесие.

Чушь! Чушь собачья!

Хаген за пургой не мог разглядеть приближающихся полицейских машин, зато слышал, как выли вдовами их сирены, и понимал, что эти звуки привлекут стервятников: репортеров, любопытствующих, жаждущее крови начальство. Все примчатся, чтобы откусить от трупа кусок пожирнее!

— Они должны быть внизу! — крикнул Хаген. — Вы на крышах домов смотрели? Отбой.

Хаген ждал, а сам все думал, как объяснит свою самодеятельность и то, что отпустил Харри одного. А как объяснить, что, будучи старшим по званию, руководителем для Харри он никогда не был? И в этом тоже есть своя логика, и ему наплевать, понимают они ее или нет.

— Что здесь произошло?

Хаген повернулся. Это был Магнус Скарре.

— Харри упал, — ответил Хаген и кивнул в сторону башни. — Они заняты поисками тела.

— Тела? Тела Харри? Ну это вряд ли.

Вряд ли?

Хаген повернулся к Скарре, который внимательно разглядывал башню.

— Я думал, вы успели понять, что это за фрукт, Хаген.

Хаген, несмотря ни на что, позавидовал уверенности молодого коллеги.

Рация заговорила снова:

— Их тут нет!

Скарре повернулся к Хагену, они посмотрели друг другу в глаза, и Скарре пожал плечами, будто говоря: «Ну? Что я говорил?»

— Эй! — крикнул Хаген водителю внедорожника, показав на «гирлянду» на крыше машины. — Зажги-ка, направь на самый верх. И дайте мне кто-нибудь бинокль.

Через несколько секунд ночь прорезал луч света.

— Видно что-нибудь? — спросил Скарре.

— Снег, — ответил Хаген, прижав бинокль к глазам. — Ниже, ниже свети! Стоп! Подождите… Святый боже!

— Что там?

— Вот черт!

В это самое мгновение снежный вихрь сместил-

ся, как будто открылся гигантский театральный занавес. Хаген услышал возгласы полицейских. Там, наверху, болтались два человека, напоминавшие те фигурки, что свисали с зеркала заднего вида на одной ниточке: та, что висела ниже, триумфальным жестом высоко подняла руку, у другой руки были растянуты в стороны, словно ее распяли. Вид у них был совершенно безжизненный: с поникшими головами они покачивались на ветру.

Хаген разглядел в бинокль наручники, которые приковали левую руку Харри к чему-то находившемуся внутри будки.

— Вот черт!! — повторил Хаген.

Кажется, это был Томас Хелле — тот молодой парень из группы розыска пропавших. Он сидел на корточках возле Харри Холе, когда тот пришел в сознание. Четверо полицейских втащили их с Матиасом обратно в будку. В последующие годы Хелле много раз описывал удивительную реакцию очнувшегося Харри:

— Глазищи ненормальные, а сам все спрашивает, жив ли Лунн-Хельгесен! Ну прямо как будто он боялся, что Снеговик отбросил копыта, как будто ничего ужаснее не могло произойти. Когда я сказал, что жив, что его уже везут на «скорой» вниз,

в город, он только рявкнул, чтобы мы забрали у Лунн-Хельгесена шнурки и ремень и следили, как бы он не покончил с собой. У мужика чуть бывшую бабу не пришили, а он об убийце как о родном заботится. Вы слыхали о чем-нибудь подобном?

Глава 37
День двадцать второй. Папа

Юнас приоткрыл глаза: ему почудилось, что он слышит звон своей «музыки ветра». Нет, тихо. Мальчик снова задремал. Несколько минут спустя он вновь открыл глаза, уловив какие-то неясные звуки. В его комнате кто-то был. Отец. Он сидел на краю кровати и приглушенно всхлипывал.

Юнас сел на постели. Положил ладошку отцу на плечо и почувствовал, как оно вздрагивает. Удивительно, он как-то раньше не замечал, какие у отца худые плечи.

— Они… они ее нашли, — захлебываясь, сказал отец. — Маму…

— Знаю, — ответил Юнас. — Я видел во сне.

Отец изумленно уставился на него. В лунном свете, пробивавшемся из-за штор, Юнас разглядел на его щеках слезы.

— Теперь нас только двое, папа, — проговорил мальчик.

Отец открыл рот. Один раз, второй. Но не произнес ни звука, а протянул руки, обнял Юнаса и

прижал к себе. Прижал сильно. Юнас положил голову отцу на плечо и почувствовал, как горячие слезы капают ему на макушку.

— Знаешь что, Юнас? — прошептал отец сквозь рыдания. — Я так рад, что ты у меня есть. Ты мое самое большое сокровище. Мой мальчик. Слышишь? Ты мой мальчик. И всегда им будешь. Как думаешь, мы справимся?

— Конечно, папа, — прошептал Юнас ему в ответ. — Мы справимся. Ты и я.

Глава 38
Декабрь 2004 года. Лебеди

Зима была в разгаре, а за больничным окном под стальным небом лежала голая коричневая земля. На шоссе клацали по сухому асфальту шипованные покрышки, а через пешеходный мост спешили прохожие, спрятав лица за поднятыми воротниками пальто. Зато тут, под крышей, люди чувствовали себя ближе друг другу, в палате на столе горела свеча, отмечая первое воскресенье Рождественского поста.

Харри остановился в дверях. Столе Эуне откинулся на спинку кровати и, судя по всему, только что сказал что-то забавное начальнику криминалистического отдела Беате Лённ. Она расхохоталась. На руках у нее сидела розовощекая малышка и, открыв рот, круглыми глазами смотрела на Харри.

— Друг мой! — пробасил Столе, заметив инспектора.

Харри вошел, поклонился, обнял Беату и протянул руку Эуне.

— Выглядишь лучше, чем в прошлый раз, —

сказал Харри.

— Ты сам сказал, что меня выпишут к Рождеству, — ответил Эуне и повернул ладонь Харри, рассматривая поближе. — Что за чертова лапа? Что случилось?

Харри дал ему возможность рассмотреть свою правую руку.

— Средний палец спасти не удалось, а вот безымянный пришили, теперь нервные окончания растут со скоростью миллиметр в месяц и пытаются срастись. Врачи сказали, что с параличом в этом месте мне придется смириться.

— Высокая цена.

— Нет, — ответил Харри. — Это был бартер.

Эуне кивнул.

— Есть новости о суде? — спросила Беата и встала, чтобы положить дочку обратно в коляску.

— Нет, — ответил Харри, любуясь ее аккуратными движениями.

— Защита пытается добиться, чтобы Лунн-Хельгесена безоговорочно признали душевнобольным, — сказал Эуне. Он предпочитал давно вышедшее из употребления в официальных протоколах слово «душевнобольной», которое считал не просто деликатным, но и поэтичным. — И преуспеет, разумеется. Иначе я сочту экспертов

защиты еще худшими психологами, чем я сам.

— Да, но, несмотря ни на что, пожизненное ему обеспечено. — Беата, кивая, принялась разглаживать детское одеяльце.

— Жаль только, что пожизненное на самом деле не пожизненное, — пробурчал Эуне и протянул руку за стаканом, стоявшим на тумбочке. — Чем старше я становлюсь, тем больше склоняюсь к мнению, что зло — это зло, независимо от диагноза злодея. Все мы в той или иной степени предрасположены к преступлению, и предрасположенность эта с нас вины не снимает. Мы ведь, силы небесные, все до единого больны и страдаем нарушениями личности. И именно наши поступки определяют, насколько мы больны. Вот говорят: «равноправие», но ведь это бессмыслица, потому что все мы разные. Мы не равны друг другу. Когда на корабле начиналась эпидемия чумы, всех, кто кашлял, немедленно бросали за борт. Потому что справедливость — палка о двух концах, как в философском, так и в правовом смысле. Все, что у нас есть, — более или менее удачная история болезни, друзья мои.

— Причем, — закончил его размышления Харри, — в данном случае пожизненная.

— Что?

— Неудачная история болезни.

В палате воцарилась тишина.

— Я говорил, что мне предложили протез на палец? — спросил Харри, помахивая в воздухе правой рукой. — Но мне и так нравится. Четыре пальца. Как у мультяшки.

— А что ты сделал с пальцем?

— Да вот, решил было передать его в дар Институту анатомии, но они почему-то отказались. Видно, придется его засушить и положить на рабочий стол. У Хагена же лежит японский мизинец. Думаю, мой средний как раз подойдет в качестве сувенира от Холе.

Все рассмеялись.

— А как дела у Олега и Ракели? — спросила Беата.

— До удивления хорошо, — ответил Харри. — Они молодцы.

— А Катрина Братт?

— Лучше. Я навещал ее на прошлой неделе. Возвращается на работу в феврале. Поедет обратно в отдел нравов в Берген.

— Правда? А она не начнет в ярости палить по людям?

— Нет. Все не так, как мне представлялось. Она вообще ездила на задержание с пустым револьве-

ром. Вот почему она так решительно нажимала на спусковой крючок, что я слышал щелчок курка. Я должен был догадаться.

— Почему?

— Потому что, когда переходишь из одного полицейского управления в другое, сдаешь свой револьвер, а там получаешь новый и две коробки патронов. А в столе у Катрины я нашел как раз две коробки, нераскрытые.

Немного помолчали.

— Здорово, что она выздоровела, — сказала Беата.

— Да, — согласился Харри, а сам подумал, что и вправду, кажется, все наладилось.

Когда он заехал к Катрине, находившейся в квартире у матери в Бергене, она только что приняла душ после долгого кросса по холмам Саннвиксфьеллет. Мать угощала их чаем, а Катрина сидела с еще мокрыми волосами, румяная, и рассказывала, как дело отца стало для нее наваждением. Она попросила прощения за то, что втянула в это дело и его, хотя в ее взгляде Харри не разглядел ни тени сожаления.

— Мой психиатр говорит, что на сегодняшний день я, можно считать, здорова, — добавила она, пожимая плечами. — Это дело преследовало меня

с самого детства, но теперь наконец я сделала все, что могла, во всем разобралась и могу жить дальше.

— Перекладывать бумажки в отделе нравов?

— Начну там, а дальше посмотрим. Бывает, что и премьер-министры возвращаются на свои посты. — И ее взгляд скользнул в окно, на фьорд. Возможно, туда, где лежит Финнёй.

Выходя от Катрины, Харри был уверен, что боль не покинула ее душу и останется с ней навсегда.

Он посмотрел на свои ладони. Эуне прав: если бы каждый рожденный на земле был чудесным совершенством, жизнь, по сути, стала бы глобальным разрушением самой себя.

В дверь постучала медсестра:

— Укольчики, Эуне!

— Сестра, давайте пропустим разок?

— Нельзя.

Столе Эуне вздохнул:

— Сестра, что хуже: убить человека, который хочет жить, или не давать умереть тому, кто хочет умереть?

Беата, медсестра и Столе рассмеялись, и никто из них не заметил, что Харри не издал ни звука.

Харри спустился с крутых холмов, на которых раскинулся больничный комплекс, и снова

поднялся к озеру Согнсванн. Людей там было немного, только вечная группа воскресных гуляющих, скорым шагом обходивших озеро вокруг. Ракель ждала его у шлагбаума.

Они обнялись и молча пошли по тропинке. Воздух был острый от мороза, а солнце неярко светило с блекло-голубого неба. Сухие листья, хрустя, ломались под каблуками.

— Я ходил во сне, — признался Харри.

— Да ты что?

— Да. Один раз точно.

— Ну знаешь, не так-то легко все время лежать и не шевелиться.

— Нет-нет, — замотал он головой, — в буквальном смысле. Ночью встал и пошел по квартире. Бог знает зачем.

— И когда ты это обнаружил?

— Когда вернулся из больницы. Той же ночью. Стою на кухне, смотрю на чьи-то мокрые следы на полу. А потом глядь — я сам голый, в одних шлепках, а в руке — молоток.

Ракель, улыбаясь, посмотрела вниз. Подстроилась к его шагу:

— Я тоже ходила во сне. Когда забеременела.

— Эуне сказал мне, что взрослые ходят во сне, когда у них стресс.

Они остановились у берега. Полюбовались на пару лебедей, которые бесшумно и без единого движения скользили мимо них по серой воде.

— Я с самого начала знала, кто отец Олега, — сказала она. — Но когда его любовница из Осло сообщила ему, что беременна, я не знала, что у нас с ним будет ребенок.

Харри вдохнул полные легкие холодного воздуха. Почувствовал, как он покалывает в носу, как пахнет ветром. Он закрыл глаза и стал слушать дальше.

— А когда я поняла, что беременна, он уже сделал свой выбор и отправился из Москвы в Осло. У меня тоже был выбор: найти в Москве ребенку отца, который будет любить его и заботиться о нем, пока будет считать, что это его родной сын. Или оставить ребенка без отца. Это было ужасно. Ты знаешь, как я отношусь ко лжи. Если бы мне рассказали, что я — из всех людей на свете именно я — решу прожить остаток жизни во лжи, я бы не поверила и разъярилась. Но когда ты молод, многие вещи кажутся проще, чем они есть на самом деле. Если бы речь шла только обо мне, я бы с легкостью приняла решение. Но тут речь шла о многих и о многом. Не только о том, что я сломаю жизнь Федору и его семье, но и о том,

сколько зла и горя я принесу тому, кто уехал из Москвы в Осло. А самое главное — я должна была позаботиться об Олеге.

— Я понимаю, — кивнул Харри.

— Нет, — ответила Ракель. — Ты не понимаешь, почему я раньше тебе об этом не рассказала. Потому что тебя это совершенно не касалось. И если ты думаешь, что я хотела казаться лучше, чем есть на самом деле…

— Я так не считаю, — остановил ее Харри. — Я не считаю, что ты лучше, чем ты есть на самом деле.

Она склонила голову ему на плечо.

— Думаешь, правду говорят про лебедей? — спросила она. — Что они верны друг другу, пока смерть не разлучит их?

— Я думаю, они верны своим обещаниям, — ответил Харри.

— Какие же обещания могут дать лебеди?

— Никакие, как мне кажется.

— Так ты о себе, да? Честно говоря, ты мне больше нравился, когда сыпал обещаниями и не держал слова.

— Хочешь, чтобы я пообещал тебе что-нибудь?

Ракель покачала головой. Они пошли дальше, и она взяла его под руку.

— Я бы хотела, чтобы мы могли все начать сначала, — вздохнула она. — Сделать вид, что ничего не было.

— Я знаю.

— А еще ты знаешь, что ничего из этого не выйдет.

Она попыталась произнести это как утверждение, но в ее голосе и словах все равно притаился маленький знак вопроса.

— Я хочу уехать, — сказал он.

— Вот как? Куда же?

— Не знаю. Не ищи меня. Особенно в Северной Африке.

— В Северной Африке?

— Это реплика Марти Фельдмана из фильма «Красавчик Жест». Он хочет спрятаться, но так, чтобы его нашли.

— Понимаю.

Над ними в сторону желто-зеленой размытой опушки леса проплыла тень. Они посмотрели наверх: это был один из лебедей.

— Ну и как там, в этом фильме, — спросила Ракель, — нашли они друг друга?

— Разумеется.

— Когда вернешься?

— Никогда, — ответил Харри. — Я никогда не

вернусь.

В холодном подвале одного из домов района Тёйен стояли два взволнованных представителя местного самоуправления и смотрели на человека в комбинезоне с толстенными очками на носу. Человек говорил, а из его рта вырывался пар, как облачко меловой пыли.

— С домовым грибком всегда так: его не видно, но он есть.

Он сделал паузу, откинул средним пальцем косую прядь, упавшую на лоб, и повторил:

— Но он есть!